

УДК 63.1.233390 - 4

М62

Т. М. МИНАЕВА

Д

К ИСТОРИИ АЛАН ВЕРХНЕГО ПРИКУБАНЬЯ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАНЫМ

СТАВРОПОЛЬ
1971

Ставропольский отдел
Географического общества СССР

Т. М. МИНАЕВА

**К ИСТОРИИ АЛАН
ВЕРХНЕГО ПРИКУБАНЬЯ
ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ
ДАНЫМ**

Ставропольское
книжное издательство
1971

ПРЕДИСЛОВИЕ

В декабре 1960 года директор средней школы аула Сары-Тюз попросил нас объяснить происхождение «пещерок», вырубленных в скале. Он показал несколько любительских снимков, на которых были видны, однако, не «пещерки», а фигуры и головы детей. Директор объяснил, что он со школьниками нередко посещает это место в предгорьях Карачая и всякий раз задумывается, для чего «пещерки». Жить в них неудобно — они малы и низки, загонять скот нельзя — расположены слишком высоко.

На наше предположение, что в них могли хоронить умерших, он возразил, утверждая, что там нет никаких следов погребений.

Весной следующего года об этом же пришлось вести беседу с руководителями средней школы в станице Усть-Джегутинской. Станичные школьники, совершая экскурсии, тоже видели эти «пещерки» и насчитали их несколько сот.

Заинтересовавшись этими сведениями, мы решили осмотреть указанное место и в сопровождении научной сотрудницы Ставропольского краеведческого музея А. Л. Нечитайло и преподавателя школы шахты № 6 С. Д. Мастепанова в мае 1961 г. отправились в верховья балки Шубшурук и осмотрели «пещерки». Они нам показались явным остатком большого наскального могильника. «Пещерки» служили погребальными камерами, первоначально закрывавшимися камнями или глиной.

Тогда же мы обнаружили следы поселения поблизости от могильника и несколько поодаль от поселения, на вершине скалы — остатки башни, именуемой местными жителями «замком Тамары». Так началось наше знакомство и наш интерес к этому виду археологических памятников Прикубанья. В дальнейшем мы обнаружили и в других местах подобные могильники.

Свои первые наблюдения и выводы мы сообщали на

археологической конференции в Минске в 1963 году, затем на Всесоюзной сессии археологов и этнографов в Баку в 1965 г.

Данная работа содержит обзор открытых нами наскальных пещерных могильников. Привлекаются в ней и аналогичные памятники, обнаруженные и исследованные нашими предшественниками.

Автор ставит перед собой скромную задачу: дать по возможности полное и точное описание памятников, определить время и этническую принадлежность их. Автор исходит из того взгляда, что погребальный обряд является одним из важнейших этнических признаков, а потому, анализируя погребальный обряд наскальных могильников, он приходит к убеждению в принадлежности этих памятников аланам. Загнанные в ущелья гор, страдая от земельной тесноты, они вынуждены были для своих могильников использовать не пригодные для хозяйственных нужд отвесы скал. Там же, где позволяла природная обстановка, они совершали захоронения по своему исконному обряду — в катакомбах с дромосом.

Основываясь на этом, автор работы пытается внести поправку в установившийся в археологической литературе последнего десятилетия взгляд о том, что западный вариант аланской культуры генетически связан с адыгским этническим массивом, аланы составляли незначительный процент среди населения верхнего Прикубанья в эпоху раннего средневековья, так как их пребывание здесь зафиксировано только одним могильником Байтал-Чапкан (В. А. Кузнецов, Е. П. Алексеева). В связи с открытием большого количества аланских наскальных могильников, это положение требует пересмотра, в доказательстве чего заключается вторая основная задача нашей работы.

Время появления памятников может быть указано суммарно, в широких границах. Наметить шкалу последовательных ступеней в развитии данных могильников пока не представляется возможным из-за полного разрушения погребений. Едва ли это возможно будет сделать и в будущем. Но в целом эпоха (раннее средневековье) документируется, на наш взгляд, достаточно определенно по отдельным вещам — остаткам погребального инвентаря и по нескольким погребениям, сохранившимся полностью.

В изучаемых могильниках наиболее четко и полно сохранились погребальные сооружения. Они и дают нам

наиболее твердые основания для суждений об их этнической принадлежности. Погребальный ритуал выявляется только по нескольким могильникам. В некоторых случаях о нем можно судить по косвенным данным. Основная же масса погребений полностью разрушена, вследствие этого малочисленность погребального инвентаря составляет слабую сторону нашей работы. Многие вопросы хозяйственной и культурной жизни не могут быть освещены за отсутствием вещевого материала.

Первые две главы: «Обзор полевых археологических исследований в верхнем Прикубанье» и «Виды погребальных сооружений в эпоху раннего средневековья» рассматриваются нами как вводные к основному материалу — наскальным аланским могильникам.

Уделяя основное внимание в данной работе наскальным могильникам, мы попутно рассказываем об аланских катакомбных погребениях, исследованных на Ставрополье в последние годы. Они восполняют круг аланских памятников верхнего Прикубанья и выводят нас за пределы раннего средневековья, в первые века нашей эры. Эти ранние катакомбные погребения ставят перед исследователями вопрос о времени появления алан в верхнем Прикубанье. В связи с опубликованием указанного материала, нам пришлось коснуться и этого вопроса.

Выводы и обобщения мы основываем на археологических данных, но привлекаем и исторические источники, касающиеся соответствующих проблем. Мы надеемся, что, если не наши выводы и суждения, то материалы, опубликованные в данной работе, окажутся полезными для исследования истории алан Северного Кавказа.

ОБЗОР ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ВЕРХНЕМ ПРИКУБАНЬЕ

Интерес к Кавказу пробудился в глубокой древности. Греки еще в догомеровскую эпоху создали окутанные ореолом чудесного мифы о Прометее и об Аргонавтах. Древние греческие поэты связали эти легенды с Кавказом. Такие же сказочные легенды о Кавказе имелись и у древнейших азиатских народов.

Более достоверные сведения сохранились в древних сказаниях от времени продвижения в Малую Азию киммерийцев и скифов. С обоснованием на берегах Черного моря греческих колоний знания народов о Кавказе расширяются и углубляются.

В эпоху средневековья Кавказ как южный, так и северный довольно широко освещается географическими и историческими источниками. Сведения о Кавказе этого времени мы получаем от армянских и византийских историков, от арабских географов и историков. С XIII в. европейские путешественники с разведочными целями начинают проникать на Восток.

Европейские путешественники XIII и XIV вв., по утверждению М. А. Полиевктова, проникали на Восток двумя путями: или Севернее Кавказа, по степям Восточной Европы, или южнее его, через Малую Азию.¹ Поэтому среднюю часть Кавказа, в том числе интересующую нас территорию — верхнее Прикубанье, непосредственно они наблюдать не могли. Сведения о населении Северного Кавказа они получали иногда из вторых рук.

С утверждением на берегах Черного моря и в Крыму генуэзских и венецианских колоний появляются труды государственных деятелей и ученых (Г. Интериано, Иосафат Барбаро), в которых имеются сведения главным образом о западной части Северного Кавказа. Глубокие горные ущелья Кубани и в их описаниях освещаются слабо.

Во второй половине XVIII столетия по поручению русского правительства организовываются экспедиции с целью изучения Кавказа. Экспедиции возглавлялись действительными членами Российской Академии Наук Гмелиным, Гильденштедтом, Палласом. Перед экспедициями ставились широкие задачи: ознакомление с природой, составом населения и памятниками древности Кавказа. Ученые труды с изложением результатов этих экспедиций до сих пор являются ценнейшим источником для всех изучающих Кавказ. Однако материалы по бассейну верхней Кубани в них скудны. С. Г. Гмелин в центральной и западной части северного Кавказа не был, и в описании своего путешествия он этой территории не касается.²

И. А. Гильденштедт из Астрахани, в которую он прибыл в декабре 1769 г., направился на Кизляр и затем в Осетию, Малую Кабарду, вновь в Осетию, из Осетии в Грузию. Из Грузии он возвратился обратно в Осетию и в Кизляр. Потом совершил объезд Большой Кабарды и проехал в Пятигорье. Отсюда направился по р. Куме для обследования развалин города Маджара и далее на Черкасск.³ Во второй части описания своего путешествия, озаглавленной им «Поездка из Моздока в Черкасск через степи», он указывает географические данные о Кубани, которую он сам лично не смог обследовать. Автор начинает описание с пояснения названия реки с кабардинского наречия — Psidsche — «старая река». Далее он перечисляет притоки Кубани сверху вниз. На Джегуте (Dshegata), на правом ее берегу, он указывает каменную женскую статую гигантской величины, называемую Альтеркатч (Alterkatsch). Возможно, что здесь мы имеем свидетельство о наличии крупной половецкой каменной бабы, каковые в изобилии встречались в северокавказских степях, проникая довольно глубоко в предгорья.⁴ Среди половецких каменных баб Ставрополя имеются действительно статуи большого размера. Одна из них в настоящее время хранится в Ставропольском краевом музее, другая — в Тифлисском музее. Быть может, эта последняя с берегов Джегуты и переселилась впоследствии в Тифлисский музей. Упоминаются автором реки Учкул (Учкулан?), Теберда, Марух, Лаба и другие. Указывает он, что на Кубани живут карачаи. Этим исчерпываются сведения о верхней Кубани у Гильденштедта.

Паллас из Москвы через Царицын проехал в Астрахань степью, по всей вероятности, так называемым Маджарским трактом, на Кавказ. По дороге осмотрел развалины Мад-

жара и направился в Георгиевск, из Георгиевска к Пятигорью и вновь возвратился в Георгиевск. Из Георгиевска вдоль Кавказской военной линии на Черкасск, откуда последовал в Крым. Как видим маршрут его прошел севернее верхней Кубани.⁵

Ценным источником по кавказоведению являются труды Рейнеггса. Я. Рейнеггс работал в Грузии при царях Ираклии II и Соломоне I, потом у князя Потемкина при грузинском дворе. В 1783 г. он был из Грузии отозван Потемкиным; после этого он работал врачом в Астраханской губернии, инспектором врачебной школы и пр.⁷ По делам русской миссии он несколько раз проезжал Кавказ. В труде, посвященном подробному географическому описанию всего Кавказа,⁸ говорится о том, что когда-то большая часть населения Кубани была обращена русскими в христианство. В настоящее время от него не осталось никаких следов, кроме развалин монастыря на реке Инджик (Зеленчук) да двух церквей, построенных из камня, между Кубанью и Лабой. «Татары» восточную из них называют *Choma*, западную — *Semitae*. Далее он сообщает, что ему удалось получить «от татар» две книги из этих церквей, причем одна из них была на славянском языке.⁸ В первом названии легко узнается Шоана — как впоследствии называлась церковь на Кубани близ Хумаринского укрепления. Во втором, скорее всего, следует понимать Сентинский храм на Теберде. Это было первое упоминание известнейших историко-археологических памятников верхней Кубани.

В данном сообщении ошибочным является утверждение, что когда-то население Кубани было обращено в христианство русскими, и сомнительно то, что одна из книг из указанных церквей оказалась на славянском языке. Весьма возможно, что сообщения Рейнеггса сделаны ради лести русскому правительству, которому автор служил. Наши сомнения подкрепляются характеристикой личности автора. «Пользуясь этим источником, пишет М. А. Полиевктов, всегда надо учитывать не только неисправности его издания, но и личные свойства его автора — авантюристичность Рейнеггса, его склонность к недомолвкам, его стремление выдвинуть при всяком случае самого себя на первый план, его обычный прием не указывать источники сообщаемых им сведений».⁹

В 1798 г. путешествие на Кавказ совершил почетный член Российской Академии Наук Ж. Потоцкий. Его труд с большими дополнениями издан после его смерти Клап-

ротом в 1829 г.⁶ Путь Потоцкого по Северному Кавказу проходил от Астрахани через калмыцкие степи на Кизляр, Моздок, Георгиевск, Екатеринодар, Тамань. По пути совершались поездки в сторону — из Кизляра в Дагестан, в Малую Кабарду. Из Георгиевска по Куме для осмотра развалин Маджара. Если предыдущие исследователи делали упор на характеристику природных условий Кавказа, то Потоцкий делает упор на историю, этнографию, археологию. Много внимания уделяет он описанию различных народностей Кавказа, указываются районы расселения отдельных племен, в том числе сообщаются полученные им сведения о том, что в ущельях Прикубанья сохранилась еще небольшая (1000 чел.) группа алан. Проверить эти сведения ему не удалось, так как территория верхнего Прикубанья лежала вне зоны его обследований.

Итак мы видим, что вплоть до начала XIX столетия в верхнем Прикубанье никаких археологических обследований не производилось. В описаниях путешествий встречаются лишь беглые, иногда малоопределенные упоминания о племенах и народах, населявших северо-западную часть Кавказа.

Археологические обследования верхнего Прикубанья начались в XIX столетии с описаний и исследований древних христианских храмов за Кубанью. Храмы располагались в пустынной, дикой еще местности. Воздвигнутые на обособленно торчащих вершинах, обрезанных глубокими ущельями у подошв, окруженные гребнями лесистых гор, хорошо сохранившиеся и значительные по размерам и архитектуре, они невольно привлекали взор путешественника и останавливали на себе его внимание. Христианские храмы в местности, где ни одного христианина давно уже не жило, возбуждали мысль исследователя.

Первое подробное описание древнехристианских храмов в верховьях р. Большой Зеленчук сделано было в 1802 году майором Потемкиным, который был командирован начальником Кавказской линии к анапскому паше по делам военно-политического характера. Потемкин сделал описание и карту областей, расположенных за Кубанью. На Б. Зеленчуке он осмотрел три христианских храма греческой архитектуры, сделал некоторые рисунки с них. Вблизи одной из церквей он видел кладбище и каменный крест с греческой надписью и указанием года его постановки (6521 от сотворения мира — 1013 г. н. э.). Рисунок этого креста и надписи на нем также были сделаны вперые Потемкиным.

Материалы Потемкина впоследствии оказались в руках академика Буткова. Он передал их Кеппену — издателю журнала «Библиографические листы», который опубликовал их в своем журнале в 1825 г.¹⁰

Краткие сведения, вернее, упоминания о церквях на реках Шоана и Б. Зеленчук, дает известный ориенталист Российской Академии Наук Клапрот, путешествовавший по Кавказу в 1807—1808 гг. Описание его путешествия появилось в печати в 1814 г. на немецком языке, а в 1823 г. — на французском.¹¹ Можно предполагать, что лично он не видел этих храмов, а писал о них со слов других. Через несколько лет Клапрот снова возвращается к вопросу о Закубанских храмах в небольшой статье по поводу появления в печати описаний Зеленчукских, Хумаринского и Сентинского храмов. В этой статье он первый приписывает эти памятники определенной народности — аланам, которых он отождествляет с осетинами наших дней, и подтверждает свои положения некоторыми историческими данными.¹²

Летом 1829 года долину Кубани на небольшом ее отрезке от Хумары до так называемого Каменного моста посетил Купфер, член Российской Академии Наук. Он выехал из Петербурга 19 июня 1829 года в Ставрополь, где должен был встретить генерала Эммашуэля, начальника Кавказской области, по-видимому, инициатора данного путешествия. Из Ставрополя Купфер направился в Пятигорье, оттуда к истокам Малки и к Эльбрусу. От Эльбруса по течению маленькой речки «Камара» (Хумара? — Т. М.) достиг долины Кубани. Обследовав долину вверх до Каменного моста, он с Кубани переехал на Куму и вдоль военной линии прибыл в Кисловодск, оттуда на Горячеводск вдоль Подкумка. Из Горячеводска через Ставрополь, Таганрог и Николаев возвратился в Петербург 19 сентября 1829 г.

В описании экспедиции Купфер, как и его предшественники, уделяет много внимания физико-географическим условиям обследованной местности,¹³ но в первой главе дает историческое повествование. Здесь нас интересуют археологические памятники долины Кубани. Прибыв вдоль реки «Кумара» в долину Кубани, экспедиция раскинула лагерь на том же правом берегу реки, так как перейти многоводную Кубань было трудно. Против лагеря, на противоположном берегу, на отвесной скале, возвышались руины христианской церкви. По причине опасности перехода наблюдали руины издали через увеличительные стекла. Церковь с тремя абсидами, увенчанная куполом. На не-

котором расстоянии от этой церкви, по слухам, имелась другая. Гробницы, разбросанные в долине реки, свидетельствовали о том, что долина когда-то была обитаема. Часто встречались то лежащие, то вертикально стоящие камни, на которых заметны были рисунки крестов. Другие камни, казавшиеся более поздними, имели арабские надписи. Не доходя до Каменного моста, на равнине было обнаружено погайское кладбище и развалины аула. Один из казаков, сопровождавших исследователя, нашел в этом месте саблю, она оказалась очень старой и имела надпись — «Генуя».¹⁴ По-видимому, эта находка дала некоторым из последующих путешественников повод приписывать известное Хумаринское городище генуэзцам.

Первая специальная экспедиция для изучения Хумаринского (на Кубани) и Сентинского (на Теберде) храмов была совершена осенью 1829 г. архитектором Бернардацци, устраивавшем по поручению русского правительства Кавказские Минеральные Воды.

Вот что он пишет о храме в балке Шоана, на левой стороне Кубани, километрах в 4—5 севернее впадения в нее реки Теберды: * «Своею архитектурою и расположением церковь эта особенно поразила взоры мои, устремившиеся на священный предмет сей с жадным любопытством; я удивлен был конструкцией здания, по всем правилам искусства расположенного, его прочностью и крепостью. Своды и купол выведены из тесаного камня, арки и стены — из превосходного кирпича. Скала, на коей построена церковь, состоит из порфира; камни, употребленные в здание, из рода тех, которые у итальянцев называют «mollega». К несчастью, мне не удалось открыть в церкви древних надписей или скульптурных изображений и тому подобных украшений. Заметные следы внешнего повреждения и два пролома в стенах должны быть приписаны не разрушительной силе времени, а варварству людей».¹⁵

На спуске горы Чуна (Шоана) Бернардацци были замечены подземные гробницы, в которых, по его мнению, должны были заключаться останки христиан.

Осмотрев Хумаринский храм, Бернардацци в сопровождении двух проводников из горских князей и конвоя из значительного числа конных и пеших казаков направился на обследование Сентинского храма, на левой стороне реки Теберды, в 35—40 км от впадения ее в Кубань.

* Храм этот в литературе носит название Хумаринского от крепости Хумара, расположенной вблизи него, или Шоанинского от балки, возле которой он стоит. Балку иногда называют Чуна, Чона, Циона.

Этот храм поразил его множеством изображений и надписей над ними, сохранившихся на внутренних стенах храма. «Сия живопись, подверженная действию воздуха в продолжение многих веков, еще довольно хорошо сохранила живость своих красок. В алтаре над тремя окнами видно большое изображение Божией Матери, а над оным Тайная вечеря».¹⁶ Пол церкви почти весь был изломан и изрыт черкесами, искавшими здесь кладов. Подле церкви им отмечено два могильных склепа, на некотором расстоянии от них — фундаменты двух небольших домов. На покатоности горы было разбросано много могильных холмов, на половину уже разрушенных.

«Я был рад, что достиг своей цели, тем более что по уверению князей я первый из европейцев посетил означенную церковь и долину».

Возвратясь в Хумару, Бернардацци предполагал пробраться в глубь ущелья Кубани, «посетить карачаев», где, как он слышал, имеется много других церквей и остатков древних зданий, но погода не благоприятствовала исследователю. В Хумаринской долине влево от дороги, в восьми верстах от крепости, на вершине горы он видел развалины башни, а между развалинами несколько гробниц, «изсеченных в самой скале». Это доказывало, по его мнению, что страна некогда была населена разными народами различных вероисповеданий.

Прибыв 22 октября в крепость Жигути (Джегута? — Т. М.), Бернардацци намеревался посетить Малый Зеленчук, «чтобы осмотреть развалины одного древнего строения, именуемого Акбилек».¹⁷ Но выпавший снег заставил его отложить эту поездку и возвратиться в Горячеводск. Здесь мы имеем первое в литературе упоминание о городище на балке Адюх, которую ногайцы именовали Акбилек. Возможно, что под «древним строением» подразумевались остатки христианской церкви, упоминавшейся позже на Малом Зеленчуке и в настоящее время исследованной на городище Адюх, о чем будет сказано ниже.

Результаты своих обследований с планами храмов и копиями с надписей Бернардацци изложил в докладной записке на французском языке на имя генерала Эммануэля — начальника Кавказской области, командировавшего архитектора на эту работу. Бернардацци признал эти храмы византийскими и отнес их ко времени Юстиниана Великого. Копия с этого рапорта хранилась в рукописях № 47 академика П. Г. Буткова. В 1830 г. материал того же, в общем, содержания был опубликован в журнале Ми-

нистерства Внутренних Дел, ч. III, кн. IV под заглавием «Христианские древности за Кубанью (Отрывок из партикулярного письма)».

Генерал-лейтенант Эммануэль, представляя материалы Бернардацци министру внутренних дел графу Закревскому, высказывал при этом мысль о том, что следовало бы Хумаринскую церковь восстановить, устроить при ней монастырь и «странноприимный двор» с тем, чтобы содействовать обращению в православие горских народов и в первую очередь карачаевцев и абазинцев. Предложение это обсуждалось в высших правительственных сферах до июля 1833 г., когда начальнику Кавказской области было доложено, что военный министр считает невозможным теперь восстановить древние церкви и что с этим согласен государь (Госархив Ставропольского края, ф. 79; оп. 1, ед. хр. 1308).

Однако мысль Эммануэля была осуществлена, хотя и значительно позже. В 1889 г. на р. Большой Зеленчук, на месте византийских храмов, был основан православный мужской монастырь. Спустя несколько лет была восстановлена и Хумаринская церковь, и здесь был основан мужской монастырь.

Начиная с этого времени, вплоть до первых десятилетий XX века, Хумаринский, Сентинский и Зеленчукский храмы являлись предметом целого ряда исследований, опубликованных на русском и западно-европейских языках. Писали о них лица, специально исследовавшие эти памятники (Владимиров, Дьячков-Тарасов, Фелицын), писали путешественники, изучавшие Северный Кавказ (Фиркович, братья Нарышкины, Дюбуа, Купфер), писали о них те, кто лично не видел этих памятников, а пользовался уже известными тогда литературными источниками (Хицунов), писали духовные лица (Владимир — епископ Ставропольский и Екатеринодарский),¹⁸ писали, наконец, туристы (Попов). Едва ли будет преувеличением, если сказать, что все, кто касался в печати вопроса о древних памятниках западной части Северного Кавказа, сжато или подробно говорили прежде всего об указанных храмах.

Из Министерства Внутренних Дел к Кавказскому гражданскому губернатору от 9 октября 1837 г. поступило требование доставить сведения о древних зданиях и других памятниках древности, рисунки, описания, предания «кон на их счет сохранились». В ответ на это требование из канцелярии Кавказского гражданского губернатора на имя министра внутренних дел 13 октября 1839 г. последовал

ответ с описанием здания, стоящего за Кубанью, неподалеку от впадения в нее р. Малый Зеленчук, носившего название Белой мечети. План и описание здания были представлены командиром Хоперского казачьего полка через Ставропольского окружного начальника. В описании говорится, что против Беломечетской станицы, на левой стороне Кубани, на возвышенном месте находится здание, называемое Белая мечеть. С какого времени оно там существует и кем выстроено, неизвестно, и преданий у жителей о нем не сохранилось. Мечеть эта более похожа на башню. Выстроена она из тесаного камня, в плане четырехугольная. Стены высотой в 14 аршин. Внутри здания заметны деревянные перекладки, которые по древности обрушились. В каждой стене небольшие бойницы. На одном углу высечен на камне крест. Судя по приложенному рисунку, это скорее четырехлепестковая розетка в круге. На двух других углах высечено «вроде иероглифов». Рисунок представляет кайму из ломаных линий и мелких кружочков. Вокруг башни — древний окоп, «а далее в прямую линию от башни один окоп в 40 сажен, а другой в 160 сажен».¹⁹ Судя по приведенному описанию, можно сомневаться, что здание соответствовало своему названию. Скорее всего это была крепость, как предполагает и автор описания. Анонимный автор «Очерка горских народов правого крыла Кавказской линии» определенно называет ее башней. «Против станицы Беломечетской,— пишет он,— сохранилась довольно хорошо древняя башня с трехъярусной обороной и навесными стрельницами. Башня окружена двойным валом». Данный памятник является самым северным среди ранних упоминаний археологических памятников верхнего Прикубанья.

В некоторых случаях сведения об археологических памятниках получались от лиц, изучавших область со стратегической точки зрения. Такой пример можно видеть на топографической карте неизвестного автора, случайно найденной Г. Н. Прозрителевым у торговца старыми вещами среди всякого бумажного хлама. «Не подлежит сомнению,— пишет Г. Н. Прозрителев,— что карта составлена с военными целями топографами, бывшими в распоряжении отдельного Кавказского корпуса действовавших войск».²⁰ Карта представляет ущелье горных рек Кяфара и Бежгона, при слиянии которых стояло укрепление Надежинское. С 50-х годов XIX столетия здесь на картах обозначалась станица Сторожевая. Карта была составлена, по мнению Г. Н. Прозрителева, не позже 40-х годов.

На карте у аула Сидова указаны развалины древнего каменного поселка с церковью и христианским кладбищем, на р. Бежгоне — статуи двух «рыцарей», на р. Кяфаре — статуи «рыцарей» с изображением крестов, два укрепленных лагеря, камень с арабской надписью, крест с греческой надписью. Все эти предметы автор воспроизвел на обороте карты, старательно скопировав уцелевшие на статуях, крестах и других камнях надписи.

По всей вероятности, о памятниках, изображенных на карте, найденной Г. Н. Прозрителевым, пишет анонимный автор военного сборника, опубликованного в 1860 г. Со слов очевидца — офицера русской армии — сообщает он сведения «о нескольких более замечательных» памятниках верхнего Прикубанья. На р. Кяфаре у аула Сидова он упоминает развалины большой колонии, окруженной каменной стеной; вне стены — древнее кладбище «с памятниками кубической формы». «Вообще, в верховьях малодоступного для нас Кяфара находится множество различных статуй и фигур, высеченных на камне, и есть также большое здание, стены которого, по словам туземцев, исписаны надписями и разрисованы изображениями рыцарей, зверей, птиц и рыб». Упоминает он и о четырех статуях рыцарей, известных нам уже по топографической карте, указанной выше: в вершинах Большого Зеленчука — церковь и каменные строения; на Малом Зеленчуке, между аулами Абитова и Трамова, — развалины древней христианской церкви и кладбище; против станицы Беломечетской — древняя башня с трехъярусной обороной и навесными стрельницами (упоминалось выше).²¹

Первая русская газета на Кавказе, вышедшая в 1846 г. в Тифлисе под названием «Кавказ», уделяла много места статьям по изучению истории края. Во втором полугодии 1847 г. в ней появилась небольшая работа Хицунова с общим обзором древних памятников христианства на северной стороне Кавказа.²² В ней коротко упомянуты Зеленчукские храмы по материалам Потемкина и подробно говорится о Сенгинском храме со слов Бернардацци.

В 1848 г. Авр. Фиркович во втором путешествии в Кавказский край (первое он совершил в 1840 г.) наблюдал целый ряд разнообразных археологических памятников в интересующем нас районе. На основе изучения карты Кавказа Фиркович заключил, «что в Кавказском и Закавказском краях, со стороны к Черному морю, для торговых сношений с Востоком могли существовать преимущественно перед прочими два пути: на север по течению Кубани

и Терека с их южными протоками, а на юг по Риону, Куре и Араксу. Здесь и на Восточном берегу Черного моря решил я искать следы древней жизни». Первый пункт на р. Кубани, о котором он упоминает, это Усть-Джегутинское укрепление. Между Усть-Джегутинским укреплением и Ямановским постом, в окрестностях аула князя Магомет Гирея Лоова, по его просьбе, Мухаммед-Эфенди списал 13 арабских надписей. В верховьях реки Джегуты, на плоскости высокой скалы, он отмечает башню в два этажа, высотой 20 аршин, называемую ногайцами Джегута-Кестане. Башня, видимо, была сожжена. С южной стороны ее — развалины домиков. Отправившись от Джегутинской башни, в двух верстах от Тархачинского поста, Фиркович нашел огромную каменную плиту длиной семь с четвертью аршин; на поверхности ее «находилось рельефное изображение женщины, над головою которой что-то вроде креста. Памятник этот называется ногайцами «Эльтаркач»... Это, несомненно, было то же изваяние, о котором писал в свое время Гильденштедт (см. выше), но только теперь оно лежало на поверхности и даже «вросло в землю», тогда как во время Гильденштедта оно еще стояло. Данное сведение подтверждает правдивость сообщений как Гильденштедта, так и Фирковича.

Двигаясь вверх по Кубани, Фиркович указывает: на левой стороне реки, в месте, называемом Байтал-Чапкан, древнее кладбище с памятниками, недалеко от кладбища — остатки разрушенных жилищ. Подробно останавливается он на описании Хумаринского городища в урочище Хумара, севернее Хумаринского храма, которое он считает остатком поселения некрасовцев. В окрестностях Хумары он нашел множество плит с изображением креста и греческими надписями, каменный крест тоже с греческой надписью и заключил, что плиты и кресты здесь были размещены для того, чтобы указывать путь богомольцам в церковь.

Осмотрел он и храм на горе Ционе (Шиона), так называемый Хумаринский храм, и Септинский храм на Теберде и дал краткое их описание.

Дальше вверх по Кубани Фиркович не двигался, хотя и имел сведения об остатках «древней крепости или храма с надписями», где-то «недалеко от аула Карт-Джурт», т. е. у самых истоков Кубани. Недостаток времени и отсутствие проводника помешали ему проверить эти сведения.

10 лет спустя после своего путешествия по Кавказу в 1858 г. Фиркович опубликовал его результаты.²³

В 1849 г. в верховьях Кубани побывал Г. Токарев.²⁴ Он упоминает памятники, известные из описаний его предшественников — Бернардацци, Потемкина. О результатах своей поездки Токарев сообщил академику Броссе, который напечатал письмо Токарева в Азиатском сборнике²⁵ и повторил его содержание в историко-филологическом Бюллетене Академии Наук.²⁶ В Бюллетене для нас наиболее интересным является сообщение Броссе о том, что он имеет оригинальные рисунки Бернардацци о Сентинском храме и рисунки каменного креста с надписью греческим шрифтом, но не на греческом языке, найденного тем же путешественником на левой стороне Кубани против казачьего поста Утчкур. Это, несомненно, на ныне известном городище близ аула Кубани.

В 1867 году путешествие на Кавказ предприняли братья Нарышкины. В их отчете упоминаются археологические памятники по р. Кубани у станицы Баталпашинской. Со слов казака, авторы говорят о каком-то строении, похожем на храм, открытом в 20 верстах от станицы, по направлению к ст. Невинномысской. На Кубани, около места Байтал-Чапкан, в нескольких верстах от аула Лоова (ныне аул Кубина) авторы видели много обросших землей тесаных камней, на некоторых из них сохранились полустертые изображения оленей, а на одном был высечен крест. «Кроме того, все это пространство, на расстоянии 1— $\frac{1}{2}$ версты усеяно остатками сложенных из этого же естественного камня стен, ясно выказывающих признаки прежнего жительства».

При впадении речки Каракент в Кубань Нарышкины видели развалины поселения. «От впадения речки Кубыши в Кубань до самого подножия близлежащих гор вся плоскость покрыта следами многочисленных зданий всякого вида, между которыми ясно виднеются и линии улиц, и обросшие зеленью фундаменты капитальных стен довольно больших зданий. Вероятно, на этом месте было значительное поселение или город». Тут же находились разбросанные в разных местах каменные кресты. Эта местность называлась Каракент. Из местности Каракент путешественники направились к небольшой речке Шони (Шиона) и здесь осмотрели древнюю христианскую церковь и сделали раскопки в месте, где должен был находиться престол.

Далее Нарышкины проследовали на Теберду, где осмотрели Сентинский храм, а также могильные склепы внизу горы, на которой стоит храм. Все склепы оказались ограбленными.

На обратном пути Нарышкины проехали мимо каменно-угольных копей на Теберде. Заведующий копиями сообщил им, что у самых верховьев Теберды, на 25 верст выше Сентинской церкви, есть еще церковь, но так как известие это Нарышкины получили уже по возвращении из Теберды, то вновь туда не могли отправиться, чтобы осмотреть ее. По словам рассказывавшего, «мало осталось в живых из тех, кому эта церковь известна». Это показание Нарышкиных интересно тем, как мне лично говорил один из жителей города Карачаевска — большой знаток ущелий Теберды и Кубани, — что у самых верховьев Теберды, в лесу, лежат развалины большого города. Быть может, там и стояла когда-то христианская церковь.

На горе, в 4-х верстах от Каракента, ими была осмотрена старинная крепость. То было, конечно, Хумаринское укрепление. С Кубани они проехали на Б. Зеленчук, где осмотрели древние Зеленчукские храмы и тоже произвели небольшие раскопки внутри одного из них, но, «кроме кусочков стекла и небольшого жернового камня от ручной мельницы, ничего не оказалось».

Публикация об этом путешествии так же, как и о предыдущем, появилась 10 лет спустя.²⁷ Описание Закубанских храмов сопровождается иллюстрациями. По характеру архитектуры авторы датируют церкви X или XII вв. н. э. и считают их византийскими.

Дальнейшие обследования верхнего Прикубанья тесно связаны с деятельностью Московского Археологического Общества, организованного в 1864 году. На первом заседании Общества его основатель А. С. Уваров наметил три основные задачи зарождавшегося общества: 1. В занятиях по археологии вообще и преимущественно по изучению русских древностей; 2. В возбуждении сочувствия среди общей массы народонаселения к остаткам русской старины; 3. В устройстве периодических археологических съездов с целью обратить внимание правительства на необходимость археологических исследований в России, вызвать более тесное общение между учеными и возбудить интерес к русской археологии в различных районах России.²⁸ На основе этих положений и сложилась в дальнейшем деятельность Общества.

Московское Археологическое Общество большое внимание уделило исследованию и изучению Кавказа как южной, так и северной его частей. Начало систематическому изучению древностей Кавказа было положено в 1879 г., с разворота подготовительных работ к V Археологическому

съезду в Тифлисе. Уже в этих работах наметились три направления, по которым проводилось изучение Кавказа: 1) учеными экспедициями, посылаемыми на Кавказ; 2) привлечением местной интеллигенции и вообще местных жителей к собиранию и описанию древностей и 3) обработка и издание собираемого материала.²⁹

Пятый Археологический съезд в Тифлисе в 1881 г. внес, как известно, большое оживление в археологические изыскания на Кавказе. К этому времени Кавказ, в частности, Северный, был широко известен ученому миру открытием кобанских погребений, казбекского клада, а потому в его работах приняли участие не только крупнейшие русские ученые, но и ученые зарубежных стран. До съезда проводились большие раскопки во многих районах Северного Кавказа — в Дагестане, в Осетии, на Кубани. В 1879 г. В. Л. Беренштам раскопал ряд курганов близ станиц Старомышастовской, Некрасовской, близ аулов Ульского, Темиргоевского.³⁰ Археологические изыскания пятого съезда не коснулись непосредственно верховьев Кубани. Ни одного «полевого» обследования в этом районе не было произведено для съезда. О памятниках верхнего Прикубанья коротко упоминалось лишь в работе И. Помяловского, подготовленной для съезда, — «Сборник греческих и латинских надписей на С. Кавказе», изданный в 1881 г. В указанной работе описываются надписи Сентинского храма и несколько надписей на памятниках и крестах древнего могильника в урочище Байтал-Чапкан, на левой стороне Кубани.

Со второй половины семидесятых годов прошлого столетия систематические и упорные обследования археологических памятников Прикубанья ведет член Московского Археологического Общества Е. Д. Фелицын. Несколько экспедиций, в том числе на Лабу и Зеленчук, он совершает по поручению Московского Археологического Общества. Территория верхнего Прикубанья входила в основную область его исследований. Уделяя большое внимание древнехристианским храмам за Кубанью, Е. Д. Фелицын столь же тщательно фиксировал и все другие археологические памятники, встречавшиеся ему на пути. Он обстоятельно описывал дольмены северо-западного Кавказа, каменные гробницы, укрепления и городища, каменные башни, местонахождения каменных и бронзовых орудий, местонахождения каменных баб и других изваяний, курганы и многие другие памятники. Труды этого глубоко преданного науке исследователя не потеряли своего значения и в наши дни.

Результатом исследований Е. Д. Фелицына явилась археологическая карта Кубанской области, составленная им в 1882 г. На ней в верхнем Прикубанье обозначены следующие памятники. Вдоль Кубани, начиная от станицы Баталпашинской (ныне гор. Черкесск), на карте значатся в окрестностях Баталпашинска к северу и югу группы курганов; севернее поселка Джаганасского — группа курганов; выше по реке, у Усть-Джегутинского аула — также группы курганов; вблизи Лоово-Кубанского — земляной или каменный вал; по речке Джегута, у поселка Джегутинского, — также курганы и «местонахождения орудий бронзового века»; вдоль Кубани, вплоть до селения Георгиевского (ныне Коста Хетагурова) и несколько ниже — курганные группы, выше по течению реки их уже не обозначено. У Верхне-Николаевского поселка на карте обозначены древние христианские могильные кресты. Они же указаны у Хумары и Георгиевского поселения. Севернее Хумары — укрепления и городища; к востоку от нее — башня; у самого поселения Хумары «погребальные пещеры». Начиная от поселения Каменномоетского, знаки на карте редки, видимо, осведомленность о самом верховье Кубани была тогда еще довольно слабой. В горах по правую сторону Кубани, в половине расстояния от Каменномоетского до Эльтюбе, указаны каменные гробницы. Близ Эльтюбе и Карт-Джюрта по обе стороны реки — каменные гробницы и одна каменная статуя. По речке Уллукам, близ селения Хурзук, — каменная башня и местонахождение орудий бронзового века.

По реке Теберде, близ аула Сенты, указаны только каменные гробницы и древний христианский храм.

На р. Аксаут, начиная с нижнего ее течения и по р. Малый Зеленчук, почти на всем его протяжении, указаны курганные группы. В верховьях Аксаута — каменная башня и близ с. Хасаута Греческого — мусульманские надмогильные памятники.

Знаки на карте сгущаются в верховьях р. Большой Зеленчук и его притоков — р. Кяфар и р. Бежгон. Здесь, возле станиц Зеленчукской и Сторожевой, обозначены развалины древних колоний, каменные статуи, древние христианские храмы, каменные гробницы, погребальные пещеры, укрепления и городища, курганы и магометанские надмогильные здания. Курганы и городища встречаются по обеим сторонам Большого Зеленчука, вплоть до ст. Невинномысской, т. е. до впадения Зеленчука в Кубань. На р. Уруп, близ станицы Преградной, имеются каменные ста-

ту, курганы, христианские надмогильные кресты, земляные валы и мусульманские надмогильные здания.³¹ К сожалению, смерть помешала автору опубликовать подробные описания и пояснения к карте.

Археологическая карта Е. Д. Фелицына показывает, что к началу восьмидесятых годов прошлого столетия сведения о древних памятниках Прикубанья охватывали не только все течения Кубани до ее истоков, но и течения левых ее притоков — Теберды, Большого и Малого Зеленчуков, Урупа. Наибольшая осведомленность и научные интересы исследователя сосредоточивались, по-видимому, главным образом на горных ущельях в верховьях названных рек.

В 1885 г. крупнейший исследователь природы Кавказа Н. Я. Динник опубликовал обстоятельное описание Шоаннинского (Хумаринского — Т. М.) храма. Интересно его сообщение о том, что «осетины из аула, расположенного у подошвы горы Шоаны, собираются по временам сюда для совершения своих, чисто языческих обрядов; они около церкви режут быка, совершают жертвоприношения, молятся богу, едят и пьют».³²

В 1859 г., как известно, была утверждена Археологическая Комиссия. Ей предоставлялось исключительное право производства и разрешения раскопок; реставрация монументальных памятников должна была производиться с ее согласия и с согласия Академии Художеств; особо ценные древности должны были направляться в Археологическую Комиссию и представляться на усмотрение государя. От 9 мая 1889 г. в «Сборнике узаконений и распоряжений правительства» по «Высочайшему повелению, предложенному сенату», все эти пункты были утверждены и опубликованы. Эти постановления показались стеснительными другим научным обществам и научным учреждениям, заинтересованным в археологических изысканиях, и они шлют в Министерство Народного Просвещения отношения, в которых указывают свои научные заслуги и предъявляют требования права самостоятельных археологических исследований. Мы не считаем необходимым излагать подробно эту «тяжбу», отсылая читателя к Архиву Археологической Комиссии.³³ Для нас на основании данных документов важно отметить, что во второй половине XIX столетия археологические исследования в России приобрели довольно широкий размах, что отразилось и на положении дел на Северном Кавказе.

Летом 1888 г. проводил обследование в Кубанской области действительный член Московского Археологического

Общества В. М. Струков; он посетил ущелье Б. Зеленчука. В верховьях этого ущелья, значительно южнее знаменитых Зеленчукских храмов, им было осмотрено древнее кладбище на правой стороне Зеленчука и найдены четыре надмогильные плиты. Одна из них имела надпись. Надпись эту по копии Струкова опубликовал впоследствии В. Ф. Миллер.³⁴ Посетил ли Струков другие ущелья верховьев Кубани, нам неизвестно, так как сведения о его поездке мы даем только на основании показаний В. Ф. Миллера.

Постепенно археологические памятники изучаемого района начинают привлекать внимание и местных работников. В 1892 г. в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» появилась заметка учителя аульной школы Хурумова под заглавием: «Древние гробницы на реке Индыш».³⁵ В заметке дается описание «старинных гробниц», находящихся по течению реки Индыш (правого притока Кубани), «верстах в пятнадцать от впадения ее в Кубань». К описанию приложены два рисунка гробниц. Это погребальные памятники позднего времени, в большом количестве встречающиеся по всему верховью Кубани и ее притоков.

В XIV выпуске сборника материалов по описанию местностей и племен Кавказа, в работе Тепцова В., озаглавленной «По истокам Кубани и Терека», упоминается башня близ аула Хурзук и указывается, что около нее находятся различные медные, серебряные и золотые вещи: кольца, монеты, пряжки, остатки мечей и шлемов, что вещи эти переделываются мастерами на различные «азиатские украшения».

По поручению Московского Археологического Общества поездки в верховья рек Б. Зеленчука, Теберды и Кубани были совершены в разное время тремя лицами: Г. И. Куликовским, Е. Д. Фелицыным и В. М. Сысоевым. К сожалению, печатных материалов от первых двух исследователей не осталось. О Г. И. Куликовском имеются свидетельства В. Ф. Миллера,³⁶ из которых вытекает, что Куликовский летом 1892 г. совершил поездку с археологической целью в Кубанскую и Терскую области и, в частности, посетил ущелье Б. Зеленчука. В верховьях этого ущелья он обследовал урочище «Старое жилище» и правую сторону реки против «Старого жилища», где им была осмотрена плита с «аланской надписью». Мы предполагаем, что эти сведения В. Ф. Миллер почерпнул из отчета Куликовского, составленного последним для Московского Археологического Общества.

В. М. Сысоев, посетивший впервые интересующий нас район в 1895 г., впоследствии много раз бывавший в нем, оставил ряд крупных работ с материалами по его обследованию. Работы эти и до сих пор являются основными археологическими материалами для изучения верховьев Кубани и ее притоков.

В первую свою поездку В. М. Сысоев посетил Зеленчукское ущелье, реки Теберду и Кубань. В Зеленчукском ущелье он обстоятельно ознакомился с древнехристианскими храмами и древними могильниками в их окрестностях. На реке Теберде осмотрел Сентинский храм и гробницы близ него. На р. Кубани им были произведены раскопки около Георгиевского (Осетинского) поселка в могильнике близ Хумаринского храма и в одной версте южнее поселка, по левой стороне Кубани. В отчетной работе об этой поездке, изданной в 1898 г.,³⁷ В. М. Сысоев сделал подробное описание как храмов, так и своих раскопок и в заключительной IV главе дал обзор археологического материала. К его описанию приложены чертежи Г. И. Куликовского и фото Е. Д. Фелицына.

В 1895 г. в «Кубанских областных ведомостях» № 113 появилась заметка инженера Индышского завода Житенева, в которой упоминалось о Дуарбатском кургане вблизи Индышского завода, о могилах возле него, о камнях с надписями, о песчаниковых статуях в рост человека и др. Хотя показания этой заметки и не совсем оправдались впоследствии, но заслуга их в том, что они вызвали вторую поездку В. М. Сысоева в верховья Кубани.

Поездка эта была совершена в июне и июле 1896 года по поручению Московского Археологического Общества. На этот раз В. М. Сысоева сопровождал преподаватель Екатеринодарской мужской гимназии А. М. Дьячков-Тарасов, впоследствии также много работавший по обследованию верховьев Кубани и ее притоков. В этом году обследование было начато от Хумаринского укрепления. Были произведены раскопки могил, расположенных под горою Шоана, на левом берегу реки Кубани, ниже древней церкви. Произведены были раскопки в 2-х верстах к югу от Хумары, затем по р. Теберде, верстах в 2-х выше впадения ее в Кубань. Небольшие раскопки были сделаны на правом берегу реки Кубани, недалеко от Георгиевского поселка, около так называемой Шубертовой балки. От Хумары Сысоев направился по долине Кубани к ее истокам. На склонах горы Клян-Кала им были осмотрены древние гробницы (более 30), одна из которых была раскопана.

На обратном пути им было обследовано течение реки Индыша, правого притока Кубани. По течению Индыша найдено в нескольких местах много надземных гробниц, похожих на дольмены. В верховьях этой речки, на плоскогорье, под названием Индыш-Баши, в самом центре его, были осмотрены «скудные остатки древнехристианской часовни или церкви».

Кроме описанных памятников, в тех же горах он обнаружил рисунки на скалах и каменные статуи. Результаты своего обследования верховьев Кубани в 1896 г. В. М. Сысоев опубликовал в 1904 г. в «Материалах по археологии Кавказа, вып. 9».

В 1898 г. В. М. Сысоев, совместно с экскурсией учеников Екатеринодарской гимназии, под руководством Дьячкова-Тарасова вновь посетил верховья рек Теберды и Кубани. Экскурсия учащихся от Хумаринского укрепления перешла на Теберду и задержалась при осмотре Сентинского храма. Дьячков-Тарасов занялся изучением храма, который он описал затем в 2-х местах: кратко в общем отчете об экскурсии, напечатанном в «Сборнике материалов для описания племен и местностей Кавказа», выпуск 28, и в отдельной брошюре «Сентинский храм и его фрески», изданной Кубанским обл. статист. комитетом в 1899 г. Эта последняя интересна тем, что в ней автор дает не только подробное описание храма, его внешнего и внутреннего вида, сопровождаемое таблицами фототипий и зарисовок, но и определяет время возникновения храма и пытается наметить пути, по которым распространялось христианство на Северном Кавказе. К статье от редакции прибавлена «дополнительная заметка», где дается весьма ценный и полный очерк истории исследования древнехристианских храмов на реках Кубани, Теберде и Зеленчуке и делаются веские опровержения некоторых положений Дьячкова-Тарасова относительно происхождения христианства на Северном Кавказе.

В то время как Дьячков-Тарасов изучал Сентинский храм, В. М. Сысоев исследовал могильники в ближайших окрестностях храма. Им было раскопано несколько каменных гробниц, сооруженных на поверхности, оказавшихся ограбленными. Кости скелетов лежали в беспорядке, а из вещей встретились лишь обломки медных предметов.

От Сентинского храма экскурсия учащихся двинулась выше по Теберде к Клухорскому перевалу, а В. М. Сысоев перенес свои исследования на верховья Кубани. Он обследовал три гробницы на высоком мысу в 3-х верстах от впа-

дения реки Индыш в Кубань. Все они также оказались ограбленными.

Годом позже, в 1899 г., Археологическая Комиссия поручила художнику И. А. Владимирову описать Сентинский храм, что он и выполнил с большим вниманием и тщательностью. И. А. Владимиров вместе с тем произвел небольшие раскопки могильника в окрестностях храма. Все погребения оказались расхищенными раньше. При костяках, более или менее потревоженных, попадались бронзовые браслеты, каменные бусы, обломки стеклянных браслетов, бронзовые пряжки, огнива и куски кремня.

Под обрывами горы, на которой находится храм, на южном и восточном склонах ее, Владимировым были замечены многочисленные погребальные сооружения, расположенные рядами по склонам горы. Крыши гробниц, расположенных внизу, служили проходами для усыпальниц верхнего ряда. Тип гробниц однородный.

Кроме того, по ущелью, где находится храм, в отвесной скале были обнаружены пещеры, приспособленные для жилья и погребения. Они располагались полукругом и почти все имели сообщения между собой по наружному уступу скалы. Наибольшая пещера имела до 7—10 м высоты и тянулась на 10 слишком метров в глубь скалистого материка. Иногда пещеры устроены были в несколько этажей. При очистке одной из пещер от мусора были найдены обломок стеклянного браслета и каменная бусина.³⁸

В это же свое посещение И. Владимиров обстоятельно познакомился с развалинами другого древнехристианского храма, находящегося в нескольких километрах к югу от Сентинского храма. Развалины располагались близ впадения в Теберду ее левого притока Амгаты на верхней площадке очень обрывистого скалистого отрога горного хребта.³⁹ Тропа, ведущая к развалинам, шла по южному склону хребта; с северной стороны доступ к ним был невозможен. С юга видны были скалы с целыми рядами природных и искусственных пещер. На вершине горы находилось «небольшое природное возвышение, состоящее из продолговатой каменной площадки с отвесными, совершенно гладкими стенами». На этой площадке находились развалины древнего храма. На вершине горы также были видны груды камней и холмы щебня с неправильно торчащими плитками. Это, видимо, были остатки поселения.

В 1901 г. старший член Археологической Комиссии проф. Н. П. Веселовский, продолжая свои многолетние исследования в Кубанской области, произвел раскопки у

станции Джегутинской Баталпашинского отдела. На равнине по правую сторону Кубани, севернее ст. Джегутинской, раскинулась группа высоких курганов. Самый высокий из них (16 м) давно был известен Комиссии из сообщения художника Д. М. Струкова, ознакомившегося с курганом, по всей вероятности, в поездку к верховьям Б. Зеленчука в 1888 г. У местных жителей курган носил название Сангарау, теперь — «Глухой курган». Этот курган и наметил для раскопки проф. Веселовский. Раскопал он его «глухую траншеей в 3 яруса». По сбивчивому, крайне нечеткому описанию раскопок, опубликованному в «Отчете Археологической Комиссии за 1901 г.», трудно судить о характере погребений, открытых в этом кургане. На основе отдельных замечаний, совпадающих с данными других курганов, раскопанных в 1963—1965 гг. на той же равнине, можно предполагать, что погребения относились к эпохе бронзы.

Поблизости от этого кургана был раскопан другой, меньший. В нем оказалось несколько погребений с окрашенными и согнутыми костяками без всяких вещей. «В виду этого обстоятельства, курган остался неоконченным».⁴⁰

Группа крупных курганов, кольцом окружающая насыпь, прорезанную Н. И. Веселовским «глухой траншеей», до сих пор высится на Джегутинской равнине. Она взята в настоящее время на государственный учет. В будущем исследование их даст возможность проверить результаты раскопок таких же курганов данного района в 1963—1965 гг.

В 1908 г. верховья Кубани и реки Теберды посетила экскурсия преподавателей средних учебных заведений Кавказского учебного округа. Экскурсия, состоявшая из лиц, специально не заинтересованных в археологическом обследовании, все же посетила виднейшие археологические памятники, встречавшиеся на ее пути. Прежде всего, это было посещение Хумаринских высот и ознакомление с известным Хумаринским городищем. Через год впечатления об этом осмотре были опубликованы в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 40. Талицким М. Е.— одним из участников экскурсии — в живо и интересно написанном очерке. Хумаринское городище М. Е. Талицкий вслед за Фелициным, именует Генузским. Он дает отчетливое описание городища и излагает все то, что о нем слышал.

На реке Теберде экскурсия ознакомилась с Сентинским храмом. В притворе храма участниками экскурсии была

найдена золотая монета греческих царей Константина и Василия.

В том же году в июле и августе член Московского Археологического Общества В. Л. Тимофеев произвел раскопки в нескольких пунктах по Б. Зеленчуку. В станице Исправной, около старой крепости, ничего не было найдено. На границе станицы Зеленчукской и аула Хахандуковского был раскопан курган. В нем оказалась могила в виде каменного ящика. У ног сильно истлевшего костяка стоял «глиняный кувшин со сгнившими остатками в середине какого-то зерна». У станицы Зеленчукской, в местности Боготобагде, раскопано несколько погребений, судя по составу инвентаря,— эпохи средневековья. Западнее селения Резаконь было разрыто три кургана, по-видимому, эпохи бронзы.⁴¹

В 1909 г. Г. Н. Прозрителев — заведующий музеем Северного Кавказа в Ставрополе, проехал по долине реки Теберды. На обратном пути от Клухорского перевала, где-то вблизи Куначкира, в горах, им были найдены деревянные «гробы»; «гробы» оказались пустые.⁴² Г. Н. Прозрителев полагает, что это остатки трупосожжения, т. к. «гробы» так малы, что в них нельзя поместить и ребенка, и при этом он почему-то думает, что здесь таким способом были погребены «пришельцы с равнины». Судя по одному экземпляру «гроба», сохранившемуся среди коллекций Ставропольского краевого музея, можно сомневаться в том, что «гробы» эти предназначались для погребений. Они весьма похожи на обыкновенные маленькие корыта для корма молодняка. Их можно встретить в горах в тех местах, где выпасались овцы, телята. Скорее всего «гробы» Прозрителева относятся к числу таких же предметов.

В 1913 г. появилась в печати работа В. М. Сысоева с описанием верховьев Кубани в географическом и историческом отношениях.⁴³

В 6-й главе этой работы, прежде всего, дается описание Сентинского храма и история его реставрации; затем делается подробный обзор всех археологических памятников по течению рек Теберды и Кубани. Автор принимает во внимание не только материал своих личных работ, но и материал других исследователей, отчего очерк его получает достаточную полноту регистрации памятников древности указанного района. Работа ценна не только этим своим качеством. В ней автор, кроме того, впервые систематизирует материал, намечая хронологическую шкалу для рассмотренных им памятников. Древнейшие гробницы

он датирует III веком н. э., христианские храмы и поселения возле них — X веком. Эта работа В. М. Сысоева подвела итоги археологическому обследованию верховьев реки Кубани в дореволюционный период, так как в годы первой империалистической войны никаких исследований здесь не производилось, если не принимать во внимание экскурсию в урочище «Старое жилище» с целью обследования долины Зеленчука с точки зрения устройства мирового курорта.⁴⁴

Авторы вышеуказанных обследований, накапливая фактический материал, освещали его и хронологически.

В обследовании горной части течения Кубани и ее верхних притоков наступил длительный перерыв.

Попытки определить дату сооружения Сентинского храма делались уже первым его исследователем Бернардацци. Много внимания уделил этому вопросу и Дьячков-Тарасов.

Хронологию появления гробниц и могильников вдоль Кубани дал Сысоев, датируя древнейшие из них III в. н. э., позднейшие XIV—XVI вв.

Высказывались по этому вопросу и другие исследователи. По их мнению, что подтверждают и обнаруженные обследованиями материалы, выясняется, что подавляющее большинство памятников относилось к эпохе средневековья.

Вопросу об этнической принадлежности этих памятников исследователями почти не уделялось внимания. Исключением явилось только Хумаринское городище, которое Фиркович приписывал русским (некрасовцам), Фелицын — генуэзцам. Но ни тот ни другой не обосновывали свои положения никакими данными.

Вопроса о населении изучаемого нами района в эпоху средневековья касались два крупных исследователя Северного Кавказа, лично не производившие обследований верхней Кубани, — Клапрот и Миллер.

Первый в небольшой статье о древнехристианских храмах за Кубанью⁴⁵ утверждал, что по верхнему течению Кубани и ее притоков, вплоть до реки Лабы, в средние века жили аланы, которые идентичны современным осетинам. По его словам, это Алания Константина Порфирородного. В подтверждение своего мнения Клапрот указывал, что название Алании и до сих пор дается на грузинских картах области, орошаемой Большим и Малым Зеленчуками и расположенной на Северных склонах Кавказа.

В. Ф. Миллер в III части своего капитального труда («Осетинские этюды») доказывал, что в древности аланы

занимали на Северном Кавказе обширное пространство, доходившее до нижнего течения Дона. В первой половине средних веков, под давлением тюркских племен, аланы были вытеснены в бассейн Верхней Кубани и Терека.

Свое утверждение о том, что верховья Кубани были заселены аланами, Миллер повторяет и в другой работе «Древне-Осетинский памятник из Кубанской области»,⁴⁶ подкрепляя его фактом находки каменной надмогильной плиты в верховьях Б. Зеленчука с надписью на аланском, по его мнению, языке.

Итак, из вышеизложенного вытекает, что в дореволюционный период археологическими обследованиями были охвачены главным образом ущелья крупнейших рек верхнего Прикубанья — Кубани, Теберды и Б. Зеленчука, прославившиеся древними христианскими храмами. Обследованиями было выявлено значительное количество археологических памятников разных категорий: курганы, подземные гробницы, надземные склепы, башни, каменные изваяния, городища, жилые и погребальные пещеры, развалины древних колоний, мусульманские надмогильные здания. Среди этого разнообразия памятников наибольшим вниманием пользовались древнехристианские храмы и другие «остатки древнего христианства» — кресты, надгробные плиты с изображением крестов и греческими надписями. Регистрировались и отдельные «интересные» вещи из древних гробниц — орудия труда, предметы украшений. Не встречается лишь упоминаний о местах древних поселений и о местах производственной деятельности человека. Соответственно уровню развития археологической науки того времени эти памятники не могли еще привлекать внимания и оставались незамеченными исследователями.

В обследованиях не наблюдалось преемственности, планомерности. Выполнялись они по инициативе отдельных научных учреждений, научных обществ и частных лиц. Стимулом к этой работе являлся, главным образом, личный интерес энтузиастов. Производились обследования людьми различных специальностей, различной квалификации. Но нельзя не отметить, что большинство из них посещали ущелья верхнего Прикубанья со специальной задачей их исторического исследования.

При всем том дело изучения археологических памятников постепенно шло вперед. Если в XIX столетии целью являлся учет и описание «достопримечательностей» области, то в начале XX века — изучение археологических памятников с применением раскопок и первые работы по

хронологическому определению обнаруженного материала. Несмотря на отсутствие планомерности в исследованиях, на неразработанность методов полевых исследований в дореволюционный период, все же был накоплен значительный археологический материал, на который можно было опереться советским исследователям и который имеет большой удельный вес в исторических построениях археологов настоящего времени.

* * *

После Великой Октябрьской революции археологическую науку в Советском Союзе стала возглавлять Академия истории материальной культуры, учрежденная ленинским декретом в 1919 г. Археология стала на путь развития марксистско-ленинской методологии. Источники развития общества советские археологи искали в материальных условиях общественной жизни, в производительных силах и производственных отношениях.

При исследовании памятников от археологов требовалось по возможности полнее восстановить картину социально-экономических отношений, культуры и быта древних племен и народов. Отсюда вытекала переоценка значимости памятников и новые методические приемы их исследования. Например, поселения и места производственной деятельности человека приобретают теперь первостепенное значение как источники для изучения различных сторон его жизни. Для полноты исследований требовалось и привлечение исторических, языковых, фольклорных и других источников.

Огромный сдвиг, который произошел в области археологии в советский период, не мог не отразиться и на характере археологических обследований верхнего Прикубанья. Работа эта проводится теперь более планомерно, и задачи ее значительно расширяются. Активно участвуют в экспедициях местные музеи, научно-исследовательские институты, краеведческие общества. Эти учреждения включают в свои штаты специалистов-археологов, которым, как местным работникам, сподручнее вести исследования на близкой им территории. Крепнут связи с населением, в результате чего многие ценные в научном отношении случайные находки попадают в музеи, тогда как в дооктябрьский период они или пропадали, или оказывались в руках коллекционеров, зачастую зарубежных.

В 20-х годах нынешнего столетия к археологическому изучению верховьев Кубани приступил Северо-Кавказский

институт краеведения. Работа его носила характер суммирования того, что было уже сделано в этой области. По закрытии института эту же работу продолжал Горский политехнический институт. Сотрудником кабинета кавказоведения этого института Д. М. Павловым был написан очерк из 2-х частей. В первой — излагалась история археологического изучения области, во второй было дано описание ее археологических памятников. Центральное место среди них занимали памятники по течению рек Теберды и Кубани.

В 1925 г. намечалась большая экспедиция в бассейны рек Кубани, Теберды, Большого и Малого Зеленчуков. Обследование должно было идти «в этнолого-лингвистическом и художественно-археологическом направлениях».⁴⁸ Была ли организована эта экспедиция и каковы были ее результаты, нам пока не удалось установить.

Два года спустя по поручению Северо-Кавказского горского научно-исследовательского института Дьячков-Тарасов во время своей этнографической экспедиции попутно обследовал долину реки Теберды. По р. Амгате, левого притока Теберды, в скалах обрывистых отрогов водораздела была обследована пещера с погребениями, аналогичными погребениям в окрестностях Сентинского храма и в Хумаре. В урочище Агур близ Верхне-Тебердинского аула, в ручье близ пещеры на глубине 2-х метров в большом глиняном сосуде были найдены бронзовый кельт и бронзовый серп. Под Клухорским перевалом, на первой поляне урочища Коначкир, близ места слияния реки Коначкир с рекою Аманауз, в пещере найдено погребение.

Дьячков-Тарасов считает его древним, но инвентарь погребения (если это было погребение, что из отчета не совсем ясно) говорит о более позднем его времени.

Близ Сентинского храма обследовано 12 гробниц. Кроме того, экспедицией изучены и зарисованы археологические находки (бусы, пуговицы, топорик, украшения, наконечник стрелы, серп), найденные близ Н.-Маринского аула учителем местной школы. Те же сведения об этой экспедиции, со слов Дьячкова-Тарасова, пересказывает Б. В. Лунин в обзоре археологических раскопок и разведок на Северном Кавказе в 1927 г.⁴⁹

Летом 1930 года группа участников лингвистической экспедиции Института языка и мышления АН СССР работала в верховьях Кубани. В числе участников экспедиции был В. И. Авдиев, которого «занимали вопросы о прежнем расселении осетин в связи с аланской пробле-

мой». Экспедиция посетила аул Хурзук, долго прожила в ауле Учкулан и совершила поездку к Махарскому перевалу. Хотя перед ее участниками стояли чисто лингвистические задачи — «обследовать и изучить со всей тщательностью схождения и встречи между различными языками этого интереснейшего уголка Кавказа», но косвенно результаты работ экспедиции дают материал и для археологического изучения верховьев Кубани.⁵⁰

В 1933 г. в Черкесской автономной области работала геологическая экспедиция под руководством П. Н. Шишкина. Попутно с геологическими работами экспедиция собрала значительный материал для археологической карты области. Наибольшее количество сведений относится к станице Сторожевой и ее окрестностям, где экспедиция, по-видимому, работала особенно долго. Здесь имеются указания на древние могилы, случайно разрытые местными жителями, на стоянку на левом берегу Кяфара при впадении в него р. Бежгон, на селище в урочище Теплом, на курганы в самой станице Сторожевой, на отдельные находки предметов древности. Имеются сведения о древних памятниках и в других местах, например, развалины крепости в верховьях р. Кяфара на так называемом Лохматом бугре, остатки крепости в устье балки Башкирки близ хутора Ново-Исправненского, селище к востоку от аула Эльбурган, находка могил и глиняных сосудов на горе против аула Зеюко и пр. Экспедицией были доставлены Черкесскому музею некоторые древние вещи — каменный шлифованный топорик, глиняные сосуды и др. (см. выписки из отчета экспедиции, хранившиеся в Черкесском музее).

В 1939 г. Ставропольский краевой музей в плане своих научно-исследовательских работ утвердил «археологическое изучение культур бассейна верхней и средней Кубани с древнейших времен до монгольского завоевания». Главнейшими частными вопросами в этой теме намечались: 1) связи населения Прикубанья с Нижним Поволжьем, Крымом, Передней и Средней Азией; 2) города верховьев Кубани в эпоху раннего средневековья. Работа планировалась на ряд лет. Первоочередной задачей ставилось сплошное обследование не только долин Кубани, Теберды и Б. Зеленчука, но и водоразделов этих рек в тех местах, которые окажутся доступными для исследования. Необходимо было обнаружить остатки средневековых городов.

Обследование поручили Т. М. Минаевой. В работе принял участие директор только что организованного тогда

Карачаевского областного музея в гор. Микоян-Шахаре (ныне гор. Карачаевск) М. С. Эркенов.

Карачаевский музей должен был организовать археологический отдел, в котором нашла бы отражение древняя история области, поэтому он остро нуждался в археологических экспонатах и исследованиях.

Изыскания мы начали летом 1939 г. с обследования долины Б. Зеленчука. Наименее известным пунктом здесь являлось так называемое «Старое жилище» у самых верховьев Зеленчука, вблизи Карачаевского аула Архыз. Развалины поселения, широко раскинувшиеся по левому берегу реки на обширной ровной площади, со всех сторон окружены горами; оборонительные сооружения в виде валов и рвов, направленных в сторону Зеленчука, в настоящее время поросли крупным лесом. Сохранялась еще значительная по длине часть невысокой стены, сложенной насухо из камня, защищавшей поселение с северо-восточной стороны. В южной части поселения, вблизи высокого внутреннего вала, располагались остатки маленькой христианской церкви. Стены, сложенные из прекрасно отесанного брусковидного камня, обозначали прямоугольное, слегка удлиненное здание с полукруглым выступом-абсидой с восточной стороны.

С южной и северной сторон здания имелись боковые входы. Здание окружала стена, сохранившаяся хуже, чем сама церковь, но хорошо заметная на поверхности. Она отделяла церковный двор от поселения. С южной ее стороны, примыкая вплотную к стене, были заметны следы совсем маленьких строений, стоявших в ряд. Возможно, что это были остатки жилищ церковного причта. Вдоль стен церкви наблюдались небольшие заплывшие ямки — следы кладоискательских раскопок. Жители аула Архыз сообщали, что в церкви находили металлические кресты и даже книги.

Никаких бытовых остатков на поселении нам не удалось обнаружить. Вся поверхность его оказалась задернованной и густо поросшей травой. У нас тогда создалось впечатление, что это было довольно позднее поселение, что название его «Старое», а не древнее жилище вполне соответствует действительности. В 1965 году нам случайно удалось еще раз посетить «Старое жилище», но ни стены, ограждавшей когда-то поселение, ни церкви на нем не сохранилось. Камень их использован для жилищ современного аула Архыз.

Вблизи «Старого жилища», ниже по течению Зеленчу-

ка, на том же левом берегу, мы среди леса встречали значительное количество курганообразных скоплений битого камня. На первый взгляд мы сочли их за курганы с каменной наброской, но, внимательнее присмотревшись, увидели, что это были следы очистки площади для сельскохозяйственных работ — под посев или для покоса. В дальнейшем нам неоднократно встречались такие наброски и в других местах Прикубанья. Очевидно, равнина между берегом реки и горным хребтом, ныне поросшая сосновым лесом, населением «Старого жилища» интенсивно использовалась для хозяйства.

Весьма заманчивой для нас являлась надежда отыскать известную Зеленчукскую надгробную плиту с аланской надписью. Для этого нам пришлось перебраться на правую сторону реки. Поиски плиты не увенчались успехом, но на расстоянии 1—1,5 км южнее городища мы обнаружили каменный крест со следами сильно истертых греческих букв. Высота креста около 2-х метров.

Окрестности древнехристианских храмов на Б. Зеленчуке нами были лишь бегло осмотрены, так как эти памятники достаточно известны в литературе и наши обследования едва ли прибавили бы о них что-то новое.

Изучая географические карты Карачаевской области, мы обратили внимание на местоположение г. Микоян-Шахара (позже г. Клухори, ныне г. Карачаевск). Микоян-Шахар, тогда еще совсем молодой город (основан он в 1928 г.), занимал плоскость на мысу в месте слияния Кубани и Теберды. С правой стороны, почти против Теберды, в Кубань впадает р. Мара. Таким образом, здесь с одной стороны открывался выход в Предкавказские степи, с другой — вход в три крупных горных ущелья: Кубани, Теберды и Мары. На Кубани самой природой был воздвигнут так называемый каменный мост, через который с Кубани проникали в долину Теберды. Через него на обратном пути прошла экспедиция Бернардацци. Вдоль р. Мары, по всей вероятности, проходил путь из бассейна Кубани в бассейн р. Кумы. По Теберде, через Клухорский перевал проникали на южную сторону Кавказского хребта и в Причерноморье. Трудно было допустить, чтобы место скрещения таких путей оставалось в древности незаселенным. К тому же в литературе об археологических памятниках данного пункта не было сведений. Поэтому мы решили обстоятельно обследовать территорию Микоян-Шахара и его ближайших окрестностей.

На территории города, вдоль правого берега Теберды,

действительно оказался могильник. Прямоугольные могилы вырывались в грунте, в слое крупной гальки. По стенкам они выкладывались битым камнем, покрывались крупными поперечными плитками. В продольных стенках устраивались маленькие ниши, и в них иногда стояли глиняные горшки или стеклянная посуда. На тонких плитах дна лежали костяки погребенных. Могилы были просторные, и местные жители использовали их как погреба. Точного учета количества могил сделать было трудно, так как плоскость частично была уже заселена, но во всяком случае их насчитывалось несколько десятков. По сравнению с другими такими же могильниками, исследованными нами впоследствии, правобережный Тебердинский могильник можно датировать IV—V вв. н. э.

С левой стороны Теберды к берегу реки близко подходит длинная гора Дордон. У ее подножия на узкой прибрежной полосе стали селиться жители Микоян-Шахара. При постройке своих домов они наталкивались на старые фундаменты, на очаги с золой, черепками посуды и костями животных. Встречали нередко каменную кладку значительной высоты, находили предметы быта: битую, а иногда и целую посуду, бусы, обломки железных предметов, каменные жернова от ручной мельницы, каменные ступы для обработки зерна, каменные крупные толкачи-песты. При разработке площадей для огородов встречали каменные «заборы», «ограды». Тесаного камня находилось так много, что современные жители строили нередко дома целиком из «выкопанного камня».

Наша разведка подтвердила наличие в этом районе следов древнего поселения. На прибрежной полосе вдоль Теберды, начиная от моста недалеко от впадения Теберды в Кубань и до первой балки за угольной шахтой № 1, встречались явные следы поселения: остатки длинных каменных стен, вероятно, проходившие по границам отдельных земельных участков, прямоугольные невысокие валы или каналы, видимо, места жилищ, заплывшие ямы возле них, местами скопления битого и тесаного камня. По всей площади встречались черепки посуды эпохи средневековья. Все это простиралось вдоль реки на 1—1,5 км. Следы поселения захватывали и нижние склоны горы. Выше по склону горы вплоть до самой ее вершины располагался могильник, вернее могильники. Могилы насчитывались сотнями, причем по своему устройству они разнообразны и, вероятно, были разновременны. Несколько могил было нами раскопано.⁵³

В настоящее время место древнего поселения густо застроено жителями Карачаевска и для археологических исследований недоступно, но могильник Дордон время от времени продолжают раскапывать. В 1958 году свыше десятка могил раскопал в нем учитель средней школы г. Карачаевска Кузьминов, в 1966 году десять могил раскопала Л. Г. Нечаева.

По нашим предположениям древнее поселение должно быть и вблизи Каменного моста, но проверить предположение не удалось, так как в данном пункте раскинулся современный аул Каменноостский.

Кроме того, в районе Микоян-Шахара мы обследовали скалы, углом выступающие к Кубани и к речке Мара. В них оказалось очень много могил. Гробницы из каменных плит обнажались в обрыве скалы над дорогой в город. Такие гробницы были обнаружены и ниже дороги, непосредственно над руслом реки. Могилы обнажаются при осыпях, при устройстве угольных шахт. Частично нами было обследовано ущелье речки Мары. В нем зарегистрировано два древних могильника. На одном из них сохранились еще надмогильные памятники в виде высоких каменных столбов. Никаких изображений или надписей на них не оказалось. Местные жители в гробницах этого ущелья находили деформированные черепа, хранившиеся в музее Микоян-Шахара.

Таким образом, на месте г. Карачаевска оказалось значительное количество археологических памятников, свидетельствующих, что территория его была издавна густо заселена.

Долину р. Теберды выше ее устья на этот раз обследовали до курорта «Теберда». На этом протяжении было обнаружено два поселения. Остатки первого находятся на левом берегу Теберды при впадении в нее притока Джингирик. Здесь долина расширяется и представляет собой ровную площадь, удобную для заселения. Сохранились следы от фундаментов зданий, остатки оград, вероятно, отделявших усадебные участки. Перпендикулярно руслу Теберды, по направлению к горам проходил хорошо заметный вал и ров. Могильник поселения, так же как и Усть-Тебердинский, располагался по склонам горы.

Второе поселение помещается на правом берегу Теберды при впадении в нее речки Джамагат. Здесь также сохраняются следы от фундаментов зданий, следы оград земельных участков, различных по площади и по форме. Рядом с развалинами находились три могилы, обнесенные

четыреугольными высокими оградами, сложенными из камня на известковом растворе. Судя по виду развалин и могил, можно считать это поселение довольно поздним. Развалины эти пользуются широкой известностью, так как их связывают с аулом Джамагат, воспетым М. Ю. Лермонтовым в стихотворении «Хаджи Абрек». Между карачаевцами и черкесами идут споры о том, кому из них принадлежал аул Джамагат. На наш взгляд, этот спор должна решить археология. В литературе для туристов он приписывается черкесам,⁵² но археологическими данными это не подтверждается. Высокие в рост человека каменные ограды вокруг могил не характерны для черкесских погребений. Нам пришлось одну из таких могил вскрыть близ аула Карт-Джурт, у истоков Кубани. В ней оказалось карачаевское погребение. Думаем, что и на развалинах Джамагата были такие же могилы и что сами развалины являлись остатком карачаевского аула.

На древних памятниках возле Сентинского храма, который и до наших дней высится над долиной, я не останавливаюсь, потому что о них достаточно говорилось в дореволюционной литературе и будет еще сказано ниже.

По течению р. Кубани ближайшим по Микоян-Шахару памятником древности оказалось городище на р. Гиляч. На 13 км выше города в Кубань с левой ее стороны впадает р. Киир-Кол. В нее на расстоянии полкилометра от Кубани вливается небольшая горная речка Гиляч, принимающая в себя горный приток, называемый Малый Гиляч. Гиляч и Малый Гиляч разделены горным хребтом, на вершине которого располагается городище. Восточная окраина хребта, отвесной скалой обрывающаяся над р. Гиляч, была занята крепостными сооружениями городища. На западном, более пологом склоне этой скалы обнаружены остатки христианской церкви. Далее к западу по хребту лежат развалины жилищ. Городище окружено могильниками. Первый могильник находится на левой стороне Малого Гиляча, второй — по этому же ущелью несколько западнее первого и третий — на западной окраине хребта.

На городище осенью 1939 г. были произведены раскопки. Исследованы 30 могил во всех трех могильниках, частично раскопаны крепостные сооружения и полностью исследованы развалины церкви.⁵³ Раскопки планировались и на дальнейшее время, но Великая Отечественная война и другие события надолго отодвинули осуществление этих планов. Вновь к исследованию этого интересного памятника эпохи раннего средневековья приступили в 1960 г.

Раскопки городища продолжаются и по настоящее время. Исследованы полностью крепостные сооружения, несколько жилищ, святилище и увеличено число вскрытых могил в могильнике № 1 и № 2. Материал пока не опубликован.

У истоков Кубани мы обнаружили только один могильник, не отмеченный прежними исследованиями, на левой стороне р. Учкулан, километра два выше слияния его с р. Хурзук. Могильник размещается на каменистых склонах горного хребта. Могилы идут неправильными рядами в перпендикулярном направлении к реке. Представляют они собою очень неглубокие грунтовые ямы удлиненно-овальной формы, обставленные крупными неправильной формы камнями. С первого взгляда рассмотреть могилы трудно, так как вся площадь покрыта сплошным камнем, сползшим с верхних склонов и оставшимся от раскопанных гробниц. В этом могильнике не удалось отыскать ни одного неразрушенного погребения. Из 6 раскопанных могил только одна дала возможность до некоторой степени выявить лицо могильника. Он скорее всего является одновременно с могильником в устье Теберды.

Далее обследования велись по р. Уллу-Кам. Река Уллу-Кам в нижнем своем течении принимает в себя р. Хурзук. Древние памятники по нижнему течению р. Хурзук — башня; могильники и древние поселения по обе стороны реки уже были описаны В. М. Сысоевым, о чем говорилось выше. Они были осмотрены и нами. Новым, впервые зарегистрированным, явилось поселение на левой стороне р. Уллу-Кам при впадении в нее р. Узун-Кол, названное нами поселением в устье р. Узун-Кол.⁵⁴ Оно занимало открытое плато на мысу между названными реками. В центре плато, на голой гранитной скале, стояла «дозорная» башня. В северной части мыса располагались могильники.

Один из них датируется III—V вв. н. э., другой V—VII вв. В южной части плато в полном беспорядке размещались жилища без каких бы то ни было хозяйственных пристроек к ним. Здесь же большую площадь занимали загоны для скота — круглый в плане и два длинных, прямоугольных. Загоны были ограждены каменными заборами. С южной стороны, наиболее доступной для вторжения врага, проходила каменная стена, вал и ров. Возле нее сохранились остатки боевой башни с подвалом и хорошо сохранившимся входом в него. На этот же раз на поселении были нами произведены небольшие раскопочные работы. Как и городище Гиляч, этот памятник ярко характеризует быт и хозяйство типично горского населения. Но

городище Гиляч было постоянным поселением, тогда как поселение Узун-Кол являлось, вероятно, временным, сезонным. В этом заключается его научный интерес и значение. И этот памятник, как и городище Гиляч, Карачаевский областной музей запланировал для обстоятельного исследования на последующие годы. События общесоюзного значения помешали выполнению плана. К дальнейшему исследованию поселения мы смогли приступить только в 1954 г., повторив работу в 1958 г.

В 1940 г. для археологического обследования Карачаевской области организовали экспедицию в составе преподавателей и студентов учительского института. В ней принял участие и Карачаевский научно-исследовательский институт языка и истории. Экспедицию возглавлял преподаватель учительского института К. М. Петралевич. Задачи намечались весьма широкие, значительно шире сил ее участников: систематическое археологическое обследование Карачаевской автономной области; «разыскивать стоянки доисторического человека палеолитического, неолитического»; установить все типы древних хозяйственных районов, следы всех древних путей сообщения, типы древних поселений; установить связанные с ними «идеологические центры — культовые места, погребения».⁵⁵

Работы начаты были с обследования района Нижнего Архыза (на месте известных христианских храмов). В северном храме был вскрыт частично каменный пол. «Тут на глубине около полутора метров обнаружено древнее зацементированное захоронение. В нем обнаружен жертвенный камень, разнородные жертвенные кости и довольно значительный золотой клад — из золотых украшений. Всех золотых вещей — украшений 113 шт., общий вес около 120 г». Подсчет вещей преувеличен, так как обрывки тонкой золотой цепочки учтены как отдельные предметы. Описание погребения, если это было погребение, в отчете дано не ясно. В коллекции предметов, найденных при погребении (хранятся в Гос. Историческом музее в Москве за № 8240), наиболее интересен резной камень альмандин с арабской надписью, печать царя Армении Ашота I (886—891).⁵⁶

По окружающим городище с христианскими храмами скальным выступам были открыты три часовенки; по предположению исследователей, это места древних языческих святилищ, потом превращенных в христианские часовни. Встречались «подскальные» захоронения. По размытым балкам и вскрытым дорожными работами склонам обна-

жались древние захоронения в каменных ящиках. По близлежащей балке Подорванного «обнаружены ясные следы древней золотодобычи». Над верховьями этой балки на плоской вершине Водораздельного хребта между р. Зеленчук и р. Маруха располагалось «обширное древнее железо — рудное поле. На поле кроме ям рудодобычи много осталось ям-печей — не то для рудообжига, не то для плавки руды». По горным пастбищам Водораздельного хребта кое-где встречались курганы.

В районе Верхнего Архыза экспедиция отметила «Старое жилище», остаток древней церкви, а над ними на скале остатки древней часовенки. В окрестностях поселка на равнине, среди леса, наблюдались кучи камня, собранного при очистке полей; каменные валы — границы былых хозяйственных участков. Это был район былой мощной земледельческой культуры. О ней свидетельствует окружение остатков жилья одичавшими плодовыми деревьями — яблонь, груш, алычи, боярышника; о том же говорит наличие высоко в горах лужаек многолетней ржи — одичавший остаток прежней земледельческой культуры.

Чрезвычайно интересно и важно сообщение о том, что на горных пастбищах встречаются круги камней диам. 10 м с несколькими камнями внутри и ряд малых кругов с одним камнем посередине — «какие-то древние культовые места». Между этими кругами с камнем в центре, может быть, существует связь с вертикальным камнем в круге, открытым позже на городище Адюях.

Далее экспедиция переправилась через горный переход Архыз—перевал Красный—р. Маруха—перевал Красный Карачай—р. Аксаут—перевал Мухинский—р. Теберда. Горные луга всех трех перевалов имели «массу» древних загонов для скота. Современное население не знает их происхождения. Количество этих загонов говорит, что когда-то на этих горных лугах паслось значительно больше стад, чем теперь. Долины Марухи и Аксаута носят на себе такие же археологические следы былых земледельческих районов, как и Архызский район.

В скалистых обрывах левого берега Марухи, на высоте 100 м над уровнем реки, экспедиция обнаружила большую пещеру, «доисторического человека»... В пещере находились кости быка, кабана, овцы, изредка черепки глиняных горшков. Исследователи предполагали, что это могли быть остатки жилья пастухов или стоянка неолитического человека. Такое понимание этого памятника ошибочно. Пещера на р. Маруха являлась местом добычи медной руды, что

доказывается неоднократно исследованиями геологов и найденными в ней орудиями труда (каменные молоты). Керамика, обнаруженная в пещере, не неолитического времени, а эпохи средневековья.

В долине Теберды, на левом берегу ее, в пределах Гос. заповедника найдено городище. На том же берегу реки против аула Верхняя Теберда обнаружены остатки древнего поселения. В ущелье Гидам, километров 5 от его устья, сохраняется древняя крепость на известковой кладке. Экспедиция посетила и известное уже Амгатинское городище. Здесь отмечено было наличие террасового земледелия, исследовано одно пещерное погребение позднего времени, найдены камни, по всей видимости, от дольменообразного склепа, с интересными изображениями. На одном из них изображение ритуального танца, на другом — бегущих оленей. Третий камень с городища хранился у одного из жителей Верхней Теберды; на нем был изображен лучник на коне. Все три камня тогда же поступили в Карачаевский областной музей. Ныне они утрачены.

В период с 1941 по 1946 год археологических изысканий в верхнем Прикубанье не производилось. Возобновились они в 1946 г. В этом году Е. Г. Пчелина пыталась отыскать в Архызе знаменитую плиту с аланской надписью, открытую в 1888 г. В. М. Струковым. Поиски плиты, по словам Е. Г. Пчелиной, не увенчались успехом. Но она нашла вблизи слияния рек Пшиш и Архыза, истоков Большого Зеленчука, два свалившихся придорожных памятных столба с надписями. Они находились на древней тропе, которая, по мнению автора, вела некогда к Тмутаракани. Путь пролегал через перевал в хребте Абишира Ахуба и спускался по Большой Лабе к нижнему течению Кубани. По предположению Г. Ф. Турчанинова, надписи на плитах сделаны глаголицей. В 1955 г. обе плиты были перевезены в Гос. Исторический Музей.⁵⁷ Предположение Г. Ф. Турчанинова не подтвердилось, как то отмечает В. А. Кузнецов.⁵⁸

Вопрос о славянских эпиграфических памятниках имеет огромное значение для средневековой истории не только Прикубанья, но и для Северного Кавказа в целом.

В 1948 г. Т. М. Минаевой было обследовано ущелье р. Марухи, наименее известное в археологическом отношении в то время. Остатки единственного древнего поселения обнаружены здесь в том месте, где р. Маруха выходит из теснин Главного хребта. Долина реки в этом месте сильно расширяется. На правой стороне реки, на широкой безлесной поляне, располагалось когда-то поселение. Еще

видны были каменные основания зданий, в северной части находилась возвышенная площадка, окруженная довольно глубоким рвом; вдоль берега реки были заметны границы земельных участков, примыкавших к поселению. Выше, до перевала, нами наблюдались только следы древних кошей.

В урочище Ретышик (на географических картах оно носит название Нарат-Эшик), по левую сторону реки, на горе, в густом сосновом лесу найдены были следы древней выплавки железной руды. На значительном пространстве под дерном залегал черный сажистый слой. Он особенно ярко выделялся в рытвинах и глубоких колеях современной дороги, пересекающей лес.

Местами среди сосен виднелись кучи сажи и в них куски железного шлака, иногда под дерном заметны были угли. Особенно отчетливо все это было видно там, где обнажались корни сосен. Никаких следов жилищ в лесу мы не отметили. По всей вероятности, это было когда-то место производственной деятельности человека. К сожалению, мы не имели ни малейшей возможности проложить здесь разведочную траншею. В отчете Карачаевской экспедиции 1940 г. упоминается обширное древнее железо — рудное поле на плоской вершине Водораздельного хребта между р. Зеленчуком и р. Маруха, над верховьями балки Подорванного. Это поле весьма близко к урочищу Ретышик. В связи с этим кстати вспомнить, что геолог В. К. Робинсон в 1919 г. в двух скоплениях на левом берегу р. Маруха в урочище Нарат-Эшик и у дороги в урочище Ажу-Мга (Ужум) находил шлаки с большим содержанием железа и марганца, как сообщает А. А. Иессен. По-видимому, здесь мы имеем дело с длительной эксплуатацией и обработкой железной руды древним населением района.⁵⁹

На восточном склоне горы Карабек нами была осмотрена пещера, образовавшаяся в результате искусственной выемки породы, при добывании медной руды. Дно пещеры покрыто толстым слоем золы, перемешанной с измельченной в порошок породой. В золе на дне пещеры найдены каменные молоты, костяное орудие и черепки посуды. Когда впервые здесь начали добывать руду, сказать трудно, возможно, в эпоху бронзы, но во всяком случае пещера разрабатывалась и в эпоху средневековья.

* * *

С учреждением Черкесской автономной области интерес к археологическим памятникам предгорной зоны верхнего Прикубанья возрастает. В организованный в конце двадца-

тых годов в г. Черкесске областной музей стали поступать от местных жителей случайные находки древностей. На первых порах музей не мог развернуть систематической работы по изучению далекого прошлого своей области. Этому мешало много причин, одной из них было отсутствие кадров. Только к 1949 г. такая возможность у музея появилась — пригласили нужного работника.

В 1949 г. Черкесский областной музей (директор А. Е. Дайгородова) наметил пятилетний план работы по историко-археологическому изучению Черкесской автономной области. По этому плану было намечено в течение пяти лет обследовать всю территорию Черкесии; памятники, обнаруженные при обследовании, должны быть подробно описаны, нанесены на карту, в каждой группе, вернее, категории памятников, намечалось произвести раскопку одного или нескольких объектов с тем, чтобы выяснить характер данной группы. Дальнейшей стадией работ должно явиться углубленное исследование отдельных памятников. В течение ряда лет (до 1956 г.) эта работа в весьма скромных масштабах выполнялась Т. М. Минаевой.

Обследования были начаты в центральной части территории — с долины Малого Зеленчука. Потом обследовали долину Большого Зеленчука, нижнее течение реки Кяфара, речки Бежгон, левый приток Кяфара и побережье р. Кубани, в отрезке между Черкесском и г. Клухори (бывший город Микоян-Шахар). Таким образом, археологический профиль не только горной, но и степной части названных рек становился более или менее известным.

На обследованной территории обнаружен длинный ряд разнородных археологических памятников. Среди них первое по количеству место занимают курганы (см. карту в работе: Т. М. Минаева. Археологические памятники Черкесии. Тр. ЧНИИ, вып. 11, Черкесск, 1954, стр. 270). Курганы в большом количестве рассеяны по надпойменным террасам рек. В нескольких случаях встретились они и на водораздельных хребтах, но, как правило, на них курганов мало. Подавляющее большинство курганов по своему внешнему виду похожи на встречавшиеся нам в степях Северного Кавказа, в Нижнем Поволжье, в Приуралье, на Дону, одним словом, на всем юго-востоке Европейской части СССР.

В некоторых пунктах оказались курганы, резко отличавшиеся видом своих насыпей и характером их размещения от всех остальных. Размещаются они тесной компактной группой, иногда смыкаясь подошвами насыпей.

Насыпи их крутой полушарообразной формы. При незначительном диаметре они имеют значительную высоту. Размеры насыпей в одной и той же группе весьма различны: от 0,3—0,4 м до 4—5 высоты. Количество насыпей в группе колеблется от 60—80 до двухсот приблизительно. Такие курганные могильники мы встречали на М. Зеленчуке, близ аулов Зеюко, Эльбургаи, Инжич-Чукуи, на Б. Зеленчуке, близ аула Бесленей, хутора Ново-Исправненского, в устье речки Кара-Бежгон, недалеко от ст. Зеленчукской, в верховьях речки Байтал-Чапкан, в устье той же речки, на р. Джеганас и в других пунктах. Как показали раскопки, это кабардино-черкесские курганы XIV—XVI вв.

Второе место по количеству принадлежит поселениям. Поселения обычно располагаются по самому краю первой надпойменной террасы. Во многих местах край террасы, подмытый рекой, разрушается, сползает в пойму. При разрушении обнажаются выходы культурного слоя, то более, то менее насыщенные бытовыми остатками. Культурный слой в обресе берега обычно обнажается не сплошной линией, а отдельными короткими участками. По-видимому, жилые комплексы в поселении разбрасывались широко по площади. Следы укреплений не сохранились. Такие поселения встретились к северу от аула Псыж на левом берегу Кубани, на левом берегу М. Зеленчука, против аула Эркен-Халк, против аула Абазакт, на левом берегу Б. Зеленчука, близ хут. Киево-Жураковского, близ аула Ново-Кувинского. На некоторых поселениях располагаются современные кладбища местного населения, как например, в ауле Псыж, в ауле Инжич-Чукуи.

В особую группу следует выделить поселения, укрепленные земляными валами и рвами. Такие встретились по левому берегу Кубани, близ хутора Дружба.

К поселениям с оборонительными сооружениями тесно примыкают городища, т. е. крупные по площади поселения, имеющие не только земляные валы и рвы, но и остатки каменных стен. Эти оба вида памятников обычно объединяются в одну категорию городищ, но, желая подчеркнуть их специфические отличия, мы выделяем их в особые группы.

На обследованной территории обнаружено два неизвестных ранее городища. Первое располагается в балке Адюх; занимает оно мыс между правым берегом М. Зеленчука и устьем балки Адюх. Место это известно всем в Черкесии благодаря тому, что здесь на скалистом обрыве над Зеленчуком стоит башня Адюх. Городище состоит

из трех частей. Первая его часть в виде узкого мыса между обрывом над рекой и балкой отделялась каменной стеной и рвом глубиною 6 м. За рвом шла вторая часть, также ограниченная рвом глубиною 1,9 м. Первоначально и над этим рвом стояла каменная стена. На расстоянии 150 м от второго рва проходила дугообразно каменная стена с наружными выступами — башнями, ограждавшая самую большую по площади третью часть городища. Стена шла от обрыва балки Адиух до обрыва над поймой М. Зеленчука. На небольшом расстоянии от балки она имела ворота шириною 5 м. Вторые ворота шириною 3 м находились в противоположном конце стены, недалеко от обрыва над рекой. На расстоянии 60 м от этой стены параллельно первой проходила вторая.

С 1949 по 1955 гг. городище ежегодно раскапывалось нами. Полностью вскрыта площадь первой и второй частей городища и обнажены значительные участки в третьей части. Городище Адиух дало достаточный материал по вопросам о занятиях населения, о формах жилищ, о слагающемся в Прикубанье феодальном строе. Время городища определяется VII—XII вв. н. э.

В печати о городище сделано только краткое предварительное сообщение.⁶¹

Второе крупное городище обнаружено нами в 1952 г. на левой стороне Кубани, вблизи устья небольшой речки Байтал-Чапкан, в семи километрах к югу от аула Кубины. Оборонительные сооружения в виде вала, рва и каменной стены ограждали городище с юго-западной стороны. Северные окраины города укреплялись двумя параллельными валами. Оборонительные сооружения ограждают площадь в несколько квадратных километров. И это городище мы раскапывали в течение пяти сезонов.⁶² Наши раскопки вскрывали западные окраины города, как оказалось впоследствии. В восточной части площади по берегу Кубани во время наших исследований следов поселения не обнаруживалось. Но в 1963 г. в связи со строительством Кубань-Калаусской оросительной системы левый берег Кубани на площади городища был вскрыт глубокой вспашкой под посадку леса. При этом по всей распаханной полосе обнажились следы каменных строений. Среди вывернутых вспашкой камней А. Л. Нечитайло были найдены железный церковный крест, тождественный крестам из церкви Гилячского городища, свидетельствующий, без сомнения, что на городище была христианская церковь, железный серп, 13 каменных ступ для размолы зерна и другие вещи. Наш

совместный осмотр вспаханной полосы привел нас к заключению, что именно здесь на самом берегу реки и находился центр поселения. Оно было велико, и не удивительно поэтому, что Фиркович и Нарышкины видели здесь большое кладбище с крестами и надписями и развалины строений. Городище близ аула Кубины интересно и тем, что на его площади сохранились памятники от населения последующих эпох. Оно является убедительным источником по исторической географии района.

Пятую группу обнаруженных памятников составляют грунтовые могильники. Они, как известно, никаких поверхностных признаков не имеют и открыты были при случайных обстоятельствах. Могильник на водоразделе между М. Зеленчуком и Кубанью, на южных склонах горы Эльбурган, в урочище Байтал-Чапкан, был открыт в 1941 г. при строительстве шоссейной дороги между аулами Эльбурган на М. Зеленчуке и Кубины на Кубани. Могильник раскапывался нами в течение нескольких сезонов. В нем исследовано 37 катакомб. Это типичный аланский могильник V в. н. э.⁶³ Два других могильника находятся на левой стороне Б. Зеленчука, близ аула Ново-Кубинского. В одном из них исследовано 52 могилы. Дата могильника определяется находкой в одной из могил золотоордынской медной монеты конца XIV в. Труднее определить народность, оставившую этот памятник. Погребальный ритуал могил отличен от одновременных кабардино-черкесских погребений, следовательно, это не черкесский могильник. Проще всего предположить, что он принадлежал абазинам, живущим и в настоящее время в этом районе, но это предположение надо обосновать археологически, для чего у нас нет материалов.⁶⁴ Ново-Кубинский могильник, как и другие могильники в этом же районе и лежащие под ним остатки древнего поселения, подобно городищу близ Кубины, могли бы служить хорошим источником для исторической географии области; они могут дать ценный материал для истории Черкесии, поэтому надо считать ошибкой, что исследование Ново-Кубинского могильника прекратили.

Шестую группу памятников составляют могильники с надземными каменными гробницами. Таковые нам встретились только в одном пункте — в верхнем течении р. Бежгон, левого притока Кяфара, в том месте, где Бежгон круто поворачивает к западу. Здесь на возвышенном плато, на левой стороне речки, раскинулось кладбище из нескольких надземных каменных гробниц, или склепов. Все они в настоящее время разрушены.

Среди них имеются остатки какого-то значительно более крупного, чем склепы, каменного сооружения. На археологической карте Е. Д. Фелицына в этом месте поставлен знак «магометанского (черкесского) намогильного здания (род часовен)». Местные жители говорят, что здесь когда-то стояла мечеть. В северо-восточном углу плато действительно сохранились следы крупного четырехугольного строения, обнесенного рвом; быть может, это и есть остатки мечети. В центре плато сохранился круглый колодец, в котором и теперь еще имеется пресная вода.

Седьмую группу составляют каменные башни. Их на обследованной территории оказалось три. Две из них — башня Адиух и башня Гоших-Кала в верховьях р. Джегуты были известны задолго до наших работ и давно уже получили освещение в печати,⁶⁵ третья обнаружена нами. Остатки ее находятся на высоком хребте над балкой Клевцовой, по правую сторону Б. Зеленчука, против хутора Ново-Исправненского. По характеру кладки стен, по размерам башня эта была весьма подобна башне Адиух. По всей вероятности, и построены они были в одно время и с одной и той же целью. Заслуживает внимания тот факт, что все три башни стоят приблизительно на одной географической широте. Мы поддерживаем датировку Л. И. Лаврова в построении башни Адиух во второй половине XVIII столетия.

Другого характера и, по всей вероятности, другого времени башня на р. Аксаут, известная Е. Д. Фелицыну, осмотренная нами в 1952 г. Башня находилась на левом берегу реки на расстоянии 10—12 км от с. Хасаут Греческого. Стояла она на вершине скалы, круто обрывающейся над берегом реки. В плане башня имела почти квадратную форму. Длина ее северной стороны 6 м, восточной — 6,3 м. Толщина стен 1,4 м. Стены сложены из тесаного камня на известковом растворе. Северная стена башни сохранилась на высоту 1,6 м. Остальные три стены разрушены до основания.

По хребту, отходящему от скалы, на которой стояла башня, разбросаны остатки поселения — груды камня от развалившихся строений, фундаменты жилищ. Среди них в восточной части хребта прослеживаются следы строения, по плану напоминающего христианскую церковь. У местного населения до сих пор удерживается предание о том, что на этом хребте когда-то существовал христианский монастырь. У греков с. Хасаута Греческого это урочище носит название «монастырское место». За остатки христи-

анской церкви бывшего монастыря местные жители принимают развалины башни.

Чтобы закончить с нашими обследованиями Черкесии, следует упомянуть обнаруженные нами в 1960 г. остатки мавзолея золотоордынского времени. Найдены они на равнине правого берега Кубани, южнее ст. Усть-Джегутинской, близ головного сооружения Кубань-Калаусского канала, на месте глубокого карьера по добыче речной гальки для нужд канала. В карьере на значительной глубине (до 4 м) бульдозером был задет «ограниченный столб» длиной до 3 м. На одной из граней оказались весьма тщательно вырезанные рельефные арабские письма. По определению Л. И. Лаврова они типичны для XIV в. н. э. «Столб» ко времени нашего осмотра оказался разбитым на мелкие куски, и прочесть надпись не представилось возможности. Он, вероятно, являлся карнизом небольшого здания — мавзолея. Вместе с обломками карниза найдены типичные квадратные золотоордынские кирпичи — остатки погребального склепа и разбитые кости человеческого скелета. Сопоставляя эти находки с сообщением А. Фирковича о том, что возле аула Лоова (ныне Кубина) на правой стороне Кубани он видел много арабских надписей, с уверенностью можно утверждать, что в данном месте находилось мусульманское кладбище. Это, несомненно, золотоордынский памятник на берегах верхней Кубани. Памятуя о том, что золотоордынские ханы XIV в. усиленно насаждали ислам среди покорного им населения, наличие мусульманского мавзолея в предгорьях Северного Кавказа, не может казаться невероятным.

С открытием в Черкесской автономной области научно-исследовательского института дело изучения археологических памятников Черкесии получило новые возможности. В число штатных работников института был приглашен специалист-археолог, который, соответственно задачам и заданиям института, приступил не к обследованию территории, что в основном было уже сделано, а к углубленному изучению отдельных памятников путем раскопок.

В 1952 г. старший научный сотрудник института Е. П. Алексеева начала раскопки близ аула Жако на р. М. Зеленчук. Раскопки продолжались три года. Исследовано несколько разнородных памятников. Больше внимания уделено было исследованию древнего поселения в балке Тамгацик на третьей террасе М. Зеленчука. Поселение занимало три «бугра». На северном «бугре» оказался могильник. В нем раскопано 5 могил IV и начала V вв. н. э. На

«среднем бугре» исследовались четырехугольные каменные жилища. В них найдены каменные ступы, три зернотерки, ручной жернов, плитки для растирания зерен или растений, «зерна дикого и культурного проса и конопли около одного ведра». Западный «бугор» также был занят поселением. Могильник и поселение одновременны (IV—V вв. н. э.). Это, по мнению исследователя, «ранняя группа аланских памятников». ⁶⁶ Совершенно не ясны результаты раскопок на южном холме, или «бугре», как выражается автор. Здесь обнаружены «постройки трапецевидной формы», другая «постройка» образована четырьмя поставленными на ребро плитами и пр. На наш взгляд, древнее поселение на балке Тамгацик нужно доисследовать, чтобы выявить отчетливее и его характер, и его дату.

Раскопки производились и в самом ауле Жако. На северной окраине раскопано 15 каменных гробниц с христианским обрядом погребения IX—XI вв. н. э. На школьном дворе исследовано десять курганов с насыпями из крупного булыжника. Погребения в них совершались в колодах, сопровождались кучками дубовых углей, огнивами, стрелами и пр. Это кабардино-черкесские курганы XIV—XVI вв. Один курган севернее школы оказался эпохи бронзы II тыс. до н. э.

В 1956 и в последующем году в целях сбора материала для истории Черкесии тем же исследователем были произведены раскопки курганного могильника близ аула Бесленей на Б. Зеленчуке. Здесь оказались «обычные адыгские погребения XV в., известные от берегов Черного моря до р. Сунжи». На месте адыгского могильника Е. П. Алексеева обнаружила также поселение эпохи бронзы (II тыс. до н. э.) и скифского времени. Это являлось важным результатом ее работ, так как в верхнем Прикубанье не только не исследованы еще поселения эпохи бронзы, но и мало их пока выявлено. Крупные курганы, рассеянные по долине вблизи аула Бесленей, несомненно, относятся к той же эпохе. Несколько этих курганов было раскопано. Наиболее древним из них оказался курган на территории маслосырозда. Он относится ко II тысячелетию, а возможно, к рубежу III и II тысячелетий до н. э. У аула Инжи-Чукун на М. Зеленчуке исследовано 9 грунтовых каменных ящиков первой половины I тыс. до н. э. Могильник «по-видимому, принадлежит к Прикубанской культуре и оставлен древними предками черкесов — адыго-меотами». ⁶⁷ Параллельно с исследованием адыгского могильника, курганов и каменных ящиков эпохи бронзы Е. П. Алексе-

еюй было доисследовано погребение скифского времени в хут. Дружба на левой стороне Кубани.

С созданием Карачаево-Черкесской автономной области в задачи Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института стало входить изучение истории карачаевцев. В связи с этим изменилась несколько и территория исследований. Она совпадала с административными границами Карачаево-Черкесской автономной области, т. е. продвинулась к востоку, в верховья бассейна р. Кумы.

Чтобы начать изучение проблемы этногенеза карачаевцев по данным археологии, Е. П. Алексеева исследовала могильник на южной окраине аула Карт-Джурт. Она и установила, что могильник этот, безусловно, карачаевский. Об этом говорит сходство его надмогильных сооружений с могильными сооружениями на карачаевском кладбище XIX—начала XX вв. на левом берегу Кубани. Датировка могильника затруднительна. Возможно, XVII в. Погребения не одновременны, были XVI и XVIII вв.⁶⁸ На восточной окраине аула Карт-Джурт было открыто поселение позднесарматского и раннеаланского времени. Такое же поселение найдено на восточной окраине аула Учкулан.

С целью уточнения датировки памятников возле Сентинского храма и установления связи их с памятниками более ранней Кобанской культуры и более поздней Карачаевской были произведены раскопки на восточном склоне Сентинской горы. На южном склоне горы гробницы были исследованы И. А. Владимировым. Вскрыто всего 8 могил. Могилы разрушены кладоискателями, грызунами, обвалами и оползнями. Датируются они IX—X вв. н. э.⁶⁹ Раскопки на горе у восточной стены Сентинского храма показали, что жизнь здесь была и до постройки храма в VIII—IX вв. н. э.

Кроме этого Е. П. Алексеевой были произведены обследования в верховьях р. Дзегуты, на горе у башни Гошнях-Кала и у подножия этой горы. На горе сделаны пробные раскопки городища, располагающегося возле известной башни Гошнях-Кала или Кзыл-Кала, как ее иногда называют. Раскопками обнаружена керамика, датирующаяся в пределах от IX до XII вв. н. э. Городище, по мнению исследователя, близко к городищу Адюх, оба они относятся к памятникам аланской культуры и принадлежат аланам Карачаево-Черкесии. Судя по характеру керамики, мы считаем это положение справедливым. На холме с западной стороны горы оказался могильник VI в. до н. э.⁷⁰ Могилы были отмечены каменными выкладками. Раскопа-

но 9 ограбленных могил. С восточной стороны Гошиях-Кала на холме располагалось селище V—VII вв. н. э. (дата эта нам кажется сомнительной). На основании находки — «обломка бортика глиняного котла с внутренним ушком» — автор предположительно относит селище к болгарам, которые в VII в. н. э. стали проникать в горы.⁷¹

В 1961 г. в ауле Коба-Баши (между станицами Сторожевой и Преградной) был исследован случайно открытый склеп с погребениями сарматского времени. По словам Е. П. Алексеевой, время его растягивается от рубежа н. э. до IV в. н. э. По обряду это скорее меотские погребения, чем сарматские.⁷²

С целью розыска и изучения памятников сарматского периода для очерков по истории Карачаево-Черкесии и продолжения сбора материала по вопросу происхождения карачаевцев и балкарцев исследования Е. П. Алексеевой были направлены в район Подкумка, к аулам Терезе, Учкекен и на Рим-гору. Так как данная территория выходит за пределы Прикубанья, то на описании этих работ мы не останавливаемся.

В 1963 г. Е. П. Алексеева начала небольшие раскопки на Хумаринском городище. По ее заключению городище позже XIII в. н. э. не было заселено; предположения, что это была гетуэзская крепость, что здесь жили казаки-некрасовцы, не имеют под собой почвы. Нам думается, что на основе рекогносцировочного материала рано говорить о нем что-либо определенное. Пока городище остается для нас загадочным.

С 1952 г. и по настоящее время в верхнем Прикубанье проводит археологические работы В. А. Кузнецов. В начале его работы были связаны со студенческой археологической экспедицией Пятигорского педагогического института,* в дальнейшем он выполнил их самостоятельно. За 1952—1953 гг. экспедиция обследовала около 50 археологических объектов, расположенных по ущельям рек Большой Зеленчук, Кривая, Кяфар; среди них обнаружены городища, могильники, пещерные погребения, плиты с изображениями, плиты с надписями, статуи, менгиры. Самыми крупными объектами оказались могильники на р. Кривой и городище Нижний Архыз. Особое внимание экспедиции было обращено на их изучение.⁷³

Могильники р. Кривой (приток р. Кяфара) дали три вида могильных сооружений: 1) наземные гробницы, 2)

* В 1952 г. экспедицией руководил доцент Пятигорского пединститута Г. Н. Акритас, в 1953 г. — В. А. Кузнецов.

дольменообразные склепы, 3) курганы. Особенно интересными оказались дольменообразные склепы могильника № 1. Всего обследовано здесь 11 склепов. Среди них особенно выделялся склеп, покрытый рельефными изображениями бытовых, военных и охотничьих сцен. Этот выдающийся по величине и многообразию изображений памятник был известен анонимному автору «Очерка горских народов правого крыла Кавказской линии» (Военный сборник, 1860, № 1, стр. 289). Писал о нем и Е. Д. Фелицын (МАК, IX, стр. 85), но самое обстоятельное описание конструкции всего склепа и его изображений дал В. А. Кузнецов, определяя дату склепа XI—XII вв. н. э.⁷⁴ В настоящее время склеп хранится в Ставропольском краевом музее.

Кроме могильников на р. Кривой экспедиция студентов Пятигорского института обследовала городище Нижний Архыз, на правом берегу Большого Зеленчука, где стоят знаменитые Зеленчукские храмы. В. А. Кузнецов работает в данном районе до настоящего времени. Главное его внимание привлекает Нижне-Архызское городище. Здесь, в связи с реставрацией северного, не подвергавшегося переделкам храма, он исследовал могильник возле храма с христианским обрядом погребения, обнаружил неизвестную ранее христианскую церковь севернее этого храма, открыл свыше десятка часовен как на территории городища, так и на скалах его ближайших окрестностей, исследовал несколько жилых сооружений городища.⁷⁵ Наряду с основной работой на городище Нижний Архыз, им производилась разведка по всему течению Б. Зеленчука.

В 1960—1962 гг. В. А. Кузнецов, в связи со случайным открытием плит с руническими надписями на Хумаринском городище, обследовал это городище и опубликовал обнаруженные на нем надписи.⁷⁶

В мае 1964 г. экспедиция Северо-Осетинского научно-исследовательского института в составе В. А. Кузнецова, Т. Б. Тургиева и М. В. Любченко посетила верховья Б. Зеленчука с целью поисков плиты с аланской надписью. Несмотря на то, что участники экспедиции имели карту Струкова с указанием местонахождения плиты, при весьма тщательных поисках отыскать плиту не удалось.⁷⁷

Выше упоминается, что экспедиция Карачаевского учительского института 1940 г. как одну из своих задач намечала выявление стоянок палеолитического и неолитического человека, но их не обнаружила (да и не могла обнаружить за отсутствием специалистов в своем составе), ошибочно признав за неолитическую стоянку пещеру Кара-

Бек на р. Марухе. Впервые небольшую рекогносцировку со специальной целью — поисков памятников каменного века — провел В. П. Любин в долинах Б. Зеленчука и Кубани в 1955 г. В результате его разведок на р. Хусе был найден кремневый отщеп мустьерского облика и в балке Учкурка на Кубани было открыто небольшое мезолитическое местонахождение. В 1956 г. результаты работ оказались богаче. В ближайших окрестностях станицы Кардоникской обнаружено мустьерское местонахождение; на водоразделе между р. Б. Зеленчук и ее правым притоком р. Хуса — мезолитическая стоянка Яворы; в долине р. Овечки, в 2—3 км к северо-востоку от г. Черкесска — неолитическое местонахождение; следы мезолита в русле р. Дзегуты; в центре аула Кубины, на дне пересекающего его оврага, поднят кремневый призматический нуклеус.⁷⁸

Таким образом, по словам исследователя, первыми разведками было установлено пребывание на территории Карачаево-Черкесии людей эпохи каменного века, которых привлекало сюда обилие хорошего сырьевого материала — голубовато-белого кремня.

Важные по своим результатам раскопки были произведены в 1963—1964 гг. у станицы Усть-Дзегутинской Прикубанского района Ставропольского края. В связи со строительством Кубань-Калаусской оросительной системы, возникла угроза разрушения большого количества курганов, стоявших на путях планируемых оросительных каналов. По инициативе и настояниям Ставропольского краевого музея «Ставропольстрой» в соответствии с существующим положением выделил средства и рабочую силу для раскопок этих курганов.

Ставропольский музей направил на эту работу своего научного сотрудника по археологическому отделу А. Л. Нечитайло, которая полностью выполнила возложенную на нее задачу. Ею в два сезона раскопано 45 курганов, и в них исследовано 153 погребения.⁷⁹

Курганы были широко разбросаны по равнине первой террасы с правой стороны Кубани от станицы Усть-Дзегутинской почти до г. Черкесска. Среди них преобладали курганы средней величины — 1—3 м высоты, но имелись и крупные насыпи до 11 м высоты. Мелкие насыпи, без сомнения, еще в большем количестве покрывавшие когда-то равнину, были уже распаханы. Местами их следы обозначались серыми пятнами на черной вспаханной земле.

В настоящее время на равнине сохраняется только группа так называемых курганов Веселовского. Первона-

начально она входила в общий комплекс данного поля. Особой закономерности в расположении курганов не наблюдалось. Лишь в двух случаях отмечено, что несколько из них располагались строго в ряд примерно в 40—50 м друг от друга по направлению СЗ-ЮВ.

Все курганы по основанию были окружены кольцами из битых камней или крупного булыжника. Иногда проходило два или три параллельных кольца. Центральные могилы во всех без исключения курганах оказывались разрушенными грабителями. Неразрушенными оставались только впускные погребения. Их в каждом кургане было много. Подавляющее большинство погребений относится к разным стадиям эпохи бронзы, но в нескольких случаях встретились более поздние (сарматские). В погребениях эпохи бронзы отчетливо выявляются три культуры: 1) майкопская, 2) катакомбная и 3) северокавказская. Богато представлена керамика, имеется и металлический, и кремневый инвентарь.⁸⁰

На том же правом берегу Кубани, в 1 км, приблизительно, от северной оконечности Усть-Джегуты, обнаружено поселение эпохи бронзы. Поселение было осмотрено совместно с автором данной работы. Оно занимает площадь до 500 м в длину и несколько меньше в ширину. Ни бугров, ни ям на поверхности незаметно. Местами на пахоте встречались скопления керамики и битого камня; находились плоские зернотерки или их куски, терочники и в одном случае крупный кремневый нуклеус. Отщепов кремня встречалось много. Среди обломков керамики преобладали куски от крупных красноглиняных толстостенных сосудов с завернутым краем. Точно такие же обломки встречались в остатках кострищ, окружавших некоторые центральные погребения в курганах. Этот факт неоспоримо свидетельствует о связи Усть-Джегутинских курганов с поселением. К сожалению, в настоящее время большая часть площади поселения изрезана оросительными канавами и недоступна для раскопок, но прибрежная часть ее еще сохраняется нетронутой. На ней еще возможно провести исследования, которые восполнили бы наши сведения о жизни и хозяйстве населения данного района в эпоху бронзы, пока еще мало известную и слабо изученную в верхнем Прикубанье.

В 1966 г. И. И. Мизиев по поручению КЧНИИ произвел раскопки в верховьях небольшой речки Индыш — правого высокогорного притока Кубани. В урочище Сыла им было обнаружено поселение VII—IX вв. н. э., раскопан

полуподземный склеп VII в. и остатки наземных гробниц IX—XI вв. н. э.⁸¹

В заключение обзора полевых исследований считаем не лишним упомянуть о некоторых случайных находках во время хозяйственных работ. Они имеют большое значение для древней и средневековой истории Прикубанья.

Весною 1953 г. близ станицы Преградной, в районе Круглого Яра на р. Урупe, левом притоке Кубани, рабочими при рытье скотомогильника была разрушена могила, и в ней найдены следующие вещи: серебряная тонкая штампованная пластинка, изображающая фигуру мужчины, такая же пластинка, изображающая льва, прорезные бронзовые бляшки, бронзовые пряжки с прямоугольным кольцом, портупейная застежка с геральдическим прорезным щитком, различные бусы и обломки некоторых других мелких вещей.⁸² По стилю вещи близки вещам Мартыповского клада VI в. н. э., но уступают им в качестве материала и тщательности выработки.

Весьма интересной оказалась находка в декабре 1954 г. на Домбайской поляне, у истоков р. Теберды. Здесь при устройстве теннисной площадки вблизи альпинистской базы был срезан небольшой участок склона, а быть может, кургана, и при этом бульдозер вывернул несколько вещей: 1 — три бронзовых фибулы с высокой, круто изогнутой цилиндрической в сечении дужкой; дужка украшена поперечными параллельными нарезками; 2 — два бронзовых спиральных браслета со змеинными головками на концах; 3 — две гривны из цилиндрического в сечении толстого бронзового прута с листовидно расплюснутыми концами; 4 — бронзовая круглая бляха; 5 — цепь длиной 1 м из сомкнутых без спайки бронзовых колец; цепь образует крупную петлю, конец петли заканчивается ланцетовидной подвеской; 6 — три железных втульчатых копья с листовидным острием; 7 — железная секира с расширенным дугообразным лезвием и короткой молоточной частью; 8 — бронзовый шлем с наушниками; он, очевидно, был на голове погребенного, так как с вещами оказался кусок человеческого черепа, сильно окрашенный медной окисью; 9 — черепок бурого лощеного сосуда с желобками и наклепным валиком на поверхности. Судя по наличию куска черепа, можно предполагать, что вещи происходят из погребения, возможно, сопровождавшегося конским захоронением (бляха, цепь). Комплекс вещей был доставлен в Тебердинский государственный заповедник, в музее которого он хранится в настоящее время.

В 1967 г. в районе той же Домбайской поляны, на левом берегу речки Домбай-Ульген, при рытье котлована для гостиницы на полуметровой глубине рабочие обнаружили каменный ящик, накрытый плитами. В нем оказалось погребение с большим количеством вещей. Среди вещей имеются серебряная шейная гривна с утолщенными концами, височные подвески из тонкой золотой проволоки, четыре массивные бронзовые фибулы, круглые бронзовые позолоченные бляхи, цепь длиной 0,65 м из бронзовых позолоченных колец, обломок бронзового браслета, обломок кривого железного ножа с костяной рукоятью, бронзовые колокольчики, стеклянные бусы и другие вещи.⁸³ Вещи в настоящее время хранятся в Ставропольском музее.

По всей видимости, вещи домбайских находок характеризуют собою так называемую Прикубанскую культуру. Очевидно, в начале первого тысячелетия до н. э. ущелье Теберды было освоено человеком вплоть до снеговых хребтов Главного Кавказа.

* * *

Итак, в послеоктябрьский период в археологических исследованиях отмечается более глубокий охват памятников. Наряду с долинами крупных рек обследуются их мелкие притоки и балки. Если в дореволюционный период во время рекогносцировок внимание привлекали главным образом памятники, сохранившиеся на поверхности, «видимые глазу» — башни, храмы, кресты, наземные гробницы, то в советский период наряду с ними исследуются памятники, скрытые в земле — городища, поселения, грунтовые могильники. При обследовании применяются раскопки в значительно большем масштабе, чем в досоветский период. Однако следует отметить, что полностью раскопками не вскрыто пока ни одного памятника. Обычно раскопанная площадь является незначительной частью городища или поселения. Исследование некоторых могильников не доведено до конца, оборвано.

Недостатком является и то, что до сих пор мало обследованы водораздельные возвышенные плато предгорий. Обследования за небольшими исключениями проходили в речных долинах или по ближайшим к ним террасам. Однако, как показали рекогносцировки самого последнего времени, интересные и ценные в научном отношении памятники имеются и на водораздельных плато. Например, в балке Инджургата, в 4 км к западу от долины Кубани, обнаружены остатки феодального замка. В верховьях балки Голодной (с левой стороны аула Кумыш) открыты три

разновременных могильника. Древнее население этих мест, несомненно, группировалось вокруг источников с большим дебитом воды, следы которых в данных местах отмечают геологи. Не случайно в настоящее время в этих местах находятся крупные сельскохозяйственные фермы.

Публикация материалов раскопок отстает иногда на десятилетия и более лет от времени их открытия, а многие материалы остаются до сих пор не опубликованными.

Несмотря на указанные слабые стороны, в общем в археологическом изучении верхнего Прикубанья наблюдаются значительные достижения. Они дали возможность советским археологам осветить некоторые проблемы древней и средневековой истории бассейна верхней Кубани. Мы разумеем работы А. А. Иессена по эпохе бронзы, Е. И. Крупнова о древней истории населения Северного Кавказа, В. А. Кузнецова об аланах в Прикубанье, Е. П. Алексеевой о народах Карачаево-Черкесии.

ВИДЫ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ВЕРХНЕМ ПРИКУБАНЬЕ

В археологических памятниках бассейна верхней Кубани первое по количеству место занимают могильники. В них выявлены различные по своему устройству могильные сооружения. В зависимости от темы нашей работы нас будут интересовать могильники эпохи раннего средневековья. Более древних памятников мы касаться не будем.

Грунтовые каменные гробницы

Наиболее характерным видом погребального сооружения эпохи средневековья являются грунтовые каменные гробницы. Представляют они собою прямоугольную грунтовую яму, по всем четырем стенкам выложенную битым или слегка подтесанным камнем. Иногда торцовые стенки в них обставлены сплошной плитой. По соотношению длины к ширине могилы эти весьма разнообразны. Обычно длина их до 2 м, ширина до 1 м, приблизительно. Но встречаются длинные (до 4 м) в виде коридора и укороченные расширенные. Дно могилы чаще выстилается тонкими плитами, но встречается и земляное. В стенах иногда устраиваются небольшие ниши и лежанки вдоль одной из длинных стен. Но эти детали имеются далеко не во всех могилах. Покрываются могилы толстыми массивными каменными плитами, одной или несколькими (рис. 1, 2). По глубине могила устраивается так, что покрывающие ее плиты залегают немного ниже древнего горизонта. Сверху над могилой насыпалась земля, но надмогильного холма эта насыпь не образовывала.

Можно предполагать, что на поверхности места могил чем-то обозначались, что впоследствии помогало грабителям найти их. Располагались они вразброс, в полном беспорядке.

В археологической литературе данный вид могил называется «подземными склепами». Такое наименование, на наш взгляд, неправильно характеризует их устройство. Могилы эти не имеют входов в стенах, что характерно для склепа, и выкапывались они как обычные грунтовые ямы. Поэтому мы думаем, что название «грунтовые каменные гробницы» точнее определяют конструкцию данного вида погребальных сооружений.

В грунтовых каменных гробницах более обстоятельно, чем в других могилах, прослежен погребальный ритуал, несмотря на массовое ограбление могил, находились и нарушенные погребения. Костяк погребенного лежал на спине вытянуто, руки вдоль туловища. В большинстве случаев подстилкой служила тонкая плита. Помещался костяк ближе к одной из длинных стен могилы, ногами вплотную к торцовой стенке. Между черепом и противоположной торцовой стенкой оставалось значительное пустое пространство. Оно заполнялось пищей для погребенного — различными глиняными сосудами, иногда стеклянными, и костями овцы. Сосуды ставились и вдоль костяка, в той части, которая оставалась свободной. Как правило, в могилах оказывалось много глиняной посуды. Чем они длиннее, тем больше в них сосудов. Предметы украшения размещались на костяке. В боковых нишах всегда находились осколки стеклянной посуды. Ориентировка погребенного неустойчива, соответственно неустойчивой ориентировке самих могил.

В Гилячских могильниках № 1 и № 3 она преобладала В-З.

Иногда в могилах совершались повторные погребения. Тогда лежавший уже в могиле костяк со всеми принадлежавшими ему украшениями покрывался тонкой плитой, и на ней помещался новый погребенный. Или же первый костяк весьма бесцеременно сдвигался вплотную к стенке, а рядом с ним помещался другой умерший. Такие случаи нередко встречались нам в могильниках Гиляч и Усть-Теберды.

В Прикубанье эта форма удерживается на всем протяжении раннего средневековья, начиная с III в. н. э. вплоть до XII в. н. э.

Наиболее типичные образцы грунтовых каменных гробниц дают могильники № 1 и № 3 городища Гиляч, могильник городища «Церковная поляна» на р. Киир-Кол и могильники поселения Узун-Кол. В последние годы в могильнике № 1 городища Гиляч² дополнительно исследовано

шесть грунтовых каменных гробниц с обильным и довольно богатым инвентарем, среди которого имеются инкрустированные камнями и стеклами бляхи и фибулы, золотые бляхи и серьги, фибулы с полукруглым щитком и ромбической ножкой, стеклянные кубки и многие другие вещи V в. н. э.

Точно такие же могилы со всеми деталями гилячских обнаружены на так называемой «Церковной поляне». «Церковная поляна» — городище, расположенное на правой стороне реки Киир-Кол, левого притока Кубани, на ровной довольно широкой поляне. С юго-восточной стороны поляна ограждена валом высотой от 1,5 до 2 м, на котором когда-то стояла каменная стена. С этой стороны на поляну возможен был вход со стороны Кубани. С северной стороны поляну ограждает узкий скалистый кряж, в котором неподалеку от обрыва над р. Киир-Кол имеется перерыв, как бы дверь или ворота. Карачаевцы так и называют это место — «къяя-Эшик» — скалистая дверь или скала — дверь. Весьма возможно, что этот разрыв искусственного происхождения. На городище, по всей вероятности когда-то стояла церковь. В настоящее время камень всех жилых построек выбран для скотоводческих ферм, размещенных на поляне.

На северном хребте располагался могильник; нами подсчитано до сорока каменных гробниц. Все они открыты и начисто ограблены. По склону хребта сохраняются остатки разрушенных полуподземных склепов. По характеру выработки строительного камня, по наличию жерновов, найденных нами на городище, и керамики, по общему виду могильников это городище весьма похоже на городище Гиляч. И территориально они близки. «Церковная поляна» хорошо просматривается с Гилячского городища. Допустимо поэтому предположить, что они были синхронны и, следовательно, могильники церковной поляны могут быть датированы тем же временем, как и Гилячские могильники.

Гробницы Узун-Кол, в общем, того же вида, но наличием лежанок вдоль одной из длинных стен (рис. 1, 1) они отличаются от Гилячских. Эту деталь, быть может, возможно рассматривать как влияние сарматского погребального обряда. Нам приходилось исследовать сарматские подкурганые погребения с лежанками вдоль одной из длинных стен в Н. Поволжье, близ с. Аксая, на р. Аксае, притока р. Хопра. Лежанки сарматских могил были земляные, как и вся могила. На них стояла посуда — глина-

ные миски с костями овцы и железным ножом и другие сосуды. В могильнике Узун-Кол лежанки устраивались из битого камня, как и вся могила, что на них ставилось, установить не удалось по причине ограбления могил. Однако следует отметить, что в массовых раскопках сарматских курганов Н. Поволжья не наблюдаются подобные факты. Там нередко встречались могилы с так называемыми «заплечиками», но они не являлись лежанками. Их назначение было другое — поддерживать деревянное перекрытие над погребением.³ Поэтому данные аналогии мы приводим в сугубо предположительной форме.

В погребальном инвентаре узункольских могил найдено несколько вещей, характерных для сарматских погребений Нижнего Поволжья: зеркало с ушком для подвешивания, наконечник ремня, трехгранный удлиненный камень — ритуальный предмет, бронзовый флакончик для благовоений, серьги калачиком. Следовательно, здесь в погребальном ритуале удерживаются некоторые черты сарматского погребального обряда. Они переплетаются с чисто горскими кавказскими чертами (изображение свернувшейся змеи на зеркальце — подвеска, форма могилы). На погребениях Узун-Кола мы наблюдаем раннюю стадию аланской культуры, стадию ее формирования. Могилы эти могут датироваться III—V вв. н. э.

На правом берегу р. Теберды, на месте г. Карачаевска, находился могильник с точно такими же подземными каменными гробницами. Судя по останкам инвентаря в некоторых обследованных нами в 1939 г. могилах, они должны быть одного времени с Гилячскими гробницами.

На правой стороне Кубани, близ поселка Георгиевско-Осетинского (ныне Коста Хетагурова), в 1895—1896 гг. В. М. Сысоев исследовал три такие гробницы. По найденным в них вещам (бронзовая ложка-цедилка, фибула с тремя птичьими головами) гробницы могут датироваться V—VI вв. н. э. Тем же автором обнаружены подземные каменные гробницы на горе Кльян-Кала, на правом берегу Кубани, в урочище Кой-Боулар, ниже аула Карт-Джюрт, в могильнике Гаратуз, на горе Шоана — близ Шоанинского храма.

Грунтовая гробница с выложенными камнем стенками и покрытая плитами найдена нами в 1966 г. на правой стороне балки Шубшурук в ее устье, в километре приблизительно, восточнее аула Новый Карачай. Могила открыта и ограблена. По всей вероятности, в этом месте имеется могильник. На поверхности признаков могил не замечено.

Несколько каменных гробниц вскрыл В. Л. Тимофеев в 1908 г. в окрестностях станции Зеленчукской, в местности Боготобаге.⁴ Как состав найденных им вещей (трехгранный наконечник, стрелы, железный топорик, янтарные бусы, кабаньих клык, наконечник ремня и др.), так и их характер определяют дату могил — VI—VII вв. н. э. Особенно показательны в этом отношении прорезные геральдические бронзовые бляшки.⁵

В июле 1953 г. в Усть-Джегутинском районе, на территории Красногорского сельсовета, при добыче известкового камня была обнаружена могила, обложенная битым камнем и прикрытая каменной плитой. На дне могилы лежал скелет человека, около которого у правой руки стояли два небольших сосуда и чашечка. Один из сосудов, высотой 11 см, черный, с хорошим лощением, с шаровидным туловом, украшенным лощеным орнаментом в елочку, и ручкой с прямоугольным изгибом; второй горшочек точно такой же формы, но не лощеный. Миска серая не лощеная, высотой 5 см. Все три сосуда лепные. Они повторяют формы керамики IV—VII вв. н. э. Хранятся они вместе с описанием обстоятельств их находки в Ставропольском краевом музее.

Грунтовые каменные гробницы довольно часто встречались в Усть-Тебердинском могильнике. Могильник имеет разнотипные и, по-видимому, разновременные погребения, но часть его могил, вероятно, может быть датирована IX—X вв. н. э.⁶

Летом 1956 г. на левом берегу р. Большой Зеленчук, против поселка Нижний Архыз, В. А. Кузнецовым была исследована могила интересующего нас типа. «Отвесные стены склепа,— пишет В. А. Кузнецов,⁷— сложены из подтесанных плиток известняка насухо и покрыты одной мощной плитой во всю длину, пол выстлан тонкими плитами. Длина склепа 2,1 м, ширина 0,8 м, высота камеры 0,6 м». В склепе найдены обломки пяти стеклянных браслетов коричневого, желтого, синего и вишневого стекла. Они, по утверждению исследователя, и определяют датировку памятника XI—XII вв. н. э.

Приведенные примеры показывают, что грунтовые каменные гробницы широко распространены в верхнем Прикубанье. Хронологически они охватывают большой период времени с III—IV вв. н. э. На основании имеющихся в настоящее время материалов создается впечатление, что в первой половине эпохи раннего средневековья грунтовые каменные гробницы в Прикубанье применялись в погре-

бальном ритуале шире, чем в последующие столетия. Этот тип могил характерен не только для верхнего Прикубанья. Он встречается и в других областях Северного Кавказа.

Полуподземные склепы

От вышеописанных грунтовых каменных гробниц мы отличаем так называемые полуподземные склепы. Это могила, врезанная в косогор на всю свою длину, только передняя узкая ее стенка вырисовывалась в обрезке склона. Стены полуподземных склепов складывались из битого или тесаного камня без раствора, покрывались они крупными плитами, одной или несколькими, и сверху присыпались землей. В передней стенке устраивалось небольшое входное отверстие, закрывавшееся или одной плиткой, или несколькими более крупными, чем в стенках, камнями. Оно обычно размещалось на некоторой высоте над основанием стенки и имело прямоугольные очертания. Ориентировка их неустойчива. Приспосабливались они к направлению косогора. Как правило, могила по длине шла перпендикулярно склону (рис. 1, 3). Так как подобные могилы не полностью были скрыты в земле, легко обнаруживались, то к настоящему времени они все ограблены.

Конструктивно полуподземные склепы составляют как бы переходную ступень от грунтовых каменных гробниц к наземным склепам.

Полуподземные склепы обследовались нами на городище Гиляч впервые в 1939 г., а затем в шестидесятые годы. Здесь этот вид погребальных сооружений составлял отдельный могильник № 2, располагавшийся по крутому скалистому склону над протоком Малый Гиляч, западнее могильника № 1 с грунтовыми каменными гробницами.⁸ В одном из склепов этого могильника была найдена застежка в виде стерженька с утолщенными концами. Она лежала на пороге входа и, видимо, была утеряна при ограблении склепа. В другом, сильно разрушенном склепе на полу обнаружен браслет коричневого стекла, треугольный в сечении, и шесть человеческих черепов, некоторые из них имели круглые пробоины. Находки застежки и стеклянного браслета ориентировочно определяют время Гилячского могильника № 2 VIII—XII вв. н. э.

Интересные сведения сообщает Ставропольский епископ Владимир о своем посещении Септинского храма. Он искал следы тех, «которые были посетителями этой церкви», и нашел их «почти на половине юго-восточного крутого косогора». «Это каменные гробницы из цельных тесаных плит, частью углубленные в гору, длины около трех аршин,

а в поперечнике до 1½ аршин, сверху перекрыты одною цельною плитой, с передней стороны внизу вроде высокого порога, так что с этой стороны образуется отверстие, которое, без сомнения, закладывалось тоже плитою... Такими могилами это ребро холма исполнено как пчелиными ячейками».⁹ Как видим, Сентинские гробницы аналогичны полуподземным склепам Гилячского могильника № 2.

Полуподземные склепы встречались и в других пунктах верхнего Прикубанья. В. М. Сысоев в 1895 г. исследовал полуподземный склеп на горе Шоана,¹⁰ несколько таких же склепов — на правом берегу р. Клян-Су, на горе Клян-Кала,¹¹ в могильнике № 1 по левую сторону р. Теберды, в могильнике № 2 на той же стороне Теберды.¹² На южном и восточном склонах Сентинской горы в 1899 г. И. А. Владимиров обнаружил до 35 гробниц, врезанных в склон. По отчету, сопровождаемому прекрасными чертежами и рисунками, видно, что это были полуподземные склепы, подобные Гилячским.¹³

По отдельным находкам И. А. Владимирова в этих могилах (бронзовая пряжка с геральдическим щитком, бронзовый наконечник ремня, обломок бубенчика, бронзовое височное кольцо с многогранником на конце) можно датировать их VI—VII вв. н. э.

В 1959 г. могильник на Сентинской горе раскапывала Е. П. Алексеева. Она находила грунтовые каменные гробницы и грунтовые земляные могилы. Исследователь датирует их в основном IX—X вв. н. э.¹⁴

Полуподземные склепы встречались на Большом Зеленчуке, на склонах хребта Ужум, рядом с известным Нижнеархызским городищем.¹⁵

Обряд погребения в могилах подобного вида восстанавливается с трудом за полным их ограблением. Ясно лишь, что некоторые из них предназначались для коллективных захоронений (Гиляч, могильник № 2) для чего, вероятно, и устраивался вход в склеп в передней стенке. Погребение сопровождалось пищей для умершего и большим количеством украшений от его одежды. Можно предполагать, что покойника клали ногами ко входу (черепа находились в глубине склепа), ориентировка его была неустойчива, соответственно неустойчивой ориентировке самих склепов.

Таким образом, полуподземные склепы, как мы видели, довольно широко распространены в верхнем Прикубанье. Встречаются они в тех же пунктах, где находятся грунтовые каменные гробницы и наземные склепы.

Наземные склепы Наземные склепы из битого или тесаного камня, сложенного насухо, устраивались на поверхности. В плане они имели вид более или менее вытянутого прямоугольника, покрытого плитами в один или в несколько слоев. Поверх плит насыпалась земля. Изредка над ними устраивалась двускатная крыша. В передней стене делалось входное отверстие (рис. 2, 1). Встречались склепы двухэтажные, у некоторых имелись окна в боковых стенах.

В литературе указания на наличие наземных склепов или гробниц, как их нередко называют, довольно часты. Поэтому создается впечатление, что в верхнем Прикубанье количественно наземные склепы занимают первое место. Но это впечатление может быть ошибочным. Оно основывается на том, что наземные сооружения чаще упоминаются в трудах путешественников, так как они бросались в глаза без особых исследовательских поисков, тогда как грунтовые гробницы оставались неизвестными и неотмеченными.

При детальном исследовании памятников, в которых имеются и наземные и грунтовые могилы, как правило, наземных могил насчитывается значительно меньше, чем грунтовых. Такое соотношение мы наблюдали на городище Гиляч, в Усть-Тебердинском могильнике.

В дооктябрьский период большие могильники из наземных каменных гробниц или склепов были зарегистрированы главным образом по р. Индыш и по р. Кривой. На плоскогорье Индыш-Баши, между верховьями рек Индыш и Индыш Артикол, по свидетельству В. М. Сысоева, насчитывалось около 100 гробниц, среди которых встречались двухэтажные, сложенные из крупных плит.¹⁶ В 3 км выше впадения р. Индыш в Кубань В. М. Сысоев отмечает около 15 наземных и ограбленных склепов. Три из них он исследовал.¹⁷ Х. О. Лайпанов насчитывал на Индыше «около 40 наземных склепов разных размеров».¹⁸ По левую сторону р. Индыш, в том ее нижнем отрезке, где она вступает в глубокое лесистое ущелье, нами в 1964 г. наблюдались полуразрушенные наземные гробницы; возможно, что они входили в число тех «старинных гробниц», о которых писал Хурумов. Он указывал, что верстах в пятнадцати от впадения Индыша в Кубань разбросаны старинные гробницы. Одни из них сложены из больших цельных плит и покрыты такою же плитой, другие из меньших плит и имеют двускатную крышу. И те и другие задней стеной упираются в косогор.¹⁹ А. Фиркович отмечал в урочище Марджа, по

верхнему течению р. Индыш, три квадратные гробницы, расположенные рядом, сложенные из тесаного камня, крытые плитами и с окном в каждой из них.²⁰ В этом же урочище Токарев позже А. Фирковича отметил наземные гробницы с входными отверстиями.²¹ И в настоящее время местные жители сообщают, что в урочище Марджа имеются «склепы с окнами».

Большое количество наземных гробниц зарегистрировано на р. Кривой, восточном притоке р. Кяфара.²² Могильники располагаются неподалеку от слияния р. Кривой с р. Кяфаром, по обеим сторонам глубокой балки. В могильнике № 1, на левой стороне балки, насчитывается не менее 100—150 наземных гробниц. Могильник № 2, на правой стороне балки, на террасовидной площадке, состоит из 45—50 таких же гробниц. Стены гробниц, по описанию В. А. Кузнецова, сложены из небольших плит битого камня — песчаника насухо. В передней стене обычно делалось четырехугольное отверстие, начинающееся от земли и достигающее примерно до середины высоты гробницы. Размеры отверстий от 0,45 до 0,6 м, вверху они обычно перекрыты большой плитой, покрывающей гробницу на всю длину камеры. Эта плита служила потолком камеры, затем на нее клалась еще несколько рядов камней и таким образом получалось довольно прочное сооружение до 2,5—3 м длиной, 1,5—1,85 м шириной и 0,8—0,9 м высотой. Время этих гробниц В. А. Кузнецов определяет VIII—XII вв. При этом считает этот тип могильных сооружений характерным именно для верховьев Кубани.²³

В верхнем течении р. Бежгон, в том месте, где Бежгон круто поворачивает к западу, на возвышенном плато по левую сторону реки раскинулся могильник из нескольких десятков наземных гробниц. Гробницы сложены из тесаного камня, по форме они прямоугольные, перекрывались, по всей вероятности, плитами. В настоящее время все они разрушены.

Наземные склепы зафиксированы в ближайших окрестностях городища Гиляч. Наиболее типичные и лучше других сохранившиеся обнаружены на мысу, где Гиляч сливается с р. Киир-Кол. На скалистых уступах между крутым склоном к р. Гиляч и глубокой балкой компактной группой размещено несколько десятков наземных склепов. Сохранившийся лучше других передан на рис. 2, 1. Сложен он из хорошо отесанного камня. В плане удлиненно-прямоугольный. Длина 2,1 м, ширина 1,65 м и высота 1,5 м. Ориентирован склеп с востока на запад. В восточном конце —

вход шириною 0,52 м. По высоте он, по-видимому, проходил до плит, покрывавших склеп. Перекрытие склепа состояло из нескольких слоев плит и небольшой земляной насыпи. На дне склепа нами были найдены нижняя челюсть ребенка и челюсть старого человека. Очевидно, погребение было коллективным, чему соответствуют и размеры гробницы. Другие склепы этого могильника сильно разрушены, но по типу повторяют описанный.

От р. Гиляч к могильнику в настоящее время ведет тропа. Проходит она по древней дороге, местами ясно обозначаемой, местами теряющейся среди леса. Дорога огибала склон горы и, вероятно, подводила не только к склепам, но и к поселению, нами не отысканному за недостатком времени.

В 1939 г. на могильнике № 1 городища Гиляч нами были раскопаны остатки наземного склепа, несколько отличающегося от только что описанных. На поверхности обозначался удлиненный прямоугольник, ориентированный С-Ю, выложенный тесаным камнем. Это были нижние венцы надземной части сооружения, полностью снятой к нашему времени. Дно его было углублено в материк на 0,4 м. Вдоль длинных стен проходили земляные нары шириною 0,6 м. Скорее всего на них и помещались погребенные. Ни костей, ни вещей в склепе не найдено, кроме нескольких черепков от красноглиняных сосудов с гребенчато-линейным орнаментом. Наличием нар этот склеп отличается от упомянутых выше. Он сближается с позднесредневековыми склепами, хорошо известными на Северном Кавказе.

О погребальном ритуале наземных склепов можно сказать еще меньше, чем о полуподземных. Ориентировка склепов различная. Встречались направленные входными отверстиями на восток, на запад, на север, на юго-запад. Следовательно, и погребенных в них ориентировывали по-разному. Часть склепов предназначалась для индивидуальных погребений, часть — для коллективных. В одной из гробниц на горе Кала-Сырты В. М. Сысоев обнаружил остатки семи скелетов, лежавших на подстилке из березовой коры.²⁴ В гробницах могильника № 1 на р. Кривой отмечена угольная и зольная подсыпка.²⁵

Особый вид погребальных сооружений составляют грунтовые ямы. Представляют они собою прямоугольную или овальных очертаний яму, углубленную в грунт. Стенки ее не выкладываются камнем. Иногда яма покрывается пли-

той, иногда засыпается землей. Таких могил выявлено немного. Нам известны они в могильниках Узун-Кол.²⁶ Хронологически они не совпадают с грунтовыми каменными гробницами III—V вв. н. э. того же могильника. По наличию прорезных поясных бляшек, пряжек с геральдическим щитком, железных стремян с петлевидным ушком, керамики их следует датировать VI—VII вв. Состав погребального инвентаря отличает их от могил предыдущего периода. Например, в погребениях III—V вв. не было случая находки стремян. В погребениях VI—VII вв. они появляются, причем в форме, характерной для памятников Средней Азии раннесредневекового времени.

Погребения в простых земляных ямах, наряду с другими формами могил, исследовались Е. П. Алексеевой в могильнике на Сентинской горе, которые она датирует IX—X вв.,²⁷ на Тамгацком могильнике близ аула Жако, на Малом Зеленчуке.²⁸ Тамгацкие могилы покрывались плитами из камня-известняка длиной до 2 м, шириной до 0,9 м. Е. П. Алексеева датирует их IV—V вв. н. э. На основании форм погребального инвентаря (керамика, фибулы), отсутствия ярко выраженной деформации черепов у погребенных, нам эта дата кажется заниженной. По всей вероятности, погребения в Тамгацком могильнике совершены позднее IV—V вв.

Дольменообразные склепы

Общеизвестным видом погребальных сооружений верхнего Прикубанья являются дольменообразные склепы. В плане они имеют вид удлиненного четырехугольника. Стены их сложены из тщательно отесанных плит. Стены устанавливались на каменном цоколе, иногда образовывавшем ступеньки. В передней стене делалось круглое или овальное отверстие, закрывавшееся каменной втулкой. Пол выстилался каменными плитами. Покрывались склепы также плитами, изредка имели двускатную крышу. На плитах часто бывают изображения: фигуры людей, животных, птиц, христианские кресты, орнаменты и др. Судя по их размерам, предназначались склепы для коллективных захоронений.

Дольменообразные склепы в археологических памятниках верхнего Прикубанья немногочисленны. Лучше других изучены склепы на р. Кривой.²⁹ В могильнике № 1, по свидетельству В. А. Кузнецова, обнаружено 11 дольменообразных склепов. Один из них, обстоятельно изученный В. А. Кузнецовым, выделяется своими рельефными изображениями, которые покрывают все стены. Датируется склеп

исследователем XII вв.³⁰ В настоящее время хранится в Ставропольском краевом музее.

В 1940 г. историко-археологическая экспедиция Карачаевской автономной области обнаружила у жителей аула Верхняя Теберда три плиты, вывезенные с городища Амгата. На одной из них, удлинненно прямоугольной, изображены семь человеческих фигур, стоящих в ряд, с поднятыми вверх руками. По-видимому, изображение передавало ритуальный танец. Интересно отметить, что фигуры танцующих в типично кавказской одежде — в бурках. На второй плите тех же очертаний изображены четыре бегущих оленя с теленком. Третья плита сохранилась только частично, на ней изображен всадник с луком в руках и тамга в виде стержня на горизонтальной основе и полукруга на верхнем конце. Все три плиты являются, несомненно, остатками разрушенных дольменообразных склепов, подобных склепам р. Кривой. Хранились они в Карачаевском областном музее, где мы с ними и ознакомились. К сожалению, в настоящее время плиты утрачены.

Можно предполагать, что дольменообразные склепы были и на городище Гиляч. Студенты Карачаевского педагогического института — члены археолого-исторического кружка — нашли в 1962 г. среди развалин строений городища плиту с рельефным изображением всадника с копьем (рис. 2, 3). Плита толщиной 0,18 м, длиной 0,79 м имеет в центре внизу полукруглый выем, а по бокам прямоугольные вырезы. По форме она тождественна плите из Амгаты и весьма близка ей по изображению. По всей вероятности, она представляла собою, как и плита из Амгаты, переднюю стенку дольменообразного склепа. Плита хранилась в музее исторического кружка Карачаевского пединститута, ныне следы ее затерялись.

К этому же типу сооружений можно отнести гробницы на р. Индыш, на основании зарисовок И. Хурумова.³¹ Однако не лишне отметить, что В. М. Сысоев, знавший хорошо ущелье Индыша в археологическом отношении, сомневается в точности рисунков и местоположения гробниц.³²

Грунтовые ямы, обставленные по всем четырем стенкам сравнительно тонкими плитами и покрытые одной более толстой или несколькими плитами, часто встречаются в верхнем Прикубанье в могильниках эпохи раннего средневековья. Такие могилы зафиксированы на городище близ Кубины. Здесь они имели размеры настоящих широких с высокими стенками ящиков. Две могилы на

**Каменные
ящики**

Кубинском городище имели захоронения по христианскому обряду, остальные по языческому, возможно, они предшествовали первым.

В эту же категорию можно отнести могилы другого варианта — узкие и длинные ящики с низкими стенками (рис. 2, 2). Такие могилы встречались также на Кубинском городище, но в другом его пункте. Имеются они в устье балки Шубшурук, там, где находились и грунтовые каменные гробницы, на р. Малый Зеленчук, севернее аула Эльбурган, в откосах левого берега р. Большой Зеленчук, против Нижнеархызского городища. Во всех случаях это были полностью ограбленные могилы. Ни обряд погребения, ни время их определить нельзя. Можно лишь утверждать, что погребения в них были одиночные, так как могилы узкие, тесные.

В 1953 г. Е. П. Алексеева исследовала 15 могил на северной окраине аула Жако. Стенки прямоугольных могил были выложены хорошо отесанными песчаниковыми плитками и покрыты крупными плитами. Погребения совершались по христианскому обряду. По ее мнению, могильник датируется IX—XI вв. н. э. В 1959 г. ею же был раскопан могильник на северной окраине аула Каракент. Грунтовые могилы по стенкам были выложены поставленными на ребро плитами. Покрывались они плитами в один или два слоя. Обряд погребения в них христианский. Датируется памятник X—XI вв. Такие же могилы встречались и в самом селении Каракент и в городище Инджур-Гата,³³ где погребения совершались также по христианскому обряду. К этой группе относятся могилы христианского могильника городища Адиюх. Они тоже узкие, длинные, накрыты плитами; изредка стенки слегка скошены ко дну, отчего могила приобретала вид гроба. Над некоторыми могилами находились плиты с прямоугольным отверстием для вставки креста, как наблюдалось на Кубинском городище.

Из приведенных данных вытекает, что каменные ящики, узкие и длинные, накрытые плитами, в подавляющем большинстве случаев свойственны захоронениям с христианским погребальным обрядом. В них всегда строго удерживается западная ориентировка погребенного, положение его на спине со скрещенными на груди руками (часто одна рука на груди, другая у плеча или на животе), отсутствие вещей, кроме мелких принадлежностей одежды (пуговички, пряжки, бусинки), отсутствие пищи. По всей видимости, на эту форму погребального сооружения население верхнего Прикубанья переходило с принятием хри-

стианства. Изменение погребального обряда в связи с изменением религии населения отчетливо прослеживается по раскопкам городища Адиюх.

На городище Адиюх, на третьей его части, нами был исследован мавзолей. Древнейшие погребения мавзолея лежали в грунтовых каменных гробницах. Такие же погребения оказались и возле мавзолея. Датируются они в основном IX в. н. э. Позднейшее погребение найдено в верхнем слое внутри мавзолея.

Здесь был погребен мужчина в узком длинном каменном ящике со скрещенными на груди руками, головою на запад, без вещей. Нет сомнения, что это не только соплеменник, но, по всей вероятности, и сородич погребенным в мавзолее раньше. Однако для него устроили узкий каменный ящик, а не гробницу, как прежде, потому что похоронили его по христианскому обряду. Это было последнее погребение в мавзолее. В дальнейшем кладбище перенесли на первую часть городища, где все погребения совершены по христианскому обряду.

Позднейшим видом подобных сооружений являются курганные могильники с погребениями в деревянных гробах. В одних курганах могила устраивается так, что опущенный в нее гроб крышкой лежит на уровне древнего горизонта, в других он опускается в глубокую яму. Подобные курганные могильники распространяются по степной и предгорной части Прикубанья с XIII в. Это кабардино-черкесские могильники. С исчерпывающей полнотой они учтены Е. П. Алексеевой,³⁴ а потому мы на них не останавливаемся.

В тот же период были известны и другие формы. Мы имеем в виду грунтовые могильники, в которых под слоем дерна лежала песчаниковая плита неправильной формы длиной до 3 м. Под плитой находилась могила в виде узкой, длинной и глубокой ямы, ориентированной по линии З-В. По дну могила обставлялась низкими тонкими досками, поставленными на ребро. Сверх досок края могилы обкладывались булыжником. Могилы располагались довольно правильными рядами. Костяк, головою на запад, лежал со скрещенными на груди руками, по христианскому обряду.

Такой могильник раскопан на левом берегу Большого Зеленчука, против аула Ново-Кувинского. Датируется он найденной в нем золотоордынской монетой конца XIV в. Другой подобный могильник имеется на Кубинском городище, в устье речки Байтал-Чапкан.

Эти памятники выводят нас за пределы раннего средневековья и отображают историю современных народов, населяющих бассейн верхней Кубани.

Как видим, для верхнего Прикубанья характерна разнородность погребальных сооружений, что, впрочем, не выделяет эту область из числа других областей Северного Кавказа. В Прикубанье мы отметили шесть видов погребальных сооружений. В каждом из них можно наметить по нескольку вариантов, на характеристике которых мы не останавливались. Это многообразие погребальных археологических памятников затрудняет и осложняет дело изучения этапов истории данной территории. Погребальный ритуал для некоторых видов сооружений восстанавливается с трудом из-за полного разрушения погребений. Это касается в первую очередь наземных и полуподземных склепов.

Несмотря на эти трудности, мы все же думаем, что погребальные сооружения могут быть использованы как исторический источник при учете роли и влияния географических условий и смены религиозных представлений населения.

Глава III

НОВЫЙ ВИД ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕЙ КУБАНИ

В последнее десятилетие на территории верхнего Прикубанья выявлены новые массовые археологические памятники — наскальные пещерные могильники. Местное население называет их «пещерными городками». В данной главе дается описание этих памятников.

В довольно трудной работе по обнаружению и обследованию наскальных пещерных могильников моим верным помощником была научная сотрудница Ставропольского краевого музея А. Л. Нечитайло. Ей же принадлежат и фотографии могил. За весьма ценную для меня помощь приношу ей свою глубокую благодарность.

Наиболее крупный и типичный на-
Балка Шубшурок скальный пещерный могильник располагается в самых верховьях балки Шубшурок, разрезающей горы с восточной стороны Кубани, несколько ниже г. Карачаевска. Широкое устье балки выходит в долину Кубани близ аула Новый Карачай (см. карту на рис. 3). Могильник был обследован весной 1961 г. мною и А. Л. Нечитайло в сопровождении преподавателя восьмилетней школы шахты № 6 С. Д. Мастепанова. А. Л. Нечитайло вторично посетила его в 1962 г.

Могильник занимает отвесный обрез скалы, возвышающийся над глубокой балкой и обращенный в южную сторону. Могилы, числом до сотни, разбросаны без определенного порядка по всей поверхности скалы, начиная от ее подножия и до вершины. Издали они выглядят темными пятнами на сером фоне скалы (рис. 4, 1) и действительно напоминают пещерки. Городками же их, вероятно, именуют по их массовости. Погребальные сооружения могильника в настоящее время все открыты, и погребения в них начисто ограблены. Нами были осмотрены могилы в нижней части скалы. Могилы верхних ярусов оказались для

нас недоступными. Нам оставалось только недоумевать, каким образом могли на такой высоте вырубать камеры и вносить в них погребаемого.

По осмотренным могилам можно сказать, что они, в общем, однородны по своему устройству. Формы их различаются лишь незначительными деталями. На фоне скалы вырисовывается темное отверстие — «окно». Оно служило входом, вернее, лазом в «пещерку». Формы «окон» различные. Встречаются круглые, овальные, полукруглые, квадратные, узкие прямоугольные (рис. 4, рис. 5). Закрывались входы плитами, для которых в скале с наружной стороны иногда вырубались пазы-притолоки. За входом-лазом располагается погребальная камера в поперечном к нему направлении. Дно камеры в подавляющем большинстве случаев лежит несколько ниже основания входа, образующего порожек. Высота порожка варьирует от 0,1 м до 0,5 м. Формы погребальных камер в плане, в общем, двух видов. Чаще встречается овальная, реже прямоугольная. Размеры камер по длине варьируют от 1,4 м до 2,5 м. В некоторых камерах вдоль стен имеются широкие низкие нары. Ориентировка камер неустойчива. Она обуславливается направлением того участка скалы, где располагается камера.

Потолки камер сферические, сводчатые, реже встречаются плоские. В передней стене, обычно по левую сторону от входа, иногда выдалбливается небольшая ниша размером $20 \times 20 \times 18$ см приблизительно. Некоторые камеры, судя по их размерам, предназначались для семейных погребений. Встречаются детские, совсем маленькие могилы. Некоторые камеры по две или три соединяются между собою пробоинами в боковых стенках. Размеры пробоин достаточны для того, чтобы сквозь них мог проникнуть человек. Иногда камеры располагаются в два этажа, из нижней можно было проникнуть в верхнюю через отверстие в потолке. В одном случае возле камеры с наружной стороны скалы оказалось небольшое, нарочито выдолбленное углубление в виде ниши, возможно, предназначенное для поминальных приношений погребенному.

Метров на сто западнее скалы с «пещерками», в невысоком гребне, отвесно выступающем над склоном, находится еще двадцать точно таких же «пещерок».

В 1954 году ученики Красногорской средней школы под руководством преподавателя истории В. Н. Богушевича нашли в этом могильнике железную секиру с листовидным длинным концом, другой конец обломан (рис. 6, 2), и лощеный бурого цвета горшочек грушевидной формы с ло-

щенным орнаментом в мелкую косую клетку; ручка в верхней части снабжена порожком (рис. 7, 2). По основанию шейки проходит рельефный ободок. Оба предмета хранятся в музее Красногорской средней школы.

В 1961 г. учениками средней школы аула Кумыш в одной из камер могильника был найден череп человека, железная секира с одним ножевидным концом, другим концом в виде плоской лопаточки (рис. 6, 1) и обломок дна красноглиняного лощеного сосуда. В другой камере они нашли куски от какого-то плоского деревянного предмета, быть может, от луки седла с циркульным орнаментом (рис. 7, 5); тут же оказался деревянный брусок, скошенный с одной стороны (рис. 7, 3). Учениками той же школы в 1960 г. в этом могильнике был найден маленький чернолощенный горшочек с вдавленными вертикальными полосками по шаровидному тулову (рис. 7, 1) и обломок бронзового зеркала с ушком и рельефным геометрическим орнаментом на обороте (рис. 7, 4). Вещи в настоящее время хранятся в Ставропольском краевом музее за № 13678. Нами при обследовании могильника были найдены только разбитые человеческие кости.

На плато, западнее скалы с «пещерами», нами отмечены следы поселения. На распаханной площади были заметны сероватые пятна — места стоявших здесь когда-то жилищ. По всей площади валялись черепки посуды. Среди них встречались обломки лепных горшков серого цвета с зональным резным линейным орнаментом, тонкостенные небольшие горшочки с более тщательным резным линейным орнаментом, обломок от верхнего края глиняного котла с внутренним ушком и грубым линейным орнаментом (рис. 9, 5), кусочек от шейки небольшого горшочка, кусочек от прямостоящего бортика лощеного серого сосуда, фрагмент от лепного глиняного котла с неровной и шероховатой поверхностью (рис. 9, 4). Большинство фрагментов представляли обломки крупных сосудов и кувшинов того же темно-серого, почти черного цвета; среди них встречались не только лепные, но и гончарные экземпляры. В северной части плато имеются источники, которые, по всей вероятности, снабжали водой обитателей поселения.

Приблизительно на расстоянии километра к юго-западу от указанного поселения, на вершине скалы, отделяющей балку Шубшурук от южного отрога Кубранской балки, до сих пор сохраняются остатки башни, почти квадратной в плане (4,5×4 м). У местного населения башня известна под именем «Замка Тамары». Почему он так называется

и какие легенды с нею связаны, пока нам не удалось узнать.

От башни сохранились только нижние венцы, сложенные из местного камня на известковом растворе. Стоит она на самом краю скалы так, что две ее стены, смыкающиеся углом, представляли первоначально как бы искусственное продолжение отвесных обрезов скалы. Судя по местоположению башни, можно заключить, что она служила «дозорным» целям. Наблюдения с нее велись главным образом с западной стороны за широкой, открытой Кубранской балкой, которая выводила в долину Кубани. С восточной стороны скала, увенчанная башней, вертикальными обрывами спускается в пропасть балки Шубшурук. На скале, возле башни, встречаются маленькие маловыразительные кусочки керамики. У подножия скалы лежат остатки каменного строения прямоугольной формы.

Таким образом, мы имеем в данном пункте целый комплекс тесно связанных между собою памятников: могильника, поселения и оборонительных сооружений.

Балка Кубранская

К балке Шубшурук близко подходят верховья Кубранской балки. Разделяются эти балки нешироким плато, на котором мы отметили остатки поселения.

Верховья Кубранской балки имеют два отрога; северный выводит на плато с древним поселением, южный подходит вплотную к скале с башней. Как в северном, так и в южном отрогах Кубранской балки обнаружены «пещерные» могилы точно такого же устройства, как только что описанные в балке Шубшурук. В северном отроге семь пещер, в южном — вблизи башни — восемь. Вырублены они в голых невысоких карнизах склонов и располагаются в беспорядке (рис. 8). В одном из кряжей наряду с разрушенными уже «пещерками» имеется одна с отчетливо сохранившимся пазом для вставки плиты, закрывавшей вход в погребальную камеру (рис. 7, 1).

В 1967 г. С. Д. Мастепанов со школьниками на склонах Кубранской балки нашли песчаниковую плиту правильной арочной формы, на которой, в квадратном углублении, высечен равноконечный крест (рис. 9, 3). Высота плиты 0,51 м, ширина по основанию 0,48 м, толщина 0,1 м. Как поверхность, так и края плиты тщательно отесаны, причем нижняя грань ее строго горизонтальная, а боковые слегка скошены внутрь, что делало плиту весьма удобной для вставки в какое-то отверстие. С большой долей вероятности можно предполагать, что данная плита когда-то закрывала

лаз в погребальную камеру. Об этом говорит и место ее находки.

Для полной характеристики памятника в целом необходимо указать на остатки, несомненно, древней дороги, ведущей вдоль склона хребта из открытой части Кубранской балки к плато с древним поселением. Дорога местами пролегалa по естественному уступу склона, местами склон для нее был подрублен. По ней легко могла проходить арба. В настоящее время дорога завалена обломками камня, разрезана промоинами и трещинами, изобилует порогами и представляет трудности не только для телеги или арбы, но и для пешехода. Наличие искусственно проложенной дороги указывает на значительность бывшего когда-то в этом пункте поселения, что подтверждается и количеством могил в могильнике.

В горном кряже с правой стороны Токмак-Кая № 1 Кубани между хутором Важным и аулом Сары-Тюз осенью 1962 г. А. Л. Нечитайло был обнаружен новый пещерный могильник. Весною 1963 г. могильник был вторично обследован автором данной работы и А. Л. Нечитайло.

На мысу кряжа возвышается голая скала, которая именуется у местного населения «Токмак-Кая» — Круглая скала. Вблизи скалы по западному склону кряжа, в его нижних горизонтах, располагаются двадцать семь могил, вырубленных в отвесном карнизе песчаника-рухляка (рис. 10). В настоящее время все они открыты и начисто ограблены. Устройство их полностью повторяет устройство могил в балке Шубшурук. Формы входных отверстий (их точнее называть лазами, так как через них можно только пролезть, а не войти) чаще полукруглые, 0,7—0,6 м ширины и 0,35—0,5 м высоты. Имеются овальные, почти круглые размером 0,7×0,8 м; встречаются прямоугольные шириною 0,7 м и высотой 0,35 м. По обрезу лаза иногда сохраняются пазы для закрывавших их когда-то плит.

Как и в балке Шубшурук, погребальная камера располагается в поперечном направлении ко входу. Дно ее несколько углублено от основания входного отверстия. В плане — камеры чаще овальные, приближаясь то к полукругу, то к прямоугольнику с сильно закругленными углами. Размеры камер по длине варьируют от 1,3 до 3 м. Имеются и совсем маленькие, детские. Потолки камер сводчатые, с большей или меньшей изогнутостью и реже — плоские. Иногда камеры соединяются друг с другом пробоинами в боковых стенках полукруглой или овальной

формы. В одном случае четыре камеры оказались соединенными друг с другом пробоинами, причем одна из них помещалась выше трех остальных, и пробоина вела как бы во второй этаж. На куполообразном потолке камеры № 4 выгравирован довольно крупный крест (рис. 9, 2). У нас создалось впечатление, что крест был высечен одновременно с устройством камеры. Все камеры ориентированы по линии С-Ю, потому что в таком направлении простирается карниз кряжа. Планы и профили некоторых камер могильника переданы на рис. 12. Могилы подвергаются сильному выветриванию; крайняя с южного конца уже наполовину разрушена; вблизи ее в карнизе образовалась глубокая трещина. Можно предполагать, что часть могил уже разрушена выветриванием и первоначально здесь их было больше. Перед одной из крайних могил в горной породе был вырублен довольно обширный прямоугольник в виде какого-то преддверия, в задней стене которого внизу находился полукруглый лаз в маленькую погребальную камеру.

У подножия гребня с «пещерками» на сравнительно небольшой по площади равнине располагаются остатки поселения. На поверхности видны основания строений из битого камня, намечаются какие-то углубления-ямы возле них. Кое-где заметны прямоугольные очертания жилищ, сложенных из рваного камня. Значительный участок этой площади в настоящее время распахан для посадки картофеля. На пахоте нами собрано некоторое количество черепков посуды. Среди них встретился фрагмент из грубо промешанной глины с примесью раковины. На нешлифованной поверхности его — резной волнистый орнамент, окантованный вдавленными желобками (рис. 11, 1); обломок из желтоватой чистой глины с невысоким наlepным валиком (рис. 11, 4); такой же черепок с круговым валиком и косыми лощеными полосками на поверхности (рис. 11, 2); фрагменты от крупных чернолощенных и серолощенных кувшинов из чистой и плотной глины; обломки от горла сосудов с косыми нарезками по краю (рис. 11, 5); кусочек от небольшой красноглиняной лощеной чашечки с поддоном; фрагменты от шеек чернолощенных тонкостенных сосудов и некоторые другие. Встречались мелкие кусочки синего и бесцветного стекла не современного облика. Найден довольно крупный кусок от четырехгранного сосуда в форме штофа из темно-коричневого стекла и кусок серого кремня, быть может, служивший для высекания огня (рис. 11, 3).

По склону террасы с западной стороны поселения, в сторону Кубани, заметны следы древней дороги, подводившей к поселению. Местами по обочинам ее стоят довольно крупные камни.

Токмак-Кая № 2 С восточной стороны хребта Такмак-Кая проходят верховья небольшой балки. По ее правой стороне, в отвесном выступе склона, сложенного из песчаника-рухляка, имеется искусственно вырубленная «пещерка» точно такой же конструкции, как только что описанные. Размещается она на высоте 40 м над балкой. Входное отверстие — «окно» ее почти круглой формы — 0,8 м × 0,75 м, толщина его стенки 0,45 м. За «окном» располагается погребальная камера, в плане овальная, длиной 2 м, шириною 1,4 м и высотой 0,9 м, ориентированная с севера на юг. Пол камеры плоский, и порожка при входе не имеет. Потолок сводчатый. Как и в других случаях, камера оказалась начисто ограбленной. На сводах ее пестреют лишь выцарапанные фамилии карачаевцев.

На этой «пещерке» хорошо можно наблюдать, как разрушаются подобные могильники. Кусок горной породы в передней части могилы вместе с «окном» отслоился от основного массива продольной щелью шириною в 15—20 см. Через некоторое время он, несомненно, отвалится, и от «пещерки» останется небольшая выбоина-ниша в грунте, что существенно изменит первоначальный вид погребального сооружения.

На расстоянии метров 20 ниже по балке, на том же правом ее склоне, обнаружена могила, давно уже распанная и ограбленная. Могила имела дромос в виде узкого колодца длиной 1,7 м, шириною 0,7 м и глубиною 1,7 м. Из дромоса через небольшой лаз на дне его восточного конца шел проход в погребальную камеру овальной формы со сводчатым потолком. Дно камеры лежало на 0,65 м ниже основания входа. На потолке камеры, в самом центре его, вырезан знак в виде правильного круга диаметром 0,15 м с точкой в центре и несколькими линиями, отходящими от круга в виде лучей (рис. 14, 2). Знак вырезан весьма тщательно каким-то острым двусторонним инструментом, так что получилась глубокая линия с правильными кососрезанными сторонами. У нас создалось впечатление, что это так называемый солярный знак, что до некоторой степени подтверждается его центральным положением на потолке катакомбы.

Известно, что со времен глубокой древности графиче-

ским символом солнца являлся круг с точкой в центре. Так, еще в древнем Египте имя бога солнца Ра писалось иероглифом в виде кружка с точкой посредине, обозначающим блистающий солнечный диск.¹ Солярный знак в виде круга с точкой посредине обнаружен на конусовидном изваянии из с. Ставчаны в Поднестровье.² Такое обозначение солнечного круга, по мнению Г. Ф. Турчанинова, имеется в конце надписи на Зеленчукской плите.³ В 1968 г. в устье балки Кривой, в разрушенной могильной яме, среди битого камня нами была найдена песчаниковая плита с высеченным на ней знаком круга с точкой в центре. Диаметр круга 0,22 м. Плита, несомненно, относилась к надмогильным памятникам. Последний пример говорит о том, что солярные знаки встречались среди погребальных сооружений Прикубанья.

На потолке катакомбы рядом с солярным знаком, несколько ниже, имеется знак сердцевидной формы с прямой линией посредине. Он вырезан другим инструментом, и, вероятно, в другое время; диаметр этого знака 8 см. Третий знак диаметром 9,5 см в виде круга с прямой линией посредине. Четвертый знак диаметром 8,5 см помещен несколько выше остальных (рис. 14, 3). Это круг с отходящими от него линиями, и внутри его изображение в виде какой-то вилки. Поодаль от этих знаков в южной части потолка имеются знаки арабского шрифта; возле входного отверстия — знак в виде русской буквы Н. Все эти знаки, по всей вероятности, одновременны и не имеют между собой ни смысловой, ни стилистической связи. Наиболее древним из них, на наш взгляд, является солярный знак в центре потолка. Возможно, что он синхронен данной катакомбе. Другие были нанесены позднее и представляют собою тамги местного современного населения.

В местной газете «Ленинни Байрагы» от 20 апреля 1963 г. четыре автора: У. Алиев, М. Хабишев, А. Бадчиев и К. Лайпанов в статье о некоторых аланотюркских памятниках в верховьях Кубани писали: особое внимание из Сары-Тюзских катакомб привлекает одна, расположенная особняком и имеющая надписи внутри. Поперек куполообразного потолка выведены знаки и надписи древнетюркским рунами, а также надпись арабским шрифтом, конец которой читается «таш» — камень. Таким образом, указанные авторы признают знаки, описанные нами выше, древнетюркскими рунами, с чем мы решительно не можем согласиться. По-видимому, после газетной заметки популярность катакомбы возросла, и в настоящее время она почти на-

половину завалена битым камнем и землей, чего не было в 1962 г., когда впервые мы ее осматривали, и на сводах потолка и обрезах входа появились свеженачертанные перочинным ножом знаки и фамилии посетителей.

Осматривая склоны балки и мысок между балкой и ее отрогом, нам показалось вероятным, что в данном пункте имеется целый могильник, а не только одна катакомба. В конце мая 1966 г. оказалась возможность проверить это предположение. По склону балки, на том же приблизительно уровне, где располагалась катакомба с тамговыми знаками (№ 1), мы проложили траншею и действительно, на расстоянии 37 м севернее катакомбы № 1 обнаружили катакомбу № 2. Она имела входной колодец длиной 1,1 м. Стенки его были сложены насухо из слегка подтесанного камня. На всю длину сохранилась только южная стена колодца, северная оказалась разрушенной, от нее остался лишь кусочек в 0,2 м, примыкавший к обрезу скалы. Ширина колодца 0,8 м, глубина 1,75 м. На дне колодца в его восточном конце оказалось входное отверстие овальной формы — $0,65 \times 0,4$ м. Толщина стенки 0,25 м. За ним располагалась погребальная камера, дно которой лежало ниже входного отверстия на 0,9 м.

На 1,5 м севернее от колодца катакомбы № 2 обнаружена катакомба № 3. В нее также вел колодец с выложенными камнем стенками; южная стенка его в сторону катакомбы № 2 была полностью разрушена, а северная сохранилась по длине на 0,7 м. Глубина колодца 1,75 м. Входное отверстие, почти квадратной формы, имело 0,45 м длины и 0,4 м высоты. Возле него на дне колодца, как и в могиле № 2, валялись куски разбитой плиты, закрывавшей вход.

Погребальная камера этой катакомбы сливалась с камерой № 2. Обе они вместе имели длину 3,8 м, ширину 1,7 м и высоту 1,4 м. В плане они трапециевидной формы с плоским дном и плоским потолком, ориентированы с севера на юг. Первоначально это были две камеры, разделенные стенкой, так как посередине общей площади, на дне ее, лежали крупные камни, очевидно, от бывшей когда-то здесь перегородки. При ограблении могил стену разрушили. Первоначальное существование двух камер подтверждается и наличием двух входных отверстий. Грабители, по-видимому, частично разрушили и стенки входных колодцев.

Погребальные камеры сверху донизу были заполнены рыхлой мешаной землей. В ней найдены ножные кости коня, конская челюсть, много костей коровы, овцы, одна

кость зайца и крупная ножная кость птицы, быть может, дрофы. В земле среди костей находились и черепки посуды. Один из них представляет собою обломок от верхнего края темного, почти черного, нелощеного горшка с округлым утолщенным краем и внутренним ушком с крупным отверстием для подвешивания его над очагом (рис. 15, 3). Другой довольно крупный фрагмент темного нелощеного сосуда с отогнутым утонченным краем и двумя сквозными дырочками у края, тоже, как видно, приспособленными для подвешивания сосуда. Под дырочками на лицевой поверхности сосуда прилеплен горизонтальный щиток; такой остроумный прием предохранения шнура, на котором висел сосуд, от огня очага встречается нам впервые (рис. 15, 2). Черепок с подобным щитком находил К. Е. Макаренко среди керамики Рим-горы. Обломок от точно такого же другого сосуда, но в нем сохранилась только одна дырочка (рис. 15, 1). Обломок от боковой стенки горшка бурого цвета со сплошным линейным орнаментом. Все черепки происходят от лепных горшков. Среди них нет фрагментов от чернолощеных с блестящей поверхностью сосудов, характерных для могильников верхнего Прикубанья IV—VI вв. Видимо, эти погребения совершены были в более позднее время. На поверхности возле данных могил местным пастухом до наших раскопок была найдена железная стрела, ромбическая в сечении, с порошком на круглом стержне (рис. 15, 4).

Для нас важно отметить наличие в данном пункте двух видов погребальных сооружений: в отвесном обрыве горной породы — «пещерка» и тут же, в довольно пологом склоне, — типичные катакомбы с узким длинным входным колодцем. Трудно допустить, что они резко расходятся по времени. Скорее всего они приблизительно одновременны. В дальнейшем мы встретимся с подобными совпадениями еще раз. Из этого вытекает, что между указанными двумя видами погребальных сооружений существовала теснейшая связь. Подробнее об этом будет сказано в следующей главе.

С правой стороны р. Кубани, севернее аула Хумара, в направлении с востока на запад проходит балка Инал. На расстоянии, приблизительно километра от ее устья, на левой стороне в отвесном склоне вырублены две камеры: одна выше другой. Входным отверстием они обращены на запад, к устью балки (рис. 16, 1). Камеры в плане — овалы, обычных размеров для подобного типа

Балка Инал

сооружений. Потолок одной камеры сводчатый, другой — плоский. Ориентированы они с севера на юг. Обе камеры соединяются пробоиной в боковой стенке. По всей вероятности, прежде здесь было больше могил, но в настоящее время они разрушены.

На хребте, с правой стороны балки Инал, возвышается голая с отвесными обрезами скала. В ней обнаружено еще три камеры. Две из них с сильно разрушенными лазами и плоскими потолками размещаются близко одна к другой, но на разной высоте. Они соединяются искусственной пробоиной круглой формы в полу верхней камеры. На расстоянии 3,7 м от указанных камер заметны остатки еще одной камеры с плоским потолком. Можно полагать, что и здесь первоначально было значительно больше могил, к настоящему времени разрушенных выветриванием скалы.

На правой стороне балки, ниже скалы, с «пещерками», сохраняются следы поселения. Кое-где по крутому склону заметны стены из тесаного камня, угол какого-то строения, каменные ступени; встречаются зольные и сажистые пятна, черепки чернолощенных сосудов с налипными валиками, сероглиняные черепки с лощеными вертикальными полосками, обломки различных металлических вещей. На развалинах этого поселения найдена бронзовая ложечка, каменный молот с перехватом для привязывания его к рукоятке, костяной плоский кружок диаметром 4,5 см с дырочкой в центре, круглый жернов, три железных черенковых накопника стрел; один из них — крупный плоский, с порошком над черенком, второй — листовидный с едва заметным ребром посередине и третий — трехгранный, с желобками на гранях. Можно предполагать, что поселение и могильник синхронны, хотя прямых указаний на это мы не имеем.

На археологической карте Кубанской области Е. Д. Фелицына близ аула Хумара показана «погребальная пещера». Не имея пояснения к карте, трудно сказать, была ли это искусственно вырубленная пещера, подобная расположенным в балке Инал или пещера естественного происхождения с древними погребениями, которые известны в некоторых пунктах Прикубанья. Возможно также, что Е. Д. Фелицын разумел здесь «пещеры» балки Инал, о которых только что говорилось.

В 2—3 км к северо-востоку от аула
Аул Сары-Тюз Сары-Тюз, в урочище Иссилеучю (летняя
стоянка с караевова), на южном
склоне хребта имеется одна погребальная, искусственно
вырубленная пещера длиной около 2 м и высотой 1 м.

Две такие же пещеры находятся на правой стороне балки Малый Адыш.

По правому берегу Кубани, между Сары-Тюз и селом Красногоркой, в урочище Алты-Айгыр сохраняются до шести полуразрушенных погребальных пещер типа Токма-Кая. По словам учителя Сарытюзской средней школы Д. А. Джашеева, раньше их было больше и в них находили бусы. Располагались они в песчаниковом обресе, который ныне обрушился.

Балка Гнакызы

В р. Джегуту в ее верхнем течении, с правой стороны, впадает речка Каменка.

В устье этой речки располагается небольшое Карачаевское поселение Каменское (бывшее Қзыл-Кала). Километров пять выше вдоль течения Каменки, с правой ее стороны, в балке Гнакызы, в скалистых обнажениях находятся «пещерки» в количестве 21-й. Вырублены они в рыхлой песчаниковой породе с мелкой галькой. Располагаются пещерки рядами в нижних горизонтах обнажений.

По своей конструкции они буквально повторяют вышеописанные могилы. Входы-лазы их прямоугольные, полукруглые, круглые, овальные. Погребальные камеры, как правило, лежат на 0,2—0,4 м ниже входа. В плане они овальные, прямоугольные, с закругленными углами, полукруглые. Потолки преимущественно сводчатые, но изредка встречаются плоские. Камеры № 7 и № 8 соединяются между собою пробоиной в боковой стенке (рис. 13).

На скале с западной стороны камеры № 20 имеются два знака, близких по рисунку. С восточной стороны той же камеры в 2 м от нее на скале еще несколько тамгообразных знаков (рис. 17). Тамгообразные знаки едва ли связаны с «пещерами». По всей вероятности, они нанесены на скалу позднее.

По словам местных жителей, такой же «пещерный» могильник имеется в соседней балке Джырык-Сырт.

Р. Эмурка

В р. Джегуту с правой ее стороны, выше аула Джегута, впадает небольшая речка Эмурка. В ее верховьях по прав-

вой стороне, в балке, находится могильник из 66 «пещерок». Местные жители называют их Кая-Тешиклескальные пещеры. Размещаются они в открытых выходах материковой горной породы тремя группами. В одной группе насчитывается 11 «пещерок», в другой — 39 и в третьей — 16 (рис. 18).

Конструкция могил повторяет конструкцию могил вышеописанных могильников. Некоторые камеры соединены между собой пробоинами. В некоторых вырублены небольшие ниши $20 \times 15 \times 15$ см размером. В могиле № 2 во входе имеются три резных тамгообразных знака в виде кружков, пересеченных прямыми линиями. Камеры и этого могильника все открыты и ограблены. В нескольких могилах находились разрозненные человеческие кости.

Р. Индыш

У истоков р. Индыш, правого притока Кубани, в урочище Сынлы-Арты («за местом памятников», с карачаевского) зимой 1964 г. был обнаружен еще один пещерный могильник. Располагается он на высоком безлесном скалистом кряже, простирающемся с запада на восток между истоками правых притоков Кубани (к югу) и левых притоков р. Мары (к северу), (см. карту № 8).

«Пещерки» вырублены в отвесных каменистых уступах горного плато, иногда в оторванных от общего массива глыбах камня (рис. 19, 1). На некоторых участках могилы располагаются ярусами (рис. 19, 2), в других местах они раскинулись в беспорядке. Как и в могильнике Шубшурук, часть могил вырублена на значительной высоте, и доступ к ним возможен только с помощью веревки, укрепленной на поверхности плато. Лазы в погребальные камеры в настоящее время все открыты и вырисовываются черными пятнами на сером фоне камня. Первоначально они закрывались плитами, так как у некоторых могил по краям лаза сохраняются отчетливо заметные пазы для вставки плит, или же закладывались камнями. И в том и в другом случаях места могил были хорошо видны, а поэтому они все подвергались разграблению.

Преобладающей формой лаза является полуовал более или менее правильных очертаний, изредка встречаются трапециевидная, иногда прямоугольная. Погребальная камера по длине обычно лежит параллельно входу, но в исключительных случаях она направлена перпендикулярно к нему. В плане — камеры овальные или прямоугольные с округленными углами. Потолки их — сводчатые, но встречаются и почти плоские (могила № 34). В одной из камер (мог. № 45) в восточной стенке имеется вырубленная в камне полочка, соответствующая, вероятно, по своему назначению нишам других могил. Одну из камер начали высекать, но не закончили. Камера № 16 выделяется своими размерами. Она, очевидно, предназначалась для семейных погребений (рис. 19). Всего в могильнике насчитано 48 ка-

мер. Первоначально их было больше, так как скалы здесь подвергаются сильному разрушению, и, несомненно, часть могил вместе с ними уже разрушилась.

На плато над могильником сохраняются следы поселения. На поверхности заметны камни от стоявших здесь когда-то жилищ, небольшие курганообразные возвышения и ямы. Несколько в стороне от поселения имеются разрушенные могилы в виде узких длинных ящиков из каменных плит, покрытых крупными плитами. Такие же могилы находятся на поверхности террасы ниже гребня с «пещерками». Ни в «пещерках», ни на поселении никаких бытовых остатков не было обнаружено.

В 1966 г. в верховьях р. Индыш проводила работы археологическая экспедиция Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института под руководством И. И. Мизиева. В его очень кратком сообщении об этих работах⁴ говорится, что в урочище Сышла находятся раннесредневековое поселение и погребальные сооружения трех видов, в том числе полуподземные склепы. В непосредственной близости от этих склепов возвышаются отвесные скалы, в которых высечено 18 погребальных камер с горизонтальным дном и сводчатым потолком.

Для нас не совсем ясно, тот ли наскальный могильник упоминает И. И. Мизиев, который только что описали мы, или другой. Название урочища совпадает, но число погребальных камер — нет. Можно предполагать, что это другой могильник с меньшим количеством погребальных камер, тем более, что у нас имелись сведения о наличии наскальных могильников в нескольких пунктах верховьев р. Индыш.

Летом 1967 г. Л. Г. Нечаева в балке Джашыртм-Кала (спрятанная крепость, по-карачаевски) по р. Индыш отметила еще две «пещерки» на высоте 4—5 м от основания скалы. Судя по фотографиям, любезно присланным мне Л. Г. Нечаевой, лазы в эти «пещерки» имеют прямоугольную с закругленными верхними углами форму. Осмотреть «пещерки» внутри Л. Г. Нечаевой не удалось по причине высоты их местоположения.

Наскальные пещерные могильники, подобные вышеописанным, обнаружены и по левую сторону Кубани. Осенью 1962 г., приблизительно на 0,5 км западнее городища Гиляч, на левой стороне речки Малый Гиляч, нами был открыт пещерный могильник. Могилы в виде искусственно вырубленных в рыхлой песчаниковой породе «пещерок» в коли-

честве свыше 30 в беспорядке разбросаны на разной высоте обреза. Все они открыты и ограблены. Многие из них сильно выветрены и наполовину разрушились. Некоторые разрезаны вертикальными промоинами или трещинами в породе. Лазы сохранившихся «пещерок» имеют полукруглую форму шириною 0,4—0,6 м и высотой 0,5—0,55 м. За лазом располагается овальная или полукруглая камера с плоским дном и сводчатым потолком. Дно наиболее крупных камер обмазано глиной. Ориентировка камер неустойчива. Размеры могил колеблются от 1,2 м до 3 м длины. Своды потолка высотой от 0,8 до 1 м.

В одной из могил были найдены кости от человеческой руки, составная бусина из посеребренного стекла и круглое бронзовое с несомкнутыми концами кольцо.

В октябре 1965 г. в одной из камер данного могильника нами обнаружены остатки детского погребения. Вход в нее был разрушен выветриванием. Овальная в плане камера со сводчатым потолком имела длину 1,2 м, наибольшую ширину — 0,9 м и высоту — 0,9 м. По всему дну камеры в небольшом слое черной земли в полнейшем беспорядке валялись разбитые и разрозненные кости детского костяка, молочные зубы и несколько вещей: бронзовая плоская ложечка с длинной ручкой с завернутым концом; бронзовая фибула с плоской дужкой и с четырьмя дырочками на ней; бронзовая витая проволока с завернутым концом, другой конец обломан; два бронзовых бубенчика и нижняя половинка от третьего, более крупного; две бронзовые серьги. Одна из них имеет овальное проволочное кольцо и подвеску в виде стерженька с надетыми на него двумя полыми шариками. Подвеска прикреплена к кольцу с помощью диска. Вторая серьга состоит из маленького проволочного колечка с подвесным полым шариком; кусочек железной пластинки; три раковины каури с отверстиями для подвешивания; бусы, стеклянные позолоченные и посеребренные в неразделенных трубочках, шесть бусин нарезных из синего непрозрачного стекла, бусина из темно-синего стекла в виде уплощенного конуса, шаровидная из синего стекла с белыми пятнами, шаровидная из желтой пасты с выпуклыми синими глазками, бусина синего стекла в виде колесика с белыми поперечными полосками, цилиндрическая с пестрым орнаментом, наконец, шаровидная бусина из слепленных пастовых лепешечек с желтыми глазками и респичками. Все вещи изображены на рис. 21.

На южном склоне хребта, на котором расположены жилые сооружения городища Гиляч, оказалась одна «пещер-

ка» в виде овала, ориентированного с запада на восток. Она лежала на высоте 3—4 м от основания скалы. Вход в нее имел круглую форму диаметром 0,5 м. Длина ее—2 м, наибольшая ширина—0,9 м, высота—0,4 м. Потолок плоский, дно ровное, плоское. В восточной стороне имеется пробоина, через которую камера сообщалась с другой соседней. Но в настоящее время большой участок скалы, прилегающей к пещере, разрушен, а с ним разрушилась и соседняя могила. Это дает основание предполагать, что первоначально в этом месте была далеко не одна могила.

На склоне к Малому Гилячу, много ближе по направлению к Кубани, оказалась другая группа наскальных «пещерок», обследованная нами в 1968 г. Они разбросаны здесь среди полуподземных гробниц. В одном пункте размещаются пять «пещерок» рядом. Одна могила располагается в выступающем в виде утеса участке склона. Лаз в нее длиной 1 м и высотой 0,6 м слегка разрушен выветриванием. Погребальная камера, ориентированная с северо-запада на юго-восток, имеет сводчатый потолок и ровное гладкое дно. Длина ее 1,6 м, ширина 1 м, высота потолка 0,5 м. С западной стороны к ней примыкает выбоинная ниша длиной 0,5 м, шириной 0,3 м и высотой 0,4 м. По всей вероятности, ниша предназначалась для поминальных приношений, как то мы видели в могильнике Шубшурук.

Левый высокий берег р. Кубани в том отрезке, где она выходит из горных ущелий, изрезан глубокими и широкими балками. По одной из них, на 20 км севернее г. Карачаевска, протекает небольшая речка Инджур-Гата, впадающая в Кубань с северной оконечности карачаевского аула Кумыш. На географических картах она именуется «Антрикота». По балке в настоящее время проложена асфальтированная дорога из г. Карачаевска в станцию Зеленчукскую. На четвертом километре от устья балки, с левой стороны дороги, возвышается небольшое плато. На нем располагаются остатки разрушенных строений из тесаного камня. Местные жители называют их «крепостью Инджур-Гата». С восточной стороны к плато примыкает голый, сильно выветривающийся кряж из рыхлого песчаника. В нижнем горизонте южного обреза кряжа весной 1962 г. были обнаружены «пещерные могилы».

Пещера № 1 имела круглое входное отверстие диаметром 0,5 м. За ним располагалась погребальная камера, ориентированная с востока на запад, овальная в плане, длиной 2,1 м, шириной—1,5 м, наибольшая высота свод-

чатого потолка — 1,45 м. Дно камеры по отношению ко входу углублено на 0,45 м. Вдоль стен располагаются нарры, возвышающиеся над полом на 0,15 м. Налево от входа в стене на высоте 0,4 м от нар вырезана небольшая ниша $18 \times 12 \times 12$ см.

На 2,1 м западнее первой могилы была вырублена вторая, той же ориентировки, овальная, со сводчатым перекрытием. Длина ее 1,25 м, ширина 0,7 м, высота 0,65 м.

Третья погребальная камера оказалась наиболее крупной. Вход в нее имел вид прямоугольника длиной 2 м, высотой 0,85 м с закругленными верхними углами. Дно камеры лежало на 0,4 м ниже входа. Длина ее 3,25 м, ширина 2,8 м, высота плоского потолка 1,5 м. Вдоль восточной и западной сторон проходили нарры высотой 0,2 м. Все три «пещеры» ко времени нашего обследования были открыты, в них не оказалось ни костей, ни других каких-либо находок.

На значительном расстоянии от указанных могил в восточную сторону кряжа имеется еще такая же «пещера», а рядом с нею остатки другой, уже наполовину разрушенной. От основного массива кряжа в этом месте отделился большой кусок в виде скалы. Можно с уверенностью сказать, что в данном пункте был когда-то большой могильник, но из-за сильного разрушения горной породы от него сохранилось только несколько могил.

По крутому подножию южной стороны плато были отмечены темные и серые пятна культурного слоя, в котором собрано небольшое количество сероглиняных и чернолощенных черепков, некоторые из них — с резным линейно-гребенчатым орнаментом.

Городище, или «крепость Инджур-Гата», как называют его местные жители, имеет протяженность с востока на запад на 100 м, с севера на юг — 80 м. Со всех сторон оно окружено степой из камня, сложенного насухо. На площади городища заметны следы и остатки прямоугольных строений, ямы. В восточной части городища выступает курганообразное возвышение — «бугор», высотой 5 м над поверхностью городища. В 1963 г. нами на городище была проложена пробная траншея. В ней найдена каменная ступа, подобная ступам городищ Аднух, Гиляч, Кубины. В 1967 г. на нем произвели небольшие раскопки. Раскопками выяснено, что «бугор» представляет собою остатки одного или нескольких каменных зданий, обнесенных со всех четырех сторон мощными стенами. Передняя со стороны городища стена выступает дугообразно в сторону го-

родища. Другие стены прямые. Центральное здание, по всей вероятности, было двухэтажным. Возможно, что оно имело подвальное помещение или подземный ход. Но это наблюдение пока недостаточно проверено.

Из вещей встречались обломки круглых жерновов, каменные утюжки, точно такого же вида, какие часто находились на городище Адиух и на Кубинском городище, железный нож, керамика. Среди керамических находок преобладают фрагменты довольно крупных красноглиняных сосудов с линейно-гребенчатым орнаментом, крупные кувшины с боковыми ручками-ушками и палепными валиками по тулову, обломки с лошечным полосчатым орнаментом в косую клетку, с линейным резным волнистым орнаментом.

Возле дугообразной стены — «бугра» — обнаружен могильник. В нем раскопано 15 могил, которые представляли собою неглубокие грунтовые ямы, по стенкам выложенные каменными плитками, поставленными на ребро. Покрывались могилы или одной, или несколькими плитами. Погребенные все без исключения лежали головою на запад. У большинства из них руки были скрещены на груди. Погребальный инвентарь состоял из предметов личного убора: бусы, сережки, бронзовые пуговички. Остатков пищи, костей животных, а также посуды ни в одной могиле не оказалось. Как видим, погребения могильника совершены по христианскому обряду.

В культурном слое, заполнявшем могилы, находились чернолощенные черепки от сосудов, характерных для памятников Прикубанья от времени, предшествовавшего широкому распространению здесь христианства. Можно полагать поэтому, что датой городища может быть IX—XI вв. н. э.

По нашему убеждению, городище тесно связано с интересующим нас наскальным могильником, косвенно указывая на его время. Из этих соображений мы и даем беглое описание городища.

Памятник был обследован в связи с раскопками могильника Байтал-Чапкан в июне 1953 г. Л. Н. Глушковым, входившим тогда в состав экспедиции Черкесского областного музея, руководимой автором данной работы. Местонахождение могильника было указано нам энтомологом Черкесской областной малярийной станции И. Г. Яковлевым. Описание могильника и зарисовки знаков даны по отчету Л. Н. Глушкова.

На запад от аула Хабез (на р. Малый Зеленчук) на

высшей точке водораздела между рр. Малым и Большим Зеленчуком возвышается скала под названием «Шапка». От нее к западу начинается постепенный спуск к долине Большого Зеленчука, где располагается станция Исправная. Почти у подножия «Шапки» начинается широкая балка под названием «Крейда», направленная в сторону Б. Зеленчука; с правой ее стороны, если идти из аула Хабез в станцию Исправную, на расстоянии 1—1,5 км от «Шапки» в склонах выступает известняковый карниз, в котором вырублены «пещерки». Размещаются они рядами в 5—6 ярусов. Всего при беглом подсчете оказалось 112 могил. Можно предполагать, что первоначально их было больше, так как известковистый карниз в данном пункте сильно разрушается; часть «пещерок», по всей вероятности, уже засыпана обвалами, часть узнается только по остаткам погребальных камер. Входы «пещер» сильно деформированы выветриванием. Неразрушенных камер с сохранившимися входами обнаружено только три. Все они оказались открытыми. Одна из них, на глубину 0,25—0,3 м засыпанная смытым сверху песком, была нами очищена до дна и замеряна. Она имела следы копати на своде от костров, разводимых, вероятно, современными чабанами в холодную погоду. В плане она приближается к эллипсу, по продольной оси — 1,84 м, по поперечной — 1 м с куполообразным потолком высотой до 0,9 м в середине. Дно камеры на 0,3 м ниже входа. Входное отверстие снаружи шириною 0,4 м и высотой 0,5 м. С внутренней стороны оно шире.

В верхнем ярусе замеряна вторая камера. Длина ее — 3 м, ширина — 2,4, высота купола в середине — 1,4 м. Размеры третьей камеры следующие: длина 1,7 м, ширина 0,8 м, высота свода 0,85 м. Все камеры внутри оказались покрытыми слоем чрезвычайно прочной белой штукатурки 1—0,5 см толщины.

В одной из разрушенных камер на стенах обнаружены вырезные знаки в виде кругов, прямоугольников, различных комбинаций из кривых линий и пр. Беглые зарисовки знаков переданы на рис. 22, 1. Кроме того, по карнизу возле камер оказались три группы резных знаков. Среди них имеются схематические изображения человечков, сабель, кружков и изогнутых линий (рис. 22, 2).

В феврале 1966 г. нами был осмотрен могильник на р. Большая Лаба (карта № 17). На 13—15 км от с. Курджинова Преградненского района Ставропольского края, ниже по течению Б. Лабы, над долиной реки выступает в виде

Ахмет-Кая

стены каменная терраса высотой от 200 до 300 м. Она тянется вдоль течения реки на 6—8 км. Местное население называет ее Ахмет-Кая. В конце террасы в долине реки раскинулся небольшой карачаевский поселок Ахмет-Кая. Притив поселка в отвесном обрыве террасы располагается могильник. Могилы числом до 30 компактной группой в несколько ярусов вырублены в рыхлом крупнозернистом песчанике (рис. 16, 2). Нижний ярус могил, лежавший у основания террасы, в настоящее время завален щебнем. Входы-лазы в погребальные камеры преимущественно прямоугольные, но имеются и полукруглые. Закрывались они плитами или закладывались камнями. Погребальные камеры — в плане овальные, потолки их — сводчатые, некоторые — почти плоские. Имеются камеры, сообщающиеся друг с другом. Размеры средние: от 1,5 м до 2 м длины, от 0,5 м до 0,8 м ширины; высота потолка в общем небольшая — до 0,6—0,8 м.

Много маленьких детских могил. Все камеры в настоящее время открыты. Ни вещей, ни костяков в них нами не обнаружено.

Возле одной из могил на гладкой поверхности карниза заметны процарапанные изображения каких-то животных, коня, человечков и пр. Изображения нанесены одно на другое и потому просматриваются с трудом.

Имеют ли они какое-либо отношение к могильнику или нанесены досужей рукой современного жителя поселка, сказать нельзя.

На р. Большая Лаба, в урочище Мошевая Балка, близ с. Курджинова, известен второй пункт, где встречались наскальные могилы, похожие на описанные. Сведения об этом памятнике мы берем из статьи А. А. Иерусалимской: «О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье». ⁵ В начале нашего века Н. И. Веселовский исследовал пещеру в Мошевой Балке. В 1951 г. это место осмотрел А. А. Иессен. По отчету А. А. Иессена, А. А. Иерусалимская пишет, что погребальные сооружения могильника Мошевой Балки представляют собой пещерные склепы (образовавшиеся в результате выветривания выходов юрского песчаника) и специально высеченные, имеющие в плане прямоугольную с закругленными углами форму, сводчатый потолок и замурованный вход. Они расположены на значительной высоте в труднодоступных местах и использовались местным населением на протяжении длительного периода.

Инвентарь могильника, по словам автора, имеет самые

близкие соответствия в алао-салтовских памятниках VIII—IX вв., но встречаются вещи и X—XI вв. Из наиболее типичных предметов указаны фибулы с плоской дужкой, прорезные мелкие бронзовые бубенчики, перстни, серьги с нанизанными на стержень шариками и сосуды с раздутым туловом и оттянутым сливом-носиком.

В коллекции из Мощевой Балки имеется 143 фрагмента шелковых тканей. Среди них преобладают, по указанию А. А. Иерусалимской, согдийские шелка; в значительном количестве найдены византийские и китайские ткани.

Балка Подорванная

В 1895 г. В. М. Сысоев обследовал небольшой могильник на высоте 30—40 саж. над долиною Подорванной балки, к северу от Нижне-Архызского городища, на Б. Зеленчуке. Судя по местоположению могил, можно думать, что они по конструкции были близки интересующим нас могильникам. По словам В. М. Сысоева, «в Зеленчукском ущелье в больших и малых пещерах естественного и искусственного происхождения находятся также многочисленные погребения».⁶ В. М. Сысоев сообщает, кроме того, что и в Сентинской горе были могильники в скалах, как на Зеленчуке.⁷ По всей вероятности, погребальные, искусственно вырубленные пещеры, имелись и в древнем поселении близ речки Амгаты.⁸ Упоминание об «усыпальницах в пещерах» сохранилось в предании о том, что карачаевцы, поселившись в долине Кубани, «нашли здесь только следы жизни неизвестного им народа в виде развалин, башен, каменных жилищ, крепостей, могил, церквей по р. Теберде и усыпальниц в пещерах».

В 1959 г. Л. Н. Глушковым в одной из «пещерных могил» балки Подорванной были найдены остатки погребального инвентаря: сильно окисленное крупное бронзовое зеркало с рельефным геометрическим орнаментом и ушком на обороте, бронзовый маленький флакончик на цепочке для благовоний, совершенно подобный флакончику Змейского могильника, и несколько деревянных вещей—корзиночка, ящичек в виде пенала и др. исключительной сохранности. Они выглядят только что изготовленными. К сожалению, интересная находка Л. Н. Глушкова не опубликована.

На первый взгляд, трудно было допустить, что окисленные металлические предметы и совершенно новые, даже не потерявшие свой белый цвет деревянные изделия могут быть синхронными. Казалось, что в данной могиле захоронения производились дважды. Первый раз в XI—

XII вв. н. э. и вторично—значительно позже. Поздние повторные погребения в более древних могилах отмечались археологами. Н. И. Репников, например, обследовал их в могильнике Суук-Су.¹⁰ Но, ознакомившись из устного сообщения В. А. Кузнецова с тем, что ему приходилось в средневековых погребениях той же Подорванной балки находить деревянные вещи исключительной сохранности, о том же писал и В. М. Сысоев, мы допускаем, что находки Л. Н. Глушкова в пещере Подорванной балки могли принадлежать одному погребению.

О пещерном погребении VII—VIII вв. н. э. у поселения Нижний Архыз упоминает В. А. Кузнецов.¹¹ Кроме того, он сообщает, что в скалах на южном склоне Церковной горы туристы детской турбазы нашли погребение VIII—IX вв., устроенное в маленькой «пещерке».

Окрестности
Сентинского
храма

Имелись пещерные захоронения и в долине р. Теберды. И. А. Владимиров в 1899 г. попутно с обследованием Сентинского храма обнаружил и исследовал 18 пещер по ущелью к югу от храма на большой высоте. Пещеры были приспособлены для жилья и погребений. Располагались они полукругом и почти все имели сообщение между собой по наружному уступу скалы. Отверстия пещер были обращены на север, восток и юг. Наиболее крупные пещеры служили жилищами. «В одной из южных пещер найдено гробовище из камней и плит, снаружи обмазанных глиной. В нем мумифицированный труп, изорванный волками и другими хищниками. При нем два клыка кабана, обломок деревянной гребенки, два грубых браслета. Вблизи еще гроб с полуобглоданными костями». И. А. Владимиров сообщает, что, по рассказам местных жителей, все обрывы скал, окружающих долину, в которой находится монастырь, изрезаны природными и искусственными пещерами и ходами. Во многих местах находятся «сухие люди» — мумифицированные трупы.¹² Со слов местных жителей те же известия о могилах в скалах Сентинской горы, подобных пещерам Подорванной балки, передает В. М. Сысоев.¹³

Гамовское
ущелье

А. А. Формозов упоминает пещерное средневековое погребение, открытое в 1950 г. А. А. Иессеном в Мошевой балке, на Большой Лабе, и погребения в Гамовском ущелье в верховьях р. Уруп, обнаруженные М. Н. Ложкиным и обследованные экспедицией Краснодарского музея в 1954 г. под руководством Н. В. Анфимова. Эти

последние пещеры, по мнению А. А. Формозова, по-видимому, искусственного происхождения. Они имели небольшие размеры, и вход в них закладывался камнем. Погребения в них устраивались прямо на поверхности пола.¹⁴

* * *

Могильники с погребальными сооружениями типа Шубшурук, Токмак-Кая и др. известны на Северном Кавказе восточнее Прикубанья. Они выявлены на р. Уллу-Кол, на р. Подкумок, в бассейне Терека, вплоть до Дагестанской АССР.

Уллу-Кол Истоки Подкумка весьма близко, почти вплотную, подходят к истокам левых верхних притоков Кубани. Рельеф местности по Подкумку имеет тот же характер, что и в верхней части р. Мары и р. Индыш. Неудивительно поэтому, что в бассейне Подкумка встречаются археологические памятники, однородные с памятниками верхнего Прикубанья.

Река Подкумок в своем верхнем течении принимает с левой стороны небольшой приток Уллу-Кол. На расстоянии 1—1,5 км от устья Уллу-Кол, по левую сторону реки, на сравнительно обширной и ровной площади четко заметны следы находившегося здесь когда-то поселения. Во многих местах заметны возвышения квадратной или округлой формы, впадины возле них, следы оград, в рывинах и сурчинах выступает зольно-сажистый слой с мелко разбитыми черепками. С западной стороны площадь поселения ограничивал маленький горный проток, с восточной стороны — вал, пересекающий равнину от берега Уллу-Кол до подъема к скалистому хребту, возвышающемуся с северной стороны поселения.

В отвесном обресе верхней части хребта в 1963 г. нами обнаружены «пещерки», тождественные погребальным камерам указанных выше могильников. Всего их сохранилось здесь до 10—12, причем от некоторых остались только задние стенки и кусочки пола. Светлый песчаник с глинистым цементом и сцементированная окатанная галька гребня на данном участке интенсивно разрушаются, и, несомненно, первоначально здесь было значительно больше могил.

Сохранившиеся могилы имели круглые и прямоугольные лазы, невысокие (до 0,2 м) порожки, овальные в плане очертания и сферические потолки. Размеры камер обычные: длина от 1,5 до 2 м; ширина от 0,75 до 1,25 м, высота потолка от 0,8 до 1 м; входное отверстие 0,6×0,55 м. В

боковой стенке одной из камер имелась пробонна, ведущая в соседнюю камеру. Все сохранившиеся могилы были ориентированы с востока на запад, так как именно таким было направление горного хребта. Вероятно, и в данном пункте мы имеем поселение и могильник, связанные друг с другом, хотя доказать это вещевыми находками не можем.

Километра два от устья Уллу-Кол, ниже по р. Подкумку, в балке Кыл-Кол в том же году найдена еще одна «пещера» длиной 2,5 м, шириной 1,35 м и высотой 0,95 м, ориентированная с запада на восток.

В той же балке в верхних скалистых ее склонах оказалось одиннадцать могил, высеченных в горной породе в два яруса и разделенных между собой низкими каменными стенками, иногда обмазанными глиной. Лицевая сторона могил закрывалась такими же стенками. На одной из стенок сохранилась обмазка из глины, смешанной с рубленой соломой. В могилах встречались человеческие кости. По общей своей конструкции эти могилы стоят близко к пещерным могильникам, хотя несколько от них и отличаются. Быть может, они являются позднейшими из пещерных могильников.

Кая-Баши

Могильник Кая-Баши был открыт и впервые обследован местными краеведами А. П. Руничем и П. Н. Михайловым в 1959—1961 гг.¹⁵ Вторично его обследовала А. Л. Нечитайло в январе 1963 г. Описание могильника дано на основании материалов А. Л. Нечитайло.

Скалистое плато Кая-Баши расположено на левом берегу р. Эшкакоп или Учкеекен, в устье Учкеекенского ущелья. На плато и у его подножия разбросаны строения карачаевского аула Учкеекен. С южной стороны плато образует отвесный обрыв. В этом обрыве вырублены погребальные камеры. Имеются они и в склонах у подножия плато. В общей сложности здесь насчитано 66 могил. Число это, вероятно, уменьшено, так как многие участки по случаю снежных заносов трудно было обследовать.

Погребальные камеры размещаются в скалистом обрыве плато в один ряд. Перед некоторыми камерами скала вырублена в виде коридора длиной в среднем около 1,5 м, шириной 1 м. У большинства могил коридоры отсутствуют. Формы лазов неправильно овальные, полукруглые, арочные, квадратные и в одном случае трапециевидные. Одни из них закрывались плитой, так как на лицевой стороне отверстий сохраняются пазы для вставки плиты, другие, по-видимому, закладывались камнями.

За входным отверстием располагается камера, иногда в перпендикулярном ко входу направлении. По форме камеры встречаются овальные, полукруглые, прямоугольные. Некоторые из них снабжены нарами, у других пол ровный. В стенах иногда имеются ниши маленьких, но изредка и значительных размеров. Потолки камер плоские сводчатые и двускатные с желобком посередине. Размеры камер различны. Многие из них явно предназначались не для одного захоронения. Некоторые камеры соединяются друг с другом пробоинами в боковых стенках. По всей вероятности, такие могилы обслуживали родственные семьи. Ориентировка могил неустойчива, как и в могильниках Прикубанья.

Для примера приведу описание нескольких могил: Могила № 1. Входное отверстие прямоугольное шириною 0,73 м, высоту — 0,5 м. Пол камеры на 0,18 м ниже входа. Длина овальной камеры 1,7 м, ширины 1,05 м, потолок сферический, высоту 1,2 м.

Могила № 2. Входное отверстие разрушено, но первоначально имело, по-видимому, полукруглую форму длиной 1,5 м, высоту 0,85 м. Дно камеры ниже входа на 0,2 м; длина ее 2 м, ширина — 2 м. Вдоль стен проходят нары высотой 0,2 м, причем ширина нар у задней стены 1 м, у боковых стен — 0,25 м. В восточной стене, на высоте 0,2 м от нар, прорублена ниша шириною 0,3 м, высотой 0,1 м. Потолок камеры с едва заметной вогнутостью, почти плоский; высота его 1,2 м.

Могила № 25. Входное отверстие полукруглое шириною 0,9 м и высотой 0,8 м с притолокой с наружной стороны. Прямоугольная камера длиной 2,8 м, шириною 2,2 м и высотой 1,35 м. Потолок двускатный с продольным желобком посередине; ориентирована могила СВ-ЮЗ. В задней стене на высоте 0,45 м от пола вырублена ниша длиной 1,9 м, глубиною 0,6 м и высотой 0,45 м.

Могила № 58. К входному отверстию ведет коридор длиной 1,4 м, шириною 1,16 м. В конце коридора на высоте 10 см от его дна прорублено квадратное с оттянутыми углами входное отверстие. За ним находится почти квадратная камера длиной 2 м и шириною 1,9 м. Потолок высотой 1,1 м двускатный с желобком в середине. В восточной стене, ближе ко входу, имеется ниша 15×15×20 см.

Все могилы в настоящее время открыты. Только в одной оказались разрозненные человеческие кости. Многие могилы используются местными жителями для хозяйственных надобностей — под курятники, для загона овец, для

хранения сена, так как могильник примыкает к приусадебным огородам карачаевцев; некоторые из могил завалены булыжником, собираемым жителями при очистке огородов.

У слияния р. Эшкакон с р. Подкумком
Рим-гора располагается высокое плато Рим-гора.

Плато издавна известно своими археологическими памятниками. Еще в конце XVIII столетия на нем отмечал городище П. С. Паллас. В первой половине XIX в. посетили его Дюбуа-де-Монпере, А. Фиркович,¹⁶ затем Д. М. Струков. В начале XX столетия его обследовал Н. Е. Макаренко.¹⁷ В советское время на нем проводили работы В. Ф. Смолин,¹⁸ В. А. Кузнецов,¹⁹ А. Л. Нечитайло и Е. П. Алексеева и местные краеведы А. П. Рунич и Н. И. Михайлов.

Плато Рим-гора известно городищем и катакомбными могильниками. Кроме катакомбных могильников обычного типа, т. е. с дромосом перед погребальной камерой, на нем имеются и наскальные пещерные могильники. Интересны сообщения Н. Е. Макаренко. Он писал, что с восточной стороны Рим-горы «на скалистых стенках светло-желтого известняка, в нишах, по-видимому, естественного происхождения, как бы в остатках пещерных сооружений, нацарапаны какне-то знаки, быть может, тамги местных жителей, скрывающихся здесь под навесом в дождливую погоду. Некогда можно было видеть пещеры и камеры, расположенные в отвесных обрывах стенок горы, ныне очень запыленные обвалившейся землей, заросшие и часто совершенно незаметные».²⁰

В данном сообщении мы склонны видеть описание наскальных пещерных могил типа Шубшурук и Токмак-Кая. О наличии подобных могил на склонах Рим-горы мы имеем и некоторые устные известия. Для нас важны и дальнейшие сообщения Н. Е. Макаренко. Ссылаясь на рисунки Д. М. Струкова, хранившиеся в делах Русского Археологического Общества, он пишет, что рисунок 105 изображает пещеру с западной стороны городища овальной формы с изображением креста и букв ICXC на восточной стенке и различных крестиков и непонятных слов на западной внутренней стенке над входом в камеру. «Пещера с юго-западной стороны городища с двух отделений с двумя выходами любопытна изображением круга, которого на рисунке видна лишь часть, нарисованного красной краской и знаком, быть может, греческой буквы α, исполненным тою же краской». Здесь совпадают три детали с вышеописанными прикубанскими могильниками. Наличие изображений кре-

стов подобно кресту в одной из камер Токмак-Кая № 1, пещера с двух отделениях с двумя выходами напоминает катакомбы, исследованные в Токмак-Кая № 2 и, наконец, изображение красной краской круга в той же пещере соответствует, по нашему мнению, резному кругу в катакомбе № 1 с тамгообразными знаками. На площади городища Рим-горы среди собранных Н. Е. Макаренко черепков оказался один с «горизонтальным выступом в виде боровка». Аналогичную находку мы сделали при раскопке катакомб Токмак-Кая № 2 (рис. 15, 1).

**Район
Кисловодска**

В районе карачаевского аула Джага (западнее Кисловодска) местными краеведами в последние годы обнаружены «скальные погребения». В этих погребениях, по словам Н. И. Михайлова,²¹ найдена индикация с солида византийского императора Константина Погоната (668—685 гг.). Кроме того, кисловодскими краеведами зарегистрированы скальные погребения в районе железнодорожной станции Подкумок, в долине реки Аликоновки, в районе скалы «Броненосец», в долине р. Подкумок, в аулах Учккен и Красный Восток.²² «Обнаружены новые интересные находки — части мумифицированных трупов, деревянный бытовой инвентарь: миски, тарелки, ковши, бронзовые украшения, пояса, браслеты, стеклянные серьги, кольца и т. д.». К сожалению, кроме этих беглых газетных заметок, у нас нет других сведений о наскальных пещерных могильниках в районе Кисловодска.

Пещерообразные выдувы имеются близ Кисловодска на террасовидном выступе под так называемым «Храмом солнца». На одном участке южного склона эти выдувы располагаются правильным горизонтальным рядом и весьма походят на искусственные пещеры. Возможно, что первоначально здесь и были погребальные пещерки, впоследствии сильно выветрившиеся.

* * *

Р. Хасаут В бассейне Терека наиболее крупным наскальным могильником является могильник в ущелье р. Хасаут, близ карачаевского аула Хасаут. Располагается он по левой стороне р. Хасаут, верхнего левого притока р. Малки. Узкая долина р. Хасаут с левой стороны ограничена цепью скал из рыхлого песчаника, прорезанных довольно глубокими балками. В отвесных обрезах скал на разной высоте разбросаны небольшие группы искусственно вырубленных пеще-

рок. Лазы их сильно деформированы выветриванием, поэтому их очертания остались невыясненными.

Первая осмотренная нами группа могил оказалась на расстоянии 3—4 км восточнее аула Хасаут. Состояла она из четырех камер, располагавшихся в ряд на высоте 4 м от основания скалы. Могила первая, сильно разрушенная, полукруглая, длиной 1,9 м, шириною 0,6 м. Высота сводчатого потолка 0,6 м. Вторая могила также полукруглая длиной 1,62 м, шириною 0,9 м и высотой 0,7 м. Могила третья, овальная в плане, длиной 1,9 м, шириною 0,9 м и высотой 0,6 м. Дно ее камеры на 0,5 м ниже входа. Вдоль западной и восточной стен проходили невысокие нары шириною 0,5 м.

Северо-западнее этой группы, несколько глубже от долины реки, по отвесному обрезу новой гряды скал на разной высоте в беспорядке разбросаны еще восемь таких же могил. Восточнее, за несколькими поперечными балками, на таких же отвесных песчаниковых уступах, в разных пунктах разбросана еще группа могил. Одна из групп имеет шесть могил, размещенных правильным горизонтальным рядом. Она хорошо видна с дороги на аул Хасаут. Проникнуть внутрь этих могил нам не удалось, так как они вырублены на значительной высоте.

В группе, расположенной над поперечной балкой, оказалась одна пещера с сохранившейся формой лаза. Он имел очертания сегмента длиной 0,9 м и высотой 0,4 м. Некоторые могилы по длине располагались перпендикулярно ко входу.

В общей сложности в данном пункте нами насчитано 75 могил, если принимать все группы за один могильник. Альпинисты, посещавшие ущелье Хасаута, передавали нам, что в могильнике насчитывается до пятисот могил. Этот подсчет явно слишком преувеличен. Рыхлый песчаник скал в данном месте разрушается. Места начинающегося выветривания издали весьма похожи на искусственные пещерки, они-то, по всей вероятности, и принимаются за могилы. Возможно допустить, что некоторая часть выдувов является остатками могил. Альпинисты в недавнем прошлом в пещерках находили кости и кое-какие вещи.

Среди обнажений горной породы с пещерками на выветренном мыске оказались геометрические рисунки, нанесенные охрой. В нижнем ряду здесь были изображены полукруги, соединенные прямой горизонтальной линией, рядом с ними — какие-то лесенки в виде елочки; с другой стороны полукругов — вертикальные линии и точки между

ними. В верхнем ряду такой же красной охрой изображен ряд вертикальных прямоугольников с точками посередине (рис. 23). Верхний и нижний ряд рисунков разделены выветренной площадью. Выветриванием нарушены и верхние части рисунков.

Синхронны ли рисунки могильнику, сказать трудно. Но судя по тому, что они успели уже частично выветриться, можно полагать, что возраст их может быть значительным. Данные «писаницы», на наш взгляд, относятся к разряду тамгообразных знаков, подобно знакам других могильников.

Хасаутский могильник принадлежит к числу наиболее известных наскальных могильников Северного Кавказа. Популярность его велика не только среди археологов, но и среди туристов-альпинистов. Впервые могильник был обследован М. М. Ковалевским в 1885—1886 гг. Тогда же этому памятнику было посвящено несколько страниц в популярном очерке.²³ В кратком реферате М. М. Ковалевского, изложенном В. И. Сизовым в заседании Московского Археологического Общества, указано, что одна из пещер, исследованная в 1885 г., была закрыта глиной и камнями. В ней оказалось до восьми костяков.²⁴ Особенностью этих могил являлась, по мнению референта, поразительная сохранность деревянных вещей, шелковых и полотняных тканей. Погребенные лежали на подстилках из свиной кожи. Видимо, и в Хасаутском ущелье действовали те же природные условия — сухость воздуха и почвы, — которые способствовали отличной сохранности деревянных вещей в пещерах Подорванной балки, Мощевой балки, о чем говорилось выше.

Погребальный инвентарь хасаутских пещер М. М. Ковалевским был принесен в дар Московскому историческому музею, где и хранится в настоящее время.* Часть коллекции хранится в Эрмитаже. Находки из Хасаутского могильника полностью не опубликованы. Некоторые образцы шелковых тканей да несколько других предметов изданы А. А. Иерусалимской.²⁵

Из пещеры 1885 г., согласно «Указателю памятников Российского исторического музея» (М. 1893 г., стр. 390—392), хранятся бусы, среди которых имеются шаровидные сердоликовые, одна каменная кубическая и большинство

* За ознакомление меня с материалами ГИМ по Хасаутскому могильнику и за зарисовки предметов его инвентаря выражаю глубокую признательность старшей научной сотруднице ГИМ М. П. Абрамовой.

стеклянных: с внутренней позолотой, с внутренней серебряной прокладкой, черные с синими обведенными белым глазком, черные с белыми слегка выпуклыми глазками, реберчатые из синего и коричневого стекла, граненые из желтого непрозрачного стекла, черные с белыми косыми полосками и некоторые другие. Бронзовая пуговка (рис. 24, 7) и бронзовый бубенчик с прорезью (рис. 24, 8). Бронзовая ложечка-цедилка (рис. 25, 3). Просверленный рог животного (рис. 24, 6). Трехперный железный наконечник стрелы (рис. 24, 2). Овальное из ясеневое дерева блюдо длиной 0,51 м и высотой 0,27 м на четырех ножках. Куски полотняных и шелковых тканей с различными узорами. На одном куске на малиновом фоне — большой овальный медальон, а в нем изображение стоящей птицы. Кроме того, в «Указателе» и в докладе В. И. Сизова упоминаются пластинчатые широкие браслеты со спиралевидными завитками по концам. Они по своему характеру не соответствуют остальным вещам из этой пещеры и, возможно, попали в список случайно.

Из находок 1886 г. в «Указателе» перечислены следующие предметы. «Нитка разнообразных бус из сердолика и др. камней, из цветного, золоченого и серебряного стекла и из мозаичной стекловидной массы; среди бус находятся просверленные зубы и раковины». Бронзовая привеска или пряжка с кольцами по углам; украшена она частыми параллельными насечками (рис. 24, 5). Бронзовая фибула с железной иглой, с плоской прорезной дужкой и цепочкой (рис. 24, 3). Бляшка из перламутровой раковины с резным циркулярным орнаментом; в центре ее отверстие, заполненное железом (рис. 25, 4). Обломок кабаньего клыка. Бронзовый колокольчик (рис. 24, 4). Несколько бронзовых пуговиц. Два браслета из желто-коричневого стекла (рис. 25, 5) и обломки таких же браслетов. Две бронзовые ложечки-цедилки (рис. 25, 1, 2). Три железных наконечника стрел со стержнем для насадки (рис. 24, 1). Обломки железного меча. Обрывок свиной кожи. Куски шелковых и полотняных тканей с различными узорами; на одном куске шелковой ткани на золотистом фоне — малиновое с черным изображение грифона.

Время указанных вещей В. Ф. Миллер определял «не ранее VII в. и не позже XIII в.», сопоставляя их с вещами, находимыми в Чегемском ущелье и в Балкарии.²⁶ Периодом VIII—XIII вв. определял эпоху художественных тканей Хасаутского могильника Н. П. Кондаков (Очерки и заметки по истории средневекового искусства. Прага, 1929,

стр. 338, 339). М. М. Ковалевский, опираясь на исследования В. Ф. Миллера, считал погребенных в Хасаутских пещерах «принадлежащими к осетинскому племени», что подтверждал и В. Ф. Миллер.

При обсуждении реферата М. М. Ковалевского В. Ф. Миллер отметил, что пещеры, подобные осмотренным референтом, встречаются и в Дзивгисе в качестве усыпальниц.²⁷

В 1957 г. несколько инструкторов горного туризма осмотрели Хасаутский могильник и с применением различных альпинистских приемов обследовали четыре труднодоступные камеры. Две из них оказались совершенно пустыми, другие две, названные ими камерами № 1 и № 3, дали находки различных бытовых предметов. Среди них имеются различные бусы, обломки украшений из листовой бронзы, бронзовые пуговицы, остатки шерстяных тканей, остатки изделий из кожи, обломки деревянной посуды, просверленные для подвешивания зубы животных, древки стрел с вырезами на концах для тетивы, обломки железного меча с бронзовым перекрестием, черепки посуды с лощеным орнаментом в косую клетку и некоторые другие вещи. Все эти находки вместе с описанием обследования могильника одним из инструкторов горного туризма А. В. Руничем были направлены в Государственный исторический музей, где и хранятся за № 97714. По своему общему характеру эта коллекция весьма близка коллекции из пещер того же могильника, исследованных М. М. Ковалевским.

Позднейшее упоминание «пещерок» Хасаутского могильника относится к 1966 г. И. М. Мизиев, излагая результаты раскопок средневекового могильника по левому берегу р. Хасаут, в 14 км к северо-западу от турбазы «Долина нарзанов», указывает на наличие здесь в горном кряже наскальных гробниц и прилагает их фотографию.²⁸

У нас имеются достоверные сведения о том, что у самых истоков р. Хасаут сохраняются остатки другого такого же большого могильника. Но пока эти сведения нами не проверены.

Одно из наскальных пещерных погребений было вскрыто работниками турбазы в 1956 г. в Долине нарзанов, поблизости от ущелья р. Хасаут. Погребение оказалось ограбленным. Уцелевший инвентарь поступил в Исторический музей в Москве.²⁹

В бассейне р. Терек, кроме Хасаутского могильника, известны и другие памятники интересующего нас типа.

Р. Гунделен

В окрестностях с. Гунделен на высоком столбообразном скалистом выступе сохраняются остатки крепости. Перед крепостью простирается довольно обширная поляна. «В западной части этой поляны и над ней (к северу), пишет П. Г. Акритас, обследовавший Гунделенскую крепость в 1959 г., видны отверстия многочисленных разграбленных катакомб, сходных по своему устройству с румкалинскими». По приложенной к статье П. Г. Акритаса фотографии одной из этих катакомб, можно судить, что они вполне подобны описываемым нами наскальным могилам.

В археологических коллекциях музея Нальчика за № 1337 хранится крупное зеркало светлой бронзы с рельефным круговым орнаментом и ушком на оборотной стороне, отмеченное в инвентарной книге как «частная находка пещерного погребения в окрестностях с. Гунделен. 1918». Можно предполагать, что зеркало происходит из пещеры упомянутого выше могильника. Возможно, что и некоторые другие предметы, обозначенные в инвентарных записях, как находки «из окрестностей с. Гунделен» — ложечки-цедилки, наконечник ремня и др. — происходят из тех же пещерных могильников.

Р. Баксан

В Эльбрусском районе Кабардино-Балкарской АССР К. А. Шафиевым в 1962 г. были проведены археологические исследования. Высоко в горах в ущелье р. Баксан, в районе Касбаш, западнее Хаймаши, был обнаружен при этом наскальный могильник. В отчете об экспедиции, хранящемся в архиве ИА АН СССР, К. А. Шафиев подробно и обстоятельно описывает погребальные сооружения могильника. «Каменные склепы» расположены в отвесной скале от 3 м и выше. Подход к могильнику весьма труден. Могильник с юга, востока и севера защищен неприступными высокими скалами. Он виден только с узкой террасы, на которую опасно и трудно проникнуть. Склепы в количестве 100 обращены к северо-востоку и расположены в 4 яруса. Все они представляют собою небольшие помещения, прямоугольные и овальные в плане. Длина склепа в среднем 1,8 м, ширина 1,2 м и высота 1 м. Входные отверстия квадратные или с округленными углами, в поперечнике около 0,8 м. Одни из склепов имеют ниши в стенах, другие — полочки. В некоторых склепах заметны специальные лежанки, на них укладывали умерших. Два склепа соединяются круглым отверстием 0,7 м в диаметре.

В настоящее время склепы открыты и ограблены, при-

чем ограбление их совершалось неоднократно. В них не осталось ничего, кроме большого количества человеческих костей детских и взрослых да черепков посуды. В одном из склепов найдены кости от нескольких скелетов. Фрагменты сосудов встречались и в склепах и на узкой террасе. Наиболее многочисленны обломки кувшинчиков серого или черного цвета с прямым или слабо отогнутым венчиком, с лощеной, иногда до блеска, поверхностью. Орнамент представлен налепными сосками, вертикальными и горизонтальными лощеными полосками, косыми полосками по тулову. Автор датирует подобную керамику V—VIII вв. н. э.³¹

Как видим, данный могильник по всем признакам не только аналогичен, но тождествен могильникам Индыш-Баши, Шубшурук и другим.

По словам бывшего учителя (ныне пенсионера) Б. К. Кудашева, в верховьях р. Черек (Верхняя Балкарня) в 1911—1912 гг. он со своими учениками участвовал в раскопках катакомб. Руководители работ приезжали, якобы, из Ленинграда, но фамилий их он не помнит.

Не лишено вероятия, что в сообщении газеты «Утро России» от 20 июля 1912 г. № 166 мы имеем указание на наличие в Кабардино-Балкарии пещерного могильника, подобного описанным выше. «На Северном Кавказе, пишет газета, в 65 верстах от Нальчика, в горско-татарском ауле Чегетель, находится так называемый «Мертвый городок». Довольно крутой склон горы изрыт пещерами, своды которых уже обрушились. Всюду навалены груды громадных камней и обломков скал. И тут же, куда ни глянешь, валяются человеческие черепа, лежат и стоят скелеты. На одних из них уцелели клочки высохшей, как пергамент, кожи, на других — остатки грубой шерстяной материи. В темных пещерах скелеты навалены один на другой, есть и детские скелеты». Газета передает и легенды местного населения, объясняющие происхождение «Мертвого городка». «Предполагают, что в горах свирепствовала холера или чума, и горцы, охваченные суеверным страхом, бежали куда попало и, между прочим, в пещеры». Как видим, легенды, как и во многих других случаях, объясняют непонятное явление крупными народными бедствиями.³²

В Джераховское ущелье бывшей Терской области, выше села Гоуздка, на восточном скате обширного оврага, тянувшегося от подножия «Столовой» горы на юг, в 1890 г. В. П. Долбежев исследовал 12 пещерных могил. Могилы размещались «по узким каменистым не-

Джераховское
ущелье

правильным террасам». Закрывались они известковыми плитами, для которых по наружному краю отверстия были высечены пазы. «Плиты и отверстия имели форму полуэллипса, вышиною около одного аршина, а шириною внизу немного меньше». Пещеры имели «куполообразную» форму. В отличие от Прикубанских и Прикумских могил, погребения их не были нарушены. Костяки в некоторых пещерах лежали на спине, вытянуто, ногами ко входу. Пещера № 8 в плане имела овальную форму, ориентированную с севера на юг. Вдоль ее задней стенки лежал костяк взрослого человека головою на юг на спине, вытянуто. Руки его были слегка согнуты в локтях и направлены вправо. Между стенкой камеры и левой плечевой костью находился костяк животного (собака?). У правого и левого виска найдены бронзовые серьги с подвесками, на груди бронзовая фибула и обломок железной, у кисти левой руки два перстня из черного стекла, у кисти правой руки — два бронзовых перстня и бронзовый продолговатый венчик; у правого бедра — железный нож, у левого бедра — железный топорик в форме кельта, у тазовой кости — глиняный, простой рабсты кувшинчик.

Рядом с костяком взрослого человека, ближе ко входу, лежал детский костяк в том же положении, как и взрослый, но руки его были вытянуты вдоль туловища. «Возле детского скелета найдены два бронзовых перстня, бронзовое колечко, обломок бронзовой подвески, перстень из черного стекла, на груди крупные и мелкие бусы, бронзовая фибула, обломок бронзового браслета, просверленная раковина, две бронзовые погремушки. В соседстве с черепом найдена скатанная спиралью шелковая лента с продольными цветными полосками, шириною в $\frac{1}{2}$ вершка, длиною до $1\frac{1}{4}$ аршина, рассыпавшаяся. Возле теменной кости черепа — металлическое орнаментированное зеркальце. Между плечевыми костями обнаружены клык медведя и разные бусы».

Среди инвентаря других могил находились перстни черного стекла, бронзовые фибулы, бронзовые серьги, обломки металлического зеркала, стеклянные бусы, стакан зеленого стекла, украшенный арабесками, «чаша почти полушарообразной формы из толстого зеленого стекла» и другие предметы.³³

По мнению В. И. Долбежева, открытые здесь пещеры относятся к IX, X и даже к XII столетию н. э. и кажутся ему древнее соседних расположенных по соседству Чмийских катакомб.³⁴

Р. Форганга В 15 км от станицы Ассинской на юг находится устье горной долины Бамут, по которой на плоскость Малой Чечни выбегают горная речка Форганга. Здесь в 1892 г. В. И. Долбежевым были осмотрены две группы искусственных пещер. Первая из них находилась в песчаниковом обрывистом берегу, на высоте 40—50 м над руслом Форганги. В этом пункте обнаружено 7 пещер, располагавшихся в два этажа близко друг к другу. «Входы, ведущие в пещеры с особых небольших площадок, уже выветрились, так что первоначальная форма их не могла быть восстановлена. Стены вверху сведены в купол». Раскопки на дне 4-х пещер не дали никаких находок; не было даже костей, кроме позеленевшей фаланги руки человека. Другая группа пещер располагалась ближе к устью ущелья, на весьма отвесном обрыве правого берега р. Форганги. Грунт состоял из мелкого камня и валунов, связанных крепкою смесью сероватобелой глины с мелким песком. По предположению В. И. Долбежева, они могли составлять «ряд сообщающихся внутри горы галерей». Произведенные в них небольшие раскопки дали лишь несколько кусочков древесного угля и незначительные остатки человеческих костей.³⁵

Р. Аргун Пещерные могильники были обнаружены экспедицией А. П. Круглова в 1936 г. в Чечено-Ингушетии у селения Шатой, на р. Аргун, и вблизи сел. Бамут, на р. Форганг.

Первый могильник располагался к юго-востоку от селения Шатой, на северном обрывистом склоне оврага. «Здесь в толще сцементированного галечника видно восемь небольших искусственно выбитых пещерок, или катакомб, расположенных в верхней части обрыва на различной высоте. Катакомбы имеют округлый вход, в большинстве случаев разрушенный, и небольшую овальную или круглую в плане камеру со сводчатым перекрытием, начинавшимся непосредственно от пола. Размеры одной из наиболее хорошо сохранившихся катакомб следующие: длина 3 м, ширина 2,35 м, высота 1,10 м. Дно всех катакомб завалено камнем, обвалившимся с потолка; часть из них сильно разрушена оврагом. Никаких вещей при осмотре катакомб не обнаружено. Кости человеческих скелетов также отсутствуют. По словам жителя селения Шатой, ...катакомбы были раскопаны очень давно каким-то приезжим человеком. При раскопках были найдены «целые кувшины и человеческие кости». Входные отверстия камер были заложены камнями.³⁶

Второй могильник находился на правом берегу р. Фортанги, против селения Бамут, на крутом обрывистом склоне горы. Камеры были видны в тех местах, где имелись более или менее отвесные обрывы, где не было леса, покрывающего склон горы. Здесь экспедицией было осмотрено две группы пещер. Первая из них состояла из двух камер, из которых одна, округлая в плане, сохранилась целиком. Сферический свод этой камеры непосредственно смыкался с полом. Округлый вход в катакомбу шириною 0,6 м был сделан в западной ее стенке, выходящей на обрыв. На полу ее валялись обломки человеческих костей.

Вторая группа пещер состояла из двенадцати камер различной величины и формы. Девять из них располагались в один ряд примерно на одинаковой высоте, десятая пещера находилась несколько выше и соединялась, «вероятно, случайно образовавшимся отверстием с крайней из девяти предыдущих». На основании много раз наблюдавшихся нами в могильниках данного типа нарочитых пробоин для соединения с соседними камерами можно с уверенностью сказать, что и здесь десятая пещера искусственной пробоиной соединялась с девятой. Две последние были расположены рядом, несколько южнее группы из девяти пещер и ниже их. Осмотренные пещеры имели продолговатую форму, будучи ориентированы в направлении с севера на юг. Форма небольших — приближалась к округлой. Входы были сделаны с запада со стороны обрыва и имели округлые очертания. Размеры наименьшей пещеры: длина — 2,20 м, ширина — 1,77 м, высота — 1 м. Самая большая имела в длину 5,58 м, в ширину — 2 м, в высоту — 1,38 м. Высота входных отверстий колебалась от 0,63 до 0,78 м, ширина — от 0,65 до 0,95 м. Ни человеческих костей, ни каких-либо находок в пещерах обнаружено не было. «Если в отношении первой группы пещер, бесспорно, можно утверждать об использовании их в качестве погребальных камер, пишет А. П. Круглов, то это утверждение с абсолютной уверенностью нельзя распространять на большие пещеры. Размеры их таковы, что они могли служить жилыми помещениями». В подтверждение своей мысли А. П. Круглов указывает на то, что по склону горы ниже пещер находилась керамика бытового характера (пифосы), в погребениях такая ему неизвестна. Он предполагает, что она выпала на склон из крупных пещер.

На наш взгляд, бытовому назначению крупных пещер противоречит их небольшая высота. Скорее всего, крупные камеры предназначались для коллективных захоронений,

а керамика по склону осталась от бывшего здесь поселения, расположенного вблизи могильника, как мы наблюдали в Токмак-Кая, Уллу-Кол, Шубшурук, Инджур-Гата. А. П. Круглов сомневается в том, что им у селения Бамут обследован тот же могильник, который в свое время обнаружил и описал В. И. Долбежев (см. выше), «так как имеющиеся в его дневниках описания не вполне соответствуют тому, что зафиксировано экспедицией».³⁷ Датирует исследователь пещерные могилы у с. Шатой и с. Бамут предположительно временем Дуба-Юртовских катакомб, т. е. IX в. н. э.

С. Акуша Погребальные сооружения, близкие по конструкции пещерным могильникам, встречались в Дагестанской АССР в селении Акуша, на склоне Акушинского хребта. Здесь В. И. Марковиным и А. И. Твердохлебовым была обследована только одна камера. Своей овальной в плане формой, куполообразным потолком, паличием ниши в одной из стен, характером входного отверстия, отсутствием предкамерного колодца или коридора она сближается с наскальными могилами Северного Кавказа. В могиле оказалось пять погребенных. Они лежали вытянуто, на спине, ногами ко входу с вытянутыми вдоль туловища руками. В центре камеры стояли две мисочки и кувшинчик, у рук крайних покойников лежало по одному серебряному браслету, на руках двух средних костяков были надеты браслеты из стекла. В области груди костяка у северо-западной стены находились две каменные печати. В нише стояла фиала, покрытая синей глазурью. По мнению авторов, весь сохранившийся инвентарь Акушинской катакомбы можно отнести к IX—XI вв.³⁸ По словам местных жителей, подсынные могилы откапывались здесь и раньше. Как указывают авторы, погребения типа Акушинской камеры не единичны в Дагестане. Н. О. Цилюсани описывает ряд подобных катакомбных могил в районе Дербента.³⁹

* * *

К той же категории памятников можно отнести искусственные пещеры небольших размеров с открытой передней стенкой, которая после погребения закладывалась камнями иногда на глиняном или известковом растворе. Такие могилы обнаружены в 1962 г. на левом берегу небольшой речки Осетинки в урочище Аргон-Ком, в обрывистом склоне против известного византийского храма на горе Шоана. Здесь оказалось свыше десятка могил; в не-

которых из них частично сохраняется каменная стенка, закрывавшая вход. Три такие же могилы открыты в 1965 г. на правой стороне р. Киир-Кол, недалеко от городища Гиляч. Несколько искусственных пещерок найдено в северных каменистых отрогах Кубранской балки весной 1967 г. учениками школы шахты № 6 под руководством преподавателя этой школы С. Д. Мастепанова. Из этих могил С. Д. Мастепановым переданы Ставропольскому краеведческому музею два небольших чернолощенных лепных горшочка. Один из них с отбитой ручкой, другой имел ручку, имитирующую фигуру какого-то животного, быть может, медведя; на нем имеется орнамент из лощеных горизонтальных и вертикальных полосок. Одна из пещер располагается на значительной высоте; закрыта она плотной стенкой и, по-видимому, еще никем не обследовалась. По словам С. Д. Мастепанова, аналогичные могилы имеются в балке Каракент, расположенной на правой стороне Кубани.

Погребальные искусственные пещеры, закрытые стенкой из самана, встречались нам в верхнем течении р. Подкумка, на левой стороне, неподалеку от урочища Уллу-Кол.

В Чечено-Ингушетии Л. П. Семенов находил пещеры аналогичного устройства в нескольких пунктах. В окрестностях селения Фуртоуг, на склоне Столовой горы, оказались неглубокие пещеры. Одна из них была пуста. В другой были найдены обломки деревянной трубки с глиняным чубуком и деревянной утвари, цветные стеклянные бусы, остатки человеческих костяков. «Сохранились следы каменной кладки, некогда преграждавшей вход в пещеру», — пишет проф. Семенов. «Близ селения Кели находятся пещерные погребения; вход в пещеру прикрыт стеной, имеющей прямоугольный лаз».⁴⁰

В устройстве таких могил мы видим ту же «катакомбную» традицию погребального сооружения, какую наблюдаем в могильниках Шубшурук, Токмак-Кая и других. Отличаются они от наскальных пещерных могильников тем, что вместо узкого входа-лаза имеют по всей длине открытую переднюю часть, заложенную каменной стенкой. Судя по находке деревянной трубки с глиняным чубуком в пещере близ Столовой горы и саманных стен в могилах верховьев р. Подкумка, можно предположить, что они отмечали собою позднейшую ступень развития пещерных наскальных могильников. Разумеется, для более твердого решения этого вопроса необходим значительно больший материал.

Как вытекает из вышеизложенного, большинство наскальных пещерных могильников располагается в бассейне верхней Кубани и примыкающих районов верхних бассейнов рр. Кумы и Терека. Возможно, что этот факт свидетельствует о наибольшем распространении на указанной территории данного вида памятников, но, быть может, в дальнейшем, при более глубоком обследовании Северного Кавказа, территория эта будет расширена.

Все обследованные до сих пор пещерные могильники размещаются в районах, где имеются обнажения и выступы материковых горных пород. Вырубались они в рыхлых породах: песчаника, песчаника-рухляка, в слоях сцементированного галечника, в известковых слоях. Благодаря этому могильники интенсивно разрушаются, а в некоторых пунктах от них сохраняются только жалкие остатки. Это важно иметь в виду при решении вопросов, связанных с количеством данных памятников.

По устройству погребальных сооружений изучаемые могильники однородны. Основные признаки всех их совершенно одинаковы: могилы вырубаются в отвесных обрезах горной породы; в погребальные камеры ведут небольшие входы-лазы; камеры по протяженности параллельны входам, потолки камер сводчатые. Отклонения от этой стандартной формы имеются, но они незначительны и несущественны. Например, немногие погребальные камеры имеют перпендикулярное ко входу направление, некоторые камеры имеют нары и ниши в боковых стенках, потолки их иногда плоские или сильно уплощенные, иногда сферические. Очертания входных отверстий варьируют как по размерам, так и по форме, порожки при спуске на дно камеры имеют различную высоту, а в некоторых случаях они отсутствуют.

Погребальный ритуал восстанавливается с трудом и далеко не полно. За исключением «пещерок» в Джераховском ущелье ни одного ненарушенного погребения в исследуемых могильниках нам не известно. Ясно лишь, что большинство могил предназначались для одиночных или парных захоронений, некоторые из камер, несомненно, служили для коллективных погребений. Погребенные полагались по длине камеры в поперечном направлении ко входу, в камерах крупного размера — ногами ко входу. Ориентировка их была неустойчива, на что указывает неустойчивая ориентировка погребальных камер. Направле-

ние камер приспособлялось к направлению скалы или кряжа, где располагался могильник.

Состав погребального инвентаря более или менее ясен. Это предметы украшения (бусы, фибулы, зеркала, различные подвески и пр.), предметы вооружения (секира, мечи, кинжалы, стрелы), утварь (сосуды, ножи), одежда и ее принадлежности (обрывки тканей, пуговицы, застежки, кожаные пояса, остатки обуви). Особенностью инвентаря наскальных погребений является исключительная сохранность деревянных вещей. Наибольшее количество деревянных изделий эпохи раннего средневековья известно нам именно из наскальных погребений. В Хасаутском могильнике прекрасно сохранились деревянные блюда, чаши, миски, столики. Погребения в Подорванной балке также дали много деревянных изделий. Встречались они в пещерах балки Кубранской, но не сохранились теми, кто их нашел.

Следы поселений, связанных с могильниками, обнаружены на ближайших гребнях, на склонах вблизи от карниза с «пещерками» или внизу по долине ущелья (Шубшурук, Токмак-Кая, Инджур-Гата, Уллу-Кол, р. Аргун). Встречались поселения и на гористых плато над могильниками (Учкекен, Рим-гора, Индыш, Инджур-Гата).

Таким образом, на основании общности природных условий, местоположения, общности, даже тождества погребальных сооружений, однородности погребального инвентаря мы можем рассматривать вышеописанные наскальные пещерные могильники как один вид археологических памятников, характеризующих собою не только одну культуру, но одну этническую группу.

ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ НАСКАЛЬНЫХ МОГИЛЬНИКОВ

При обсуждении вопроса об этносе той или другой культуры большое значение в археологии, как известно, придается обряду погребения в его детальном всестороннем освещении, керамике, орнаментам и украшениям, имеющим узкий ареал распространения.¹ Погребальный обряд играет настолько важную роль при решении этнических вопросов, что по типам погребений исследователи-археологи расчлняют племенной состав населения той или другой области.² В качестве решающего аргумента погребальный обряд привлекал Ю. Кулаковский, опубликовав исследование о керченской катакомбе 491 года. Он утверждал, что керченская катакомба «является исключительным в своем роде свидетельством о том, что на Боспоре после прекращения царства в половине IV в. продолжало жить туземное население, хранившее старую культуру». Исходным пунктом в доказательстве этого положения, по мнению автора, является факт погребения в катакомбе. «Погребение в катакомбах было туземным способом предания земле праха усопших... Отсюда мы вправе сделать следующий вывод: в конце V в. сидело на Боспоре то самое население, которое его занимало при боспорских царях».³ Той же, в общем, точки зрения на значение погребального обряда придерживается подавляющее большинство археологов. Лишь в некоторых конкретных случаях погребальный обряд теряет это свое решающее значение. Резко меняется он при смене религии народа.

Описанные в предыдущей главе памятники не дают возможности охарактеризовать погребальный обряд полностью. За исключением одного, двух случаев нельзя судить о положении костяка, о составе и размещении погребального инвентаря при нем. В некоторых могилах сохранились разрозненные кости скелета и отдельные пред-

меты инвентаря. В большинстве могил не оказывалось ни того ни другого. Но все без исключения упомянутые наскальные могильники характеризуют стойкие формы погребальных сооружений. В данном случае по этому признаку, на наш взгляд, возможно связать изучаемые могильники с такими археологическими памятниками Северного Кавказа, этническая принадлежность которых твердо обоснована. В историко-археологической литературе типы могильных сооружений наряду с другими чертами погребального обряда совершенно справедливо считаются этнографическим признаком.⁴ Исходя из этих положений, мы можем сличить типы могил наскальных могильников с широко известными на Северном Кавказе так называемыми катакомбными погребениями. Между ними в устройстве погребального сооружения наблюдается поразительное сходство.

Приведем для примера описание «классических» катакомбных могильников Северного Кавказа. Могильник близ аула Чми принадлежал к разряду грунтовых могильников. Катакомбы Чми, по указанию проф. Самоквасова, располагались «одна возле другой и одна над другою». К погребальной камере вела «траншея» — дромс, приводившая к отверстию от 2 до 3 четвертей длины и ширины, заставленному шиферною плитою. За входными отверстиями открывались могильные помещения приблизительно тех же форм и размеров, что и наскальные камеры. В стенках катакомб часто встречались небольшие «выемки», в которых помещались кости домашних животных, седла и уздечки, сосуды и иногда оружие. «Нередко в одной из стенок катакомбы было находимо другое отверстие, заставленное каменною плитою изнутри катакомбы; за таким отверстием было открываемо второе катакомбное помещение, а за вторым иногда и третье».⁵

Катакомбы близ станции Балта по Военно-Грузинской дороге, исследованные В. И. Долбежевым в 1897 г., были почти все одинаковых размеров: 2,15 м в длину и до 1,45 м в ширину. Над дном возвышался куполообразный свод высотой 1,05 м от пола. Вход закрывался плитами или камнями. Ко входу вел от поверхности склона «узкий коридорчик». К одной катакомбе примыкала боковая «пещерка» с заделанным глиной входом.⁶

Катакомбы Кобани, по указанию П. С. Уваровой, «совершенно одинакового образования с теми, которые описаны в Чми».⁷ Те же в основном формы имеют катакомбы близ селения Дуба-Юрт на р. Аргуш».⁸

Такого же устройства катакомбы исследованы в Змей-

ском могильнике. По словам первого исследователя этого памятника С. С. Куссаевой — в плане они представляли эллипсоидную, а в разрезе полусферическую камеру, вырубленную на склоне холма.⁹ Катакомбы, раскопанные позднее В. А. Кузнецовым, оказались того же устройства.¹⁰

Обратимся теперь к области, где к настоящему времени открыто наибольшее количество наскальных могильников. В верхнем Прикубанье катакомбные погребальные сооружения известны со времен эпохи бронзы. А. Л. Нечитайло в курганах близ станции Усть-Джегутинской исследовала в 1963 г. несколько катакомбных погребений.¹¹ Но эти погребения значительно разнятся от изучаемых нами по погребальному сооружению, а еще резче по ритуалу и инвентарю, и ни в какую связь с нашими они не могут быть поставлены.

Значительно ближе хронологически стоит погребение, раскопанное А. Л. Нечитайло в 1964 г. в том же Усть-Джегутинском могильнике, в кургане № 41, погребение 4. Излагаемые ниже данные протокола раскопок приводятся по отчету А. Л. Нечитайло.

Курган располагался на открытой широкой равнине по правую сторону р. Кубани, в расстоянии 0,5—1 км от станции Усть-Джегутинской. Хотя в настоящее время равнина сплошь распахивается, курган оставался нераспаханным по причине его высоты. Насыпь кургана имела вид усеченного конуса высотой 11 м, диаметром 52 м; верхняя плоскость его имела в диаметре 12 м. На вершине кургана обнаружена грабительская яма длиной 4,5 м, шириной 3,5 м и глубиной 1,8 м. По обнажении профиля насыпи почти в центре ее прослеживалась вплоть до древнего горизонта вторая грабительская яма конусообразной формы, диаметром 11 м. Насыпь состояла из земли, мелкого гравия, песка и глины. На глубине 2,5 м от вершины кургана и на расстоянии 5,4 м к юго-западу от его центра оказалось зольное пятно длиной 2 м и шириной 0,7 м с древесными углями. Среди углей и золы найдены черепки от амфоры, обломки какого-то железного предмета и бронзовое грабеное кольцо.

Под центром насыпи на древнем горизонте обнажились края прямоугольной с закругленными углами ямы длиной 4,3 м, шириной 3,4 м и глубиной 0,9 м. Дно ямы было густо засыпано древесным углем. В юго-восточном углу ямы оказались две одинаковые по форме амфоры. Одна из них стояла у стенки, вторая лежала рядом горлом вниз (рис. 28). На плечике ее возле ручки сохранилась надпись

красной краской (рис. 29; рис. 27, 10). Вблизи амфор лежала втулка от железного копья.

В средней части дно ямы было скошено в виде узкого спуска вниз и подводило к отверстию овальной формы, закрытому плитой из ракушечника, укрепленной известняковыми плитами. За плитой располагалась погребальная камера, овальная в плане, со сферическим потолком. Дно ее лежало на 0,5 м ниже входного отверстия. Сырой песок стенки порошка был укреплен известняковыми плитками. Длина камеры 3,95 м, ширина 2,4 м, высота 2 м. Она доверху была заполнена мешаной землей.

В земле, смешанной с углем и известняком, над дном могилы обнаружены следующие вещи: обломки железного меча шириною 4,5 см со следами дерева от ножен, выпуклая бляха из раковины со сверлиной в центре (рис. 26, 4), три железные пряжки, сильно окислившиеся (рис. 26, 6), железная выпуклая бляха с приставшими к ней поверху железными стержнями, быть может, от удил, 11 трехперых, сильно скипевшихся черешковых железных стрел (рис. 26, 5), бронзовое кольцо, квадратная бляшка с четырьмя ножками и эмалью на поверхности, серебряная пряжка с круглой обоймой (рис. 27, 4), серебряная пластинка (рис. 27, 5), две голубые фаянсовые реберчатые бусины (рис. 27, 6), крупная халцедоновая бусина (рис. 27, 7), кусок серы.

На дне камеры в юго-восточном углу лежали вперемежку с углями в полном беспорядке сброшенные кости одного человеческого скелета (рис. 30, 1). Около костей валялись черепки от амфоры, точно такой же, какие стояли во входной яме. Среди костей скелета и под ними находились разрозненные и разбитые вещи: желтый, голубой и золотой бисер, толстое бронзовое кольцо от пряжки (рис. 27, 3), тонкое бронзовое колечко (рис. 27, 1), бронзовые тонкие пластинки, полуцилиндрические бронзовые, обтянутые золотым листком обломки (рис. 27, 2), выпуклый глазок голубого стекла, мелкие обломки матового стекла со следами желтой и красной красок, золотые нити, которыми, вероятно, была расшита одежда погребенного. В южной части камеры найдены куски от кубка из черного с белыми и желто-коричневыми разводами стекла с рельефными высокими ребрами по тулову (рис. 31, 2); тут же находились обломки крупного сосуда с двумя высокими массивными ручками из голубоватого прозрачного стекла (рис. 26, 3). В юго-западном углу найдены фрагменты красноглиняной миски с кольцеобразным поддоном и ангобированной поверхностью (рис. 31, 1). На внутренней поверхности

миски вокруг дна нанесен орнамент из вдавленных мелких зубчиков в три ряда.

На расстоянии 23 м к юго-западу от центра кургана под подошвой насыпи найден скелет лошади без черепа. Лошадь лежала на древнем горизонте на правом боку с согнутыми ногами (рис. 30, 2). На расстоянии 24 м к юго-востоку от центра обнаружены скелеты еще двух лошадей также без черепов. Лежали они на расстоянии 2 м друг от друга. Никаких вещей или других могил поблизости от конских скелетов не оказалось. Можно поэтому предполагать, что они относились к описанному катакомбному погребению. К этому же погребению относилось и зольное пятно в насыпи кургана, где встречались обломки амфор и другие вещи. По всей вероятности, это были остатки тризны.

По определению научного сотрудника Московского палеонтологического музея В. И. Жегало, скелеты принадлежали лошадям 7—8 лет, стройным, сильным, вероятно, степным. Передние конечности их немного укорочены по сравнению с задними. Лошади были породистые, способные ходить по пересеченной местности.

На древнем горизонте вокруг данной могилы были разбросаны в большом количестве толстостенные кирпично-желтые черепки, такие же, какие находились вокруг центральных могил эпохи бронзы в других курганах Усть-Джегутинского могильника. По-видимому, и здесь эта керамика относилась к погребению эпохи бронзы, разрушенному катакомбой. По всей вероятности, курган первоначально был насыпан в эпоху бронзы, впоследствии на его месте было устроено данное погребение и возведена новая насыпь.

В Усть-Джегутинском кургане, как видим, мы имеем типичное катакомбное погребальное сооружение, т. е. входную яму или колодец и подземную камеру, в которую можно было проникать через узкое отверстие в нижней части одной из стенок входного колодца. Большинство исследователей подобные могилы именуется катакомбами, некоторые называют их земляными склепами. Первое наименование для нас привычнее и понятнее, поэтому мы его и удерживаем. Усть-Джегутинская катакомба отличалась крупными размерами и, по всей вероятности, богатым погребением, так как в сохранившихся после ограбления катакомбы остатках инвентаря встречаются дорогие вещи: золотые нити, кусочки листового золота, эмалированные украшения, стакан из разноцветного стекла, несколько

амфор. Как характерную черту можно отметить наличие большого количества угля в погребальной камере и костяков лошадей под подошвой насыпи, обнаруженные благодаря тщательной и полной раскопке кургана. Состав погребального инвентаря, несмотря на разграбленность погребения, определенно указывает на то, что в могиле был захоронен мужчина-воин. Его снабдили в «загробный мир» длинным и широким (4,5 см) железным мечом, луком со стрелами и тяжелым железным копьем. Очевидно, это был конный воин. Это первое погребение подобного рода в верхнем Прикубанье. Трудно допустить, что в могильнике было только одно это катакомбное захоронение. Скорее всего, другие курганы с подобными могилами уже распаханы.

Похожи на Усть-Джегутинскую катакомбу подкурганые погребения на правобережье Кубани, между станицами Казанской и Воронежской. «На этом более чем 70-верстном пространстве высятся сотни не особенно крупных курганов, большею частью группами, не удаляясь внутрь степи»,— писал Н. И. Веселовский. Им с 1895 по 1903 г. были исследованы курганы с катакомбным устройством могил и богатым инвентарем, что дало исследователю основание назвать эти курганы «золотым кладбищем».¹³

Погребения встречались или в самостоятельных курганах, или в курганах более древних эпох. Н. И. Веселовский устанавливает два типа катакомб в «золотом кладбище». Усть-Джегутинская могила совпадает с катакомбами первого типа. Для них, по словам Н. И. Веселовского, вырывалась четырехугольная яма «в виде колодца». В западной стене колодца пробивали нишу или катакомбу, где и хоронили умершего, на спине, голову на юг. Отверстие закладывали стенкой из сырцового кирпича или дерева. Как видим, в общем эти могилы подобны Усть-Джегутинской. И не только в общем. Совпадают даже и некоторые детали. Например, в кургане № 1, близ Казанской станицы, в раскопках 1901 г. дно входного колодца с середины оказалось скошенным по направлению к катакомбе, причем эта скошенная часть имела корытообразную поверхность. Точно таким же дно входного колодца было и в Усть-Джегутинской катакомбе.¹⁴ По-видимому, сходно размещался и погребальный инвентарь. В кургане № 17 того же года раскопок «возле входа, отчасти во входе находились 3 железных копья с отворотами втулки у двух из них; две небольшие амфоры, одна желтой глины, целая, другая разбитая из красной со знаком черною краскою на гор-

лышке».¹⁵ В этом же месте могильного сооружения обнаружены амфоры и железное копьё и в Усть-Джегуте (см. рис. 28).

Отличается курган Усть-Джегуты от курганов «золотого кладбища» тем, что в последних не отмечено наличие большого количества угля в катакомбе и не обнаружено костяков лошадей вне могилы, под насыпью. Возможно, что Н. И. Веселовский не считал нужным указать в своем отчете наличие угля, а конские скелеты при способе раскопок курганов «глухой траншеей», который применял исследователь, он не мог обнаружить, так как при таком способе раскопок девять десятых насыпи оказывались не вскрытыми. Черепа и другие кости конского скелета Н. И. Веселовский иногда находил в погребальном помещении. Следов погребальной тризны им установлено не было.

Погребальный инвентарь кургана Усть-Джегуты полностью совпадает с курганами среднего Прикубанья как по содержанию, так и по формам. Однородны предметы вооружения, украшения, утварь. Характерно большое количество стеклянной посуды, наличие вещей с эмалью, вообще, большое количество импортных предметов. Таким образом, мы видим, что Усть-Джегутинский курган входит в общую с «золотым кладбищем» группу археологических памятников. Их объединяют общность форм погребального сооружения, сходство обряда погребения и однородность погребального инвентаря.

Катакомба могильника Усть-Джегуты аналогична так называемым земляным склепам сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья.¹⁶ По данным Н. В. Анфимова, в могильнике № 2 в ст. Усть-Лабинской вырывается следующий обряд погребения: «Вырывалась могильная яма (колодец) глубиною 1,65 м. В одной из ее продольных стен (большей частью в северной) делалась путем подбоя камера длиною 1,60—2 м, шириною 0,90—1,20 м и высотой приблизительно несколько более 1 м. Дно камеры углублялось по сравнению с дном колодца на 0,40—0,60 м, образуя своего рода ступеньку. В камеру помещался покойник вместе с инвентарем. После погребения покойника в яму помещали тушу убитого животного, и могилу засыпали. Все вышеописанные погребения датируются I—II вв. н. э.»¹⁷ Автор добавляет, что костяки в погребениях лежали на спине с вытянутыми конечностями, ориентировка их неустойчива. В восьми случаях обнаруживались скелеты коровы или лошади, которые находились на расстоянии 0,20—0,60 м от человеческого костяка

и на 0,40—0,60 м выше него. Как видим, погребения в могильнике № 2 станицы Усть-Лабинской имеют тот же, в общем, ритуал, что в Усть-Джегутинском катакомбном захоронении. Инвентарь этих погребений также весьма сходен.

Самое существенное отличие Усть-Джегутинского погребения от земляных склепов Прикубанья заключается в том, что над первым возвышалась курганная насыпь высотой 11 м, тогда как над последними никаких насыпей не было. Предположение, что такое различие может быть объяснено социальным положением погребенных, впервые высказал Н. И. Веселовский. Анализируя курганы «золотого кладбища», он высказал гипотезу — кроме курганного могильника, служившего для погребения богатых и знатных, должны существовать и кладбища для бедных, без насыпей или с такими насыпями, которые с течением времени сравнялись с общею поверхностью.¹⁸ Открытие земляных склепов в Усть-Лабинском могильнике как бы подтверждается этим предположением Н. И. Веселовского. Мысль о том, что под курганами захоронены лица более высокого социального положения, а в грунтовых могильниках — рядовые члены того же общества, решительно поддерживает и Н. В. Анфимов.¹⁹ С нашей точки зрения, этот факт можно объяснить и различием хозяйственных укладов общества. В грунтовых склепах хоронили своих сородичей оседлые и полuosедлые племена, а под курганами погребались конные рыцари и члены семей кочевой знати. В таком случае мы имели бы дополнительные данные для характеристики социально-экономического состояния общества.

Н. И. Веселовский определял время погребений «золотого кладбища» первыми веками нашей эры (I—II вв. н. э.). М. И. Ростовцев, подвергая детальному анализу материалы Н. И. Веселовского, указывает, что большинство погребений датируется не II в. н. э., а гораздо более ранним временем — эпохой позднего эллинизма и ранней римской империи, т. е. I в. до н. э. и I в. н. э.²⁰ М. И. Ростовцев, распределяя хронологически курганы, исследованные Н. И. Веселовским, устанавливает, что в их инвентаре преобладают эллинистические сосуды, сосуды в форме человеческих голов, зверей и птиц, «столь типичные для эпохи позднего эллинизма и ранней римской империи, для того культурного обихода, который так близко знаком нам по находкам в Помпеях». К позднеэллинистическому и раннеримскому времени относится и большинство бронзо-

вых сосудов и сосудов резных из стеклянной массы, аналогичных по типу сосуду ст. Северской.

К этой ранней группе, по мнению М. И. Ростовцева, примыкает более поздняя группа курганов, дата которых определяется сосудами дутого стекла, обычных для керченских погребений римского времени форм. «Из курганов этой группы я не знаю, однако, ни одного, который с некоторой долей вероятности можно было бы датировать временем более поздним, чем II в. н. э.»²¹

При обзоре погребений Усть-Лабинского могильника Н. В. Анфимов, на основании сравнительного анализа инвентаря отнес земляные склепы могильника № 2 к четвертой хронологической группе, которую он датирует второй половиной I в. до н. э.— II в. н. э.²² Как видим, его датировка в общем совпадает с датировкой Н. И. Веселовского.

В изучаемом нами погребении Усть-Джегутинского кургана имеются предметы, повторяющие собою вещи курганов Веселовского и Усть-Лабинского могильника. Сюда можно отнести амфоры, стеклянные сосуды, застежку с эмалью и предметы вооружения — меч, стрелы, копье.

В Усть-Джегутинском погребении оказались две целые амфоры, горло от третьей и отдельные черепки от других. Все они совершенно однотипны. Выработаны из светлокрасной глины. Поверхность их не сглаженная, на ней заметны горизонтальные желобки. Общая высота амфоры 0,62 м, емкость 7 литров. Корпус при переходе в узкое, высокое горло имеет ярко выраженное округлое плечо. Высота горла 0,24 м, диаметр его 0,05 м. По краю горла проходит валикообразное утолщение. Ножка амфоры в виде слегка расширяющейся книзу короткой трубки. Ручки снабжены глубокими продольными желобами. На одной из амфор на плече, у основания ручки, нанесен знак красной краской (рис. 29). Тождественные этим амфоры находил Н. И. Веселовский в кургане № 17, близ станции Казанской, в 1901 г. Сходство подчеркивается наличием знаков, нанесенных красной краской на тех и на других.

Амфоры данного типа занимают среднее место между амфорами позднеэллинистического и позднеримского времени. Первые представлены находками Усть-Лабинского могильника,²³ вторые — большим количеством находок в развалинах Танаиса.²⁴ От тех и других наши амфоры отличаются своим чрезвычайно узким длинным горлом. Однако и в Танаисе встречались отдельные экземпляры, весьма близкие Усть-Джегутинским. В данной связи нас

интересует погребение № 79 Танаисского некрополя, исследованного Нижне-Донской экспедицией в 1957 г.²⁵ В могиле, перекрытой поперечно положенными деревянными плахами, оказался скелет подростка. Среди погребального инвентаря могилы встретилась узкогорлая амфора, стоявшая в углу могилы. Она однотипна с Усть-Джегутинскими амфорами. В противоположном углу стоял маленький лощеный горшочек, о котором Д. Б. Шелов говорит, что «такие лощеные сосудики очень характерны для сарматских древностей I в. н. э.»²⁶ Особенно показательна для времени погребения бронзовая монета императора Августа, обтянутая тонкой золотой фольгой, найденная под челюстью костяка. «Такие монеты чеканились в начале I в. н. э. в городе Лугдуне (современный город Лион во Франции)».²⁷ Находки в могиле № 79 Танаисского некрополя дают, на наш взгляд, достаточно определенные указания на время распространения амфор интересующего нас типа.

Характерна форма красноглиняной миски (рис. 31, 1) с загнутым внутрь краем и кольцевым поддоном. В Прикубанских могильниках подобные миски встречаются в погребениях раннеримского времени. Для этого времени характерно появление большого количества стеклянной посуды, представленной и в нашей катакомбе. В ней оказались обломки от крупного амфоровидного сосуда дутого, а не резного, как было в эллинистическую эпоху, стекла. Край сосуда толстый нависающий, ручки широкие грубые, петлями как бы прилеплены к горлу. Нижняя часть тулова не ясна, от нее обломков нет (рис. 26, 3). Подобные формы стеклянной посуды встречаются в изобилии в керченских погребениях римского времени, причем сосуды с округлым корпусом, видимо, более ранние (I—II вв. н. э.),²⁸ сосуды с граненым корпусом относятся в основном к III—IV вв. н. э.²⁹ Н. Качалов в своем капитальном труде («Стекло», М., 1959, рис. 40) знакомит нас с разнообразнейшими формами ручек стеклянных сосудов времен римской империи, по зарисовкам, заимствованным из третьего тома труда А. Киза (*Das Glas im Altertum*, Т. III). Ручки сосуда, найденного у Усть-Джегуты, полностью повторяют формы ручек сосудов времен римской империи, определяя таким образом эпоху, в которую они имели хождение. Но можно указать аналогии и с более точной датой. В Тузлинском некрополе было найдено два четырехгранных сосуда с подобными ручками. Один из них был найден с клейменной краснолаковой тарелкой I в. н. э., второй датируется началом I в. н. э. по находке монеты.³⁰

Маленькая бляшка с эмалью также примечательна (рис. 27, 8). Эмалевые застежки, фибулы широко распространяются в памятниках юго-востока Европы именно в римское время. Значительное количество этих украшений, так же как и стеклянная посуда, найдены в гробницах Крыма, но ареал их распространения был значительно шире фибулы с эмалью. Причем по узору и сочетанию окраски совершенно подобные эмалевой бляшке Усть-Джегутинской катакомбы неоднократно находились в раскопках Ольвии, где они довольно точно (иногда монетами) датируются I-м столетием н. э.³¹ Бронзовая фибула в виде звездочки на шестиугольном щитке с белой, голубой и красной эмалью оказалась в кургане № 6 Сусловского могильника. П. С. Рыков указывает, что Салин (*Die Altgermanische Thierornamentik*, Stockholm, 1904 г.) считает такие фибулы характерными для доказательства римского культурного влияния в провинциях во II в. н. э.³² Известны фибулы с эмалью и щитком геометрических очертаний и в катакомбах могильника Мингечаура.³³

С показаниями вышеупомянутых вещей вполне согласуются и предметы вооружения. Судя по сохранившимся обломкам, меч имел значительную длину, брусковидное перекрестие и, возможно, кольцевое навершие, хотя обломков от него и не сохранилось. Наконечники железных стрел — трехлопастные с черешком (рис. 26, 5). Формы меча и наконечников стрел также характерны для раннеримского времени и также имеют широкий ареал распространения. Эти формы хорошо представлены в погребениях четвертой хронологической группы Усть-Лабинского могильника³⁴ и в других могильниках Прикубанья. На основании данных соображений Усть-Джегутинское катакомбное погребение можно отнести к I—II вв. н. э. По всей вероятности, первый век будет более точной его датой.

Н. И. Веселовский на основании многочисленных находок импортных римских вещей в курганах «золотого кладбища» сделал ошибочное заключение, что они принадлежали римским колонистам в Прикубанье. Н. В. Анфимов земляные склепы Усть-Лабинского могильника относит суммарно к памятникам сарматского общества. Более определенно по этому вопросу высказывается К. Ф. Смирнов. Утверждая тесную связь между катакомбами «золотого кладбища» и нижневолжскими сарматскими, отмечая экономическую мощь этой группы среднекубанского населения, он пишет, что «в них следует видеть аланов, выходцев из прикаспийских степей, вероятно, частично смешав-

шихся со старым меото-сиракским населением Прикубанья, но не потерявших связи с обширной алано-аорской группой племен соседних с Прикубаньем областей Подонья и Нижнего Поволжья».³⁵

К памятникам алан, нам думается, возможно причислить и Усть-Джегутинский курган как по форме погребального сооружения, столь характерной для алан Северного Кавказа и некоторых других областей, так и по теснейшей связи его инвентаря с инвентарем среднеприкубанских катакомбных погребений. Он свидетельствует о наиболее раннем (I в. н. э.) продвижении алан столь глубоко в предгорья западной части Северного Кавказа. В ритуале удержались весьма древние общесарматские черты — погребение коней вместе с умершим (быть может, это отражение древних, скифских еще обычаев), миска с куском мяса и железным ножом в ней. Интересно и направление торговых и культурных связей. Импортные вещи погребения происходят из Причерноморья, в частности, из Боспорского царства. Такое направление торговых сношений удерживали аланы Прикубанья и позже, в эпоху раннего средневековья.

В Предкавказье, в Прикумской степи, обнаружено еще одно погребение, которое можно рассматривать как раннее аланское. В августе 1968 г. А. Л. Нечитайло доисследовала курган в степи, по левую сторону р. Кумы, в 7 км к югу от г. Зеленокумска (бывшее Воронцово-Александровское) Советского района Ставропольского края. Летом этого года при выборке глины из кургана для хозяйственных нужд винодельческого совхоза были обнаружены древние могилы. Как установила затем А. Л. Нечитайло, всего в кургане оказалось 13 погребений. Одно из них весьма для нас интересно.

По словам рабочих совхоза, наблюдавших и участвовавших в разрушении кургана, могила представляла собою «штольню», в одном из концов которой имелась большая «ниша». Дно этой «ниши»-катакомбы, как сказали бы мы, находилось на глубине полутора метров от горизонта и было устлано камешками и посыпано мелом. Костяк был потревожен и о положении его ничего сказать нельзя. Из этой могилы до приезда А. Л. Нечитайло были вынуты следующие вещи: 1 — бронзовое разбитое зеркало диаметром 14 см с валикообразным утолщением по краю, с конусовидной выпуклостью в центре тыльной стороны и небольшой ручкой-штырем сбоку; 2 — алебастровый цилиндрический сосудик высотой 15 см, стоявший в обитом тон-

костенном горшке; 3 — глиняная миска с плоскосрезанным выступающим краем и узким плоским дном; 4 — чернолощенный горшочек с вертикальными лощеными полосками по корпусу; 5 — крупный лощеный кувшин яйцевидной формы высотой 43 см (рис. 32). В могиле имелись и какие-то железные предметы, но они были сильно поломаны «раскопщиками».

Несмотря на фрагментарность материала данного погребения, мы считаем его достаточно выразительным и весьма ценным ввиду очень слабой изученности в археологическом отношении территории северокавказских степей.

К предметам, указывающим на время данного погребения, можно прежде всего отнести зеркало и алебастровый сосуд. Зеркала, подобные зеленокумскому, не столь многочисленны в находках курганных погребений юго-востока Европейской части СССР. В пределах Северного Кавказа можно указать на зеркало из находок на Зубовском хуторе,³⁶ в раскопках Н. И. Веселовского близ Армавира, в кургане № 1, там же в 1903 г.³⁷ Основываясь на датировке Кубанских погребений Ростовцева, П. Д. Рау относил Прикубанские зеркала к позднеэллинистическому и раннеримскому времени.³⁸ Как наиболее ранний экземпляр этой группы зеркал можно рассматривать зеркало, случайно найденное на могильнике у станицы Усть-Лабинской. Оно не имеет только боковой ручки. Н. В. Анфимов относит его к материалам третьей хронологической группы, т. е. ко времени III в.—начала I в. до н. э.³⁹ Крупное зеркало рассматриваемого типа хранится в фондах Краснодарского музея, но оно не имеет паспорта, «из дореволюционных поступлений». Можно лишь сказать, что оно происходит из Прикубанья, если попало в фонды Краснодарского музея. Зеркало данного типа оказалось в Карабудахкентском могильнике.⁴⁰

Ближайшую по территории аналогию зеленокумскому зеркалу мы имеем в комплексе подкурганного катакомбного погребения у с. Брут, в Северной Осетии. Здесь наряду с другими весьма показательными в хронологическом отношении вещами, оказалось довольно крупное зеркало «с валиком по краю и умбовидной выпуклиной на тыльной стороне». Первое описание погребения опубликовала С. С. Куссаева.⁴¹ Она датировала погребение от II до IV в. н. э. и полагала, что Брутский курган отображает переходную форму от сарматского к аланскому времени. Иную интерпретацию погребения дает В. Б. Виноградов. Он, обстоятельно анализируя весь инвентарь, датирует Брутскую

катакомбу I в. н. э. «и скорее всего серединой I в. н. э.»,⁴² что, на наш взгляд, более соответствует действительности. В смысле этническом он определенно относит его к ранним аланам.

В могильнике на городище Нижний Джулат летом 1966 г. в разрушенной могиле найдено зеркало с валиком по краю и плоской ручкой, относящееся к рубежу нашей эры, по определению М. П. Абрамовой. К сожалению, центральная часть диска зеркала разрушена и установить трудно, имело ли оно выпуклину в центре.⁴³

П. Д. Рау полагал, что подобные зеркала происходят с Кавказа и в Поволжье встречаются в виде исключения. Последующие раскопки в Н. Поволжье внесли в это положение значительные поправки. В Нижневолжских курганных погребениях к настоящему времени зеркал данного типа обнаружено столько же, сколько на Кавказе, если не больше. Одно из них найдено в кургане № 18 Сусловского могильника. Встречались они во втором Бережновском могильнике, в курганах № 57 и № 108. Могилы этих курганов принадлежали к группе диагональных погребений. И. В. Сеницын выделяет их «в особый этап развития сарматской культуры, охватывающий время с I в. до н. э. до II в. н. э.»⁴⁴ В кургане № 1, близ с. Верхнее Погромное, раскопанном В. П. Шиловым в 1954 г., найдено зеркало того же типа. Два зеркала с валикообразным утолщением по краю, с конусовидной выпуклостью в центре и ручкой сбоку найдены в Калиновском курганном могильнике. В. П. Шилов датирует их I в. н. э.⁴⁵ В 1968 г. такое же зеркало с костяной орнаментированной ручкой, надетой на штырь, было найдено Е. К. Максимовым в одной из сарматских подбойных могил близ с. Ново-Липовки на р. Большой Караман, в Заволжье.⁴⁶ А. М. Хазанов в схеме развития сарматских зеркал помещает зеркало из кургана № 57 второго Бережновского могильника, тождественного Зеленокумскому, на грани Сусловской культуры I в. до н. э.— I в. н. э. и Шиповской II—IV вв. н. э.⁴⁷

Из всех указанных датировок изучаемых зеркал наиболее справедливой мы считаем среднесарматское время — I в. до н. э.— I в. н. э. На этот период падает в основном распространение в Нижнем Поволжье диагональных погребений, из которых главным образом и происходят подобные зеркала.

К тому же заключению подводит нас и наличие в Зеленокумском кургане алебастрового цилиндрического сосуда. В курганах Нижнего Поволжья алебастровые и

наряду с ними мраморные сосудики, как правило, встречаются именно в среднесарматское время. Частой находкой они являлись в I, II Бережновских и в Сусловском могильниках. Все они имеют небольшие размеры и форму в виде небольшого горшочка с шаровидным туловом, низкой шейкой и слегка отогнутым венчиком. Во втором Бережновском могильнике маленькие алебастровые и мраморные сосудики, по словам И. В. Сеницына, составляли большую группу. Сосудик из кургана 103, погребение 2 второго Бережновского могильника своей вытянуто-цилиндрической формой весьма напоминает Зеленокумский.⁴⁸ Алебастровый цилиндрический сосуд из погребений I в. до н. э.— I в. н. э. найден в Калиновском курганном могильнике. Полностью сосуд не восстанавливается, от него сохранилась лишь придонная часть, весьма похожая на Зеленокумский сосуд.⁴⁹

По мнению М. П. Абрамовой, круглодонные алебастровые сосудики с вытянутым яйцевидным туловом и узким горлом без венчика и сосуда с прямым цилиндрическим туловом появляются в сарматских могилах на рубеже нашей эры.⁵⁰

Итак, зеркало и алебастровый цилиндрический сосуд (его можно было бы назвать стаканом) Зеленокумского погребения указывают на среднесарматское время, скорее всего на I в. н. э.

Керамика Зеленокумского погребения весьма интересна. В ее сарматском характере сомневаться нельзя. Миска (рис. 32, 3) принадлежит к широко распространенному предмету в сарматских погребениях разных хронологических периодов и на всей огромной территории сарматского мира. Обычно в нее клали мясо — баранью ножку вместе с железным ножом. Характерными чертами миски Зеленокумского погребения являются плоское дно и плоскосрезанный, выступающий под стенкой край. В ранних сарматских погребениях Северного Кавказа бытуют миски с поддоном. С конца I в. до н. э. и позже распространяются миски с плоским дном. Ближайшими территориально аналогиями можно указать на миску из курганного катакомбного погребения у с. Брут, в Северной Осетии. Она имеет такой же оттянутый край и плоское дно, но верхняя ее часть сильно профилирована. Вторая, похожая на зеленокумскую миску, происходит из разрушенного захоронения в г. Орджоникидзе.⁵¹ Миска с широким плоскосрезанным выступающим краем найдена в погребении рубежа нашей эры у села Молчановки, в Заволжье.⁵² Встречались подобные миски

в Сусловском могильнике. Близкие по форме бортика миски обнаружены в катакомбном погребении на р. Юце,⁵³ в могильнике городища Нижний Джулат.

Лепной чернолощенный горшочек с круглой боковой ручкой и вертикальными полосками по корпусу (рис. 32, 4) своими общими очертаниями входит в круг широко известной керамики сарматских могильников Н. Поволжья. Встречались они во втором и в первом Бережновских могильниках, у села Калмыково, в Калиновском, в Сусловском могильнике и в некоторых других местах. Для нас сугубо важно отметить полное подобие таких горшочков с керамикой аланских памятников эпохи раннего средневековья. Чернолощенные горшочки с вертикальными полосками по раздутому корпусу повторяются во многих экземплярах в катакомбных погребениях аланских могильников Северного Кавказа. В северокавказских памятниках раннего средневековья эта форма становится одной из характернейших форм керамики.

Крупные кувшины (рис. 32, 6) также широко распространенный вид посуды в культуре сарматских племен. В большом количестве находились они в Нижневолжских могильниках и на Северном Кавказе. Зеленокумский кувшин примечателен и своими размерами, и своей яйцевидной формой. В эпоху раннего средневековья такие кувшины снабжаются двумя боковыми ручками — ушками и носиком различной формы для слива. Такие кувшины, как показывают этнографические материалы, служили, по-видимому, водоносами и таким образом являлись необходимой утварью в быту, что отразилось и на погребальном ритуале. Крупный кувшин-водонос — обязательный предмет каждого погребения в аланских могильниках. Это наблюдение мы сделали при исследовании могильников верхнего Прикубанья. Прimitивный орнамент ранних экземпляров в виде вертикальных лощеных полосок по корпусу на средневековых кувшинах нередко заменяется различными геометрическими узорами из наклепных валиков, но яйцевидная форма сосуда удерживается в течение ряда веков.

Сходство между керамикой Зеленокумского погребения и керамикой Прикубанских аланских памятников разительно. На этом основании мы считаем возможным Зеленокумское катакомбное погребение относить к наиболее ранним в Предкавказье памятникам алан. Зеленокумское погребение отражает ту стадию развития алан, когда их культура еще совпадает с общесарматской культурой, но в ней уже

намечаются черты, которые в дальнейшем развитии, к начальным векам раннего средневековья, приводят к специфически аланским формам материальной культуры. Генетическое родство между сарматской и аланской культурами, устанавливаемое многими археологами (П. Д. Рау, Б. И. Граков, К. Ф. Смирнов и другие), прослеживается и по погребальному обряду, и по многим категориям вещей погребального инвентаря. По мнению Е. И. Крупнова, «лучше всего эта единая линия прослеживается именно по памятникам Предгорной полосы Северного Кавказа».⁵⁴ Зеленокумское погребение, нам думается, полностью подтверждает это наблюдение.

В связи с вышеизложенным не лишним будет упомянуть о находках в ауле Терезе, на р. Подкумок, неподалеку от Кисловодска. В 1963 г. на южной окраине аула разрабатывали гравийный карьер. При выборке гравия снесли курган, в котором обнаружили различные вещи. Молва о находках с преувеличениями и прикрасами, как всегда в таких случаях бывает, быстро разнеслась по аулу. Говорили, что многие из работавших на карьере унесли дорогие золотые вещи и даже «куски золота». Охваченные жаждой наживы, местные жители ночью приступили к раскопке курганной группы, расположенной на плато по левому берегу Подкумка, примыкающей к карьере. Кладоискатели изрыли ряд курганов. Ненужные для них вещи они бросали тут же. Школьники днем их собирали и приносили в школу. В 1963 г. эти разбитые и поломанные вещи были переданы дирекцией школы аула Терезе Ставропольскому краевому музею, где и хранятся за № 14216.

Из этих вещей укажем некоторые, на наш взгляд, типологически связанные с инвентарем Усть-Джегутинского кургана:

1. Амфора светло-красной глины высотой 0,68 м, в том числе длина шейки или горла 0,21 м. Корпус яйцевидный, ножка в виде цилиндра высотой 3 см. Поверхность желобчатая. Очень близка по виду к амфоре на рис. 29.

2. Горло амфоры с двумя буквенными знаками красной краской (рис. 33, 1).

3. Обломки краснолакового блюда на кольцевом очень низком поддоне.

4. Сероглиняная миска с прямостоящим бортиком.

5. Два крупных сильно помятых котла из листовой бронзы, со сферическим туловом и низким прямым бортиком. Наружная поверхность их сильно закопчена.

6. Мелкие обломки чашки из довольно толстого бес-

цветного стекла со слегка отогнутым краем и круглыми вдавлениями на поверхности (рис. 33, 5).

7. Два обломка от небольшой чашки из прозрачного бесцветного стекла с рельефными вертикальными ребрами на поверхности.

8. Четыре куска от сосуда из зеленовато-желтого стекла с резным орнаментом в виде ромбов с круглыми вдавленными пятнами в центре.

9. Железные удила с круглыми в виде колесиков псалями (рис. 33, 3).

10. Обломки четырех железных мечей с узким стержнем для насадки рукоятки (рис. 33, 4). Один из них имеет весьма длинный стержень. На некоторых лезвиях сохранились следы дерева от ножен.

11. Куски железной кольчуги из плоских склепанных колечек.

Погребений было разрушено много, причем не все они одновременны. Например, обломки стеклянной посуды явно двух различных видов. Стекло желтоватого оттенка с резным орнаментом указывает на более раннюю ступень выработки стеклянных изделий, чем чашечка с округлыми вдавлениями на рис. 33, 5. Железные удила с псалями в виде колесика по времени не совсем согласовываются с амфорами. Удила с такими псалями в Усть-Лабинском могильнике относятся к третьей хронологической группе, датируемой III в.—началом I в. до н. э.⁵⁵ Амфора, совершенно подобная найденным в Терезе, из светлой глины и тоже со знаками, исполненными красной краской, обнаружена в Ольвии при раскопках теменоса и агоры. Е. И. Леви датирует ее II—III вв. н. э.⁵⁶ Третьим веком нашей эры определяет подобные амфоры Танаиса Т. Н. Книпович.⁵⁷ Они более поздние по сравнению с амфорами Усть-Джегуть. К сожалению, надписи на амфорах пока не изучены по заявлению исследователей, специально занимавшихся этим предметом.⁵⁸ Мечи из Терезе можно датировать I—II вв. н. э. по наличию в них стержня для рукоятки и отсутствию перекрестия. Показательно и появление кольчуги, по всей вероятности, синхронной мечам.

Разрушенный курганный могильник был осмотрен Е. П. Алексеевой. Ей удалось установить, что в некоторых случаях погребения совершались в катакомбах. Они имели прямоугольную могильную яму 2×1 м с закругленными углами, ориентированную с запада на восток. В северо-восточном углу ямы оказался вход в овальную катакомбу. В других курганах погребения представляли собой прямо-

угольные ямы, стенки которых были выложены камнем. Ориентировка ям различная.⁵⁹ По всей вероятности, из этих двух видов погребений и происходили только что описанные нами вещи.

В разрушенном погребении южной части могильника Е. П. Алексеева найдены железный трехперый с черешком наконечник стрелы и много черепков от разбитой амфоры. Кроме того, ей были переданы некоторые вещи из восточной части могильника: горло амфоры из розовато-желтой глины, массивное серебряное кольцо с надетыми на него болтом и двумя пластинками с толстым слоем позолоты, серебряная фигурная ручка сосуда, обломки стеклянного сосуда с ручкой, куски кольчуги, длинный прямой меч, железные топоры и др. В школе-интернате аула Учкеек из данного могильника хранится стеклянная чаша в серебряной ажурной оправе с надписью греческими буквами.⁶⁰ Эти жалкие обрывки разрушенного, очевидно, очень интересного курганного могильника все же дают общее представление и о характере, и об эпохе погребений.

Катакомбные захоронения, весьма близкие по времени к погребениям аула Терезе, исследованы Е. П. Алексеевой в 1961 г. близ аула Учкеек. Интересно отметить, что здесь оказались катакомбы двух типов. Первые имели погребальную камеру по одной оси со входным колодцем, вторые — боковую удлиненную камеру. Именно такие два типа катакомб выделял Н. И. Веселовский в курганах среднего Прикубанья. Подробное описание Учкеекских курганов дано в работе Е. П. Алексеевой.⁶¹ Датирует она их «рубежом н. э., а скорее всего I—II вв. н. э.»⁶²

Указанные факты говорят о том, что раннеаланские катакомбные погребения охватывают широкую территорию Предкавказья. Простираются они от районов средней Кубани, проходят по территории верхнего бассейна р. Кумы и идут далее на восток, вплоть до Дагестана. Причем уже в первых веках нашей эры, как показывает Усть-Джегутинский курган, встречаются в довольно глубоких предгорьях верхней Кубани.

Таким образом, мы видим, как мало-помалу ликвидируется казавшееся прежде некоторое расхождение исторических и археологических источников об аланах. Первые свидетельствовали о раннем (I в. н. э.) появлении алан на Северном Кавказе, а прямые археологические свидетельства относились к более позднему времени. Исследованиями последнего десятилетия, как видим, выявлены и археологические данные о пребывании алан на Северном Кав-

казе уже в первом веке нашей эры. Нам мыслится, что Усть-Джегутинский и Зеленокумский курганы и катакомбы Учкекена, раскопанные Е. П. Алексеевой, имеют немалое значение в этом смысле.

* * *

Катакомбный тип захоронений представлен в верхнем Прикубанье и на последующем хронологическом этапе. Мы разумеем могильник Байтал-Чапкан на водоразделе р. Кубани и р. Малого Зеленчука, на южном склоне горы Эльбурган. Для примера приведем описание одного из погребений могильника, тем более, что оно не получило своего полного освещения в печати.

Могила № 17. Располагалась на склоне холма, в котором обнаружена основная масса могил, вблизи дороги из аула Эльбурган на М. Зеленчуке в аул Кубину на Кубани. Могильный колодец был ориентирован строго с востока на запад. Длина его 2 м, ширина в восточном конце — 0,5 м, в западном — 0,7 м, глубина — 2,2 м. На дне колодца, у западной отвесно срезанной стенки, стояла плита из мергеля, размером 0,75×0,6 м (рис. 36, 3). Плита закрывала отверстие-«окно», — ведущее в погребальную камеру. «Окно» имело округлые очертания: по дну 0,63 м, по вертикали 0,55 м. За ним в твердом известковом мате- рике располагалась камера удлиненно прямоугольная в плане со сводчатым потолком. Длина камеры 2 м, ширина 1,3 м, наибольшая высота свода 1,6 м. Дно ее лежало на 1,2 м ниже дна могильного колодца (рис. 34, 1).

В правом переднем углу в стене камеры оказалась ниша шириною 0,4 м, высотой 0,38 м и глубиною 0,35 м. Возле ниши лежал крупный чернолощенный кувшин с носиком у края горла, двумя боковыми ушками и вертикальными налепными валиками по тулову (рис. 36, 1). Налево от входа, в передней стене камеры, была вырублена другая ниша, размером 0,2×0,24×0,25 м. В ней стоял маленький (высотой 0,15 м) чернолощенный горшочек с тремя сосочками по брюшку (рис. 36, 2). Под пищей на нарах лежали три бараньих ребра.

Вдоль задней и боковых сторон камеры были устроены нары шириною 0,8 м, возвышавшиеся над дном камеры на 0,2 м. На нарах лежал мужской костяк на спине, вытянуто, головою на юг с небольшим отклонением к востоку. Руки его были вытянуты вдоль туловища. Голени ног лежали тесно одна к другой. Череп был деформирован. Возле черепа и правой плечевой кости найден однолезвийный кинжал длиной 0,38 м, в деревянных ножнах, сбитых

тонким бронзовым позолоченным листком с чешуйчатым пунктирным орнаментом (рис. 35, 4). Нижняя часть ножен была окаймлена бронзовой обоймой с зубчиками. Рукоять кинжала, по-видимому, была деревянной и истлела (рис. 35, 5). Возле кинжала в верхней его части, в поперечном направлении к нему, лежала крупная серебряная пряжка с граненым кольцом и прямоугольной обоймой. В сбойме сохранился кусочек ремешка (рис. 35, 1). Положение пряжки показывает, что с ее помощью кинжал прикреплялся к поясу. Возле правой стопы найдена бронзовая пряжка с граненым кольцом с хоботообразной иглой (рис. 35, 3), другая подобная пряжка лежала у левой стопы (рис. 35, 2). Эти пряжки, несомненно, служили для застегивания ремней мягкой обуви.

В могильнике Байтал-Чапкан в общей сложности исследовано тридцать четыре могилы. Все они вполне однородны как по характеру погребального сооружения, так и по ритуалу и погребальному инвентарю. Несомненно, что могильник характеризует собою один хронологический этап и одну этническую группу. Датируется он V в. н. э. и оставлен был аланами Северного Кавказа. Могильник двукратно опубликовывался нами и при этом указывалась аргументация этих положений.⁶³ Здесь повторять ее считаем излишним.

Могильник Байтал-Чапкан показывает, что к IV—V вв. н. э. аланы перешли от погребений под курганами к грунтовыми могильникам; такого способа захоронений они придерживались и в дальнейшем, на протяжении всей эпохи раннего средневековья. С этого времени аланы продвигаются почти вплотную к северным окраинам гор. В последнее время открыты археологические факты, на основании которых можно сделать такое заключение.

Осенью 1966 г. производились геологические исследования по левой стороне Кубани на плато Кумыш-Баши, расположенном южнее балки Инджур-Гата, против аула Кумыш. Прорывая туннель в склоне плато, геологи обнаружили древнее погребение, сопровождавшееся значительным количеством вещей. Вход в могилу был закрыт каменной плитой. Форму могилы геологи не рассмотрели, но вещи собрали. В этом же склепе, неподалеку от первой могилы, оказалась другая, тоже закрытая плитой, которую геологи якобы не трогали. Весть об этой находке дошла до нас довольно поздно — в марте 1967 г. В сопровождении начальника геологической бригады Д. А. Лонгового, совместно с А. Л. Нечитайло, мы тогда же осмотрели это

место, но формы погребального сооружения установить не смогли. Туннель был забит, к нему подведены были рельсы, склон был срезан. Установлено было лишь, что могила не имела каменной выкладки по стенам и, по-видимому, была довольно широкой. Можно предполагать, что, размещаясь на довольно крутом склоне, она могла иметь катакомбное устройство. Но это только наше предположение. Никаких более или менее веских обоснований ему мы не имеем.

Благодаря любезности Д. А. Лонгового, мы получили и доставили в Ставропольский краеведческий музей обнаруженные вещи. Среди них имеются следующие предметы:

1. Бронзовая круглая подвеска с фигурой человечка (рис. 37, 1).

2. Обломок от бронзовой двойной спиралевидной подвески (рис. 37, 2).

3. Бронзовая маленькая круглая пряжка (рис. 37, 3).

4. Два звена цепочки из бронзового прута (рис. 37, 4).

5. Бронзовый тонкий листок с двумя дырочками, быть может, основа какой-то подвески, украшенной стеклом или камнем (рис. 37, 5).

6. Бронзовая тонкая ромбическая пластинка (рис. 37, 6).

7. Несколько овальных бронзовых пластинок.

8. Круглый тонкий бронзовый листик, несомненно, подстилавший какую-то бляшку (рис. 37, 8).

9. Два экземпляра бесцветных прозрачных стеклышек миндалевидной формы с выпуклой полированной поверхностью (рис. 37, 9).

10. Три экземпляра круглых стеклышек темно-лилового цвета с выпуклой поверхностью (рис. 37, 10).

11. Обломок бронзового кольца, по всей вероятности, перстня (рис. 37, 11).

12. Подвеска из бронзовой, прорезанной в центре, пластинки (рис. 37, 12).

13. Бронзовый браслет с уплощенными концами, на плоских концах резные косые кресты. Второй браслет из тонкого бронзового прута с утолщенными концами (рис. 37, 13).

14. Обломок деревянного гребня (рис. 37, 14).

Кроме того, в той же могиле найдены обломки от деревянного короба; от дна его сохранились куски плоской дощечки с прямоугольными прорезами по концам, от стенок — тонко выточенные округлые обломанные пластинки. Скорее всего, короб имел овальную в плане форму и невысокие, тонкие (2 мм) стенки. Собраны были бусы — янтарные, сердоликовые, крупная реберчатая бусина из халцедо-

на, шаровидная мозаичная из синего стекла и другие (рис. 38). Сохранился маленький кусочек шерстяной материи грубого тканья с холщовым переплетением основы и утка, пропитанный медной окисью. В могиле оказалось три сосуда. Крупный лощеный кувшин высотой 0,35 м, яйцевидной формы с наклепными вертикальными валиками по тулову и трубчатым носиком у горла; лощеный кувшин высотой 0,27 м с плоской, покрытой вдавлениями, ручкой и сливом у горла и маленький, 8,5 м высотой, лощеный горшочек, с тремя сосочками по тулову и выступающей шишечкой на ручке (рис. 38).

Среди вещей оказались очень мелкие обломки детского черепа с молочными зубами. Судя по составу и количеству вещей, можно сомневаться, что в могиле было одно детское захоронение. По всей вероятности, детский костяк лежал погребенным вместе со взрослым и скорее всего женщины, так как среди находок преобладают предметы украшения и полностью отсутствуют предметы вооружения.

Инвентарь этого погребения весьма характерен. Керамика близка керамике могильника Байтал-Чапкан и могильника Гилячского городища. Среди украшений много остатков блюшек и подвесок со вставками из цветного и бесцветного стекла. Подобные украшения бытуют на Северном Кавказе в VI—VIII вв. н. э. Особенно показателен в этом отношении бронзовый перстень (рис. 37, 11). Интересен ромбический листок с двумя шишечками (рис. 37, 6). Быть может, он является остатком фибулы с полукруглым щитком и ромбической ножкой. Подобные фибулы встречались в Байтал-Чапкан и Гилячском могильниках. Находились они и в могильнике Сууксу. По всей вероятности, могила на плато Кумыш-Баши относилась ко времени VI—VIII вв. н. э. и, возможно, она имела катакомбное устройство.

К следующему хронологическому этапу следует отнести ограбленные катакомбы в могильнике № 2 Токмак-Кая. Они описаны в главе третьей данной работы. Точная датировка их затруднительна. Судя по черепкам, обнаруженным в перерытой грабителями земле, да по случайно найденному пастухами в этом месте наконечнику железной трехгранной стрелы можно предположительно отнести катакомбы к VIII—XII вв. н. э.

Итак, мы рассмотрели археологические факты, свидетельствующие о том, что с первых веков нашей эры не только на средней, но и на верхней Кубани появляется новый вид погребальных сооружений — катакомбы. Удер-

живаются они здесь и позже, на всем протяжении эпохи раннего средневековья. Принадлежность погребальных сооружений такого устройства аланам убедительно доказывалась еще старыми исследователями (А. А. Спицын,⁶⁴ Ю. А. Готье⁶⁵). В настоящее время никто из археологов не только не оспаривает этого положения, а наоборот, приводит новые и новые доказательства в его пользу. В данной работе оно считается вполне доказанным и принимается за исходное для дальнейших суждений.

* * *

Попробуем сравнить теперь описанные в третьей главе наскальные пещерные могильники с охарактеризованными только что катакомбными могильниками. Общая конструкция погребального сооружения и тех и других совершенно одинакова: овальные или прямоугольные в плане камеры, вход в них посредине продольной стороны, сводчатые или куполообразные потолки, причем своды обычно доходят до дна камеры, нары вдоль стен (С. С. Куссаева и В. А. Кузнецов называют их полками, что едва ли правильно определяет эту деталь), в стенках небольшие ниши, входное отверстие или лаз маленьких размеров и преимущественно округлых очертаний, закрывается оно почти всегда плитой, за немногими исключениями дно камеры лежит ниже лаза. Размещаются «пещерки» то группками, то в ряд, то одна над другой, а чаще в беспорядке разбрасываются по скале. Так же, без строгого порядка, располагаются и катакомбные могилы, как отмечал проф. Д. Я. Самоквасов в Чми и мы наблюдали в могильнике Байтал-Чапкан. Еще одна деталь объединяет эти две группы памятников. Некоторые соседние камеры в катакомбных могильниках (Байтал-Чапкан, например) соединяются друг с другом пробоинами в стене. Очевидно, в них погребались близко родственные члены общества. Такие же пробоины в стенах между смежными камерами наблюдаются и в наскальных могильниках.

На этом основании пещерные наскальные могильники можно рассматривать как разновидность катакомбных погребальных сооружений. Различаются эти две разновидности, по существу, одних и тех же памятников только тем, что во вторых имеется входной колодец или дромос, а в первых он отсутствует. Это различие не столь существенно. Оно обуславливается местоположением могильников. В отвесных обрывах скал прорубить длинный и узкий дромос было трудно. Близость этих двух разновидностей могильных сооружений подтверждается наличием форм переход-

ного характера. В могильнике Кая-Баши, например, в отвесном обрыве высокого плато вырублены «пещерки», а у подножия плато, по склону перед камерами, имеется недлинный узкий проход — «коридор». В могильнике Токмак-Кая в группе могил у его южного конца перед одной из камер вырублено прямоугольное углубление шириною свыше 0,5 м, в задней стене которого внизу располагается полукруглый лаз, ведущий в погребальную камеру. Это «преддверие» можно рассматривать как переоформление входного колодца или дромоса катакомбных могильников, чем лишней раз подчеркивается связь наскальных погребальных камер с катакомбными могильниками.

На основе общности типов могильных сооружений возможно сделать заключение об этнической близости носителей культуры катакомбных могильников и наскальных пещерных могильников. И последние, подобно первым, должны быть приписаны северокавказским аланам.

Общность можно отметить и в погребальном ритуале указанных памятников, хотя прямых данных о положении костяка и размещении инвентаря при нем в наскальных могильниках за небольшими исключениями мы и не имеем, но некоторые более или менее вероятные предположения сделать можно. Судя по расположению и формам погребальных камер, можно думать, что умершего размещали по длинной оси камеры в вытянутом положении, т. е. в поперечном положении по отношению ко входу в камеру. Ориентировка погребенного была неустойчивой, соответственно неустойчивости ориентировки самой камеры. Она, как указывалось выше, приспособлялась к направлению скалы, в которой вырубалась могила. Таким погребение должно было быть в подавляющем большинстве могил. В камерах квадратных или направленных по прямой линии со входом погребенного могли класть головою в глубину могилы, ногами ко входу. Возможно, такое положение имели погребенные в одном из могильников на р. Фортанге, исследованном В. Н. Долбежовым в 1892 г.⁶⁶ В камерах, имевших двухсторонние нары (например, в могильнике Инджур-Гата), погребенные скорее всего размещались на нарах вдоль стен, головою в глубину могилы, ногами ко входу. Таким приблизительно образом производились захоронения в катакомбных могильниках.

В одной из пещер Хасаутского могильника, «вход в которую был заложен глиной и камнями», оказалось «восемь скелетов с одеждой и вещами; один из скелетов, мужской, с вещами при нем, проводник вынес из пещеры».⁶⁷

Следовательно, в наскальных могильниках имелись случаи коллективных погребений. Могилы с несколькими погребенными неоднократно встречались и в катакомбных могильниках. Знаем мы их в могильнике Байтал-Чапкан, в Чми, в могильнике Балта и в др. Это также одна из общих черт наскальных и катакомбных могильников.

Полное совпадение находим мы в погребальном инвентаре наскальных пещерных могильников с инвентарем катакомбных могильников. Достаточно сравнить два глиняных горшка из «пещерок» в балке Шубшурук (рис. 7, 1, 2) с многочисленными экземплярами, найденными в катакомбах Кобани, Чми, Балта, в Байтал-Чапкан и в других подобных могильниках, чтобы понять, что горшочки эти принадлежат к керамике аланской культуры. И техника изготовления, и формы, и орнамент весьма обычны для аланской керамики.

Железные секиры из Шубшурукских «пещерок» (рис. 6) аналогичны многим десяткам экземпляров, обнаруженным в аланских катакомбных могильниках.

Бронзовое зеркало Шубшурукского могильника (рис. 7) принадлежит к типу зеркал, широко распространенных в раннесредневековых памятниках Северного Кавказа и, в частности, они являются одной из самых частых находок в аланских погребениях и городищах.

Бронзовые ложечки-цедилки (рис. 25) являются специфической принадлежностью аланских могильников и городищ. Предметы эти встречаются только на той территории, на которой нам известны аланские памятники. Подавляющее большинство их происходит из памятников центральной части Северного Кавказа. Вне территории Северного Кавказа они находились в Верхнесалтовском могильнике, весь погребальный инвентарь которого, как известно, тесно связан с инвентарем северокавказских катакомбных могильников. По находкам северокавказских аланских памятников выясняется и назначение этих предметов, первоначально казавшееся загадочным. Ложечки-цедилки подвешивались к поясу женского костюма вместе с ухверткой и зубочисткой на одном колечке. Это, несомненно, были предметы женского туалета. Возможно, что их использовали для растирания или процеживания румян и белил.

Серьги с дутыми шариками на длинном стержне (рис. 39) также известны из аланских погребений. И они, подобно ложечкам-цедилкам, вне территории Северного Кавказа встречались только в Верхнесалтовском могильнике. Бусы, представленные находками в детской пещерке

* близ городища Гиляч, также аналогичны находкам в катакомбных могильниках Северного Кавказа. Подобные примеры можно было бы увеличить.

Таким образом, мы можем говорить не только о сходстве, но о тождестве инвентаря пещерных и катакомбных погребений, чем лишний раз подтверждается этническое родство первых со вторыми.

Чем же объясняется небольшое отступление алаи от традиционного приема в сооружении могил? Почему в некоторых ущельях Северного Кавказа они вместо обычных катакомб с дромосом, скрытых в грунте, вырубали в обрезах скал камеры в виде пещерок?

По всей вероятности, в этом отразилось стремление к экономии площади, полезной для обработки и выпаса скота. Для населения горных ущелий вопрос этот во все времена стоял остро. В музее г. Орджоникидзе была ярко представлена нужда местного населения в дореволюционный период в полезной для сельского хозяйства площади. Участки луга, размером в 2—3 кв. м на кручах, утесах скашивались косарями, привязанными для безопасности к скалам. Высокая ценность земли в горах дореволюционной Осетии выражалась поговоркой: «место, на котором помещается бык, стоит быка».

Г. Кокиев в материалах по истории Осетии (XVIII в.) говорит, что «основную волну охотников переселиться в Моздокский район царская Россия ожидала из Осетии и Ингушии на том основании, что названные два народа, находясь под феодальным гнетом кабардинских князей, испытывали чрезвычайно сильную земельную тесноту, вследствие чего они, с момента непосредственного соприкосновения с русскими, неоднократно просили начальников Кавказской военной линии... о предоставлении им возможности выселиться из гор на предгорную равнину, известную в то время под именем Кабардинской».⁶⁸

Такова была практика в недавнее время в дореволюционной Северной Осетии. Можно предполагать, что такой же она могла быть во многих районах Северного Кавказа и в более древнее время. Еще Страбон писал, что северокавказские народы бедны и обладают малым количеством земли.

Описывая Диоскуриаду, как главный торговый пункт для многих соседних народностей Кавказа, он указывает, что в числе народностей, сходящихся в Диоскуриаду, находятся фтейрофаги, в соседстве с ними обитают соаны, которые владеют над всеми окрестностями, занимая

высоты Кавказа, поднимающиеся над Диоскуриадою. «Прочия соседние народности, живущие в окрестностях Кавказа, бедны, занимают малые пространства земли». ⁶⁹

В качестве иллюстрации острой нужды в земле для посевов у горцев Северного Кавказа можно вспомнить сообщение анонимного автора, совершившего «Поездку к южному откосу Эльбруса в 1848 г.», о том, что по мере приближения их к Карчиурту (современный аул Карт-Джурт — Т. М.) стали показываться заборы из сосновых бревен. «Изгородь делается для защиты посевов овса и луговой травы, которые здесь ценятся дорого... Наконец перед нами открылись трубы, торчащие из площадок, покрытых дерном или засеянных хлебом». ⁷⁰ Само собой разумеется, что только острый недостаток земли принуждал хозяина сеять хлеб на крыше собственной сакли. О недостатке земли у горцев и трудностях жизни в горах и ущельях Кавказа красочно писал В. Ф. Миллер. «Суровость зимы, трудность сообщений по горным тропинкам, которым зимою вечно угрожают снежные завалы, а летом осыпи, разобщенность поселений, недостаток земли для хлебопашества... все эти неблагоприятные условия сгубили немало мелких народностей, забившихся в горы...» ⁷¹

П. С. Уварова, лично наблюдавшая жизнь горского населения Северного Кавказа, в частности Осетии, в последние десятилетия прошлого века отмечает, что «поселяне, вообще, весьма бедны полями и посевами». ⁷² Н. Б. Шейхов, исследуя погребальный обряд в раннесредневековом Дагестане, приходит к выводу, что особенности расположения склепов и других могил говорят о борьбе за максимальное использование земли. ⁷³ Об остром недостатке земли у горцев Северного Кавказа, что заставляло древнее население каждый мало-мальски сносный земельный участок использовать под пашню, говорит Е. П. Крупнов. ⁷⁴ О «земельной тесноте» в горах упоминает В. Н. Ванеев. ⁷⁵ Он указывает даже, «что на способы погребения в горах решающее влияние имеют земельная теснота, самый профиль поверхности».

Наблюдая расположение средневековых поселений в предгорьях и горах Верхней Кубани, мы иногда приходили к заключению, что местоположение некоторых поселений на гребнях горных хребтов и на очень крутых каменистых склонах их обуславливалось не только стремлением сделать поселение наименее доступным для врага, но и желанием сохранить побольше земли, пригодной для хозяйственных нужд. Для примера можно указать на поселение

в балке Инал, в котором жилища размещались и на самом гребне кряжа, и по южному весьма крутому его склону. Одно из жилищ особенно для нас интересно. Тыльная его часть опиралась на каменистый уступ склона, а передняя часть жилища как бы висела в воздухе. Передние углы стен опирались на искусственные подпорки, сложенные из слегка подтесанного камня. Подобные жилища едва ли могли представлять достаточные удобства в быту. По всей видимости, так строили их по нужде. На крутых каменистых склонах располагается часть жилищ и на городище Гиляч.

С этой точки зрения могильники в скалах и в отвесных обрывах горных кряжей оказывались наиболее подходящим местом для захоронений. Они использовали ни к чему не годную в хозяйстве площадь, не отторгая ни клочка земли, пригодной для луга или для пашни.

Итак, наскальные пещерные могильники мы рассматриваем как разновидность могильников с катакомбным устройством погребального сооружения, свойственным аланам Северного Кавказа. Незначительные отступления от типичной катакомбной формы (отсутствие дромоса) объясняются хозяйственными соображениями — экономией земли, дорого ценившейся в горных условиях жизни.

ЭПОХА НАСКАЛЬНЫХ МОГИЛЬНИКОВ

Попытаемся выяснить, хотя бы в широких границах, время изучаемых памятников. Инвентарь из наскальных погребений наших могильников весьма невелик количественно, но в нем оказались вещи различных категорий и достаточно характерные для определения эпохи.

В могильнике Шубшурук обнаружены два железных боевых топорика-секиры (рис. 6). Боевые топоры-секиры появляются на Кавказе в раннем железном веке, одновременно с широким распространением железа. В 1950 г. в Армении близ с. Головино, в кромлехе № 2 А. А. Мартиросян обнаружил топор-молот удлиненной формы с обухом в виде молотка. А. А. Мартиросян называет его «маленьким боевым топориком скифского типа» и указывает, что подобные топорики в Армении не получили широкого распространения, но аналогии их имеются в скифских курганах Киевской области.¹ Подобные топорики по его периодизации памятников железного века Армении датируются VII—VI вв. до н. э.² Аналогичные топоры-секиры найдены в центральной части южного склона Кавказского хребта, в Тлийском могильнике.³

Железные боевые топорики того же, в общем, типа и приблизительно того же времени известны и на Северном Кавказе. Мы разумеем топор из погребения № 38 Лугового могильника VI—V вв. до н. э. Исследователь Лугового могильника Е. И. Крупнов считал этот предмет редкой находкой в могильнике, оказавшейся в одной из богатых могил.⁴ В 1956 г. раскопки Лугового могильника были продолжены, и в нем нашли еще три боевых топорика-секиры и два клевца.⁵ Боевые железные топорики в количестве восьми экземпляров обнаружены в «кобанско-скифских погребениях» на южной окраине села Нижний Чегем, в местности Жиркила-Жол в 1959 г. Погребения датируются VII—V вв. до н. э. и относятся к периоду пребывания ски-

фов на Кавказе.⁶ Интересно отметить, что один из топори-ков (длиною до 27 см) имеет вид клевца с одним сильно удлинненным киркоподобным концом.⁷ Такого характера оружие встречалось не только в степной части Предкавказья, но и в лесных областях Восточной Европы, в памятниках ананьинской культуры. Например, в 18-м погребении Ананьинского могильника был найден клевец длиной 21 см, который А. В. Збруева датировала концом VI в. до н. э.⁸ Такое совпадение в форме и во времени не случайно. В этом факте мы имеем лишнее подтверждение культурных связей Северного Кавказа и Прикамья. Близкие по типу топорики находились в Северной Осетии и опубликованы П. С. Уваровой. Всем известна, наконец, секира Келермесского кургана. В курганах Поднепровья и в Поднестровье нередко встречаются железные секиры среди вооружения скифских воинов. Указанные примеры говорят о том, что железные секиры в числе предметов вооружения были известны на Северном Кавказе задолго до эпохи средневековья, еще в скифское время.

В курганах следующей сарматской эпохи широкого распространения боевых топори-ков-секир на Северном Кавказе не наблюдается, возможно, потому, что пока эта эпоха недостаточно глубоко исследована в археологическом отношении. Но факт бытования их здесь в указанное время засвидетельствован находками в склепе близ аула Коба-Баши между станицами Сторожевой и Преградной, в Карачаево-Черкесской автономной области. В склепе, по словам Е. П. Алексеевой, дообследовавшей его в 1961 году, среди вещей нашлось два предмета (пряжка и колокольчик) кобанской эпохи, весь остальной инвентарь относится к рубежу и первым (I—IV вв.) векам н. э. В составе этого инвентаря оказались три экземпляра боевых топори-ков. Один из них, сохранившийся полностью, имел лезвие в виде полумесяца. Короткая обушковая его часть в сечении была квадратной. Отверстие для рукояти круглое. Обломок второго топора, подобного первому, но с более узким лезвием и обломок третьего — в виде плоской листовидной пластинки.⁹ Железная секира сарматского времени найдена в насыпи одной из подбойных могил Суловского курганного могильника.¹⁰

В период раннего средневековья в археологических памятниках Северного Кавказа находки маленьких железных боевых топори-ков многочисленны. Сохраняя в основном общую конструкцию, в деталях они довольно разнообразны. Наиболее близки шубшурукским экземплярам

две секиры из Камунты, хранящиеся в Эрмитаже. Одна из них длинным, ромбовидным в сечении концом и округлой втулкой повторяет секиру рис. 6, 2; вторая одним пожевидным концом и другим концом в виде лопаточки подобна секире рис. 6, 1.¹¹ Время этих топориков может быть указано только в общих границах, определяемых находками монет в могильнике. Более точную дату дать нельзя, так как вещи оторваны от своих комплексов. В могильниках Камунты найдено, по указанию П. С. Уваровой, значительное количество монет. Среди них большинство византийских от VI до конца VII в. Имеются арабские монеты также от VI в. до конца VIII в. По-видимому, инвентарь средневековых Камунтских могильников должен быть датирован в пределах VI в. и начала IX в. н. э.

Близкие аналогии нашим секирам дают находки в Дергафсе. П. С. Уварова датирует их преимущественно VIII—IX вв.¹² Значительное количество топоров найдено в Кобанских катакомбах. Они нескольких видов: тяжелые, длиною до 16 см с расширенными лопатообразными лезвиями с двух сторон; длинные (14 см), почти круглые с выпуклой шишкой на одном конце; удлиненные стержнеобразные, с сильно расширенным острием на одном конце и другие формы. Все топоры имели овальную выпуклую втулку.¹³ Железные топорики меньших размеров находились в могильнике Саниба. Золотые сассанидские монеты, добытые в могилах Санибы, «приурочивают этот могильник к VI—VII вв. по Р. Х.»¹⁴ Аналогичные шубшурукским секиры встречались в Дзивгисе.

Показательны для хронологии занимающих нас секир находки в катакомбах Чми. Могильник, как известно, дает однородные, выдержанные по ритуалу погребения. В нескольких катакомбах оказались железные боевые топоры. В катакомбе № 16 лежал железный топор, крупные треугольные наконечники стрел, серебряная сассанидская монета Хозроя II, 594 г.; серебряный перстень с резным камнем.¹⁵ Ценность этого могильника заключается в том, что многие погребения сопровождалась находками монет. Среди них, как и в могильнике Камунты, были и византийские и сассанидские монеты. Наиболее ранними оказались четыре монеты Хозроя (531—579 гг.), поздними — одиннадцать сассанидских диргемов VIII в. На этом основании проф. Самоквасов датирует могильник VII—VIII вв. н. э.¹⁶ В катакомбах Балты встречались железные топоры.¹⁷ Один удлиненной формы с овальную втулкой и закругленной мелочеточной частью опубликован П. С. Уваровой.¹⁸

Железные секиры являлись частой находкой в Змейских катакомбах XI—XII вв. С. С. Куссаева сообщает, что из 50 вскрытых ею катакомб в 19 находили топорики-секиры, причем они находились при мужских костяках.¹⁹ В раскопках В. А. Кузнецова того же могильника также встречались секиры, и в одном случае секира оказалась вложенной в колчан вместе со стрелами, что определенно говорит о боевом назначении этого предмета.²⁰ Мы не стремимся дать исчерпывающий список всех находок боевых топоришков. Приводим только те примеры, которые более отчетливо дают хронологические указания.

Таким образом, катакомбные могильники центральной части Северного Кавказа определяют время железных боевых топоришков VI—XII вв. н. э. Само собою разумеется, что на протяжении столь долгого времени этот вид вооружения не оставался неизменным. Но проследить эволюцию его формы по памятникам Северного Кавказа затруднительно потому, что подавляющее количество находок оторваны от своих комплексов.

Не меньшее количество боевых топоров найдено в археологических памятниках северо-западного Кавказа. В частности, железные топоры-секиры обнаружены в верхнем Прикубанье. Они известны здесь со времени обследований Е. Д. Фелицыным, Г. И. Куликовским и В. М. Сысоевым долин Кубани, Теберды и Б. Зеленчука.²¹

В 1939 г. один из жителей аула Верхняя Теберда с кладоискательской целью разрыл семь могил в могильнике, расположенном на южном склоне горного хребта, приблизительно в 2 км от р. Амгаты, левого верхнего притока р. Теберды. Видимо, могильник этот примыкал к известному Амгатинскому городищу, обследовавшемуся В. М. Сысоевым, И. А. Владимировым и др. По настоянию и розыскам директора музея г. Микоян-Шахара (ныне г. Карачаевск) вещи были доставлены в музей. Представляли они собою характерный по составу и богатый по количеству предметов инвентарь разрытых могил, сваленный в общую кучу. Здесь оказалось свыше десяти бронзовых браслетов с утолщенными концами и насечками по концам, бронзовые плоские ложечки с разнообразными ручками, ложечки-цедилки, копоушки и зубочистки, трехлопастные с порошком железные стрелы, зеркала светлого сплава с ушком и рельефным линейным орнаментом, деревянные коробки и обломки стеклянных сосудов с шашечными углублениями в стенках, восемь железных тесел разных размеров, девять боевых топоришков-секир и многие другие вещи.²² Были

найлены при этом три золотые серьги и два серебряных кольца, но они, конечно, в музей не поступили, а золотая монета из тех же могил была обнаружена директором музея у местного ювелира. Она, по определению Ю. С. Крушкол, представляет собою солид византийского императора Константина IV Погоната (668—685 гг. н. э.). На лицевой стороне изображен император в боевых доспехах — в шлеме, в кольчуге и с копьем. На обратной стороне крест на трех ступенях, направо и налево — человеческие фигуры, налево — изображение императора Гераклия, направо — Тиберия. Монета пробита в двух местах, очевидно, ее носили как украшение, и она могла в быту задержаться дольше, чем монеты, служившие деньгами.²³

Секиры из Амгатинских могил весьма близки по виду Шубшурукским секирам. Некоторые из них тождественны секирам из Камунты. В «Очерках по истории СССР IX—XIII вв.», стр. 625, имеются рисунки Амгатинских секир, но время их (VI—VII вв. н. э.) несколько занижено. Более вероятной их датой, на наш взгляд, должны быть VII—VIII вв., соответственно показанию монеты. По-видимому, Амгатинские могилы совпадают по времени с могилами Камунты, Кобани, Чми, что объясняет совпадение форм и состава погребального инвентаря.

Железная секира с одним копьевидным концом и вторым концом плоским, расширенным с прямоугольным отверстием для рукоятки была найдена в «окрестностях г. Микоян-Шахара» в 1940 г. преподавательницей учительского института Л. А. Сердобольской (рис. 6, 4).

Топорик-секира из наземной гробницы № 3 на р. Кривой, датируемой В. А. Кузнецовым VIII—IX вв. н. э., аналогична секире из Камунты, формы и размеры которой совпадают почти точно, а колющая часть такая же ромбическая в сечении. Секира одного типа с данной найдена в 1951 г. в раннем слое Нижне-Архызского городища VIII—XIII вв.²⁴

Встречались подобные топорники и в Усть-Тебердинском могильнике. В наших раскопках их оказалось два экземпляра.²⁵ Один из них подобен найденному в Камунте (МАК, VIII, рис. 33) и Шубшурукскому (рис. 6, 2), другой с расширенным лопатообразным лезвием и плоской с шапкой на конце молоточной частью. Третий топорик из этого же могильника хранился в музее г. Микоян-Шахара. Один конец его острый копьевидный, другой — сильно расширенный, дугообразный. Он принадлежит к типу так называемых Т-образных секир. П. С. Уварова датировала подобные

секиры первыми столетиями II тысячелетия н. э.²⁶ В верхнем Прикубанье известны каменные статуи воинов, на поясах которых висят такие же секиры. В. А. Кузнецов на основании многих археологических признаков датирует верхнекубанские статуи X—XIII вв. н. э. Тем самым определяется, по его мнению, и дата Т-образных секир.²⁷ Такую датировку мы поддерживаем. Свыше десятка боевых железных топориков, близких шубшурукским, оказалось в погребениях Усть-Тебердинского могильника, раскопанных преподавателем средней школы г. Карачаевска А. К. Кузьминовым.

Исследованные нами могилы Усть-Тебердинского могильника мы датировали IX—X вв. н. э. В. А. Кузнецов определяет время могильника X—XII вв.²⁸ Я пока твердо не убеждена, что последняя дата вернее первой. Такие, например, вещи, как стеклянные перстни, серьги с длинным стержнем с полными шариками на нем, указанные выше секиры, относятся ко времени не позже X века. Правда, один из сосудов с высоким узким горлом и ребром в нижней части тулова имеет черты поздней керамики и может быть датирован более поздним временем. Скорее всего могильник содержит погребения разновременные, что характерно для многих могильников Северного Кавказа. Занимает он очень большую площадь по склонам горы Дардон. Долина в устье Теберды была густо заселена на протяжении всего средневековья, а потому в могильнике может и должно оказаться много наслоений.

Железная секира длиной 17 см, почти повторяющая своей формой одну из шубшурукских секир, найдена в жилище № 1 городища Гиляч (рис. 6, 3). По остаткам керамики жилище можно датировать не ранее VIII в. н. э. и не позже XII в. н. э. Следовательно, тем же периодом датируется и секира.

Топорики рассматриваемого типа распространяются вплоть до восточного побережья Черного моря. В третьей группе погребений Борисовского могильника, относимой В. В. Саханевым ко времени «после VII в. и не позже IX», найдена секира с удлиненными плоскими концами, весьма близкая Гилячской.²⁹

Из приведенного обзора находок боевых топоров на северо-западном Кавказе вытекает, что и здесь топоры-секиры встречаются в памятниках VI—XII вв., т. е. эпоха их распространения полностью совпадает с эпохой распространения секир в центральной части Северного Кавказа. Появляясь на Кавказе в раннем железном веке, особенно ши-

роко этот вид вооружения распространяется в эпоху раннего средневековья в памятниках аланской культуры Северного Кавказа. Подавляющее большинство обнаруженных до сих пор топоров-секир датируется VI—IX вв. н. э. К этому же времени можно отнести и секиры из пещерного могильника в балке Шубшурук. Боевые топоры продолжают жить и позже, вплоть до XIII века (Т-образные секиры), уменьшаясь в количестве. Из второй вывод можно сделать. По своеобразным формам и по количеству боевых секир в памятниках Северного Кавказа их можно считать специфической принадлежностью воинов северокавказских племен эпохи раннего средневековья.

Боевые топоры эпохи раннего средневековья находятся и вне территории Северного Кавказа. Наибольшее количество их встречается в могильниках салтово-маяцкой культуры. Один из первых исследователей Салтовского могильника А. М. Покровский так описывает этот вид вооружения. «Топоры, находимые в Верхнем Салтове, можно отнести исключительно к боевым; по большей части они легкие, удлиненной изогнутой формы, с довольно сильно вытянутой молоточной частью; впрочем, есть и другой тип, массивный с широким лезвием и короткой молоточной частью. Есть также топоры, у которых и молоточная часть снабжалась острием, что превращало их в обоюдоострую секиру».³⁰ На правом берегу Цимлянском городище, на Нижнем Дону, находки топоров-секир были многочисленны. Встречались они на городище Саркела. Много боевых топоров было найдено и в Дмитриевском могильнике, исследованном С. А. Плетневой в 1957—1964 гг. Она пишет, что топоры найдены, примерно, в 25—30% всех раскопанных катакомб Салтовского и Дмитриевского могильников. Нередко встречались они в погребениях женщин и детей; топоры-секиры, по ее мнению, являлись специфически аланским или алано-болгарским оружием, характерным только для восточноевропейских степей и лесостепей. Особое распространение этот тип оружия получил в VIII в. с расцветом салтово-маяцкой культуры. Производство их на протяжении 100—150 лет претерпело ряд изменений, которые автором обстоятельно прослежены.³¹

Керамика шубшурукского могильника представлена двумя горшочками. Один из них чернолощенный с вертикальными вдавленными полосками (рис. 7, 1) принадлежит к типу посуды, широко распространенной в памятниках аланской культуры IV—VII вв. н. э. не только Прикубанья, но и всей центральной части Северного Кавказа. Встречались

такие в аланских могильниках Кабардино-Балкарни, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии. В могильниках Прикубанья эта форма посуды удерживается до IX в. В VII—VIII вв. она утрачивает одну свою характерную деталь — налпные сосочки и уменьшается в размерах. Шубшурукский горшочек как раз и сохраняет эти признаки — маленький размер и отсутствие соскообразных налппов.

Второй горшочек характерен своей расширенной ко дну формой и орнаментом в виде каймы из лощеных полосок в мелкую косую клетку (рис. 7, 2). Подобные горшочки встречались в Усть-Тебердинском могильнике, где их можно было датировать IX—X вв., на горе Иордан у сел. В. Ермоловка, в могиле X в.³²

Зеркала из белого сплава с петлей в центре обратной стороны и рельефным геометрическим орнаментом (рис. 7, 4) являются одним из самых распространенных находок в средневековых памятниках Северного Кавказа. Встречаются они в могильниках, на городищах и поселениях. Появляясь в IV в. н. э., они бытуют здесь до XIV в., сменяясь зеркалами другого типа — с животным рельефным орнаментом. В памятниках аланской культуры они служат непременной находкой, но характерны также и для других территорий Северного Кавказа, например, для восточного побережья Черного моря. Такие зеркала встречались в Борисовском, Агойском и некоторых других могильниках восточного Черного моря. В большом количестве обнаружены они в памятниках Крыма, в некрополях Пантикапея, Херсонеса, в могильнике Суук-Су. Здесь они распространяются с IV до VII вв. включительно.

Наиболее близкие и наиболее многочисленные аналогии шубшурукскому зеркалу мы находим в могильниках салтово-маяцкой культуры, подобно тому, как это было с топорами-секирами. По указанию Н. Я. Мерперта, все зеркала Салтовского могильника однотипны. На оборотной стороне имеют центральное ушко для подвешивания и рельефный орнамент в виде концентрических кругов, волнистых и ломаных линий, пятиконечной звезды и пр.³³ Как видим, салтовские зеркала обладают теми же признаками, какие отличаются и шубшурукское зеркало. Те же признаки свойственны зеркалам второго крупного могильника салтовской культуры — Дмитровского. Несмотря на длительное бытование и широкое распространение зеркал данного типа, их хронология и типология совершенно не изучены. А. М. Хазанов наметил схему развития сарматских зеркал и подвел хронологическую шкалу ко времени их

появления, но типологии зеркал эпохи раннего средневековья он не коснулся.³⁴

С. А. Плетнева в хронологической таблице вещей из катакомб Дмитриевского могильника³⁵ уделила внимание и интересующему нас предмету. Она наметила три последовательные ступени в развитии зеркал Дмитриевского могильника. И хотя эти три ступени занимают 100—150 лет, не охватывая всей эпохи раннего средневековья в целом, все же ее схема имеет для нас значение. Она дает нам основание датировать шубшурукское зеркало I в. н. э.

Более показательным в хронологическом отношении является комплекс из детской пещерки в могильнике Гиляч. Для даты комплекса наиболее интересны серьги с длинным стержнем и дутыми шариками на нем (рис. 21, 3). Такие серьги неоднократно встречались в катакомбных могильниках Северного Кавказа. Известны они из могильника Дзивгис,³⁶ в могильнике Кобани,³⁷ катакомбах Камупты.³⁸ Серьга из Камупты аналогична Гилячским. В ней так же на стержне надеты только два шарика. Возможно, это ранняя разновидность серьги данного типа. В дальнейшем их эволюция идет по линии удлинения стержня и увеличения числа шариков на нем.

Серьги с удлиненным стержнем и напизанными на нем серебряными и перламутровыми бусами оказались в земляных могилах Агачкалинского могильника, датируемых К. Ф. Смирновым IX—X вв. н. э.³⁹ Близко и по форме и по времени к Агачкалинским серьгам стоят серьги одного из погребений возле мавзолея городища Адюх. Если ранняя дата Адюхского мавзолея не совсем ясна, то поздняя определяется наличием в верхнем горизонте мужской могилы с христианским обрядом погребения. Это было последнее погребение мавзолея. В дальнейшем захоронения по христианскому обряду производились на первой части городища, вблизи христианской церкви. Время широкого распространения христианства в Прикубанье, как известно, падает на X в. Следовательно, языческие погребения могли совершаться до X века или же в самом начале X в. Здание мавзолея (каменное, на известковом растворе) было выстроено, несомненно, до X в. К основанию восточной стены этого здания вплотную примыкала женская могила с языческим обрядом погребения. Стена мавзолея являлась ее западной стеной. В этой могиле нами найдены серебряные серьги с длинным стержнем и напизанными на него пятью шариками. Два шарика на конце стержня отходят в стороны, придавая серьге вид креста (рис. 39, 3).⁴⁰ По-

лагаем, что могилу должно датировать до X в. Наиболее вероятным ее временем может быть IX в. н. э. Точно такие же серьги находились в Усть-Тебердинском могильнике.⁴¹ Несколько экземпляров таких серег из раскопок А. К. Кузьмина Усть-Тебердинского могильника хранятся в настоящее время в Ставропольском краевом музее (рис. 39, 1, 2).

Необходимо отметить одну деталь, выделяющую Гилячские серьги от вышеуказанных. Серьги Камунты, Кобани, Дзивгиса, Агачкалинского могильника, городища Адиух между шариками на стержне имеют одно или больше разделительных колечек, иногда с насечками или зернью. В серьге Гилячской шарики разделяются двусторонней воронкой, в которую они как бы посажены. Такая техническая деталь сближает ее с серьгой из Правобережного димлянского городища⁴². Едва ли эта незначительная особенность имела хронологическое значение. По всей вероятности, она зависела от производственного центра, из которого поступали такие украшения.

Вне территории Северного Кавказа подобные серьги известны в Верхне-Салтовском и Дмитриевском могильниках. Сошлемся на описание их Н. Я. Мерпертом.⁴³ «Вытянутое кольцо, украшенное иногда сверху шипом или шариком, снизу кольцо соединено с вытянутой подвеской. Формы подвесок различны: из двух шариков — большего внизу и меньшего наверху... подвеска из шариков равной величины или увеличивающихся книзу. Места соединения шариков иногда украшены зернью». Все серьги, по Н. Я. Мерперту, относятся к VIII и IX вв. С. А. Плетнева датирует их концом VIII в. и первой половиной IX века.

В данной связи интересны серьги из могильника Саркел-Белой Вежи.⁴⁴ Некоторые серьги здесь сохраняют, в общем, характер северокавказских, но имеют заметные от них отличия. Например, кольцо Беловежских серег не вытянутое, а круглое; оно не имеет ни щитка, ни шишечки вверху, как северокавказские; металлический стержень заменяется тонкой веревочкой; на веревочку надеты бусины, а не полые шарики из двух половинок, как в северокавказских. Серьги Белой Вежи представляют следующий этап развития этого типа украшений. Они точно датируются находками монет X—XI вв. н. э.,⁴⁵ косвенно указывая, таким образом, на более раннее время северокавказских серег.

В комплексе Гилячской «пещерки» характерны бусы. Их состав и формы можно сопоставить с бусами из ката-

комб близ с. Верхний Алкун⁴⁶. Здесь также убор бус разнообразен: белые или красочные глазки, полоски разного цвета, двойные белые круги или мелкие пятна. Л. П. Семенов сближает эти бусы с бусами из погребений Дзивгис, Лац и Рутха. Вещи обеих алкунских катакомб Е. И. Крупнов сопоставляет с погребениями близ сс. Гоуст, Балта, Чми и датирует их эпохой «не ранее IX в.». Такую датировку применяет и Л. П. Семенов.

Не менее близки бусы Гилячской пещерки находкам из катакомб Дуба-Юрт. В катакомбе № 2 найдены стеклянные позолоченные и посеребренные бусы в неразделенных трубочках и цилиндрическая пастовая бусина с цветным узором;⁴⁷ они повторяют Гилячские (рис. 21, 9). Общими являются нарезные мелкие бусы синего стекла и раковины каури со сверлинами. Наиболее близкие параллели инвентарю Дуба-Юртовского могильника А. П. Круглов усматривает в катакомбах Балты, исследованных В. И. Долбежыным в 1897 г. Катакомбы Балты, по его мнению, относятся к VIII—IX вв. Тем же временем он датирует и Дуба-Юртовские катакомбы, ссылаясь на мнение П. П. Ефименко о том, что вещей более ранних, чем начала IX в., в раскопанных погребениях нет, этот вывод сделан главным образом на основании ознакомления с наборами бус.⁴⁸

Указанные параллели дают основание комплекс Гилячского погребения относить к IX или к началу X в. н. э. По всей вероятности, синхронен ему инвентарь женского погребения в пещере балки Гамовской на р. Урупе, исследованной в 1957—58 гг. М. Н. Ложкиным.

Пещеры Хасаутского ущелья по найденным в них тканям В. И. Сизов относил к X—XI вв., а В. Ф. Миллер определял их временем не ранее VII в. и не позже XIII в.⁴⁹ Инвентарь хасаутских погребений до некоторой степени сближается с инвентарем Гилячской пещеры по характеру бус и фибул с плоскими прорезными дужками. В то же время в коллекции из Хасаутских погребений имеются стеклянные браслеты, свидетельствующие о более позднем времени, а некоторые мелкие предметы украшений восходят к более раннему времени. В сухих наскальных камерах могильника в большом количестве сохранились остатки тканей. А. А. Иерусалимская утверждает, что среди текстильного материала могильника имеются фрагменты VII и даже VI вв. и более поздние, которые могут быть датированы XII—XIII вв.⁵⁰ Очевидно, Хасаутский могильник функционировал на протяжении многих столетий, подобно некоторым другим могильникам Северного Кавказа.

Пещерное погребение у поселения Нижний Архыз, дообследованное в 1953 г. В. А. Кузнецовым, по характеру керамики (крупного сероглиняного кувшина с наклепными валиками, с лощеным орнаментом в виде елочки) датируется VII—VIII вв.⁵¹

О времени могильника Инджур-Гата можно привести некоторые соображения косвенного порядка. На плоской вершине скалистого мыса в балке Инджур-Гата, в южных обрезках которого располагается наскальный могильник (см. о нем в гл. III), в 1961 г. было обнаружено городище. В восточной части городища выступает курганообразное возвышение — «бугор», как его называют местные жители, высотой 5 м над поверхностью городища.

Летом 1967 г. на городище силами студентов Ставропольского педагогического института были произведены небольшие раскопки этого «бугра». Они показали, что «бугор» представляет собою остатки одного или нескольких каменных зданий из тщательно отесанных крупных блоков.

Непосредственно к стене, отделявшей «бугор» от городища, примыкал могильник. В нем нами раскопано 15 могил. Представляли они собою неглубокие грунтовые ямы, по стенкам выложенные каменными плитками, поставленными на ребро. В западном конце могилы были шире, в восточном — уже. Покрывались они или одной сплошной плитой, или несколькими плитами. На дне могил лежали костяки все без исключения головою на запад, на спине, вытянуто. Руки у многих сложены на груди, у некоторых правая рука на груди, а левая кистью на левом же плече, и только у немногих погребенных одна рука лежала на груди или на поясе, а другая была вытянута. Погребальный инвентарь состоял из предметов личного убора: бусы, сережки, бронзовые пуговички. Остатков пищи — костей животных, посуды — ни в одной могиле не оказалось.

Как видим, погребения могильника совершены были по христианскому обряду, что указывает и на эпоху городища, так как, несомненно, могильник синхронен городищу.

Для нас в данном случае сугубо важен тот факт, что в земле, заполнявшей могилы, находились чернолощенные черепки от сосудов, характерных для средневековых памятников Прикубанья от времени, предшествовавшего широкому развитию здесь христианства. В могилы попали эти черепки из культурного слоя городища, разрушенного при устройстве могил. Общеизвестно, что христианство на Северном Кавказе, в том числе и в Прикубанье, широкое, «общенародное» распространение получает в X в. нашей эры.

До этого времени следы христианства отмечаются только в отдельных пунктах. Следовательно, христианский могильник на городище Инджур-Гата мог возникнуть не ранее X века. Но жизнь на городище протекала и до этого времени, о чем свидетельствует наличие культурного слоя более древнего времени. Нам мыслится, что жители городища до христианского периода хоронили сородичей в «пещерках» песчаникового обреза данного плато (см. гл. III). Это было их более раннее, «языческое» кладбище. Оно должно было относиться к IX или к самому началу X века, судя по характеру керамики древнего культурного слоя. С принятием христианства кладбище было перенесено на площадь городища. Такой случай переноса места погребений и резкого изменения погребального обряда в связи с изменением религии нам пришлось наблюдать при исследовании городища Адюх на Малом Зеленчуке.

В пещере балки Подорванной (близ городища Н. Архыз), обследованной Л. Н. Глушковым в 1960 г., среди других вещей оказалось крупное сильно окисленное зеркало с ушком в центре и геометрическим рельефным орнаментом и бронзовый флакончик на цепочке, совершенно подобный флакончику из катакомбы № 14 Змейского могильника. На этом основании пещерное погребение Подорванной балки возможно отнести к XI—XII вв. Такую дату подкрепляет и крупный размер зеркала. Тенденция к увеличению диаметра зеркал на протяжении VII—X вв. н. э. прослежена В. Б. Деопик при изучении украшений IV—IX вв. Северного Кавказа и Крыма.⁵² Интересно в данном случае указание В. М. Сысоева о том, что исследованные им в 1895 г. «погребения в пещерках в Подорванной балке, близ Зеленчукского монастыря, кажется, должно отнести к двум эпохам: древнейшие к X—XII вв., а новейшие относятся к остаткам черкесского племени не древнее XVIII века».⁵³ Первая дата, как видим, совпадает с нашей, а вторая дана на основании прекрасно сохранившихся деревянных вещей, которые В. М. Сысоев ошибочно выделил из общего комплекса инвентаря «пещерок».

При обсуждении вопроса о времени наскальных могильников следует принять во внимание изображение крестов, высеченных на потолках камер могильника Токмак-Кая (рис. 9, 1, 2). Если признать синхронность изображения и камер, что, на наш взгляд, весьма вероятно, то время их предположительно можно определить не ранее V—VI вв., когда впервые появляется христианство на Северном Кавказе, или же после X века, когда оно широко распространя-

ется здесь. За второе предположение говорят находки керамики на примыкающем к могильнику поселении (рис. 11). Фрагменты керамики этого поселения характеризуют формы посуды, встречающейся в памятниках верхнего Прикубанья не ранее IX—X вв. н. э.

Второе изображение креста имеется на случайно найденной плите в Кубранской балке, несомненно, когда-то закрывавшей вход в погребальную камеру (рис. 9, 3). Изображение это отличается своим рисунком от крестов в Токмак-Кая. В нем четкими прямыми линиями подчеркнуты расширенные концы перекрестий. Кресты такого рисунка встречаются на многих христианских памятниках как на территории Северного Кавказа, так и за его пределами. Для примера можно указать на изображение креста с сильно расширенными концами, обнаруженного В. М. Сысоевым в 1898 г. в ограде «база» для овец, сложенного из камня развалин древнего христианского храма близ речки Амгаты.⁵⁴ Спустя год И. А. Владимиров вторично обследовал эти развалины и к отчету о своей работе приложил прекрасный рисунок «громadной плиты из красноватого песчаника, с вырезанным на ней изображением типичного византийского креста».⁵⁵ Такой же рисунок креста высечен на известной плите с аланской надписью в верховьях Б. Зеленчука. Крест подобного вида имеется на обломке стеклянной чаши, найденной в алтаре христианской церкви на городище Гиляч.⁵⁶ Этот предмет церковного обихода, по всей вероятности, происходит если не из Византии, то из центров, тесно связанных с ней. Маленький крестик-подвеска такого же рисунка известен из коллекции Д. А. Вырубова, фотографии с которых были доставлены в 1896 г. в Археологическую комиссию И. А. Владимировым.

Вне территории Северного Кавказа изображения креста подобной формы имеются в Керченской христианской катакомбе 491 года.⁵⁷ Изображение креста на глине стен этой пещеры повторено пятнадцать раз. Шестнадцатое его изображение было высечено на камне, закрывавшем вход в пещеру. Ю. Кулаковский подразделяет изображения на две группы. Первая характеризуется тем, что продольная полоса креста значительно длиннее поперечной. Вторая состоит из 8 изображений, где крест является придатком христианской надписи. Это равноконечный крест с расширенными концами. Изображения крестов этой группы тождественны кресту на кубранской плите. Равноконечный крест с расширенными концами, по указанию Ю. Кулаковского, появляется на христианских памятниках с конца IV века. Древней-

ший образец можно констатировать на монетах императора Аркадия (395—408). Видим мы их и на более поздних монетах: на медной монете Маврикия Тиверия (582—602), чеканенных в Херсонесе, на свинцовой печати X века Херсонского стратига Феодора и др.⁵⁸ На протяжении всего раннего средневековья эти две основные формы христианской символики встречаются не только на одновременных, но даже на одних и тех же предметах. На мозаиках Софийского собора в Киеве неоднократно изображены кресты и первой и второй групп рядом один с другим.⁵⁹

Так же, по-видимому, параллельно развиваются эти две формы креста и в памятниках верхней Кубани. В развалинах церкви на городище Гиляч на стеклянной чаше оказался равноконечный крест с расширенными концами и там же были найдены два железных креста, у которых продольная полоса значительно длиннее поперечной, причем у одного из крестов концы слегка расширены, у другого они ровные. Кресты двух видов высечены на дольменообразном склепе № 1 в балке Кривой.⁶⁰ Железный крест с расширенными концами найден в церкви на городище Верхний Джулат в раскопках 1959 г. Церковь датируется началом XIII в. Исходя только из начертания креста, трудно извлечь какие-либо хронологические показания, а потому вопрос о времени плиты из Кубранской балки для нас остается открытым.

Интересен обломок какого-то деревянного предмета, быть может, остаток луки седла с циркульным орнаментом из погребения в балке Шубшурук (рис. 7, 5). Нас интересует на этом предмете не циркульный орнамент как таковой (он был широко распространен у многих племен Восточной Европы), а соединение циркульного орнамента с кривыми линиями, смыкающимися или переплетающимися друг с другом. Орнамент напоминает узор на костяных пластинках от луки седла, найденных в разрушенном половецком кургане в селе Подлужном, близ Ставрополя.⁶² Важно отметить, что резной орнамент, состоящий из кружков с точкой в центре, обведенных плавными кривыми линиями, был известен в раннетюркских могилах Алтая. В могиле 13 Кудыргинского могильника оказалась часть роговой облицовки луки седла с орнаментом из ряда кружков с точкой в центре, связанных кривыми витками, и остатки деревянной луки.⁶³ В могиле 4 подобный орнамент украшал игольницу.⁶⁴ По словам А. А. Гавриловой, такой же орнамент украшал колчаны в могилах с конем на Енисее в курганах Тамтык и Уйбат II. Не удивительно, что в материальной культуре тюрков-половцев, продвинувшихся в степи Предкавказья

казья, долго удерживались исконные древнетюркские элементы украшений.

Бликий орнамент имеется на костяных обкладках ножен сабли в погребении I кургана № 2, в могильнике близ Колосовки Адыгейской автономной области. Исследователь этого кургана П. А. Дитлер датирует его X—XI вв. н. э. В Колосовском могильнике, по его мнению, нашли отражение поздние этапы исторического развития местных племен Закубанья, где закладывались основы формирования современной адыгейской народности.⁶⁵ Судя по находкам принадлежностей конского убора в случайно разрушенном при строительстве дороги погребении и по некоторым другим находкам (сабля, например), полностью совпадающим с такими же вещами Змейского могильника в Осетии, Колосовский могильник можно датировать более поздним временем, а именно XI—XII вв. н. э.

Пребывание половцев на Северном Кавказе, в частности в Прикубанье, засвидетельствовано многими археологическими фактами, о чем нам уже приходилось писать. Несколько типично половецких курганных погребений было исследовано на Кубинском городище, 25—30 км южнее г. Черкесска. Встречались подобные погребения и близ Пятигорска, и на р. Б. Зеленчук, и на Нижней Кубани. Большое количество половецких каменных баб рассеяно по Прикубанью вплоть до предгорий. Прикубанские городища Кубины и Адиух заканчивают свое существование в XI—XII вв. н. э., весьма возможно, в связи с появлением здесь в XI в. половцев. Следовательно, половцы являлись ближайшими соседями алан, что подкрепляется и историческими данными, и между ними могли и должны были существовать сношения, в результате которых к аланам могли проникать вещи, свойственные материальной культуре половцев. Как пример такого проникновения можно рассматривать наличие остатков деревянного предмета (седла?) с характерным для половцев орнаментом в аланской наскальной катакомбе. Связями с половцами могло обуславливаться появление резного орнамента на костяных пластинках ножен меча Колосовского могильника. Если наши соображения признать обоснованными до некоторой степени, то погребение, в котором был найден деревянный предмет с циркульным орнаментом, может быть датировано не раньше XI, а скорее всего XII в. н. э.

Таким образом, на основании анализа погребального инвентаря наскальных могильников время их определяется весьма длинным периодом от VI до XIII в. н. э.

Глава VI

НАСКАЛЬНЫЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ВНЕ ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Погребальные сооружения, обзор которых дан в третьей главе настоящей работы, можно проследить и вне территории Северного Кавказа. Они встречаются в Крыму.

Общность культур Крыма и Северного Кавказа намечается с древнейших времен. Наблюдается она еще со времени распространения в степях Восточной Европы ямной, катакомбной и срубной культур. Эти культуры представлены в памятниках как степного Крыма, так и Северного Кавказа. Общность материальной культуры Крыма и Северного Кавказа прослеживается и в памятниках начала I тыс. до н. э. А. А. Иессен писал о том, что бронзовые изделия прикубанской культуры, производившиеся в Прикубанье и на Черноморском побережье Кавказа, распространялись в Крыму.¹ В. В. Бобин в статье, рассматривающей памятники Крыма и Кавказа первой половины I тысячелетия до н. э., устанавливает общие черты в поселениях и могильниках Северного Кавказа раннескифского времени (VII—V вв.) с могильниками крымских тавров. По мнению автора, «объяснение данного явления следует искать в обмене и культурных взаимосвязях, а может быть, и в этническом родстве».² Такой вывод не только поддерживает, но и подкрепляет новыми доводами Е. И. Крупнов: «Применительно к Крыму, пишет он, можно говорить не только об очень тесном общении с населением Северного Кавказа, но и резонно предполагать случаи частичного его переселения в Крым».³

Археологические исследования последних лет как на Северном Кавказе, так и в Крыму дают новые материалы, подтверждающие общие черты древних культур Крыма и Северного Кавказа. В горном и предгорном Крыму раскопками последнего десятилетия выявлена группа памятников Кеми-Обинской культуры III—II тысячелетия до н. э. Ке-

ми-Обииская культура, по заключению А. А. Щепинского, имеет ряд особенностей, близких к культурам Кавказа, в особенности к Майкопской. «Возможно, что в III—II тысячелетии до н. э. горный Крым входил в одну с Кавказом культурно-историческую провинцию и Кеми-Обииская культура является ее локальным вариантом».⁴

Причины этому можно усматривать в близости территории, в сходстве природных условий этих двух областей и в удобных путях сообщения: сухопутном через степи вокруг Азовского моря и водным, более коротким, через Керчинский пролив, открытым во все времена года. На то, что Керченский пролив можно было использовать в качестве пути не только летом, но и зимой, указывают два веских свидетельства. Еще Геродот писал, что «замерзает море и весь Киммерийский Боспор так, что живущие по сию сторону рва скифы толпами переходят по льду, переезжают по нему в повозках на другой берег к синдам».⁵ Второе, более позднее свидетельство говорит о том, что «в лето 6576 Глеб князь мерил море по льду от Тмутороканя до Крчева».⁶ Несомненно, Керченский пролив на протяжении тысячелетий служил мостом, по которому осуществлялись сношения населения Северного Кавказа и Крыма.

Можно наметить общие черты в некоторых погребальных сооружениях Крыма и с изучаемыми наскальными могильниками Северного Кавказа. Летом 1948 г. нам пришлось осмотреть несколько земляных склепов близ пещерного города Чуфут-Кале. Склепы были исследованы П. П. Бабенчиковым по поручению Бахчисарайского музея пещерных городов (ныне Бахчисарайский историко-археологический музей) в 1946 и 1947 гг. Тщательно осмотрев склепы на месте, мы с любезного разрешения Бахчисарайского музея ознакомились с черновыми чертежами склепов. Склепы располагались у подножия склона с юго-западной стороны плато с развалинами города Чуфут-Кале. Они были выкопаны в отвесном карнизе склона, так что дромоса к ним не требовалась. Входное «окно», закрывавшееся каменной плитой, выступало в обресе склона. Эта деталь весьма сближает склепы с наскальными могильниками Прикубанья. Устройство погребальной камеры совершенно подобно наскальным могильникам Северного Кавказа. Не говоря о плане и о сводчатых потолках, нами в одном из склепов были отмечены низкие широкие нары вдоль стен, пробоины в стенах для сообщения с соседней камерой и ниши в стенах, что также подчеркивает сходство склепов с северокавказскими. Даже размеры камер-катакомб, как

они названы на чертежах музея, и входных отверстий-лазов совпадают. Склепы оказались ограбленными. Костяки в них были перемешаны, вещи валялись в беспорядке. Могильник Чуфут-Кале раскапывался в 1948 г. Е. В. Веймарном, а с 1952 г. по 1961 г. В. В. Кропоткиным. К настоящему времени в нем исследовано свыше сотни могил. Подавляющее большинство из них составляют подземные склепы.⁷ Но исследователи не выделяют среди них количество склепов, подобных указанным, т. е. склепов без дромоса, сопоставляемых нами с северокавказскими наскальными могильниками. Едва ли их было много, так как они могли встречаться только в крутых обрезах склона.

Склепы с дромосом по своей конструкции полностью сближаются с типичными катакомбными могильниками Северного Кавказа. Они в данном случае интересны для нас только тем, что располагаются рядом, в одном могильнике со склепами без дромоса, как наблюдается в могильнике № 2 Токмак-Кая, в долине Кубани. Нам важно установить, что в могильнике Чуфут-Кале, наряду с подземными склепами-катакомбами, как мы называем подобные погребальные сооружения, встречались погребения в таких же катакомбах, но без дромоса. Входное отверстие их располагалось непосредственно на поверхности открытого крутого склона. Иногда этот склон мог впоследствии зарастать травой, покрываться дерном. Такие именно могилы являются, на наш взгляд, аналогичными наскальным могильникам Северного Кавказа.

Время могильника Чуфут-Кале определяется не только по довольно многочисленному и достаточно характерному погребальному инвентарю, но и по монетам, в нем найденным. Все это указывает на длительное существование могильника «со второй половины V в. до начала IX в. н. э.»⁸

В отношении этнической принадлежности могильника Чуфут-Кале до сих пор нет твердо обоснованной точки зрения. Многие археологи приписывали эти могильники крымским готам (Ж. Де-Бай, И. И. Репников, Ю. В. Готье и др.). К. Ф. Соколова, изучив антропологические материалы из раннесредневековых могильников Крыма, пришла к выводу, что «население из раннесредневекового Чуфут-Кале принадлежало к сармато-аланской группе, сходной по морфологическим признакам со скифами, или же к позднескифской группе, усвоившей сарматский обычай деформации черепов».⁹ В. В. Кропоткин в одной из своих работ пишет, что «могильник Чуфут-Кале принадлежал смешанному алано-готскому населению горного Крыма».¹⁰ Позднее на

основании «поразительного сходства женских украшений из крымских могильников и соготских погребений Северной Италии»¹¹ он как бы сомневается в своей прежней точке зрения. Сомнения автора едва ли обоснованы, так как при решении этнических вопросов наиболее важным признаком является погребальный ритуал, а не погребальный инвентарь.

Во многих других могильниках Крыма наблюдается чрезвычайное сходство погребальных сооружений с катакомбными могильниками Северного Кавказа. Для примера можно указать на могильник на южном склоне городища Эски-Кермен, обстоятельно исследованный Н. И. Репниковым. В этом могильнике, подобно могильнику Чуфут-Кале, встретились три основных типа могил: простые земляные, подбойные и земляные склепы. В последних наблюдается полное подобие северокавказским катакомбным могилам.¹² Подобные склепы были обнаружены в 1953 г. в Инкерманской долине, на высоте «Сахарная головка». И здесь, как в Чуфут-Кале и Эски-Кермен, выделяются три основных типа могил: грунтовые и склепы. Датируется могильник V—VII вв., но автор не высказывает своего мнения относительно этнической принадлежности погребенных.¹³

В 1959—1960 гг. был полностью раскопан огромный Скалистинский могильник. Исследования проводились Бакинской археологической экспедицией института археологии АН УССР и Бахчисарайским историко-археологическим музеем под руководством Е. В. Веймарна. В общей сложности в могильнике вскрыто 1200 погребений. Подавляющее большинство из них совершены в земляных склепах.¹⁴ Судя по чертежам этих склепов, сопровождавшим доклад Е. В. Веймарна на археологической конференции в Кишиневе в 1967 г., они по своей конструкции имеют поразительное сходство с катакомбными могильниками Северного Кавказа. Один из склепов был вырублен в скале, подобно северокавказским наскальным «пещеркам». Время могильника убедительно определяется многими столетиями от IV в. до IX в. н. э. По мнению Е. В. Веймарна, он принадлежит скифо-сарматскому населению степей и предгорий, ушедших в горные долины Крыма при вторжении гуннов в степной Крым.¹⁵ Нам думается, что если не для раннего, то для позднейшего слоя могильника более справедливо говорить не о скифо-сарматах, а об аланах. Ни ритуал погребений, ни погребальный инвентарь, ни, наконец, местоположение могильника этому не противоречат.

Указанными могильниками далеко не исчерпываются

все склепы-катакомбы Крыма. Мы назвали только некоторые из них, наиболее обстоятельно исследованные и опубликованные.

Упомянутые могильники со стороны конструкции погребальных сооружений дают аналогии, а часто и тождества катакомбным могильникам Северного Кавказа, а через них до некоторой степени объединяются с наскальными погребениями Северного Кавказа, являющимися, как мы пытались доказать, разновидностью катакомбных могильников. Некоторые склепы Чуфут-Кале, исследованные В. П. Бабенчиковым, полностью повторяют форму северокавказских наскальных могил.

В литературе, касающейся археологических памятников Крыма, мы можем найти глухие упоминания о точно таких же наскальных могильниках, которые в значительном количестве обнаружены на Северном Кавказе. Н. Л. Эрнст, описывая Эски-Кермен, говорит, «что единственным удобным подходом к округе Эски-Кермена является узкое ущелье, идущее к нему с севера из степи, которое было нетрудно охранять и защищать. Здесь в наиболее узком месте были и остатки оборонительных сооружений и есть много сторожевых пещер... Западное ущелье более удобно для подъема к Эски-Кермену, ввиду чего здесь рассеяны многочисленные сторожевые «пещерки».¹⁶ Н. И. Репников, полемизируя с Н. Л. Эрнст, говорит так: «Н. Л. Эрнст в системе обороны (Эски-Кермена — Т. М.) выдвигает «многочисленные сторожевые пещерки». В упомянутом северном ущелье нет никаких пещер. Лишь в восточном склоне Кыз-Куль, у подошвы, на уровне дороги есть одно единственное отверстие в «пещерку» (быть может, усыпальницу). Залезть в нее трудно, а видеть из нее что-либо ради «дозора» физически невозможно... Заявление об «остатках оборонительных сооружений» в ущелье Кыз-Куле и наличие системы «сторожевых «пещерок» является неудачным домыслом».¹⁷ В высказываниях Н. И. Репникова для нас самое интересное то, что он констатирует наличие в восточном склоне Кыз-Куле единственного отверстия в «пещерку» и предполагает, что это могла быть усыпальница. Кроме того, он дает негативное описание «пещерки» — «залезть в нее трудно, а видеть из нее что-либо ради «дозора» физически невозможно». Это дает нам основание видеть в «пещерке» на восточном склоне Кыз-Куле погребальное сооружение с узким входом-лазом, тождественное таковым в северокавказских наскальных могильниках Шубшурук, Токмак-Кая, Индыш-Баши и др. Зная, как быстро разру-

шаются подобные могильники, мы с большой долей вероятности можем предполагать, что и в окрестностях Эски-Кермена когда-то была не «одна единственная «пещерка», а больше.

В данной связи весьма интересны сообщения генерала Ф. А. Козена, посетившего окрестности Эски-Кермена около полутора столетий тому назад. В письме «о троглодитах» Ф. А. Козен говорит, что самые достопримечательные пещеры в Крыму находятся близ татарской деревни Черкескермана, на месте, называемом Джингискерманом. «По мере приближения к сему месту, попадаются в разных расстояниях, по сторонам дороги, большие камни, отдельные, с отверстием четвероугольным. Срединка их выдолблена и довольно велика для свободного помещения одного человека. Можно справедливо заключить, что камни сии служили им ведетами, которые наблюдали за безопасностью жителей, поселившихся в некоем расстоянии отсюда, на высоких горах» (т. е. на плато Эски-Кермена — Т. М.). Несколько далее автор продолжает: «В недалеком расстоянии от Джингискермана находят утесистые скалы, которые, кажется, были сондированы ими с намерением, чтоб увериться в твердости их, прежде начатия работы, ибо на них приметны выработанные одна подле другой и, как кажется, выдолбленные глубиною от 3 до 4 футов во внутренность сих скал. Там же находят в разных местах, одинаково для входа трудных и почти неприступных, работы, кои ими были предприняты и впоследствии оставлены, как будто сии скалы, которые они начали копать, не имели нужных качеств для их обиталищ».¹⁸

Читая об отдельных больших камнях с четырехугольными отверстиями и выдолбленной серединой, нам на память приходят крупные глыбы камня с «пещерками» из могильника в урочище Сынлы-Арты по р. Индыш (рис. 19, 1). Нам кажется несомненным, что большие камни по дороге к Джингискерману служили не ведетами, как предполагает Ф. А. Козен, а могилами окрестного населения, тогдашними по своему устройству северокавказским наскальным могилам. Весьма возможно, что Н. Л. Эрнст, говоря о «многочисленных сторожевых «пещерках» на подступах к Эски-Керману, находился под влиянием сообщений Ф. А. Козена.

Пробоины в утесистых скалах неподалеку от Джингискермана, в местах, «трудных для входа и почти неприступных», напоминают нам Хасаутский могильник (см. о нем в главе III), где также в крутых обрывах скал, в местах поч-

ти неприступных, зияют пробоины-лазы в погребальные «пещерки». Нас не может удивлять точка зрения автора на эти пробоины как на следы работы при выборе места для жилищ. Находясь в центре области «троглодитов», будучи, по всей вероятности, мало знакомым с погребальными памятниками древнего населения Крыма, как иначе мог объяснить генерал Ф. А. Козен наблюдаемые им пробоины в скалах? Наскальные пещерные могильники до недавнего времени не упоминались в археологической литературе, местное население не понимало истинного смысла этих памятников. Исследователям Крыма было еще труднее их выделить среди множества пещер жилого назначения.

Итак, нам мыслится, что в сообщениях Ф. А. Козена мы имеем достаточно убедительные свидетельства о наличии в Крыму наскальных «пещерных» погребений, тождественных северокавказским.

Говоря о наскальных погребениях Крыма, следует привлечь одно литературное свидетельство, касающееся данного вопроса. На VI Археологическом съезде в Одессе В. Г. Тизенгаузен сообщил содержание записки Дюбрюкса, переведенной с французского языка, о различных родах гробниц в окрестностях Керчи. В записке говорилось: «Из числа тех гробниц, которые причисляю к самым древним и которые, по моему мнению, относятся к самым отдаленным временам, я раскопал три в 1817 г. в деревне Булганке, в 4 верстах от Керчи. Подобные им могилы я открыл в 1820 г. на горе Опуке, в 42 в. от Керчи и в 1827 г. на земле Чапара... в 15 в. от Керчи, на расстоянии одной версты от древнего города, имевшего чрезвычайно укрепленный акрополь и принимаемого г. Бларамбергом за Птоломееву Тиритаку. Гробницы, о которых здесь идет речь, вырублены в скалах от 2¹/₂ до 3 аршин над материком, вышиною до дугообразного свода от 1¹/₂ до 2 аршин, длиною обыкновенно в 3 аршина либо несколько больше или меньше. На дне этих гробниц находятся только остовы человеческие и простая глиняная посуда грубой работы. Таких гробниц множество на земле Чапара в 1 версте от выше упомянутого акрополя; оне идут рядом и обращены лицом к северо-западу».¹⁹

В цитированной заметке Дюбрюкса мы также имеем достаточно четкое описание наскальных пещерных могил в окрестностях Керчи. Важно отметить, что таких могил было множество. К сожалению, до нас дошли сведения только о погребальных сооружениях. Мы не имеем сообщений

ни о погребальном ритуале в целом, ни о характере погребального инвентаря, исключая могильник Чуфут-Кале.

Признавая погребальный обряд, и в частности конструкцию погребального сооружения, важным этнографическим признаком, можно заключить, что и на территории Крыма наскальные могильники принадлежали аланам, как было на Северном Кавказе. Это тем более вероятно, что по свидетельствам исторических источников аланы составляли немалую часть населения Крыма в эпоху раннего средневековья.

В исторических источниках, как известно, аланы на территории Восточной Европы впервые упоминаются в I веке нашей эры. В главе IV мы пытались показать, что тогда же приблизительно обнаруживаются их следы и в археологических памятниках Северного Кавказа.

Иосиф Флавий писал, что племя аланов представляет собою (часть) скифов, живущих вокруг Тапаса и Меотийского озера, т. е. в ближайших к Крыму областях. Тот же автор сообщает, что аланы в 68 г. н. э. совершили нападение на Мидян, а затем на Армению.²⁰ Следовательно, во второй половине I века н. э. аланы выступают как значительная сила на международной арене.

Если в первом веке н. э. аланы упоминались возле Меотиды и в низовьях Дуная, то во втором веке на карте Европейской Сарматии Птолемея весь степной юг Восточной Европы был заселен различными племенами алано-скифов-сарматов. Между Днепром и Азовским морем Птолемей помещает Аланские горы. По предположению Ю. Кулаковского, в них возможно признать возвышенную местность, пересекаемую течением реки Донца, Донецкий кряж.²¹

В конце II века н. э. начинается движение готов с севера на берега Черного моря. При своем движении они потеснили племена причерноморских степей и весьма возможно, как полагает Ю. Кулаковский, что в связи с продвижением готов аланы появились в Крыму к концу II и началу III в.²² Косвенным подтверждением этому могут служить следующие соображения. Арриан в описании Понта Евкинского в 30-х годах II в. н. э. называет Феодосию «городом безлюдным». Сообщение о Феодосии как о «городе опустевшем, имеющем гавань» повторено и в более позднем перипле Анонима, который добавляет: «ныне же Феодосия на аланском или таврском наречии называется Ардабда, т. е. Семибожный».²³ Так как наименование Феодосии после ее разорения дается с аланского языка («Ардабда»), то весьма возможно, что именно появление алан в этих местах,

сделавших нападение на город, и было причиной обезлюдения Феодосии. В. В. Шкорпил так и понимал эти сообщения.²⁴

Взгляд на раннее появление алан на территории Крыма удерживался долго и у местного населения, и у поздних средневековых писателей. Жители Сугдеи (гор. Судак) в XIII в. верили, что их город основан в 212 г. н. э.²⁵ Иосафат Барбаро (первая половина XV в.) говорит, что аланы жили в Крыму раньше готов, которые их покорили и потом смешались с ними.

Наряду с активной военной деятельностью у алан во II в. н. э. развиваются широкие и оживленные торговые и политические сношения с соседними областями и в первую очередь с Боспорским царством. Об этом убедительно свидетельствует не только инвентарь погребений, о котором говорилось выше (в главе IV), но и тот факт, что во II веке Боспору потребовалось завести специальный штат аланских переводчиков, во главе которых стоял начальник по имени Ирак. Факт этот засвидетельствован надписью 208 г. н. э. на плите, найденной в Тамани.²⁶ Важно отметить, что имя начальника переводчиков иранское,²⁷ следовательно, можно предположить, что он был выходцем из среды аланов или сарматов, состоявшим на службе Боспорского государства. Вполне допустимо, что отдельные личности или даже группы людей аланского происхождения могли в это время проникать и в европейскую часть Боспорского государства, в восточный Крым. В археологических памятниках Боспора первых веков нашей эры заметно усиливаются элементы «варварской», негреческой культуры, на что указывают многие исследователи (В. В. Шкорпил, М. И. Ростовцев, В. Ф. Гайдукевич и др.). В погребениях этого времени появляются в значительном количестве деформированные черепа — обычай, широко распространенный у сарматских племен, а еще более у алан Северного Кавказа. Приемы деформации черепов наиболее близко стоят к деформированным северокавказским черепам, по сравнению, например, с сарматскими черепами Нижнего Поволжья.

В боспорских надписях римского времени, по утверждению В. Ф. Гайдукевича, имеется значительное количество негреческих имен, причем негреческие имена жителей Боспора гораздо более многочисленны в римское время, чем в предшествующую эпоху. Особенно много их в таких окраинных городах Боспорского царства, как Тапанс. Почти $\frac{2}{3}$ общего числа негреческих собственных имен Тапанса могут происходить из иранских языков. «Наличие такого рода

имен в боспорских городах справедливо объясняется непрерывным притоком сарматского населения, язык которого, так же как и язык алан, принадлежал к иранской языковой группе».²⁸

Летом 1967 г. в Керчи случайно открыли 36 катакомб III—V вв. н. э., некоторые из них были известны М. И. Ростовцеву и В. В. Шкорпилу. По предварительному заключению П. Н. Шульца, многие из катакомб данной группы можно уверенно связать с племенами сарматскими и аланскими, то есть с местной для того времени негреческой этнической средой, по наличию деформированных черепов, характеру росписей на стенах катакомб и обилию лепной простой посуды иногда с характерной гребенчатой орнаментацией.²⁹ Ю. Кулаковский на основании иранских имен, начертанных в керченской христианской катакомбе 491 года, приходит к убеждению, что погребенные в ней принадлежали к «сарматской национальности».³⁰ А так как, по его выводам, погребение в катакомбах было туземным погребальным обрядом, то, следовательно, в конце V в. на Боспоре сидело то же самое население, которое занимало его и раньше.³¹ Приведенные примеры говорят о том, что в восточной части Крыма, в частности в Керчи, в первые века нашей эры жили сарматы и аланы, как одно из сарматских племен.

Прямые указания на пребывание алан в Крыму в римское время и в эпоху средневековья мы имеем в названиях некоторых населенных пунктов южного побережья Крыма. Анонимный автор, составивший в V в. перипл Черного моря, при описании южного побережья Крыма замечает, что город Феодосия имеет ныне другое название—Ардабда-Семибожный на аланском или таврском наречии. Слово «Ардабда» анализировали многие авторы (Мюлленгоф, Вс. Миллер, В. И. Абаев, З. И. Ванев), и все они признавали его иранский характер. В частности, оно хорошо объясняется с осетинского языка, благодаря чему его аланское происхождение у большинства исследователей не вызывает сомнений.

На том же берегу Крыма, между Феодосией и Алуштой, располагается город Судак, греческое название — Сугдайя или Сугдея. Это название также объясняется из иранского языка — сугда — чистый, святой. Оно тоже имеет соответствия в осетинском языке — сугдег или сугдаг — святой.⁵² Мы уже упоминали, что жители Судака относили основание своего города к 212 г. н. э. Если два крупных населенных пункта, лежащих поблизости один от другого, посвя-

аланские наименования, то очевидно, что аланы составляли туземное население этой части побережья Крыма.

О пребывании алан в более позднее время (XIII в. н. э.) поблизости от Херсона свидетельствует аланский епископ Феодор в своем послании к Константинопольскому патриарху. Проезжая Крым, он вынужден был остановиться в Херсоне, где и встретил алан, проживавших неподалеку от города. Из Херсона епископ Феодор направился в Боспор, где, по его словам, также были аланы.³³

Арабский писатель Ибнабдеззахыр, сообщая о проезде в 1263 г. по Крымскому полуострову послон египетского султана Бибарса к Берке хану, говорит, что «местечко Крым (Старый Крым) населяют люди разных наций, как-то: кипчаки, русские и алланы».³⁴ Такое известие повторяет и другой арабский писатель — Эльмуфаддаль.³⁵

Определенные указания на пребывание алан в глубине Крымского полуострова дает арабский географ Абульфеда. Описывая крепость Кирк-иер (Чуфут-Кале), он говорит, что она лежит в области народа асов.³⁶ Как показывают археологические данные, о чем говорилось выше, аланское население удерживалось здесь с давних времен.

Некоторые исследователи (Ю. Кулаковский, З. Н. Ванеев) для доказательства проживания алан в Крыму ссылались на известия из летописи Рукнеддина-Бейбарса о том, что при разграблении Ногаем гор. Кафы в 1298 г. наряду с другими жителями пострадали и аланские купцы, бывшие в этом городе. На наш взгляд, известие это с такой точки зрения не столь убедительно, так как аланские купцы могли и не быть местными жителями Крыма.

В актах константинопольского патриарха от 1390 г., по поводу препирательства из-за приходов между митрополитами Херсонским, Готским и Сугдейским названы спорные между ними деревни: Сикита, Парфенит, Лампад, Алуста, Фуны и Алания. Каждый из митрополитов присваивал себе эти приходы.³⁷ Незадолго до этого указания, тоже в патриаршем акте, аланы названы народом пастушеским.³⁸ А. Л. Бертъе—Делагард предполагал, что аланский стан близ Фуны располагался в наиболее удобном месте для охраны с севера густо населенной Алуштинской долины. Находился он на перевале в долину Алмы.³⁹

Позднейшее упоминание об аланах в Крыму мы имеем у Иосафата Барбаро. «Прямо позади острова Кафы, на берегу Черного моря, лежит сначала Готия, а потом Алания, простирающаяся вплоть до самого Монкастра».⁴⁰

Память о пребывании алан в Крыму удерживалась до

недавнего времени. Ю. А. Кулаковский утверждает, что на территории степного Крыма в нынешнем Евпаторийском уезде живет и поныне имя Ас в названиях двух волостей: Бюк-Ас и Кучук-Ас, т. е. большой и малый Ас.⁴¹

Приведенные исторические свидетельства утверждают длительное пребывание алан в Крыму. На основании этих свидетельств и археологических данных можно заключить, что количественно аланское население в Крыму было значительным. Только при наличии значительных групп населения возможно было сохранить свои исконные формы погребальных сооружений и погребального ритуала. Аланские погребальные сооружения Крыма, как мы видели выше, совпадают, в общем, с подобными сооружениями Северного Кавказа, что и поможет нам распознавать их среди многообразных форм крымских погребальных памятников, отражающих этническую пестроту населения Крыма в эпоху раннего средневековья. Само собой разумеется, что при этом необходимо будет учитывать и некоторые незначительные различия, объясняющиеся иными условиями жизни. В некоторых случаях буквального совпадения может и не быть.

* * *

В упоминании Иосафато Барбаро об аланах в Крыму имеется указание, выводящее их за пределы Крыма в западную часть Причерноморья. Размещая на берегу Черного моря, позади острова Кафы, Готию, а потом Аланию, он добавляет о ней—«простирающаяся вплоть до самого Монкастро». Таким образом, западной границей крымской Алании он считает крепость Аккерман на лимане Днестра (Монкастро), т. е. населяет аланами степные местности, сравнительно далекие от Крыма. Намечается, таким образом, вторая область вне Северного Кавказа, где проживало аланское население (о третьей области на Донце и Дону будет упомянуто ниже).

О пребывании алан на Нижнем Днестре и Пруте имеются и другие исторические свидетельства. В списке имен «градам всем русским дальним и ближним», приложенном к Воскресенской летописи, назван город «Аский торг (Ясы) на Пруте реке». «Расположенные на нижнем Днестре одно против другого селения Яска и Оленешти, писал Ф. Брун, суть живые еще свидетели пребывания здесь в прежние времена предков нынешних Осов (осетинцев, осетов). В этих же местах, а не в окрестностях Владикавказа должны были находиться становища тех 16000 аланов, которые, по Пахимеру, переселились из-за Дуная в Грецию».⁴²

В соседстве с придунайской Болгарией, а не с волжской Болгарией, по справедливому мнению Ф. Бруна, должна была находиться страна асов, куда был отправлен татарский полководец Субудай Богадур после похода, предпринятого Батыем против Пулу (поляков) и Башкурдов.⁴³

В эту страну, а не в землю северокавказских асов или аланов, бежал со 150 всадниками своего отряда сын Ногая Джека от преследований Тунгуза и Тиза. В земле асов находилось 10 тысяч его войска. Сюда же многие из его воинов, когда убедились, что он жив, тайком пробрались к нему. К такому заключению подводит изложение о ходе борьбы между двумя сыновьями Ногая, братьями Джека и Тека, данное в летописи Рукнедина Бейбарса.⁴⁴ Джека убил брата своего Теку. В 1301 г. старший Эмир Тунгуз — наместник Джеки уговорился с Тазом — зятем Ногая «отправиться в грабительский поход на земли валахов и русских». Уговорились они также напасть на Джеку. Когда Джека заметил, что они уже настигают его, он ускакал в страну асов. Тунгуз и Таз были им разбиты и обратились за помощью к Токте — «царю татарскому в Северных областях». Токта помог им ратью. «Джека не был в состоянии противиться им. Он бежал и прибыл в земли валахов, царь и правитель которой был женат на одной из родственниц его».

Мы видим, что борьба Джека с Тунгузом и Тазом разыгрывается в областях недалеких от «земли валахов и русских». В первый раз Джека бежал в «страну асов», во второй «в землю валахов». Хотя в летописи Бейбарса и не указано географическое положение «страны асов», но вполне ясно, что она находилась где-то поблизости от русских и валахов. Мы допускаем, что она располагалась в области, где русская летопись помещает «Аский торг», куда доводит границы Алании Иосафат Барбаро, т. е. на Днестре и Пруте, в современной Молдавии.

Об области асов в западных окраинных владениях Золотой Орды, в окружении земель булар (поляков), маджар, башкирдов (венгров) и др. говорится в «Сборнике летописей» персидского автора Рашид-ад-Дина: «Благословенный взгляд (Каана) — (Угетай каана — Т. М.) остановился на том, чтобы из царевичей Бату, Менгу-каан и Гуюк-хан сообща с другими царевичами и многочисленным войском отправились в области кипчаков, русских, булар (поляков) маджар, башкирд, асов, Судак и те края для завоевания таковых; и они занялись приготовлением (к этому походу)».⁴⁵

По сообщению Пахимера, писал Ю. А. Кулаковский, когда по смерти Джеки золотоордынский хан Тохта выступил на запад, чтобы принять под свою власть улус Ногай, на нижнем Дунае появилась орда алан свыше 10 тысяч человек и просила у императора Андроника разрешения вступить в пределы империи и поступить на византийскую службу. Ю. А. Кулаковский предполагал, что эта орда могла быть частью аланского населения «области к северу от нижнего Дуная». На основании некоторых фактов, где упоминаются связи ясов то с себским, то с белгарским царями, он допускал, что и после перехода аланской орды в пределы Византийской империи «соплеменники их оставались жить где-то в пределах бывшего Ногаева улуса и являлись оттуда на помощь то сербам, то болгарам».⁴⁶

По мнению В. И. Ламанского, в XI—XIV вв. и в половецкое господство и по покорении прежних половецких степей татарами история находит аланов, или по-русски ясов, в южной России и потом вместе с половцами в Молдавии и далее на запад — в Венгрии.⁴⁷

Таковы некоторые общеизвестные исторические свидетельства о пребывании аланского населения на Днестре и Пруте, причем население это, вероятно, было количественно значительным. Если это так, то на территории Молдавии должны были бы сохраниться погребальные памятники алан, как вещественные доказательства их пребывания здесь. Однако до сих пор мы не знаем ни погребальных, ни бытовых аланских памятников на данной территории, если не принимать во внимание сообщение Г. Ф. Турчанинова о том, что в Херсонском музее он видел бронзовое зеркало, датированное I в. до н. э.—I в. н. э., найденное в Терновском районе Молдавской ССР, с осетинским именем Кеси, «исполненное четким арамейским письмом».⁴⁸ К сожалению, обстоятельства находки данного зеркала нам неизвестны, ничего не сообщает о них и Г. Ф. Турчанинов. В статье В. А. Кузнецова и В. К. Пудовина об аланах в Западной Европе в эпоху «великого переселения народов» эта территория — промежуточная между Восточной и Западной Европой — обойдена молчанием, видимо, за отсутствием данных.⁴⁹

Тем интереснее и важнее нам показалось сообщение одного из жителей Северного Кавказа, хорошо знающего и неоднократно обследовавшего северокавказские наскальные «пещерки», о том, что совершенно подобные «пещерки» в ноябре 1966 года он видел в лесистом ущелье по правую сторону Днестра, в значительном расстоянии от г. Сороки.

Они располагались в отвесном обрезе скалы на высоте 30—40 м от ее основания. Небольшие по размерам входы их имели овальные очертания. Он не поднимался внутрь этих «пещерок» и их не обследовал. Местные жители, его сопровождавшие, говорили, что такие «пещерки» имеются и в других местах Молдавии.

Природные условия Поднестровья допускают устройство здесь так называемых наскальных пещерных могильников. По течению р. Реут, правого притока Днестра, нам во время осмотра археологических памятников в Оргеевском районе, близ с. Требужены, приходилось наблюдать по берегам реки отвесные скалистые обрывы, в которых возможно было вырубать пещерообразные погребальные сооружения. (Кстати сказать, в настоящее время в них сохраняются остатки каких-то пещерных жилищ). Несомненно, что и в других местах Поднестровья имеются крупные обнажения коренных горных пород, пригодные для высекания в них погребальных «пещерок».

Само собою разумеется, что делать какие-либо положительные выводы из приведенного только что сообщения невозможно, но в то же время пренебречь им полностью будет, пожалуй, неосторожно, ввиду достаточно определенных исторических свидетельств, утверждающих пребывание алан на данной территории. Если мы решились говорить об этом сообщении, то только для того, чтобы поставить вопрос о возможности открытия и в Поднестровье аланских наскальных могильников, подобных северокавказским. Решить этот вопрос — дело будущих археологических исследований.

Глава VII

ВЫВОДЫ И ОБОБЩЕНИЯ

I

Прежде чем говорить о выводах, к которым приводят рассмотренные выше материалы, необходимо сказать несколько слов о знаках, выгравированных на обрезах скал вблизи могил в могильниках Крейда (рис. 22), Гнакызы (рис. 17), во втором могильнике Токмак-Кая (рис. 14). До сих пор они оставались вне нашего внимания, потому что знаки эти мы не связывали с погребальными камерами. Они, по всей вероятности, нанесены позднее, когда могилы оказались уже вскрытыми, разрушенными и могли служить местным жителям убежищем от непогоды. Следы поздних кострищ в некоторых камерах могильника Крейда подтверждают такое предположение. Мы воздерживаемся утверждать позднее происхождение знаков, написанных охрой в Хасаутском могильнике (рис. 23), да разных изображений каких-то не вполне ясных человеческих фигур, животных, среди них — лошадей вблизи одной из камер могильника Ахмет-Кая на р. Лабе. Эти знаки могут являться синхронными могильникам. Знаки же могильников Крейда, Гнакызы, Токмак-Кая, несомненно, относятся к более позднему времени и являются тамговыми знаками, а частично, возможно, следом досужих забав позднейших посетителей могильников.

Среди знаков второго могильника Токмак-Кая имеется один (сердцеобразный, рис. 14, 3, рядом с солярным знаком), тождественный знаку на каменном столбе для коновязи возле жилища Кануковых в ауле Верхняя Теберда. Фото этого интересного столба хранилось в музее г. Карачаевска. Весьма вероятно поэтому, что часть знаков относится к тамгам карачаевцев. Бросается в глаза общее сходство этих знаков с тамговыми знаками Северного Кавказа, опубликованными В. П. Пожидаевым.¹ Знаки эти являются

ценным этнографическим материалом. Анализ их может составить особую тему, отличную от задач данной работы, а потому мы подробнее на них не останавливаемся.

2

Вышеизложенные археологические материалы дают некоторые основания для суждений о времени появления алан на Северном Кавказе. Вопрос этот еще не потерял своей актуальности, так как он до настоящего времени в историко-археологической литературе решается по-разному.

Общеизвестно, что этническое наименование «аланы» появляется в первом веке нашей эры, в царствовании императора Нерона. Принадлежит оно двум современникам: Сенеке Младшему и Лукану. Философ и поэт Сенека знает алан как врагов империи в Подунавье. Поэт Лукан (39—65 гг. н. э.) помещает алан на Кавказе, упоминая их в числе племен, с которыми сталкивался римский военачальник Гней Помпей во время своего похода в Закавказье в 65 г. до н. э. Иосиф Флавий (37—100 г. н.э.) называет племя алан скифами, живущими вокруг Танаиса и Меотийского озера. Кроме того, он отмечает их участие в войнах 35 и 72 гг. н. э. в Закавказье.² Поэт Валерий Флакк (вторая половина I в. н. э.) в поэме «Аргонавтика» помещает алан в непосредственной близости от территории современной Абхазии, в соседстве с северокохидским племенем гениохов.

Соответственно указаниям данных источников многие историки относили появление алан на Северном Кавказе к первым векам нашей эры. Некоторые же из исследователей воздерживались от определения этой даты. Например, В. Миллер писал, что поселение алан на Кавказе восходит в глубь веков. Уже Аполлинарий Сидонский упоминает кавказских алан, Иосиф Флавий говорит об аланах на Дону и берегах Меотиды. «В какое время они появились в этих местах, об этом так же мало известно западным писателям, как неизвестно грузинским летописцам время поселения оссов на Кавказе».³

В. В. Бартольд определяет алан как «народ, принадлежавший к иранской группе индо-европейских народов; название его впервые встречается у Плиния (I в. по Р. Х.)».⁴

«Свидетельства Иосифа Флавия и Арриана, писал Ю. А. Кулаковский, дают основание приурочить имя Алан к той части сарматского племени, которая занимала в первые века нашей эры северные предгорья среднего Кавказа и степ-

ные пространства к северу до берегов Меотиды и течения реки Танаиса». ⁵

По утверждению Ю. В. Готье, места в Осетии (Чми, Камунта и др.) в первые века н. э. были населены аланами. ⁶

В. Ф. Гайдукевич полагал, что родственные сарматам аланы влились в районы Подонья и Северного Кавказа в начале н. э. В дальнейшем он уточняет эту дату, говоря, что аланы только в 50—60 годах I в. н. э. выдвинулись как вполне реальная сила в Северном Причерноморье и возглавили вскоре союз сарматских племен восточного Приазовья и Северного Кавказа. ⁷

Много внимания вопросу о появлении алан на Северном Кавказе уделяет Ю. С. Гаглов. На основании обстоятельного анализа исторических, археологических и лингвистических источников он приходит к убеждению, что аланы обитали на Северном Кавказе ранее I в. н. э. Сарматы-аорсы, по его мнению, были одним из тех племен, которые стали называться аланами и объединили вокруг себя родственные алано-сарматские племена. Появление алан в северном Причерноморье и на Северном Кавказе следует решать в генетической связи с сарматами, прежде всего, с племенем аорсов. Аланы представляются выросшими всеми корнями в этническую среду Северного Кавказа и Причерноморья, они являются чем-то неотделимым внутри большого мира скифо-сарматских племен. Поэтому появление алан в степях Предкавказья относится к значительно более раннему периоду, чем само появление имени алан в письменных источниках. ⁸ Сираки, как и аорсы, явились этнической основой северокавказских алан. «Поэтому тот факт, что уже во II в. до н. э. алано-сарматские племена аорсов и сираков, составившие этническую основу северокавказских алан, частично локализируются на Северном Кавказе, ясно свидетельствует о существовании в это время аланского этнического элемента в этом районе». ⁹ Эту мысль Ю. А. Гаглов высказывает во многих своих работах.

О возможности более раннего, чем I в. н. э., появления алан на Кавказе писал В. И. Абаев. Из упоминания об аланах на Кавказе у классических писателей, относящихся к I в. н. э., нельзя вывести, «что аланы впервые появились в пределах Кавказа именно в этот период. Напротив, ничто не препятствует тому, чтобы их первые вторжения на Кавказ относить к более ранней эпохе, от которой до нас не дошло исторических свидетельств об этом народе». ¹⁰

Предположение Ю. С. Гаглоева и В. И. Абаева о более раннем, чем I в. н. э., появлении алан на Северном Кавказе нам кажется допустимым, хотя оно археологически пока не подтверждается. В исследованиях Северного Кавказа не зафиксированы аланские погребения более ранние, чем I в. н. э.

В исторической литературе имеются высказывания и за сравнительно позднюю дату появления алан на Кавказе. В. Н. Гамрекели в книге «Двалы и Двалетия в I—XV вв. н. э.» пытается доказать, что аланы заселили Северный Кавказ не раньше II в. н. э. На основании анализа античных письменных источников, он приходит к заключению, что в I в. н. э. в степях, примыкающих к горной зоне Центрального Кавказа, значительной массы алан еще не было.¹¹

Категорические возражения В. И. Гамрекели мы имеем в трудах В. Б. Виноградова и Ю. С. Гаглоева. Основываясь на анализе тех же исторических источников, но привлекая и археологические данные, оба автора опровергают точку зрения В. Н. Гамрекели, устанавливая, что «письменные и археологические свидетельства со всей убедительностью показывают нам присутствие алан в Центральном Предкавказье уже в 50—60-е годы н. э.»¹² и что «начиная с I в. н. э. пребывание алан на Северном Кавказе не подлежит никакому сомнению».¹³ К критике взгляда В. Н. Гамрекели присоединяется и В. А. Кузнецов.¹⁴

Таковы бегло изложенные основные взгляды историков по вопросу о времени появления алан на Северном Кавказе. Более подробный обзор их мы не ставим своей задачей, отсылая читателей к работам последнего десятилетия, в которых вопрос этот разобран со всей обстоятельностью, с привлечением различных видов источников и детальным их анализом. Мы разумеем ценные труды З. Н. Ванеева, В. А. Кузнецова, В. Б. Виноградова, Ю. С. Гаглоева, Е. П. Алексеевой. Останавливаясь детальнее на этом вопросе, мы вынуждены были бы повторять уже много раз высказанное в специальной литературе.

Обратимся к археологическим данным.

Со времени опубликования (1893 г.) могильной плиты с аланской надписью, найденной в верховьях Большого Зеленчука, единственного тогда погребального памятника в Кубанской области, вопрос об открытии аланских могильников в верховьях Кубани вплоть до советского периода не поднимался в археологической литературе, хотя исследования некоторых аланских могильников производи-

лись. Например, В. М. Сысоев раскапывал наскальные погребения в балке Подорванной на Б. Зеленчуке.

Вопрос о типично аланском могильнике в верхнем Прикубанье был поставлен в связи с открытием могильника Байтал-Чапкан на водоразделе между р. Кубанью и Малым Зеленчуком, в предгорной зоне. Могильник датируется IV—V вв. н. э. Одно из погребений его описано выше, в IV главе данной работы.¹⁵ Более ранних сармато-аланских памятников в верхнем Прикубанье не было известно. Создавалось впечатление, что аланские памятники появляются здесь не ранее IV в. н. э. Это впечатление подкреплялось наблюдениями над археологическими памятниками более восточных районов. Широко известный могильник Алхан-Кала близ Ермоловского городища на р. Сунже (Чечено-Ингушетия) дал также аланские погребения III—V вв. н. э. Это тоже был массовый могильник, подобно Байтал-Чапканскому. Бобринский, раскопавший в нем в 1888 г. несколько катакомбных погребений, писал, что на равнине в этом месте он насчитывал до 5 тысяч курганных насыпей.¹⁶ В 1945 г. нам лично пришлось осмотреть это курганное поле и городище. На нем действительно еще сохранялось огромное количество курганов. Даже если только небольшая часть их относилась к аланским погребениям, то и тогда данный могильник должен быть охарактеризован как массовый.

В виду такого состояния археологических исследований аланских памятников В. А. Кузнецов имел основание высказать положение о том, что в первых веках нашей эры в среде сарматских племен, продвинувшихся в степи Северного Кавказа из Северного Прикаспия, появляются аланы. Но продвижение алан в это время не было значительным. Массовое передвижение алан из Прикаспия и Поволжья в Предкавказье произошло после гуниского нашествия в конце IV в. Подавляющее большинство катакомбных могильников на территории Осетии приходится на период VI—IX вв. Это, по мнению автора, был период наиболее интенсивного проникновения алан в предгорья и горы Центрального Кавказа.

Близкую точку зрения на появление алан на Северном Кавказе задолго до В. А. Кузнецова высказывал П. Д. Рау. В своей работе о курганных погребениях римского времени в Нижнем Поволжье он приходил к заключению, что к III—IV вв. н. э. в курганах Нижнего Поволжья выступают аланы как единая народность со своеобразной культурой, образовавшаяся из слияния остатков скифо-

сарматских племен. Одним из важных признаков аланских погребений он считал деформацию черепа.

В IV столетии исчезает эта культура из Поволжских степей с тем, чтобы в Венгрии, на Кавказе и в Крыму получить свое новое развитие. В наиболее чистом виде сохраняется она на Северном Кавказе.¹⁸

Е. П. Алексеева, следуя указаниям письменных источников, признавала, что в первые века н. э. в приазовских и предкавказских степях обитали аланы в числе прочих сарматских племен. Но она не соглашалась приписывать «Золотое кладбище» аланам, «а не сарматам вообще». Аланы в первые века н. э. еще не имели культуры, отличной от общесарматской. Говорить об аланских памятниках мы можем только начиная с IV в. н. э.¹⁹ Не отрицая таким образом присутствия алан в Прикубанье в первые века п. э., она считала невозможным выделить их археологически из среды других сарматских племен. Здесь чувствуются отголоски высказываний Б. Е. Деген-Ковалевского, В истории СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (макет) мы читаем: «Значительное число могильников и городищ первых веков н. э., известных на сегодня не только по нижнему течению Кубани, но и по Тереку с Сунжей, мы не в состоянии по неизученности вопроса размежевать между поздними сарматами, ранними аланами или другими племенами».²⁰

Десятилетием позднее, опираясь на широкие исследования сарматских курганов в Поволжье, меото-сарматских грунтовых могильников Прикубанья, К. Ф. Смирнов приходит к убеждению, что в погребенных на «Золотом кладбище» следует видеть алан, выходцев из прикаспийских степей, вероятно, частично смешавшихся со старым меотсиракским населением Прикубанья, но не потерявших связей с обширной алано-аорской группой племен соседних с Прикубаньем областей Подонья и Нижнего Поволжья. Некоторые из аланских племен I—III вв. н. э. были непосредственными восточными соседями Боспора. Основной территорией кубанских сарматов I—III вв. н. э., вероятно, оставались районы правобережья Кубани восточнее Лабы, так как западнее нам неизвестны подобные курганы с катакомбами. По некоторым наблюдениям он устанавливает разноплеменный состав населения «Золотого кладбища» и слияние сиракской и аланской племенной аристократии. В материальной культуре переплетаются своеобразные локальные черты с общесарматскими чертами. Тесные связи с Поволжьем прослеживаются в течение пяти веков, от

I в. до н. э. по IV в. н. э., когда произошли значительные изменения в составе населения Поволжья.²¹

На северо-восточном Кавказе появление алан в I в. н. э. констатирует В. Б. Виноградов, основываясь на конкретных археологических фактах. Он выделяет несколько катакомбных погребений, датируемых I в. н. э.: погребение у с. Брут, погребение в районе Малой Кабардинской оросительной системы, случайно вскрытое в 1960 г., и могилы на р. Юце, близ Пятигорска. Эти археологические факты, сопоставленные с историческими свидетельствами, дали В. Б. Виноградову основание категорически утверждать, что уже в 50—60 годы н. э. в Центральном Предкавказье пребывали аланы.²²

В 1961 г. Е. П. Алексеева раскопала несколько курганов с катакомбным устройством погребений близ аула Учкекен, в 17 км западнее Кисловодска. Устройство Учкекенских катакомб какое-то странное, судя по чертежам, приложенным к работе Е. П. Алексеевой.²³ Если это не результат полевой недоработки исследователя, то такие формы катакомб появляются впервые на Северном Кавказе. Обычно это погребальное сооружение состоит из прямоугольной входной ямы, к одному из концов которой примыкает куполообразная погребальная камера. В раскопках Н. И. Веселовского на средней Кубани встречались иногда могилы, где погребальная камера располагалась на углу входной ямы. В кургане же № 3, близ Учкекена, могила состояла из двух овальных ям, смыкающихся под прямым углом. Подобное устройство катакомб до этого не было известно. Курганы учкекенской группы Е. П. Алексеева датирует «рубежом н. э., а скорее всего I—II вв. н. э.»²⁴

На южной окраине аула Терезе, на берегу р. Подкумка, на высоком мысу располагался курганный могильник, содержащий около 20 насыпей. В этом могильнике Е. П. Алексеевой были отмечены катакомбные погребения III—IV вв. н. э. Но она допускает, что терезинские курганы содержали погребения и более ранние I—II вв. н. э., типа учкекенских подкурганых захоронений.²⁵

Курганы Учкекена и Терезе, наряду со вновь открытыми курганами в Усть-Джегутинском могильнике и на р. Куме, близ Зеленокумска, о которых говорилось в главе IV данной работы, намечают сплошную линию ранних аланских катакомбных погребений от Средней Кубани («Золотое кладбище») до Терско-Сунженского междуречья. Курганы эти охватывают период с рубежа н. э. до II в. н. э., устанавливая таким образом пребывание алан

в степях Северного Предкавказья в I веке нашей эры. Как видим, археологические показания полностью подтверждают исторические свидетельства о появлении на Северном Кавказе нового этнического наименования «аланы» в I в. н. э. Предположение В. И. Абаева и Ю. С. Гаглоева о более раннем, чем I в. н. э., появлении алан на Северном Кавказе мы считаем допустимым, но пока не можем указать археологических фактов, подтверждающих это предположение.

Важно отметить, что в погребальном инвентаре ранних катакомбных захоронений (I в. н. э.) наряду с чертами, характерными для общесарматской культуры, намечаются черты специфически аланские; в зеленокумском погребении, например, мы видим формы керамики определенно аланские, получающие свое полное развитие в аланских могильниках Северного Кавказа эпохи раннего средневековья. В этом заключается основной интерес и значение зеленокумского погребения. Тезис о том, что мы не в состоянии размежевать могильники и городища первых веков н. э. между поздними сарматами и ранними аланами (Б. Э. Деген-Ковалевский) и что аланские племена в первые века н. э. еще не имели культуры, отличной от общесарматской (Е. П. Алексеева), надо отвергнуть, как не соответствующий археологическим фактам. В позднейшей своей работе о памятниках меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкесии Е. П. Алексеева отошла от своего прежнего взгляда. Она утверждает, что учкекенские подкурганые катакомбные погребения рубежа н. э. являются звеном в общей цепи предкавказских аланских подкурганых могильников первых веков н. э. и что уже на рубеже нашей эры аланы стали проникать в предгорные районы Карачаево-Черкесии. Специфические аланские черты мы, видимо, должны будем искать кроме погребального обряда — основного и главнейшего этнического признака — прежде всего в керамике, так как она наименее подвержена влиянию со стороны. Другие же вещи — орудия труда, оружие и украшения обычно имеют широкое межплеменное распространение.

В связи с ранними аланскими погребениями стоит вопрос о массовости аланского населения на Северном Кавказе в первые века нашей эры.

Упомянутые катакомбные погребения Усть-Джегуты и Зеленокумска являются одиночными захоронениями. В Учкекене и Терезе их также не много. Они рассеяны среди курганов с другим погребальным обрядом. То же самое

наблюдается и на северо-восточном Кавказе. Наибольшее число катакомбных погребений первых веков н. э. сосредоточено в среднем Прикубанье, да и там Н. И. Веселовский отмечает, что курганы «Золотого кладбища» разбросаны на протяжении 70 верст. Необходимо, конечно, учесть при этом и кочевой образ жизни населения и весьма слабую изученность археологических памятников равнинной зоны Северного Кавказа. Но при всем том мы считаем правильной точку зрения В. А. Кузнецова, что в первые века н. э. аланские погребения на Кавказе еще являются единичными, территориально разрозненными памятниками. Масса алан отхлынула из Поволжья и Подонья в предгорья и горы Северного Кавказа под напором гуннов в конце IV в. н. э.²⁶ Ту же мысль высказывает и Е. П. Алексеева, говоря, что на рубеже н. э. аланы стали проникать в предгорные районы Карачаево-Черкесии, однако массовое заселение аланами горной части Северного Кавказа имело место позднее — в конце IV в., когда аланы были потеснены в горы гуннами.²⁷

Пока не будет обнаружено в Предкавказье массовых аланских могильников первых веков н. э. с компактно размещенными на определенной территории однородными погребениями, до тех пор такое положение будет оставаться в силе. В данной связи кстати вспомнить, что Иосиф Флавий, говоря о походе алан в 68 г. в Мидию и Армению, который, по всей вероятности, был совершен через Дарьял, основную их территорию размещает «вокруг Танаиса и Метийского озера», а не на Кавказе.²⁸ Массовые аланские могильники в верхнем Прикубанье действительно появляются не ранее IV в. н. э. (Байтал-Чапкан). Тем же периодом в основном датируется массовый могильник в долине р. Сунжи (Алхан-Кала).

Такие заключения мы можем сделать по поводу раскопок Усть-Джегутинского и Зеленокумского катакомбных погребений, тесно связанных с вопросом о появлении алан на Северном Кавказе.

3

Обратимся к наскальным могильникам, обзор которых составляет основной раздел данной работы.

Наскальные могильники, как мы видели, охватывают широкую территорию Северного Кавказа. Западной границей ее намечается р. Большая Лаба, восточной — области Дагестана. Интересно при этом отметить, что В. Ф. Миллер доводил пределы распространения осетинских (алан-

ских) топонимических названий до верховьев Кубани и Большой Лабы.²⁹ Могильники обнаружены как в предгорной зоне, так и в горных ущельях, иногда заходя в них довольно глубоко (Гиляч, Хасаут, Индыш). Располагаются они или на отвесных обрывах скал (Хасаут, балка Инал, Шубшурук, Инджур-Гата), или по склонам, где имеются отвесные выступы коренной горной породы в виде карниза (Токмак-Кая, Гиляч, Уллу-Кол и др.). Нами отмечено, что могилы во всех случаях вырубались в мягких породах, главным образом в песчаниках, а иногда даже в рухляках. Очевидно, при этом учитывалась легкость выработки могилы.

Подавляющее большинство могильников данного вида в настоящее время открыто в бассейне верхней Кубани, по всей вероятности, потому что в Прикубанье их более упорно искали. Могильники вне бассейна Кубани являются как бы продолжением Прикубанских, размещаясь по истокам верхних притоков Кумы и Терека (см. карту на рис. 3). Эти последние географически тесно связаны с Прикубанскими. Из Прикубанья по горным тропам и дорогам, не выходя на равнину, легко проникнуть в верховья Кумы и Терека, естественных непреодолимых преград здесь нет.

Какое значение паскальные могильники имеют для истории алан?

Указания на то, что верхнее Прикубанье в эпоху раннего средневековья было заселено аланами, мы имеем в трудах многих средневековых писателей. Прокопий Кессарийский (VI в.) в описании войны Византии с готами говорит, что «всю эту страну, которая простирается от пределов Кавказа до Каспийских ворот, занимают аланы».³⁰ Несколько далее он добавляет, что на западе аланы граничат с брухами, находящимися в соседстве с абазгами. В «Истории войн римлян с персами» тот же автор говорит, что на юге аланы смежны с сунитами (свенетами).³¹ Хотя эти указания и не отличаются полной географической определенностью, но все же верхнее Прикубанье, несомненно, входило в территорию алан, намеченную Прокопием.

У Феофана Византийца подробно излагаются события, связанные с посольством спафария Льва Исаврянина, направленного в 703 г. византийским императором Юстинианом II в Аланию.³² Лев Исаврянин прибыл в Лазику, отправился затем в Апсилию и, «перешедши Кавказские горы, пришел в Аланию». Владелец абазгов сообщил аланам, что «Юстиниан не нашел другого такого обманщика, как этого человека, которого мог бы послать, чтобы возбу-

доть нас против вас, наших соседей». После переговоров с абазгами аланы притворно согласились выдать им спария. Когда за Львом Исаврянином прибыли представители абазгов, аланы сказали ему: «Эти люди, как мы уже говорили тебе, пришли взять тебя и ты пойдешь в Абазгию, мы имеем с ними сообщение и наши купцы всегда ходят туда». Из рассказа Феофана Византийца вытекает, что Алания располагалась по соседству с абазгами, «перешедши Кавказские горы», что видимо, совпадает с верховьями Кубани.

Большое значение для локализации алап истории придают Армянской географии VII в.³³ В этом произведении впервые выступает членение алап на западных и восточных — дигорцев и алап. Аланы по армянской географии занимают северный склон Кавказа от верховьев Кубани на западе до Терека на востоке и до Дарьяльского ущелья на юге. Различные толкования данного источника обстоятельно рассмотрены Ю. С. Гагловым,³⁴ и мы на них не останавливаемся. Для нас в данном случае важно отметить, что верхняя Кубань по указанию армянской географии VII в. входила в территорию алап.

О заселении аланами верховьев Кубани в период раннего средневековья можно заключить из сочинения арабского путешественника и географа Масуди. «Царство алап, писал он, граничит с царством Серир... Столица страны называется Маас, что значит «благочестие».³⁵ «По соседству с аланами между Кабхом и Румским морем находится племя по имени Кешак».³⁶ «Рядом со страной алап живут живут абхазы, исповедующие христианскую религию, и в наше время у них есть царь. Царь алап сильнее их, и область их простирается до гор Кабх».³⁷ Таким образом, аланы с востока граничат с серирами, а с запада — с кешаками и абхазами, причем область их здесь простирается до гор Кавказа. При таком положении страны алап, несомненно, верховье Кубани входило в их территорию.

Из приведенных сочинений вытекает, что географами и историками эпохи раннего средневековья верхнее Прикубанье рассматривалось как территория Алании.

Тот же взгляд на эту область удерживался и в трудах путешественников по Кавказу времени позднего средневековья. Иосафат Барбаро (начало XV в.), венецианский дворянин и дипломат, описывая свое путешествие по восточному берегу Азовского моря, говорит, что после трехдневного пути он прибыл в страну Кремух. «За Кремухом обитают разные народы в недалеком расстоянии один от

другого, как-то: киппики, татакозцы, собайцы, кевертейцы и ас или аланы, о коих мы упомянули прежде. Земли их простираются на 12 дней пути вплоть до самой Мингрелии». ³⁸ Иосафат Барбаро помещает алан там же, где и Масуди — восточнее абхазов и черкесских племен к северу от Кавказского хребта.

Миссионер Ламберти (начало XVII в.), описывая «Кавказские горы и народы их населяющие», упоминает и алан «Ближайшие к Мингрелии — Сванеты (Suanes); далее абхазцы, аланы (произносится и «аланеты» подобно слову «сванеты») черкесы, зихи и карачоли». На карте, приложенной к работе Ламберти, аланы помещены на Северном Кавказе северо-западнее истоков р. Ингур, западнее «карачоли». И по Ламберти, как видим, верхнее Прикубанье входит в территорию Алании. ³⁹

Царевич Вахушти, писавший в первой половине XVIII столетия, помещает страну алан (Alaneti) на запад от Сванетии, на север от Мингрелии (Бедии) по соседству с Абхазией, т. е. в районе верхней Кубани. ⁴⁰ Там же Алания помещена на «Генеральной карте грузинских царств Кахетии, Карталинии и смежных земель», составленной в конце XVIII в. генеральным штабом и обнаруженной проф. Кокиевым в военно-историческом архиве. ⁴¹

О немногочисленном бедном народе алан в долинах Главного Кавказского хребта к северо-востоку от лазов, говорящим наречием кавказско-татарского языка, упоминает Рейнеггс. ⁴² По всей вероятности, у Рейнеггса идет речь не об аланах в прямом смысле слова, а о позднейшем народе, заселившем эту территорию, — о карачаевцах. И. Потockий, совершивший путешествие по Северному Кавказу в 1798 г., сообщает, что где-то в горах Прикубанья, близко от сванов, еще живет группа алан в количестве 1000 человек. Сведения эти он получил от одного из кавказских жителей, но сам лично их не проверил. ⁴³ Все эти слабо документированные сведения показывают, что имя алан удерживалось еще в XVIII столетии в Главном Кавказском хребте, близ источников Кубани и ее верхних притоков, поблизости от границ Сванетии.

В начале XIX столетия (1802 г.) майором Потемкиным в ущелье Б. Зеленчука были открыты древнехристианские храмы, ставшие впоследствии вплоть до наших дней самыми популярными памятниками верховьев Кубани. Ю. Клапрот впервые связал эти памятники с определенной народностью — аланами, которых он отождествлял с современными осетинами. ⁴⁴

Со времени появления капитального труда Вс. Миллера «Осетинские этюды» взгляд на верхнее Прикубанье как на территорию, заселенную в раннем средневековье аланами, твердо установился в науке. На основании анализа эпиграфических и топонимических данных автор намечает западную границу алан до Урупа и Б. Лабы.⁴⁵

Современные археологические данные с этим положением совпадают. Выводы Вс. Миллера поддерживает и дополняет В. И. Абаев. Он увеличивает количество примеров топонимических осетинских (аланских) названий у истоков Кубани, по Теберде, Зеленчуку, Лаббе и западнее. Объясняя, почему название алан прикрепило к району верховьев Кубани, он говорит: «Дело в том, что ущелья на запад от нынешней Осетии были вплоть до XIII—XIV столетий заселены осетинами — аланами».⁴⁶

После открытия в 1888 г. художником и членом Московского археологического общества Д. М. Струковым могильной плиты с аланской надписью факт заселения аланами верховьев Прикубанья получил новое археологическое подтверждение.⁴⁷ Теперь в обобщающих работах, касающихся северокавказских алан, район верхнего Прикубанья принимается как их исконная территория.⁴⁸

В последнее десятилетие в археологической литературе выдвинуто положение, до некоторой степени противоречащее вышеприведенным свидетельствам. В. А. Кузнецов в работе «Аланские племена Северного Кавказа» развивает мысль о немногочисленности алан среди населения верхней Кубани в период раннего средневековья.

Основные взгляды на вопросы этнической принадлежности раннесредневекового населения верховьев Кубани, по его мнению, схематические и односторонние сводятся к тому, что население это было сплошь алано-осетинским, ираноязычным и однородным. Для коренного местного населения, многочисленные памятники которого обнаружены в верхнем Прикубанье, места не остается.⁴⁹

В топонимике верховьев Кубани существует ряд наименований, несомненно, иранского происхождения. Но обязательно ли эту топонимику считать алано-осетинской? Топонимика иранского происхождения распространена не только в верховьях Кубани, но и далее на запад, вплоть до Черноморского побережья. Но ни археологическими, ни письменными источниками не засвидетельствовано пребывание алан в нижнем Прикубанье и на Черноморском побережье Кавказа. «Следует полагать, что иранская топонимика Черноморского побережья и нижнего Прикубанья

была оставлена иранцами, но не аланами». ⁵⁰ Такими иранцами, отличными от алан, по мнению автора, могли быть только сарматы-сираки.

Указывая на вероятное включение группы алан в население верховьев Кубани, В. А. Кузнецов пишет: «Однако характерно, что несмотря на сравнительно хорошую изученность верховий Кубани, здесь до сих пор известен лишь один аланский катакомбный могильник Байтал-Чапкан. По-видимому, эта группа этнических алан, осевшая в верховьях Кубани, не была многочисленной и не оказала на местное население такого влияния, как это было на Центральном Кавказе». ⁵¹

Население верховьев Кубани в эпоху раннего средневековья не было однородным в этническом отношении. «Оно состояло из двух основных компонентов: адыгского (или этнически близкого адыгам) и ираноязычного, сарматского, позднесиракского, с вероятной примесью алан». ⁵²

Далее, анализируя исторические этнонимы населения верховьев Кубани, В. А. Кузнецов, опираясь на выводы В. Ф. Миллера и В. И. Абаева о том, что этноним «Дигор» необъясним из иранского языка, приходит к заключению, что он относился к автохтонной части населения верхнего Прикубанья, его можно считать адыгским по происхождению, а это лишний раз подтверждает, что основным слоем населения верховьев Кубани был меото-адыгский. В термине армянской географии VII в. Аштигор (Ас-Дигор) «реально отразился и смешанный состав населения верхнего Прикубанья, и его этническая и языковая природа». ⁵³ В. А. Кузнецов отмечает, что население верховьев Кубани вплоть до позднейшего времени было связано с этническим наименованием «аланы» в его политическом значении. «Говорить об аланах верховьев Кубани в этническом смысле мало оснований, так как здесь включение алан-носителей катакомбного обряда погребения было незначительным». ⁵⁴

Таким образом, мы видим, что если ранее исследователи не оставляли места для автохтонного населения верхнего Прикубанья, заполняя его аланами, то В. А. Кузнецов почти не оставляет здесь места аланам. Разделяя его взгляд о смешанности населения верхней Кубани в эпоху раннего средневековья, мы не можем согласиться с тем, что в данном районе аланский элемент был незначительным. Такой вывод В. А. Кузнецова легко можно понять. В то время, когда он писал свою работу, он имел основание делать подобные заключения. В то время памятников

бесспорно аланских в верхнем Прикубанье было известно мало.

Исконными соседями алан являлись адыги — факт, засвидетельствованный многими историческими источниками; о близости материальной культуры алан и адыгов говорили и археологические и исторические источники; стремление ярче оттенить локальные особенности аланской культуры и, наконец, присутствие адыгов-черкесов на территории Прикубанья в наши дни, — все это, по-видимому, склоняло исследователя к выводу о том, что в верхнем Прикубанье аланы играли незначительную роль.

О немногочисленности алан в верховьях Кубани, вслед за В. А. Кузнецовым, говорила и Е. П. Алексеева: «Справедливо и то, что аланы не были многочисленными, особенно, если говорить о западной Алании, то есть, территории нашей области (Карачаево-Черкесская АО — Т. М.). Это подтверждается данными археологии. Аланы... хоронили своих покойников в так называемых катакомбах... Но таких камер-катакомб в нашей области известно сравнительно немного»...⁵⁵ В более поздней работе Е. П. Алексеева не подчеркивает малочисленность алан в верховьях Кубани и Зеленчуков, указывая лишь, что «здесь жили аланы, о чем свидетельствуют не только письменные источники, но и данные археологии... Катакомбный могильник рубежа IV—V вв. н. э. открыт в местности Байтал-Чапкан. Сотни скальных катакомбных погребений VIII—XII вв., известных у местного населения под названием «пещерных городков», открыты в балках Кубрань и Шубшурук, в местности Токмак-Кая, на Рим-горе, у Хумаринского городища и в других местах».⁵⁶ Создается впечатление, что автор отошел от точки зрения о малочисленности алан в верхнем Прикубанье.

В настоящее время с открытием в верхнем Прикубанье новых типично аланских памятников такая точка зрения должна быть коренным образом пересмотрена. Теперь вместо одного катакомбного могильника Байтал-Чапкан мы имеем еще два таких памятника вблизи Токмак-Кая и на плато Кумыш-Баши. Необходимо при этом иметь в виду то обстоятельство, что аланские катакомбные могильники принадлежат к числу так называемых грунтовых могильников, т. е. они не имеют надземных признаков, и археологические разведки обычно не открывают их следов. Приходится ждать случая, связанного с большими хозяйственными земляными работами, когда можно ожидать открытия здесь и других катакомбных могильников.

Кроме того, в последнее десятилетие в верховьях Кубани открыто около двух десятков так называемых наскальных пещерных могильников, идентичных катакомбным, как мы пытались доказать это выше. Следует напомнить, что количество могил в них много ниже когда-то бывшего их числа, вследствие интенсивной разрушаемости рыхлых горных пород, в которых они вырубались. Нам пришлось наблюдать лично гибель подобных могил. В могильнике Инджур-Гата промоиной был отделен от основного массива большой участок скалы. В нем располагались две «пещерки» — могилы. Остальные могилы размещались западнее. Спустя два года мы вновь посетили городище Инджур-Гата. Участок скалы, отделенный промоиной, развалился на крупные куски и загромоздил дорогу, подводящую к городищу. В нем разрушились бесследно и могильные камеры. Приходилось нам видеть небольшие части могилы, выветриваемой и разрушающей, например в могильниках Токмак-Кая и Уллу-Кол. В грунтовых могильниках даже после их ограбления количество могил продолжало сохраняться полностью. В наскальных же могильниках при разрушении горной породы исчезают всякие следы могил. Это необходимо иметь в виду при статистическом обзоре данных памятников.

Допустимо также предположение, что одни и те же могильники «обслуживали» много поколений, что кости давно погребенных время от времени выбрасывались из «пещерок», чтобы поместить в них новых умерших. Обычай периодического выбрасывания старых костей из могил-усыпальниц с целью очистить там место для новых покойников наблюдал М. М. Ковалевский, путешествуя по Хевсурии и Тушетии.⁵⁷ В камерах наскальных могильников могло хорониться по несколько погребенных, как то отмечалось в Хасаутском могильнике. Такой обычай мог стоять в тесной связи с острой земельной нуждой, испытываемой населением горных ущелий. Справедливо писал З. Н. Ваннеев: «На способы погребения в горах имеют решающее влияние земельная теснота, самый профиль поверхности».⁵⁸ Все это даст нам основание предполагать, что первоначально размеры наскальных могильников были значительно большими, чем мы видим в настоящее время.

Вновь открытые катакомбные могильники и около двух десятков наскальных могильников заставляют отказаться от тезиса о малочисленности алан в верховьях Кубани. На наш взгляд, они говорят обратное — о значительном аланском элементе на указанной территории. В этом за-

ключается их основное и главное историческое значение. Ради этого тезиса мы и решились опубликовать данную работу. С таким количеством типично аланских памятников, конечно, приходится считаться. Сравнительная бедность письменных свидетельств об аланах Прикубанья увеличивает ценность археологических памятников. Нам думается, что в настоящее время на основе археологических данных возможно заключать, что аланы составляли в верхнем Прикубанье значительное этническое ядро, при наличии здесь и других этнических групп, а не были только «вкраплением» или «вероятной примесью» в ираноязычный позднеиракский слой, как пишет В. А. Кузнецов.

Термин «аланы» в применении к населению верхней Кубани, по мнению В. А. Кузнецова, следует понимать в широком собирательном смысле, «обозначая разнородные племена, объединенные политически». С данным положением также трудно согласиться. В советской археологической литературе оно выдвигалось задолго до работы В. А. Кузнецова. Крайнюю точку зрения по этому вопросу высказывал Б. Е. Деген-Ковалевский. Он писал, что в обстановке северокавказского раннего средневековья под аланами приходится понимать «не именно осетин-оссов или иное племя, но, по-видимому, всех яфетидов западного Предкавказья»... Б. Э. Деген-Ковалевский, как видим, распространял имя алан и на адыгов.⁵⁹ Такое положение опровергается прежде всего наличием в Прикубанье большого количества аланских погребальных памятников.

Средневековые историки, по всей видимости, употребляли термин «аланы» в узко этническом смысле, разумея под этим термином определенный конкретный народ. Как пример такого употребления имени алан можно привести высказывания Прокопия Кессарийского. Излагая вторжение персидского войска в землю Колхиды, он пишет: «Во главе их стоял некто, по имени Хориан, родом перс, человек очень опытный во всех военных делах; за ним в качестве союзников следовало много варваров из племени алан».⁶⁰ Далее в том же своем труде «Война с готами» Прокопий пишет: «Всю эту страну, которая простирается от пределов Кавказа до Каспийских ворот, занимают аланы; это племя независимое, по большей части оно было союзным с персами».⁶¹ «За пределами абазгов до Кавказского хребта живут брухи, находясь между абазгов и алан. По берегу же Понта Эвксинского утвердились зехи».⁶² Таким образом, мы видим, что Прокопий называет алан «племенем» и четко отделяет их от зихов-адыгов. Следо-

вательно, можно думать, что он употреблял наименование «аланы» не в широком собирательном, а в узко этническом смысле.

В таком же, видимо, смысле употреблял термин «аланы» Ибн-Рустэ: «Алланы делятся на четыре племени. Почет и власть принадлежат племени, называемому «Дах-сас»...⁶³ Определенный «народ» под именем алан разумел арабский путешественник и географ Масуди, сопоставляя алан с кешаками: «По соседству с алланами между Кабхом и Румским морем находится племя по имени Кешак... Алланы могуществом превосходят этот народ... Рядом со страной алланов живут абхазы, исповедующие христианскую религию»...⁶⁴ Обстоятельный анализ содержания этнонима «аланы» по историческим источникам с исчерпывающей полнотой дан в работе Ю. С. Гаглойти «Аланы и вопросы этногенеза осетин», глава III, к которой мы и отсылаем читателя, не желая повторять уже сказанное.

Признавая в топонимике верховьев Кубани наличие ряда наименований иранского происхождения, В. А. Кузнецов сомневается, «обязательно ли эту топонимику считать алано-осетинской?». Наибольшее количество топонимов иранского корня сосредоточено на территории верхнего Прикубанья, что по его мнению, объясняется «более сильным включением сармато-сиракского элемента в местную среду и в связи с этим, более длительным и устойчивым его обитанием в данном районе». Здесь кстати вспомнить исторические показания широко известной Зеленчукской надписи на могильной плите в верховьях Б. Зеленчука. Г. Ф. Турчанинов датирует этот памятник 941 г.⁶⁵ Он устанавливает кабардино-черкесское (адыгское) влияние на иранскую речь автора надписи. Но при всем том он определенно считает надпись древнеосетинской (аланской). В своем выступлении на научной сессии по проблеме этногенеза осетин он высказался так: «Я должен с полной ответственностью заявить: Зеленчукская надпись всегда была и будет осетинской. Это признано мировой наукой. И те, кто думает ее перечитать то по-тюркски, то по-кабардински, оказываются дилетантами в самом худшем понимании этого слова».⁶⁶ Первый исследователь Зеленчукской надписи В. Ф. Миллер также считал ее аланской.⁶⁷ В. И. Абаев о Зеленчукской надписи пишет: «Нет даже тени сомнения, что перед нами могильный памятник осетинский и христианский».⁶⁸ Как видим, исследователи лингвисты категорически утверждают осетинское (аланское) происхождение Зеленчукской надписи. Следовательно, в X веке в

верховьях Кубани звучала аланская речь. Кабардино-черкесское влияние на иранскую речь надписи дела не меняет. Среди алан и адыгов, издавна соседивших друг с другом, языковое взаимовлияние вполне закономерно.⁶⁹

Процесс проникновения иранской речи в местную кавказскую среду со времени скифов усилился затем вместе с проникновением в эту среду сармато-сиракских племен, не прерываясь продолжался и в первые века н. э., с появлением алан на Северном Кавказе и позже в эпоху раннего средневековья. Об этом длительном и непрерывном проникновении иранской речи в Прикубанье свидетельствуют значительное количество топонимов иранского корня, удержавшихся до нашего времени. Это могло обуславливаться тем, что здесь длительно удерживалась этническая группа, поддерживавшая иранскую речь. Этой группой по лингвистическим данным являлись аланы.

Итак, мы приходим к заключению, что в верхнем Прикубанье аланская этническая прослойка была значительной, что подтверждается количеством аланских археологических памятников, историческими свидетельствами и лингвистическими наблюдениями.

4

В предшествующем изложении говорилось, что наскальные могильники рассматриваются нами как разновидность катакомбных. Наличие двух вариантов катакомбных погребальных сооружений, само собой разумеется, может наводить на мысль о двух подразделениях одной этнической группы алан. Следовательно, вопрос этот может быть связан с вопросом об этнических наименованиях «аланы» и «асы». Вопрос о содержании этнонимов «аланы» и «асы» является одним из сложных и запутанных вопросов в аланской проблеме. Не случайно почти все исследователи, писавшие об аланах, касались его в большей или меньшей степени, причем в их взглядах существуют резкие разногласия. Суждения по этому вопросу сводятся к решению — разумеют ли исторические источники алан и асов как два разных народа или как один народ, известный под двумя наименованиями. Мы отнюдь не задаемся целью решать этот вопрос в полном его значении, тем более, что такие работы уже появились в печати в последнее десятилетие (В. А. Кузнецов, Ю. С. Гаглов). Мы ставим перед собой маленькую, узкую задачу: посылить осмыслить, к каким заключениям по этому вопросу подводят наши археологи-

ческие материалы, т. е. в основном наскальные могильники верхнего Прикубанья.

Как известно, первые упоминания этнонимов «аланы» и «асы» относятся к области между Каспийским и Аральским морями. В начале нашей эры они распространяются и в Европе. Алапы в первом веке н. э. известны как народ прикавказский (Лукап) и как «скифы, обитающие около Танаиса и Меотийского озера» (Иосиф Флавий). В этом же приблизительно районе, у устья Танаиса, несколько позднее Птолемей (II в. н. э.) помещает сарматское племя «каси». В дальнейшем эти два этнонима упоминаются историческими источниками в применении к населению Северного Кавказа, Крыма и восточноевропейских степей. По отношению к Северному Кавказу термин «ас» впервые встречается в «Армянской географии» VII в. в форме «Аш-Тигор». ⁷⁰ Из просмотра многих источников, упоминающих алан и асов, у нас сложилось представление, что этноним «аланы» широко распространен у античных, византийских и западноевропейских авторов, в то время как этноним «асы» в подавляющем большинстве случаев встречается у арабских и персидских средневековых географов и историков, причем довольно позднего времени (с XIII в. н. э. и позднее). Вероятно, В. Бартольд имел основание писать об аланах, что «упоминается также другое название того же народа — «асы» (ясы — русских летописей), впоследствии вытеснившее название аланы». ⁷¹

Приведем некоторые письменные источники, помогающие понять соотношение наименований «аланы» и «асы».

В письме неизвестного хазарского еврея (X в.) говорится, что царь хазар заключил с царем алан союз, так как царство алан было сильнее и крепче всех народов, которые жили вокруг хазар. «Но во дни царя Вениамина поднялись все народы на хазар и стеснили их по совету царя Македонского. И пришли воевать царь Асии и турок... и пайнила и Македона; только царь алан был подмогою... Эти цари все воевали против страны хазар, а аланский царь пошел на их землю и нанес им поражение, от которого нет поправления». ⁷² В. А. Кузнецов интерпретирует этот документ как указание на то, что аланы и асы не только противопоставлены друг другу, но и ведут борьбу между собой. ⁷³

Весьма убедительные соображения по поводу данного источника высказывает М. И. Артамонов. Понимая под термином «пайнил» — печенегов, «турку» — гузов или узов, «асии» — асов или ясов, он говорит: «Особого внимания

заслуживает противопоставление аснев — асов аланам, так как считается, что оба эти наименования относятся к одному и тому же народу, в данном случае представленному разными частями, локализованными в разных местах. Аланы занимали центральную часть Северного Кавказа, асы же, вероятно, совпадают с носителями салтовской культуры, известной в лесостепной полосе между Донцом и Средним Доном, там, где русская летопись знает ясов в 1116 г.⁷⁴ Отождествление аснев Кембриджского анонима с северокавказскими асами М. И. Артамонову представляется маловероятным, так как дружественные отношения алан с хазарскими диктовались не только политическими, но и экономическими интересами алан.⁷⁵ Факт столкновения между северокавказскими аланами и доносскими асами в эпоху раннего средневековья, богатую междоусобными войнами, едва ли может служить доказательством этнического отличия алан и асов, как уже было отмечено Ю. С. Гагловым.⁷⁶

По-видимому, аланы и асы как территориально разделенные родственные группы неоднократно упоминаются рядом в восточных источниках XIII—XIV вв. Персидский историк XIII в. Джувейни сообщает: «Когда каан (Угетай) воссел на престол (монгольского) царства, он (Бату) подчинил и покорил сплошь все те края, которые были по соседству его: остальную часть (земли) кипчаков, аланов, асов, русов и другие страны»...⁷⁷ Далее он пишет, что на совещании Угетая состоялось решение завладеть странами «Булгара, асов и Руси».⁷⁸ В «Избранной истории» персидского историка и географа XIV в. Хамдаллаха Казвини говорится, что Туши-Хану «вверены были область Хорезм, Дешт-и-Хазар, Булгар, Саксин, аланы, асы, русские, Микес, башкирды и те пределы».⁷⁹ В летописи арабского писателя Бедреддина Элайни (XIV в.) «о делах проклятого Чингизхана» сообщается, что, вторгнувшись в страны северные», «они покорили жившие в них тюркские народы и племена кипчацкие, аланские, аские, авлакские, черкесские и Русские, да (прочих) обитателей этих стран».⁸¹

Нам представляется, что в упомянутых известиях восточных авторов XIII—XIV вв. под названием «алланы» понимаются северокавказские аланы, под асами — то же аланское население восточноевропейских степей. Область последних можно искать от Подонья до Подунавья.

Часто у восточных авторов асы упоминаются рядом с Русью или русскими. Интересен в этом смысле рассказ Джувейни «о покорении Булгара, страны асов и Руси, ко-

торые находились по соседству становища Бату, не были еще окончательно покорены и гордились своей многочисленностью».⁸¹ Можно предположить, что в этом рассказе подразумевается географически единая область от Булгара до Руси и что страна асов располагалась между ними. Это могло быть только в том случае, если бы страна асов локализовалась где-то в степной области между Волгой и Днепром, вне Кавказа. Такая интерпретация известий Джувейни подкрепляется тем, что тот же автор, сообщив об отправке Бату и других царевичей для овладения областями Булгара, асов, Руси, добавляет «и племен кипчакских, аланских и других»...⁸²

Из «Истории Вассафа» — персидского историка XIII—XIV в., мы узнаем, что на втором курилтае, при хане Джучи «мнение утвердилось на том, чтобы обратить победоносный меч на голову вождей русских и асских за то, что они поставили ногу состязания на черту сопротивления».⁸³ Данное сообщение устанавливает какую-то связь вождей русских и асских, возможно, их совместное выступление против татаро-монголов, которое могло иметь место в восточноевропейских степях, а не на Северном Кавказе. По всей вероятности, эту группу асского населения под именем «ясы» знают русские летописи в Придонецких областях; под именем «асии» ее же отмечал Кембриджский аноним.

Некоторые восточные источники локализуют асов в северо-западном Причерноморье. В летописи египетского автора XIV в. Рукнеддина Бейбарса излагается ход событий, связанных с борьбой в 1301 г. между сыном Ногая Джекой и старшим эмиром Тунгузом и Тазом — зятем Ногая. Последние договорились «отправиться в грабительский поход на земли валахов и русских». Затем договорились они напасть на Джеку. Когда Джека заметил, что они уже достигают его, он ускакал «в страну асов, в которой находился предводитель и 10000 войска». Золотоордынский хан Токта помог ратью Тунгузу и Тазу. «Джека не был в состоянии противиться им. Он бежал и прибыл в земли валахов, царь и правитель которой был женат на одной из родственниц его».⁸⁴ Из общего контекста летописи вытекает, что область деятельности Джеки лежала в северо-западном Причерноморье — в Поднестровье или в Подунавье. Страна асов, приютивших его, следовательно, находилась где-то в этих местах. Это подтверждается и тем фактом, что когда золотоордынский хан Токта, после смерти Джеки, направился на запад, чтобы принять под свою власть улус Ногая, на нижнем Дунае, появилась орда алан

свыше 10 тысяч человек, которая просила византийского императора Андроника о разрешении вступить в пределы империи и поступить на византийскую службу. Это были сподвижники Ногая и участники в его походах.⁸⁵

На асов, проживавших в западной части Причерноморских степей, указывают известия «Сборника летописей» персидского историка XIII—XIV вв. Рашид-ад-Дина о назначении Угетай-кааном царевичей и эмиров на окраины и границы владений. По воле Угетая «из царевичей Бату, Менгу-Каан и Гуюк-хан сообщая с другими царевичами и многочисленным войском отправились в области кипчаков, русских, булар (поляков), маджар, башкирд, асов, судак и те края для завоевания таковых».⁸⁶

Указанные источники восточных авторов, как мы видим, знают «страну асов» между Булгаром и Русью (Джувейни) и страну асов в северо-западном Причерноморье (Рукнеддин-Бейбарс). Можно предполагать, что в первом случае разумеются асы, которых русские летописцы под наименованием «ясы» знали на Донце, во втором — страна, память о которой сохранилась в названии города Яссы в современной Молдавии.

Кроме того, имеются свидетельства о вкраплении мелких групп асов, встречавшихся в качестве инородного населения в некоторых городах Золотой Орды. Например, арабский путешественник Иби-Батута писал, что в городе Сарае живут разные народы, в том числе «асы, которые мусульмане».⁸⁷

По М. И. Артамонову, в шестидесятые годы VIII в., асы составляли гвардию главнокомандующего хазарской армии Астархана, имевшего ставку в низовьях Волги. Они представляли собою тех аснев-асов-ясов, которые упоминаются в письме константинопольского еврея (Кембриджский аноним) и которые, судя по данным русской летописи, жили на Донце.⁸⁸

Рассеянные по разным пунктам мелкие группы асов представляли собою или торговых людей, или это были военные отряды. Наличие их не только у хазар, но и у золотоордынских ханов засвидетельствовано историческими источниками. Арабский автор XIV в. Эломари сообщает: «у султана этого государства (Узбека — Т. М.) рати черкесов, русских и ясов. Это жители городов благоустроенных, людных, да гор лесистых плодovitых».⁸⁹

Для понимания соотношения между этнонимами «аланы» и «асы» дает сведения карта 1331 г. о расселении народов Восточной Европы, вошедших в западные владения

монголов. На ней в сугубо схематической форме на северо-западе указаны народы: саркесы (черкесы), алань-асы, киньча (кипчаки), асосы (Россия) несколько в стороне и к северу Булиар (Булгар).⁹⁰ Для нас важно отметить, что на карте аланы и асы означены как один народ под двумя наименованиями (алань-асы), а не как два различных народа — аланы и асы, как это понимает В. А. Кузнецов. Для разделения алан и асов здесь нет оснований. Это дает нам повод понимать этнонимы «аланы» и «асы» восточных писателей как обозначение частей одного этнического массива различной локализации. Асами они, видимо, называли алан, населявших северные окраины восточно-европейских степей.

Применительно к Кавказу мы наблюдаем несколько иную картину. Восточные авторы эпохи Золотой Орды, упоминающие население Северного Кавказа, сохраняют два этнонима «асы» и «аланы». Интересны в этом отношении показания арабского географа XIV в. Абульфеда. «К востоку от абхазов на берегу моря находится город Алан. Этот город назван так по имени народа алан, который его населяет; аланы являются тюрками, которые приняли христианство... Аланы в большом количестве обосновались в этой стране, так же как к западу от Ворот Ворот. По соседству находится народ тюркской расы по имени «ассы»; это народ того же происхождения и той же религии, что и аланы».⁹¹ Как видим, Абульфеда, подобно Новому списку «Армянской географии» и Ибн-Русте, помещает алан и асов на Кавказе.

По поводу высказываний Абульфеда об аланах и асах нам известны три точки зрения. Маркварт полагал, что Абульфеда отличал алан от асов, причем под асами, по его мнению, следует разуметь возвратившихся в степи кочевых алан, в отличие от алан на Кавказе.⁹² В. А. Кузнецов говорит, что Абульфеда «совершенно определенно отличает алан от асов».⁹³ Ю. С. Гаглов выдвигает противоположное мнение: «Для арабского географа аланы и асы этнически не отличались друг от друга, различаясь лишь своими племенными названиями».⁹⁴ Последняя точка зрения нам представляется более справедливой. Абульфеда, утверждая, что асы народ того же происхождения и той же религии, что и аланы, подчеркивает теснейшее этническое родство между этими двумя народами. Абульфеда, как и другие авторы, не объясняет, почему два народа общего происхождения и одной и той же религии имеют различные наименования.

Этнонимы «асы» и «аланы» по отношению к населению Северного Кавказа удерживаются и позднее. Они связываются с событиями конца XIV века. В «Книге побед» Шереф-ад-Дина Йезди (XV в.) имеется рассказ «о движении пышного поезда Тимура к горе Эльбурз». Когда Тимур со всеми войсками повернул к горе Эльбурз, то в намерении покорить неверных «знамя, мир завоевывающее, направилось на Буриберди и Буракана, который был правителем народа асов. На этом пути находились леса. Вырубив деревья и проложив дорогу (Тимур), оставил эмира Хаджи-Сейф-ад-Дина при обозе, а сам с целью джихада взошел на гору Эльбурз».⁹⁵ В «Рассказе о возвращении Тимура из Дешт-и-Кипчака и северных стран» сообщается, что когда войска Тимура, сделав набег на области и места того края — (земли) Укека, Маджара, русских, черкесов, башкирдов, Микес, Бльчимкина, Крыма, Азака, Кубани и аланов со всем к ним принадлежащим и относящимся, — выказали свою силу и полную власть»,⁹⁶ Тимур в начале весны 1396 г. выступил из зимовья Бугазкум и направился в сторону Дербенда и Азербайджана. У Шереф-ад-Дина Йезди, как видим, и аланы и асы тоже размещаются на Северном Кавказе. Асы в районе Эльбурза (Эльбрус), аланы упоминаются в связи с Кубанью. Так как район Эльбурса и Прикубанье по существу географически одна область, то можно предположить с большой долей вероятности, что сдии и тот же народ в разных рассказах назван по-разному, что автором асы и аланы этнически не различаются.

Полностью объединяют алан и асов, ставя знак равенства между этими двумя этнонимами, западноевропейские авторы. Монах францисканец Плано Карпини, совершивший в 1245—1247 гг. путешествие к монгольскому хану, в отчете о путешествии перечисляет земли, подчиненные татарами, и среди них называет «Аланы или Ассы». Через несколько лет после возвращения Плано Карпини из путешествия французский король Людовик IX отправил в Монголию дипломатическую миссию, во главе которой стоял монах-минорит Гильом де Рубрук. Путешествие его состоялось в 1253—1255 гг. Впервые Рубрук упоминает алан, описывая проезд через степи между Крымом и Волгой. «Накануне Пятидесятницы пришли к нам некие аланы, которые именуются там аас»... пишет он.⁹⁷ Далее, описывая «страну Сартаха», располагающуюся «за Танандом», Рубрук вновь упоминает алан, указывая место их обитания. «К югу от нас были величайшие горы, на которых живут по бокам, в направлении к пустыне, черкисы и аланы

или аас, которые исповедуют христианскую веру и все еще борются против татар. За ними, вблизи моря или озера Этилии, находятся некие саррацины, именуемые лесгами...⁹⁸ (лезгины — Т. М.). Таким образом, Рубрук помещает алан или аас на горах Северного Кавказа, между черкесами и лезгинами. Об аланах, как о жителях Северного Кавказа, он говорит и в других местах своего труда.

В 1436 г. путешествие в Тану предпринял венецианский дворянин и дипломат Иосафат Барбаро. В описании своего путешествия он несколько раз упоминает алан, впервые в главе первой в связи с описанием границ Татарии: «Татарская степь граничит с востока рекою Эрдилом, иначе называемой Волгою, с Запада Польшею, с Севера Россиею, а с Южной стороны, обращенной к большому морю, Аланию, Куманию и Хазарию. Все эти области находятся на берегу Забакского моря (Азовского моря — Т. М.) или Меотийских болот... Алания заимствовала имя свое от народа аланского, называвшего себя на своем языке ас. Народ сей, исповедовавший христианскую веру, был истреблен и выгнан из жилищ своих татарами». В главе десятой он пишет: «Отправившись из Таны по берегу Забакского моря, прибыл я после трехдневного пути в страну, называемую Кремух... За Кремухом обитают разные народы, в недалеком расстоянии один от другого, как-то: кипики, татакозцы, собайцы, кевертейцы и ас или аланы, о коих мы упоминали прежде. Земли их простираются на 12 дней пути вплоть до самой Мингрелии... В главе двенадцатой он пишет: «Прямо позади острова Кафы, на берегу Черного моря, лежит сначала Готфия, а потом Алания, простирающаяся вплоть до самого Монкастро».⁹⁹ Итак, у Барбаро аланы или асы указываются в трех географически различных местах:

1) в Приазовье или в низовьях Дона. Здесь, очевидно, имеются в виду аланы, обитавшие до татаро-монгольского нашествия в восточноевропейских степях; 2) на Северном Кавказе, по соседству с различными мелкими черкесскими племенами и 3) по берегу Черного моря, «до самого Монкастро», до Поднестровья. Следовательно, в тех же в общем областях, где знают асов и восточные авторы. Упоминает Барбаро и об остатках алан в Крыму, смешавшихся с готами. Названия «аланы» и «асы» для него являются различными наименованиями одного и того же народа.

Этноним «асы» в слегка измененной форме — «ясы» — известен русским летописцам. Впервые имя ясов встреча-

ется в связи с походом русского князя Святослава Игоревича для разгрома хазар в низовьях Дона. Под 965 годом летопись сообщает: «В лето 6473 года иде Святослав на Козары. Слышавше же Козари, изыдоша противу им со князем своим каганом. И сступиша обои, и одоле Святослав Козаром и град их Белу Вежу взя. И Ясы победи и Касоги».¹⁰⁰ Здесь о победе Святослава над ясами и касогами говорится непосредственно за взятием Белой Вежи — хазарской крепости Саркела, располагавшейся в низовьях Дона, на левом его берегу, против станицы Цимлянской. По-видимому, с ясами Святослав столкнулся где-то в степи за Доном.

В 1116 г. князь Ярополк Владимирович «ходи на Половчскую землю, к реце зовомей Дон, и ту взя полон мног, и 3 города взя Половечские: Галич, Чешоев и Сугров и приведе с собою ясы, и жену полони Ясыню» (по Лаврентьевскому списку летописи). В Ипатьевском списке это известие передано так: «В се же лето посла Володимер сына своего Ярополка, а Давыд сына своего Всеволода на Дон, и взяша три грады: Сугров, Шарукаи, Балин. Тогда же Ярополк приведе себе жену, красну вельми, Ясько-го князя дочь полонив». Исследователи давно уже устанавливали принадлежность упомянутых летописью городов, занимавших северные окраины половецких степей, на Донце и за Донцом, ясам, аланам.¹⁰¹ В данном случае летопись свидетельствует о пребывании ясов в Придонецких степях.

Русские летописи знают ясов не только на Дону и Донце, но и на Северном Кавказе. Сообщая о первом появлении татаро-монголов на Северном Кавказе, восточный автор (Ибн-ал-Асир) говорит о сопротивлении татарам алан и кипчаков. Русская летопись о том же событии повествует: «И мы слышахом, яко многы страны поплениша, ясы, обезы, касоги и половец безбожных множество избиша». Здесь явно наименование «аланы» у Ибн-ал-Асира заменено ясами. Тот же этноним сохраняет летопись в известии о походе русских князей к городу Деякову. «Князи же вси со царем Менгутемером поидоша в войну на Ясы, и приступиша Рустни князи к Яскому городу ко славному Деякову и взяша его месяца февраля в 8 и многу корысть и полон взяша, а противных избиша бесчисленно, град же их огнем пожгоша».¹⁰² Не останавливаясь на вопросе о точной локализации «славного города Деякова», укажу лишь, что исследователи все без исключения помещают его в центральной части Северного Кавказа, не соглашаясь

иногда друг с другом в обозначении его точного географического пункта. Следовательно, русские князья под давлением золотоордынского хана Менгутимура, воевали с северокавказскими ясами, т. е. с тем же народом, который в других источниках именуется аланами.

Убедительные доказательства того, что русские летописцы называли ясами тот же народ, который античные авторы называли аланами, дает древнерусский перевод истории Иудейской войны Иосифа Флавия. Иосиф Флавий, как известно, называет алан скифским племенем и помещает их «у Танаиса и Меотийского озера». В древнерусском переводе «Иудейской войны» XII или начала XIII в. сказано: «Язык же ясеский ведомо есть, яко от печенежеска рода родисы, живуще подле Тана и Меотского моря».¹⁰³ Справедливо, на наш взгляд, Ю. С. Гаглоев полагает, что имя скифов заменено здесь современным автору перевода наименованием печенегов, а имя алан — древнерусским эквивалентом этого имени — ясами.¹⁰⁴ Необходимо отметить, что русские летописи подобно описаниям западноевропейским и восточным писателей, рядом с ясами упоминают касогов (адыгов) и четко различают эти племена.

Мысль, что под наименованием «ясы» древнерусские летописцы разумели тот народ, который в других источниках выступал под именем алан, с глубокой и обстоятельной аргументацией уже неоднократно высказывалось в трудах В. Ф. Миллера, А. А. Спицына, Ю. В. Готье, Ю. С. Гаглоева и многих других исследователей.

Рассмотренные выше исторические источники показывают, что этнические наименования «аланы» и «асы» являлись однозначными. К эпохе позднего средневековья (XIII—XIV вв.) термин «асы» употреблялся чаще главным образом у восточных писателей. У западноевропейских авторов наряду с ним удерживался еще старый этноним — «аланы».

На Северном Кавказе асы — это западная часть аланского союза племен. «Армянская география» VII в. в срединной части Северного Кавказа помещает два родственных аланских племени: аланы-ардозцы на востоке и асы-дигорцы (аш-тигор) на западе. Последние локализуются обычно в верхнем Прикубанье, и с ними исследователи связывают этноним «асы». Например, В. Ф. Миллер, оценивая значение древнеосетинской зеленчукской надписи X в., писал: «На основании рассмотренного нами памятника мы можем заключить, что одним из элементов населения были некогда предки современных осетин — аланы или ясы,—

знавшие греческие письма и делавшие попытки выражать ими звуки родного языка». ¹⁰⁵

В. А. Кузнецов политическое объединение, известное под наименованием «Алания», разделяет на два крупных племенных союза. Один из них занимал западную часть Алании (асы), другой восточную (аланы). «Основой западного племенного союза были автохтонные племена Северо-Западного Кавказа — предки современных адыгов, абазин и отчасти осетин». ¹⁰⁶ Тезис о том, что племенной союз, связанный с именем «асы», основой своей имел адыгов, абазин и только отчасти осетин вызывает у нас сомнение. Противоречат ему археологические данные и утверждение Ибн-Рустэ о том, что у алан, у которых он насчитывал четыре племени, почет и власть принадлежит племени рухас, т. е. светлым асам.

О чем же говорят археологические данные?

Если признать, что западная часть Алании территориально совпадала с верховьями Кубани, то из данных «Армянской географии» вытекает, что верхнее Прикубанье было заселено асами. Следовательно, археологические памятники, рассмотренные в предшествующем изложении, мы можем отнести к асам западной части Алании. Мы видели, что в этой части аланской территории, наряду с другими формами погребальных сооружений, в значительном количестве обнаружены наскальные могильники и катакомбы, которые и должны быть признаны погребальными сооружениями северокавказских асов. Если бы асы западной части Алании этнически отличались от алан восточной части, то погребальные памятники тех и других должны бы были быть различными. Однако, сравнивая катакомбы верхнего Прикубанья с катакомбами восточной части Алании, за населением которой, соответственно «Армянской географии», у исследователей удерживается наименование «аланы», мы находим между ними полное сходство. В главе IV было дано описание катакомбы № 17 могильника Байтал-Чапкан и катакомбы могильника Чми, что дает возможность сличить эти однородные памятники. Тождественны не только погребальные сооружения, но и частности погребального ритуала — положение костяка, размещение при нем погребального инвентаря, наличие боковых нишек в стенках камеры, наличие нар. То же можно сказать и о катакомбах Дуба-Юрт, исследованных А. П. Кругловым в 1936 г.

Выше мы пытались обосновать положение, что наскальные могильники являются разновидностью катакомбных

могильников. Различаются эти два вида памятников весьма незначительно. Погребальные сооружения первых не имеют входного колодца или коридора, который всегда имеется у вторых; во всем остальном они тождественны. Такое отступление объясняется различием в местоположении могильников (в первом случае в обрезах скал, во втором — в грунте). Различие это было вызвано не изменением погребальных традиций у населения, а изменением географической обстановки, острым недостатком земельной площади для хозяйственных нужд. Погребальные традиции оставались прежними, этническое лицо населения оставалось тем же.

Наскальные могильники открыты как в верхнем Прикубанье, т. е. в западной части Алании, так и в восточной ее части: близ селения Шатой, на р. Аргун, и вблизи сел. Бамут, на р. Фортанге и в некоторых других местах. Мы должны отметить не только факт наличия и в той и в другой частях Алании одного вида погребальных памятников, но полное их сходство, вернее тождество. Нет никакого сомнения в том, что жители, вырубавшие «пещерки» в скалах балки Шубшурук, по р. Индыш, и во многих других местах Прикубанья, являлись по своему происхождению ближайшими родственниками жителям, оставившим наскальные могильники на реках Аргун и Фортанга.

Основываясь на археологических данных, соотношение «асов» западной части Алании и «алан» ее восточной части можно выразить словами Абульфеды: «Это народ того же происхождения и той же религии, что и аланы». Среди археологических памятников, которые с наибольшей достоверностью можно отнести к аланам, мы не усматриваем материалов, позволяющих разделять их на две различные этнические группы. Это приводит к выводу, что этнонимы «аланы» и «асы», засвидетельствованные историческими источниками, являлись двумя наименованиями одного и того же народа.

Не случайно в областях, территориально оторванных от Северного Кавказа, где историческими источниками засвидетельствовано пребывание «асов», мы наблюдаем археологические памятники, идентичные аланским памятникам Северного Кавказа. Это в первую очередь относится к Салтовскому могильнику.

Ближайшее сходство погребений Салтовского могильника с северокавказскими катакомбными могильниками было отмечено уже первыми исследователями Салтовского могильника (А. М. Покровским, В. А. Бабенко).¹⁰⁷ Бро-

салось в глаза тождество погребальных сооружений, сходство погребального инвентаря. Однако они ошибочно определяли этническую принадлежность этого памятника, приписывая его хазарам. Правильное этническое определение Салтовского могильника впервые дал А. А. Спицын. Опираясь на тот факт, что «Салтовский могильник оказался тождественным с осетинскими кавказскими могильниками культуры второго, более нового Чми», он пришел к выводу, что «основное исконное население Дона и Донца есть то иранское племя, которое в разное время носило название сарматов, алан, роксолан, ясов. Со временем, надо думать, оно сильно утратило чистоту своей крови и смешалось как с древнейшими обитателями, так и с новыми насельниками ее, греками, тюрками, монголами, кавказцами и русскими». ¹⁰⁸

Позднее Ю. В. Готье категорически утверждал, что «памятники Салтова, тождественные с памятниками Осетии и современные им, должны были принадлежать тем же аланам, осам или ясам. Я думаю, что в пользу этого пока теоретического вывода можно представить очень много веских доказательств». ¹⁰⁹ Сходство между Салтовом и могильниками Осетии, по его мнению, говорит о том, что «в VI—IX вв. на Северном Кавказе и на берегах Донца одновременно существовала одна и та же культура, что люди, населявшие Салтов, жили, одевались, воровали, хоронились совершенно так же, как очень далекие от них жители современной Осетии. При этом отпрыск Кавказской культуры на Донце не был ни слабым, ни хилым. Только сравнительная малочисленность и скромность украшений показывает, что обитатели Салтова были беднее своих кавказских соотечей». ¹¹⁰

Принадлежность Верхне-Салтовского могильника аланам с широкой аргументацией поддерживает И. И. Ляпушкин в большой своей работе о происхождении и характере салтово-маяцкой культуры. ¹¹¹ Появление в VIII в. в пограничье лесостепи и степи оседлого населения, оставившего салтово-маяцкую культуру, может быть объяснено только как результат расселения племен этой культуры, обитавших до того времени в центральной части Северного Кавказа. До VII—VIII вв., когда в степях и пограничных районах происходило сильное движение кочевников,— сначала гунно-болгарских племен, а затем аваров — оседлое население юга и юго-востока могло обитать лишь за границами степи, куда кочевники если и проникали, то редко. Около VII в. движение кочевников в южнорусских степях ослабевает.

Оседлое население получило возможность выйти за пределы территории, на которой оно пряталось от кочевников. «Нет никакого сомнения в том, что подобное устремление в лесостепные и пограничные с лесостепью районы имело место и из предгорья Северного Кавказа. Памятники салтовского типа, тождественные одновременным памятникам центральной части Северного Кавказа, являются наиболее убедительным доказательством этого процесса». Этническая природа населения, ответвлением которого автор считает салтовцев, не вызывает разногласий ни среди археологов, ни среди лингвистов. «Все признают, что центральная часть Северного Кавказа в изучаемое нами время была заселена аланами, а тем самым им, несомненно, должны принадлежать и интересующие нас памятники (Чми, Балта, Комунта — Т. М.). Такое решение дает нам основание считать, что и население бассейна Дона, оставившее памятники салтово-маяцкой культуры типа Верхне-Салтовского поселения, должно относиться также к аланам».¹¹²

В составе салтово-маяцкой культуры наряду с памятниками верхне-салтовского типа И. И. Ляпушкин отмечает и другую группу памятников, которую он условно называет зливкинской. Это памятники кочевников, переходящих к оседлому образу жизни. Между этими двумя группами населения существовала глубокая разобщенность. В антропологическом облике населения зливкинской группы имеются некоторые монголоидные признаки. По мнению исследователя, вторую группу населения могли составлять болгары. И. И. Ляпушкин разделяет салтово-маяцкую культуру на два варианта: северный, в котором этнически преобладали аланы, и южный — в основном болгарский.

Близкую точку зрения по вопросу происхождения Верхне-Салтовского могильника и вообще катакомбных погребений по Донцу и Дону высказывает С. А. Плетнева. По ее мнению, ряд письменных источников свидетельствует, что именно асы — ясы обосновались в конце VIII в. в верховьях Дона и Донца. Связаны они с северокавказскими асами, часть которых под влиянием каких-то причин (скорее всего под давлением арабских походов Масламы и Марвана) вынуждена была покинуть в VIII в. предгорья Кавказа. Косвенным подтверждением этому является наряду с другими фактами совершенное тождество донских и северокавказских погребальных обрядов.¹¹³ В позднейшей своей работе она повторяет ту же мысль: «катакомбные могильники в Подонье принадлежали выходцам из северокавказских областей — аланам, вынужденным покинуть насижен-

ные предгорья на рубеже VII и VIII вв. Гипотеза эта имеет достаточно веские доказательства».¹¹⁴

Итак, археологическими исследованиями устанавливается не только общность, но тождество между северокавказскими аланскими памятниками и той частью салтовско-маяцкой культуры, которая представлена Верхне-Салтовским могильником. Исторические источники (Кембриджский аноним, восточные авторы, древнерусские летописи) обитателей Донца и Верхнего Дона называют асами, а не аланами. Следовательно, асы Дона и Донца и аланы Северного Кавказа имеют один и тот же погребальный обряд.

Погребальный инвентарь, за исключением керамики, при обсуждениях этнической среды имеет меньшее значение, так как формы орудий труда и особенно украшений могут выходить и выходят за пределы территории определенной культуры. Они получают больший удельный вес в вопросах хронологии. Однако среди предметов погребального инвентаря иногда встречаются вещи специфического характера, которые отображают быт, свойственный только определенным племенам. Такие вещи, наряду с погребальным обрядом в целом, могут иметь большое значение в этнических вопросах. Такой именно предмет мы находим в погребениях и городищах аланской культуры. В аланских погребениях Северного Кавказа довольно часто находятся металлические — бронзовые, реже железные ложечки-цедилки (см. рис. 25, 1—3). Они всегда имеют длинную ручку и маленький черпачок с пятью или тремя дырочками. Находятся они обычно при женских костяках. Носились эти ложечки на цепочке вместе с ухверткой и зубочисткой. Соединение этих трех вещей на одной цепочке явно показывает, что они являлись предметами женского туалета. В таких ложечках-цедилках, очевидно, приготавливались белила и румяна или какие-то другие притирания для лица. В данном случае нам важно отметить, что кроме Северного Кавказа ложечки-цедилки найдены в Салтовском могильнике, и только в нем. В других местах восточноевропейских степей они нам неизвестны. Основываясь на данных фактах, мы приходим к заключению, что асы Придонецкие археологически не отличались от алан Северного Кавказа, так же как не отличались от них и Прикубанские асы.

По вопросу о происхождении культуры, представленной Салтовским могильником, в советской археологической литературе имеются и другие мнения. Н. Я. Мерперт полагает, что Салтовская культура является результатом дли-

тельного процесса развития. В формировании ее участвовали разнообразные племена, населявшие обширную территорию южнорусских степей. Уже в первые века нашей эры у сарматских племен Поволжья, Прикубанья, Предкавказья и Украины как в погребальном обряде, так и в инвентаре имелся ряд элементов, которые легли в основу формирования салтовских форм. Он утверждает, «что и камерный погребальный обряд, и основные формы салтовского инвентаря отнюдь не были новостью для этой территории»,¹¹⁵ что все это появилось в результате развития местных сармато-аланских племен.

Первая гипотеза, рассматривающая салтовцев как выходцев с Северного Кавказа, выдвинутая еще А. А. Спицыным, четко сформулированная И. И. Ляпушкиным и поддержанная С. А. Плетневой, представляется более доказанной. Вслед за ними мы можем сослаться на тот факт, что на Дону и верхнем Дону пока неизвестно памятников предшествующего периода — V—VII вв., которые являлись бы переходной ступенью к Салтовскому могильнику. Сам Н. Я. Мерперт констатирует наличие таких памятников именно на Северном Кавказе (Песчанка, Чми, Борисовский могильник). Здесь погребения в камерах выявляют наиболее близкие связи как с древними памятниками, так и с салтовским могильником.¹¹⁶

М. И. Артамонов считает носителями Салтовской культуры туземное население, обитавшее в Донецких и Донских степях с сарматской поры, поэтому салтовские могилы не следует относить за счет нового пришлого населения в степях юга нашей страны. Свое происхождение это население вело от сармат или алан, но в хазарское время «они были уже болгарами или хазарами, этнически обособленными от алан-осетин».¹¹⁷ В монографии по истории хазар М. И. Артамонов пишет: «Прямые физические потомки алан, представленные Салтовской культурой, к хазарскому времени могли быть уже отюречены и говорили не на аланском, а на тюркском языке. На это указывают надписи, вырезанные на камнях и стенах Маяцкого городища, представляющего характерный памятник Салтовской культуры... Таким образом, носители собственно Салтовской культуры могли быть в хазарское время уже не иранцами, а тюрками по языку».¹¹⁸

Надписи Маяцкого городища в последнее время подвергались пересмотру. Г. Ф. Турчанинов отвергает их тюркское происхождение. Он читает их с осетинского (аланского) языка и приходит к выводу, что аланы Подоонья в VIII—

X вв. «говорили на том же самом языке, на котором говорили в средние века и говорят поныне осетины, иранцы и дигорцы в горах Кавказа».¹¹⁹ Таким образом, вопрос о языке салтовцев не может считаться окончательно решенным. Вполне допустимо, что в хазарское время они удерживали свой исконный обряд погребения и язык иранского корня.

Если признать, что погребальный обряд является важным этническим показателем, а именно так и расценивают его археологи и в том числе М. И. Артамонов, о чем упоминалось выше, то нельзя не учесть тождества погребального обряда Салтовского могильника с аланскими могильниками Северного Кавказа, в том числе и с прикубанскими. Пока стойко удерживался исконный погребальный обряд, население Салтова, очевидно, сознавало себя асами-аланами, а не болгарами или хазарами. Наличие рядом с Салтовским могильником зливкинского типа (болгарского) и отдельные болгарские погребения в Дмитровском могильнике, как отмечает С. А. Плетнева, не доказывают, что придонские и донские асы забыли свое племенное происхождение. Это лишний раз подчеркивает, что население делилось на две группы и каждая из этих групп, пока жила Салтово-маяцкая культура, отчетливо отражала в погребальных обрядах свое происхождение.

Смешение алап-асов Салтово-маяцкой культуры с окружающим тюркским населением, по-видимому, произошло позднее X в. С. А. Плетнева при обзоре древностей кочевников южнорусских степей X—XIII вв. выделяет пять групп кочевнических погребений.¹²⁰ Погребения пятой группы географически располагаются в основном в районе распространения (в VIII—IX вв.) Салтово-маяцкой культуры. Захоронения пятой группы с погребениями Салтово-маяцкой культуры, по наблюдениям С. А. Плетневой, связываются следующими признаками: ориентировкой, наличием камышовых подстилок, мела, извести, углей и керамики в могилах и иногда небольших подбоев для покойника в стенках могил. Указанные признаки, как видим, ведут не только к салтово-маяцким, но к более древним традициям — сармато-аланским. Подстилка из кошмы в аланских погребениях здесь заменена камышовой, что, вероятно, указывает на некоторую бедность населения. Куски мела, извести, угля — характерная деталь сарматских и аланских погребений. Керамика и металлическая посуда, как правило, в изобилии сопровождает сармато-аланские погребения. Подбой можно рассматривать как пережиточную форму катакомб.

Датируются погребения пятой группы XI—XIII вв. О связи их с кочевниками говорят изменения в погребальном обряде: сооружение курганов, накатов, приступок в могилах, захоронения частей коня вместе с человеком. Справедливо С. А. Плетнева полагает, что пятая группа погребений оставлена отюреченным завоеванным населением донецких степей. В нем, на наш взгляд, можно видеть остатки населения Салтово-маяцкой культуры, которое, несмотря на отюречение, сохраняло еще следы своих этнических особенностей и признаков, не до конца утратило свое племенное самосознание. Не случайно русские летописи XII в. говорят о ясах на Дону и Донце как о конкретном племени, не смешивая их с другими известными летописи племенами обширных восточноевропейских степных пространств.

Мы приходим к заключению, что та часть носителей Салтово-маяцкой культуры, которую можно именовать алапами-асами, характером погребального обряда не отличалась от прикубанских асов, что могло быть только в случае их ближайшего этнического родства. При этом необходимо иметь в виду, что полного единства в культуре придонских и северокавказских алап может и не быть. Обитая в разной географической среде, находясь в окружении различных инородных племен, и те и другие могли иметь в своей культуре некоторые отличия.

Такое же совпадение раннесредневековых археологических памятников с памятниками Северного Кавказа наблюдается и в Крыму, где исторические источники констатируют пребывание алап. Например, земляные склепы большого могильника Чуфут-Кале имеют совершенно подобное северокавказским катакомбам устройство, что отмечалось выше. Ко времени позднего средневековья (XIII—XIV вв.) Чуфут-Кале под именем Кирк-Иера, по указанию Абульфеды, располагался «в стране асов».¹²¹ Известно, что к этому времени в Крыму оба этнонима «асы» и «аланы» были однозначны.

Такие же земляные склепы имеются в Скалистинском могильнике и в других районах Крыма, заселенных когда-то аланами.

Общность погребальных сооружений крымских асов-алапов с северокавказскими подтверждается и наличием в Крыму наскальных могильников, если мы правы в интерпретации сообщений о них И. Л. Эрнста, генерала Ф. А. Козена и, несомненно, идентичных северокавказским, наскальных могильников в Булганаке, на г. Опуке, и на зем-

ле Чапара, в окрестностях Керчи, по данным Дюбрюкса (см. о них главу VI).

Изложенный в главе VI материал о крымских погребениях важен для нас не потому, что он показывает пребывание алан в Крыму, так как этот вывод не нуждается в доказательствах. Он твердо обоснован и неоспоримо признан наукой. Нам в данном случае важно подчеркнуть, что асы Крыма и аланы Северного Кавказа этнически представляли собою одно целое, что подтверждается их общими погребальными обрядами.

* * *

Следует отметить еще одно наблюдение, сделанное в процессе изучения аланских погребальных сооружений.

В советской археологической литературе неоднократно высказывался взгляд, что в специфических условиях Кавказа погребальный обряд теряет значение этнического показателя. Впервые эту точку зрения высказал Е. И. Крупнов. «Если для археологических культур степной и лесостепной полосы, пишет он, такие признаки, как курганные, ямные, катакомбные погребения или погребения в срубах и т. д., могут являться признаками устойчивыми, характеризующими определенную культуру определенной эпохи, то в условиях Кавказа эти признаки, как правило, теряют свою устойчивость и исключительность... Очевидно, при изучении культур Кавказа необходимо учитывать специфику местных условий и раньше всего каменистость почвы, острый недостаток земли, что заставляло древнее население каждый мало-мальски сносный земельный участок использовать под пашню».¹²²

Так же пишет и Б. Н. Шейхов: «Нет сомнения, что погребальный обряд раннего средневековья неустойчив и не может характеризовать тот или иной этнический массив вследствие значительного взаимопроникновения племен... Погребальный обряд и погребальные сооружения VI—IX веков нашей эры на Северном Кавказе, не являясь чисто этническим показателем, сохраняет значение исторического источника для изучения общественной жизни и культуры племен Дагестана и Северного Кавказа».¹²³

Опираясь на эти высказывания и принимая во внимание, что «многие археологи связывают с аланами кроме катакомбных и другие типы погребений», Ю. С. Гаглов подвергает сомнению, «насколько правомерно только на основании распространения катакомбного обряда погребения».

бення решать вопрос о времени и условиях появления алан на Северном Кавказе?». ¹²⁴

На Северном Кавказе в могильниках действительно различные погребальные обряды. В частности, это характерно и для верхнего Прикубанья, городища Гиляч, где наблюдается не менее четырех различных погребальных обрядов, в Усть-Тебердинском могильнике тоже; различны они и в городищах Шьяклы-Сырт, Адиух, Кубина, Узун-Кол, Инджур-Гата и др. Но это явление, значительно усложняя изучение отмеченных памятников, не умаляет их значения как источника. Мы полностью поддерживаем точку зрения В. А. Кузнецова по этому вопросу. Опровергая взгляд, что на Северном Кавказе в эпоху раннего средневековья погребальный обряд настолько неустойчив, что не может быть этническим показателем, он утверждает «полноценность раннесредневекового погребального обряда как источника... Несмотря на кажущуюся путаницу, все же можно выделить большие группы погребальных памятников Северного Кавказа, объединяемых общими признаками». ¹²⁵ В том же смысле высказывается В. Б. Виноградов. ¹²⁶

В предыдущем изложении мы и пытались выделить группу памятников, объединенную общей конструкцией погребального сооружения, причем пришли к заключению, что так называемый катакомбный погребальный обряд в эпоху раннего средневековья на Северном Кавказе весьма устойчив. Он упорно удерживается как в равнинных, так и в горных местностях. Свыше трех десятков наскальных могильников, описанных выше, наглядно показывают, как боролось население тесных ущелий гор с безземельем, используя под могильники голые обрезы скал и кряжей. Однако и в этом случае общая конструкция погребального сооружения и погребальный ритуал оставался прежним — «катакомбным». Удерживается он в своих исконных традиционных формах на протяжении свыше тысячи лет (I—XII вв. н. э.). Особенно важно отметить, что мы наблюдаем тот же обряд и среди групп населения, оторванного от основной массы своих соплеменников — у алан Крыма, у асов Северного Донца и Дона. Эти последние, будучи в тесном окружении инородных племен, все же стойко сохраняли свой погребальный обряд в течение нескольких столетий. Пережитки его были заметны у них даже в половецкое время (XI—XIII вв. н. э.), о чем упоминалось выше. Такая устойчивость говорит об этнической самобытности, о глубоко племенном самосознании алан.

В главе V указывалось, что время изучаемых наскальных могильников может быть определено VI—XII вв. н. э. Возникает вопрос, почему именно в этот период появляются памятники, свидетельствующие о наиболее густом аланском населении в горах верхнего Прикубанья? Нет ли каких-либо археологических фактов на данной территории, объясняющих это явление? Несколько таких фактов мы считаем возможным указать, но в связи с этим мы вынуждены отвлечься от нашей прямой темы и рассмотреть археологические находки, связанные с появлением в верхнем Прикубанье тюркских племен.

В 1956 г. мы обследовали поселение на скалистом мысу при слиянии р. Узун-Кол и Уллу-Кам. Возле поселения был обнаружен могильник.¹²⁷ Он разделяется на две части. Первая группа могил расположена над дорогой, проходящей вдоль р. Узун-Кол. Погребальное сооружение этой группы могил представляет собою гробницу с выложенными битым камнем стенками, перекрытую сплошной каменной плитой или несколькими крупными плитами. Погребальный инвентарь состоит главным образом из предметов украшений и многочисленной глиняной посуды, среди которой имеются стеклянные кубки на высокой ножке. Черепа всех погребенных без исключения сильно деформированы. Эти погребения полностью повторяют собою погребения Гилячского могильника¹²⁸ и датируются временем III—V вв. н. э.

Вторая группа могил занимает верхнюю часть мыса у гранитной скалы, по лесистому крутому склону к р. Уллу-Кам. Здесь встречаются каменные гробницы тождественного с первой группой устройства и простые грунтовые ямы. Черепа с точно такой же деформацией, как и в могилах первой группы. Погребальный инвентарь по общему характеру тоже, несомненно, схож, хотя в нем появляются некоторые новые черты и новые формы. На основании довольно убедительных показаний погребального инвентаря могилы второй группы датируются VI—VII вв. н. э.

В данном случае нас особенно интересует одна из могил второй группы (могила № 11). В ней, наряду с обычными для могильника предметами украшений и характерной керамикой, оказались остатки конского убора: железные удила, пряжки от подпруги и железные стремяна.¹²⁹ В памятниках верховьев Кубани времени раннего средневековья принадлежности конского убора встречались не часто. Удила с прямыми псалиями были найдены в могиле № 33 могильника Байтал-Чапкан. В № 29 того же могильника они

оказались сильно изъеденными рважиной. В могиле № 18 Гилячского могильника обнаружены удила также с прямыми псалиями. Удила Узунколской могилы отличаются от них наличием псалий с плоским нижним концом и изогнутым верхним. Подобные находки встречались в древнейшей части Борисовского могильника.¹³⁰ Изогнутыми верхними концами и двумя прорезными отверстиями Узунколские псалии напоминают роговые псалии из Кудыргинской могилы № 1 раннетюркского времени.¹³¹ Особенно интересно для нас стремя из могилы № 11 Узун-Кол. Оно имеет плоскую подножку без наружного ребра и петлеобразное ушко в верху дужки. Такие стремена в памятниках Прикубанья появляются впервые. В курганах Прикубанья более позднего времени обычно встречаются стремена с прямоугольным прорезным ушком, как, например, в кургане № 10, у станции Тульской, раскопанном Н. И. Веселовским в 1897 г.,¹³² и в некоторых других местах.

Наибольшее количество стремян с петлеобразным ушком выявлено в Центральной Азии, на Алтае, в Южной Сибири. В Южной Сибири они, как писал С. В. Киселев, появляются уже в Таштыкское время.¹³³ Частой находкой, наряду с другими типами, такие стремена являлись в Кудыргинских могилах раннетюркского времени, по данным раскопок А. А. Гавриловой. В Хакасии же в могильнике Капчалы II все стремена, за исключением одного экземпляра, оказались с петлеобразным ушком. Могильник датируется по монете второй половиной IX в. н. э. Такие же стремена характерны и для могильника Капчалы I, датируемого VII—VIII вв. н. э. По словам В. П. Левашовой, этот тип стремян в Сибири, в частности у хакасов, дожил до наших дней.¹³⁴

В Западной Европе эта форма стремян впервые распространяется с VI в. в могильниках Венгрии.¹³⁵

В Подунавье такие стремена находились с золотыми монетами Юстина (518—527 гг.) и Фоки (602—610 гг.), в могиле аварского времени.¹³⁶ Встречались они и позднее, например, в Воскресенском кладе VIII в. н. э.¹³⁷

Несмотря на то, что данный тип стремян встречался и в Европе вплоть до Венгрии, основная масса их известна в Центральной Азии, Южной Сибири, на Алтае в тюркское время. Здесь они особенно рано появились, прочно и долго удерживались в быту населения. Это дает нам основание предполагать, что в предметах конского убора Узунколской могилы VI—VII вв. н. э. мы имеем древнейшее свидетельство проникновения в верхнее Прикубанье элементов культуры древнетюркских племен.

Могилу № 11 в Узун-Кол нельзя приписать тюркам. Население этого пункта остается прежним, на что указывают черепа с деформацией, характерной для предыдущего периода, ископные формы керамики; но в убранстве коня появляются новые формы (удила, стремена), связанные с культурой раннетюркских племен. Поэтому мы не можем констатировать появление новых этнических элементов в глубине гор, а только проникновение отдельных элементов материальной культуры тюрков.

В данной связи можно указать несколько каменных изваяний Ставрополя. В 1957 г. доцентом Ставропольского пединститута В. Г. Гниловским в южных окрестностях г. Ставрополя была обнаружена и доставлена в Ставропольский музей верхняя часть плоской стелы из местного камня-ракушечника. Лежала она на кургане, в настоящее время распаханном. Высота ее 0,72 м, ширина 0,42 м и толщина 0,12 м. Изображает он собою мужскую фигуру. Правая рука лежит на правом же плече (кисть руки не обозначена), левая лежит на поясе и держит сосуд в виде высокого стакана. На шее заметен кусок какого-то круглого прута, то ли это ворот одежды, то ли ожерелье. Под локтем правой руки обозначен узкий пояс с какой-то подвеской. Верхняя часть головы отбита, черты лица выявлены не четко, резко обозначен только рот (рис. 40, 1). Изображение высечено довольно грубо, что в значительной мере может обуславливаться низким качеством камня. Возможно, что по высоте изваяние сохранилось в своем первоначальном виде и изображало человеческую фигуру не в полный рост, так как основание стелы ровное и гладкое.

Известно, что обычай ставить каменные изваяния над могилами или возле них существовал у многих тюркских народов, населявших степи Восточной Европы, Центральную Азию, Алтай, Сибирь, Монголию. Среди изваяний кочевников южнорусских степей мы не можем указать аналогии данному ставропольскому изваянию. Так называемые каменные бабы половцев Восточной Европы значительно более совершенны по выработке. На них обычно весьма тщательно «прорисованы» не только детали одежды, украшения, но и черты лица. Строго выдержано положение рук, резко отличное от положения рук данного изваяния. Оно в целом много примитивнее половецких каменных баб.

Больше сходства оно имеет с изваяниями древнетюркских азиатских племен. Подобные встречались на Дулан-Дабане в Монголии.¹³⁸ Интересно замечание Л. И. Гумилева о том, что на среднем Улагане (Алтай) около квадратной

могилы обнаружена каменная фигура из красного мергеля. «Оружия на ней нет. Чашу она держит в левой руке, а правая лежит на поясе».¹³⁹ В ставропольском изваянии сосуд изображен также в левой руке и также отсутствует оружие, но правая рука лежит на правом плече, а не на поясе. Нам кажется, что его все же можно сопоставить с изваяниями древнетюркских племен VI—IX вв. Алтая, Монголии, Центральной Азии. Выработано изваяние на месте, в степях Ставрополя. Камень, по мнению специалистов, местного происхождения.

Среди каменных истуканов в Ставропольском краеведческом музее имеется еще одна небольшая из серого песчаника стела. Ее местонахождение не отражено в записях музея. По словам его бывшего научного сотрудника Л. Н. Глушкова, она была найдена рабочими на р. Кяфаре. Высота стелы 0,4 м, ширина 0,32 м и толщина 0,1 м. На лицевой ее стороне плоским низким рельефом изображены только руки. Первая рука держит на уровне живота за ручку сосунок бокаловидной формы. Кисть левой руки лежит на груди выше правой. На левой руке виден отворот очень широкого, низко спускающегося рукава одежды. Голова изображения и нижняя часть стелы отбиты (рис. 40, 2). Некоторую аналогию можно проследить и в серой гранитной плите, на которой рельефом передано изображение человека в просторном, свободно ниспадающем одеянии с широкими рукавами. Плита найдена в Иссык-Куле, в Пржевальском районе.¹⁴⁰ В Иссык-Куле, в с. Кочи найдена объемная статуя из серого гранита в кафтане с широкими свисающими рукавами.¹⁴¹ Там же обнаружена вторая объемная статуя из гранита с еще более широкими свисающими рукавами одежды.¹⁴² Положение рук у всех трех статуй одинаковое и не совпадающее со ставропольской стелой: правая рука держит сосуд на уровне груди, левая лежит на животе. Все эти статуи хранятся в Пржевальском городском музее. Некоторые изваяния Тувы, подобно ставропольской стеле, точно так же держат в правой руке сосунок с ручкой, но формы сосунок у них другие.¹⁴³ На основании этих, хотя и не совсем близких аналогий, возможно, что и эту стелу Ставропольского музея следует причислить к памятникам азиатских кочевников раннетюркского времени.

В 1939 г. при археологическом обследовании ущелья р. Б. Зеленчук, у входа в ущелье мы обнаружили две каменные статуи. Находились они на так называемой «длинной поляне», южнее села Нижней Ермоловки, на левой стороне Б. Зеленчука, против северной оконечности известного

Архызского городища. Плоская статуя высотой 2,2 м, высеченная из серого песчаника, изображает стоящую во весь рост мужскую фигуру с бокаловидным сосудом на уровне груди в правой руке и саблей, висящей на поясе, — в левой (рис. 41). Одежда воина состоит из рубашки со стоячим воротником и длинного кафтана с отложным воротом, низко подпоясанного. Головной убор в виде конического шлема. Лицо узкое длинное, нос прямой, рот не обозначен. Изображение тщательно высечено умелой рукой, все линии четкие, глубокие. Основание статуи, опущенное в землю приблизительно на 0,5 м, укреплено небольшой подсыпкой речной гальки и земли в виде бугорка. В 1955 г. статуя перевезена в Ставропольский краеведческий музей, где она и хранится в настоящее время. По всей вероятности, об этой статуе писал в 1870 г. Н. Каменев. «При выезде в ущелье р. Зеленчука найден был каменный истукан высотой в 5 аршин. Он изображал мужчину, у которого левая рука, приложенная к груди, держала сосуд вроде турьего рога, а правая покоилась на рукоятке сабли, привешенной в откинутой влево. На голове истукана был шишак».¹⁴⁴

Второе изваяние точно такого же вида валялось поодаль от первого на болотистом участке поляны. Голова его была отбита и лежала в стороне от туловища. В настоящее время оно утрачено.

Совершенно подобные статуи были открыты по р. Кырфар, в районе станицы Сторожевой.¹⁴⁵ От зеленчукской статуи их отличают только изображения небольших равноконечных крестов на головном уборе и плечах. Изображения крестов на этих статуях нам кажутся загадочными. Возможно, что кресты были высечены позднее, как предполагает В. А. Кузнецов.

Зеленчукская статуя не может быть причислена ни к разряду описанных выше стел, ни к разряду широко известных на Северном Кавказе половецких каменных баб. Как общий характер изваяния, так и детали, изображенные на нем, резко отличают ее от тех и других. Н. И. Веселовский по поводу статуй станицы Сторожевой, тождественных зеленчукской, но украшенных крестами, высказывался так: «Тип этих статуй совсем иной, чем у каменных баб. Какой народ воздвигал эти христианские памятники, мы точно еще не знаем, но во всяком случае не тюрки».¹⁴⁶

С последним положением едва ли можно согласиться, так как типологически статуи ст. Сторожевой и зеленчукская сближаются с каменными изваяниями Южной Сибири и соседних с ней областей Центральной Азии тюркского

времени. На этой территории широко распространены каменные статуи мужчин-воинов, держащих в правой руке на уровне груди сосуд, а в левой на поясе саблю или кинжал. По числу таких изваяний, по заключению А. Д. Грача, Тува занимает первое место в Центральной Азии.¹⁴⁷ Известны подобные изваяния и в Монголии, исследованные Л. А. Евтюховой.¹⁴⁸ Имеются они и в северной Киргизии, в местности Уйтал.¹⁴⁹

В последние годы появилась в печати книга Я. А. Шерс с опубликованием многочисленных древнетюркских каменных изваяний, распространенных в северных районах Средней Азии и на близлежащих территориях.¹⁵⁰ Автор работы подразделяет все подлежащие обзору изваяния на шесть групп. К первой группе, самой многочисленной, он относит мужские — с сосудом перед грудью в правой руке, левая опирается на саблю, меч или кинжал. Зеленчукская статуя, сближаясь в основных чертах (высокая, плоская, глубоко опущенная в землю, стоящая фигура воина, сосуд в правой руке и сабля, висящая на поясе, — в левой), в деталях изображения не совпадает с центральноазиатскими и сибирскими. Например, на ней не обозначены усы воина, что является обязательным признаком азиатских мужских изображений. Существенно различается одежда изображенных. Ни в одном случае на опубликованных многими авторами азиатских изваяниях не наблюдается такого кафтана с широко подшитыми бортами и ромбическими пуговицами. Покрой одежды является важным этнографическим признаком, поэтому мы должны отметить неполное совпадение нашей статуи с азиатскими, которые все упомянутые выше исследователи безоговорочно относят к памятникам кочевых тюркских племен. Какой народ мог оставить зеленчукскую статую, сказать трудно, но во всяком случае сильное влияние древнетюркских приемов выработки подобного рода памятников здесь на лицо. В этом смысле зеленчукскую статую мы можем принимать как новое свидетельство пребывания кочевников тюрков в предгорной области Прикубанья.

Не менее сложен вопрос о датировке зеленчукской статуи. В. А. Кузнецов относит каменные статуи верхнего Прикубанья, в том числе и зеленчукскую, к X—XII вв. По его мнению, статуи принадлежали какой-то группе кочевников тюрков, пришедших вместе с половцами из глубин Центральной и Средней Азии и осевших в районе Прикубанья.¹⁵¹

Изваяния Центральной Азии и Южной Сибири исследователи датируют, в общем, одним и тем периодом времени.

А. Д. Грач приходит к выводу, что основное количество фигур можно отнести к VII—VIII вв. н. э., наиболее поздние фигуры — к VIII—IX вв.¹⁵² Л. А. Евтюхова, отметив в начале своего труда, что среди многочисленных каменных изваяний, распространенных на территории Южной Сибири, особое место занимают изваяния, относящиеся к тюркскому времени, т. е. к VII—IX вв. н. э., в дальнейшем утверждает, что детали на изваяниях одновременны с курганами VII—IX вв. н. э. и что «каменные изваяния, очень близкие к описанным нами, постоянно встречаются при погребальных сооружениях знати орхонских тюрков VII—VIII вв.»¹⁵³ А. Н. Бернштам причисляет каменные изваяния северной Киргизии к памятникам западно-тюркского каганата VI—VIII вв. н. э.¹⁵⁴

Местонахождение зеленчукской статуи никаких хронологических показаний не дает. В этом смысле возможно лишь использовать реалии изображения — саблю и сосудик. До VII в. н. э. сабля была неизвестна в комплексе вооружения конника воина.¹⁵⁵ Я. А. Шер, изучая каменные изваяния Семиречья, пришел к выводу, что для датировки сабель, изображенных на изваяниях, большое значение имеют формы рукоятей сабель. Петлевидные навершия рукоятей, по его мнению, являются датирующим признаком. Сабли с таким навершием в значительном количестве встречаются на территории Венгрии в аварских могильниках VII в. Единственный экземпляр на территории Восточной Европы известен в Перещепинском кладе также VII в.¹⁵⁶ Учитывая эти положения, мы можем заключить, что сабля нашей статуи должна датироваться временем позднее VII в. Этим определяется нижняя ее дата. Верхняя — для нас не ясна. Сабли бытуют довольно поздно. В половецких погребениях южнорусских степей они встречаются часто, но на «каменных бабах» половцев изображения сабель отсутствуют.¹⁵⁷

Бокаловидный сосудик (второй предмет, изображенный на статуе) на тонкой высокой ножке в погребениях верхнего Прикубанья встречается с III в. Они всегда здесь стеклянные (Узун-Кол, Гиляч, Адиух и др.). До какого времени они бытуют на данной территории, — не знаем.

Покрой одежды, переданный на изображении, мог бы дать веские хронологические показания, но за отсутствием у нас сравнительного материала мы не можем использовать этот аргумент. Нам думается, что зеленчукскую статую возможно пока датировать поздним периодом азиатских каменных изваяний — VIII—IX вв. н. э., с которыми она совпадает в основных своих признаках. Она отмечает после-

дующий по сравнению с вышеописанными стелами (рис. 40) этап в истории проникновения в верхнее Прикубанье тюркских элементов культуры.

Как свидетельство проникновения культуры древнетюркских племен в предгорья Северного Кавказа можно рассматривать факт обнаружения тюркских рунических надписей на Хумаринском городище. В 1960 г. для строительства скотофермы брали камень из стены цитадели в северной части городища и при этом рабочие обнаружили плиты с неизвестными надписями. В том же году плиты были вывезены В. А. Кузнецовым в Москву, в институт археологии АН СССР.¹⁵⁸

Среди плит с надписями, опубликованными В. А. Кузнецовым, отсутствует одна довольно крупная (длина 1 м, ширина 0,6 м и толщина 0,18 м), с пространной надписью, расположенной под прямым углом. Это, по словам учителя школы шахты № 6 С. Д. Мастепанова, был первый подобный памятник, открытый на Хумаринском городище. С. Д. Мастепанов, часто посещая городище со своими учениками, зарисовал, к сожалению, только надпись, а не плиту целиком; копию с его зарисовки мы передаем на рис. 39. Плита эта вскоре после ее открытия была утрачена. По всей вероятности, она была разбита и использована для строительства скотофермы. Начертания знаков на ней вполне совпадают с изданными хумаринскими надписями. В. А. Кузнецов указывает, что древнетюркская принадлежность хумаринских рун по формальным признакам устанавливается достаточно определенно. По заключению А. М. Щербака, хумаринские надписи относятся к числу западнотюркских рунических. Время их В. А. Кузнецов определяет X—XI вв. н. э. и считает, что они относятся к периоду строительства крепости, а не высечены позднее, на том основании, что плиты были обращены надписями внутрь стены. Об этом нам неоднократно приходилось слышать и от местных жителей, поэтому мы сомневаемся в том, что надписи относятся к периоду строительства крепости. Зачем было их высекать и обращать внутрь стены, чтобы их никто не видел и не читал? Со своей стороны мы допускаем предположение, что хумаринские плиты с надписями находились во вторичном использовании. Высекались они не для хумаринской цитадели, а появлялись здесь в качестве строительного материала откуда-то извне. Если это так, то во всяком случае место их первоначального происхождения не могло быть слишком удаленным от Хумары, скорее всего они лежали где-то поблизости, в предгорьях.

Надпись, которую мы передаем на рис. 39, по-видимому, располагалась вдоль смыкающихся под прямым углом сторон плиты, подобно надписи на плите VIII в. из Асхете в Монголии с изображениями трех умерших.¹⁵⁹ Возможно, что и на хумаринской плите письма окружали какие-либо неясные изображения, не замеченные С. Д. Мастепановым. Плита из Асхете была вкопана с восточной стороны тюркского поминального сооружения — ограда. Не происходят ли плиты Хумаринской цитадели из древнетюркских погребальных сооружений, располагавшихся где-то поблизости от Хумары? Тогда стало бы ясно, почему надписи были обращены внутрь стены и почему на крупном, сильно укрепленном городище могли оказаться письма кочевых племен. Разумеется, что все это высказывается нами в сугубо предположительной форме, так как надписи еще полностью не прочитаны, а городище и его цитадель археологически не исследованы. В настоящее время можно лишь с уверенностью отметить, что Хумаринское городище значительно отличается от других известных нам городищ верхнего Прикубанья. Оригинальна кладка стены его цитадели тычком и ложком, не встречающаяся на других прикубанских городищах. Тамгообразные знаки на тщательно отесанных квадратах обводной стены служат показателем высокой организации производства у строителей городища. В. А. Кузнецов связывает эти знаки со знаками из Саркела и Маяцкого городища. На основании знаков и керамики он датирует городище X—XI вв. Такая дата допустима, хотя и недостаточно аргументирована. Необходимы более глубокие археологические исследования городища, чем то сделано до сих пор, чтобы более прочно ее обосновать.

Наконец последний факт, утверждающий пребывание тюркских племен на Северном Кавказе, в том числе и в Прикубанье, это половецкие памятники. Если для более ранних периодов мы могли указать единичные предметы, то для половецкого времени мы располагаем многочисленными и разных категорий памятниками. Сюда относятся так называемые «каменные бабы», погребения в курганах и случайные находки. Охарактеризуем коротко эти памятники, так как подробное описание их дано нами в одной из печатных статей.¹⁶⁰ Первые сведения о каменных бабах в степях Северного Кавказа мы получаем из рассказа очевидца турецко-татарского похода к Азову и Астрахани в 1569 г. Автор отмечает каменные бабы в Прикумских степях, вблизи развалин золотоордынского города Маджары. «И везде в полях, говорит он, стоят яко человеки по древне-

му обычаю от камня соделанные, по тыя камни уже мхом поростоша.»¹⁶¹ «Каменные болваны» указываются по р. Калаусу, где-то вблизи Маныча, в «Книге Большому Чертежу.»¹⁶² Обстоятельные сведения о каменных бабах сообщает Гильденштедт.¹⁶³ Он отмечает каменное изваяние женщины в сложном головном уборе с ожерельем на шее, с сосудом в руках, стоявшее на небольшом кургане на р. Ташле, притоке р. Егорлыка. На расстоянии пяти верст к северо-западу стояла другая, мужская статуя. Такие же статуи он видел на северной стороне Бибалы (р. Буйвола, левый приток р. Кумы) и на правой стороне р. Кумы, южнее Маджара. Другой известный путешественник по Кавказу, Клапрот, встречал каменные истуканы по р. Куме и по Манычу.¹⁶⁴

Около ста лет тому назад исследователи, изучавшие археологические памятники Северного Кавказа, отмечали, что «на курганах Ставропольской губернии нередко встречаются истуканы, так называемые бабы, высеченные из дикого камня и изображающие женщину монгольского типа, в сидячем положении, со сложенными у пояса руками, которые держат сосуд. Подобные статуи были также найдены на рр. Ташле, Донгузле, Буйволе, Куме и во многих других местах предкавказских степей».¹⁶⁵

На территории степной части Ставропольского края нам пришлось зафиксировать свыше сорока пунктов, где стояли или еще стоят каменные изваяния, не считая указанных очевидцем турецко-татарского похода и в «Книге Большому Чертежу». Группируются они главным образом в бассейнах рек Егорлыка, Урупа, Калауса, Кумы вплоть до ее верховьев. Встречаются они и западнее — в Краснодарском крае и восточнее — в северном Дагестане. Первоначально их количество было значительно больше. В последующее время эти памятники интенсивно разрушались. Они разрушаются до сих пор. В январе 1844 года в Кавказское Областное Правление поступило отношение Министра Внутренних Дел, в котором говорилось: «Имея сведения, что каменные изваяния грубой работы, в разных видах, называемых в простонародии бабами, которые в недавнем еще времени во множестве стояли на степных могилах и курганах, особенно в полуденной России, ныне время от времени исчезают, просит доставить ему подробные сведения, где в Кавказской области находят еще таковые каменные бабы на могилах или курганах»...¹⁶⁶ Дело о каменных бабах тянулось свыше двух лет. В августе 1846 г. в канцелярию начальника Кавказской области от гражданского губернато-

ра поступило донесение о местонахождении каменных баб, в котором, между прочим, было сказано: «Сверх того у разных жителей во всех селениях имеются подобные каменные фигуры для столбов в воротах и в другом употреблении»...¹⁶⁷ Приведенные архивные данные показывают, как быстро исчезали с лица земли каменные статуи.

Типологически эти изваяния настолько характерны, настолько подобны половецким каменным бабам южнорусских степей, что в принадлежности их к половецким памятникам нельзя сомневаться. Многочисленные аналогии им можно найти в собраниях Армавирского, Краснодарского, Новочеркасского, Таганрогского, Джановского, Днепропетровского музеев. Часть из них издана С. А. Плетневой.¹⁶⁸ Хорошо сохранившуюся статую из крымских находок, совершенно подобную статуе Пятигорского музея из села Новоблагодарного (в Бештаугорье) и статуе из окрестностей Пятигорска, хранящейся ныне в музее г. Тбилиси, опубликовал Ю. Кулаковский.¹⁶⁹ Встречались подобные изваяния во множестве во всех тех местах Восточной Европы, где были кочевья половцев.

В настоящее время в Предкавказье кроме каменных баб известны и половецкие погребения. Некоторые из них заходят довольно глубоко в предгорья. Например три погребения под невысокими курганными насыпями были нами раскопаны в 1956 г. близ с. Кубины, километров тридцать южнее г. Черкесска. Лежали они в неглубоких грунтовых ямах, обставленных камнями, и сопровождалась костями коня.¹⁷⁰ В 1962 г. А. Л. Нечитайло обнаружено половецкое погребение в станице Усть-Джегутинской. Половецкое погребение случайно было открыто в 1954 г. в с. Подлужном, близ г. Ставрополя. На южной окраине аула Икон-Халк, на р. Малом Зеленчуке, Е. П. Алексеевой исследовано половецкое погребение.¹⁷¹ Такое же погребение оказалось у колонии Константиновки, под Пятигорском,¹⁷² и в некоторых других местах.

В Предкавказье известны и отдельные находки половецких украшений. В 1886 г. у села Здвиженского (с. Воздвиженское Ставропольского края) при случайной раскопке кургана нашли две золотые серьги из толстого кольца с насаженной на нем полый биконической бусиной. И. Толстой и Н. Кондаков считали данный тип серег специфически половецкими XII—XIII вв. Подобные серьги, по их словам, находились на территории, занятой половецкими кочевьями,— в южнорусских степях и в степях центральной Европы.¹⁷³ Серебряные серьги такого же типа были найде-

ны на городище Маджара, на Тереке в раскопках Владимиrowa в 1898 г., в Осетии.¹⁷⁴ Наличие такого большого количества памятников дает возможность с несомненностью утверждать, что в XI—XIII вв. степи Предкавказья были освоены половцами.

Таким образом, мы видим, что начиная с VI—VII вв. н. э. в верхнее Прикубанье постепенно проникают элементы материальной культуры кочевников Центральной и Средней Азии. Нарастая количественно к XI—XIII вв., ко времени половцев, они густо рассеиваются по Предкавказским степям от Черного до Каспийского морей, свидетельствуя о том, что Северный Кавказ являлся одним из центров половецких кочевий с многочисленным, по-видимому, населением... Такое положение подтверждается и тем, что в топонимике Северного Кавказа сохранились названия рек (Кубань, Кума), связанные с термином «куманы» — половцы,¹⁷⁵ и что до настоящего времени здесь удерживаются живые носители половецкого языка — карачаевцы и балкарцы.

Рассмотренные археологические данные стоят в полном соответствии с историческими свидетельствами о пребывании на Северном Кавказе азиатских кочевых племен, среди которых виднейшую роль играли тюркские племена. Анализ этих исторических источников с исчерпывающей полнотой и глубиной дан в капитальном труде М. И. Артамонова «История хазар», Л., 1962. Не считая нужным повторять здесь исторические свидетельства, много раз обсуждавшиеся в специальной литературе и в большинстве своем общеизвестные, мы ограничимся кратким изложением установленных наукой фактов из истории сменявших друг друга на Северном Кавказе азиатских кочевников в эпоху раннего средневековья.

Первым тюркоязычным народом, появившимся в степях Восточной Европы, были гунны. Аммиан Марцеллин, писатель IV в. н. э., знает гуннов за «Меотийским болотом» (Азовским морем). Первое несомненное выступление гуннов на Кавказе, как пишет М. И. Артамонов, относится к 395 г., хотя не исключена возможность появления их в восточной части Прикавказской степи еще в первой половине IV в.¹⁷⁶ Во второй половине V века в степях Северного Кавказа засвидетельствованы сарагуры. Сарагуры и другие с ними племена предприняли поход против Ирана и, вторгшись через Дарьял в Закавказье, стали опустошать Иверию и тревожить нападениями армян.¹⁷⁷ После похода в Закавказье они исчезают из поля зрения

истории. Видимо, они перестали играть руководящую роль среди кочевых племен в степях Северного Кавказа. М. И. Артамонов допускает предположение, «что крушение сарагурского союза связано с вторжением савир, которые, вытеснив их вместе с оногурами и другими племенами из Западной Сибири и Южного Приуралья, сами вслед за ними явились в степи Северного Предкавказья».¹⁷⁸ Савирами в степях Предкавказья в VI в. было создано крупное объединение кочевых племен.¹⁷⁹

В 567—571 гг. древние тюрки, тюркюты, как их называют, покорили Северный Кавказ.¹⁸⁰ По заключению Л. Н. Гумилева, с появлением тюркютов впервые заявили о своем существовании хазары. Они поддержали немногочисленные тюркютские отряды и обеспечили их господство в Прикаспийских и Северокавказских степях. К началу VIII в. Хазария превратилась в мощную державу, объединившую всю юго-восточную Европу и обширные степи Северного Кавказа на пространстве от Черного до Каспийского морей.

В середине VI в. в степях Восточной Европы появился новый крупный союз кочевых племен, возглавленный аварской ордой. В союз входили не только тюркские племена, игравшие, по-видимому, в нем основную роль, но и монгольские и финно-угорские племена. Захватив степи между Азовским и Каспийским морями, авары завязали дружественные связи с северокавказскими апалами и, вероятно, через их земли отдельные группы авар вторглись на территорию Кавказа и ограбили и опустошили ряд его областей. Но в 70-х годах авары встретили ожесточенное сопротивление грузинских войск царя Гурама и только под давлением Византии Грузия согласилась на мир с аварами и предоставила им земельные участки для расселения.¹⁸¹

Во второй половине VI в. в Приазовье образовался союз кочевых племен, во главе которого стали пришельцы из Азии тюркоязычные племена болгары. Наибольшего могущества союз достиг при князе Кубрате. Со смертью Кубрата, в результате борьбы за власть, земли и племена союза Кубрата были поделены между двумя его сыновьями Батбаем и Аспарухом. Батбай возглавил кубанских болгар, а Аспарух встал во главе орды, кочевавшей в верховьях Кубани, на Ставропольской возвышенности.¹⁸² Обе эти орды не смогли устоять против хазар. Разгромленные хазарами, болгары во главе с Аспарухом прошли на запад и остановились в дельте Дуная.

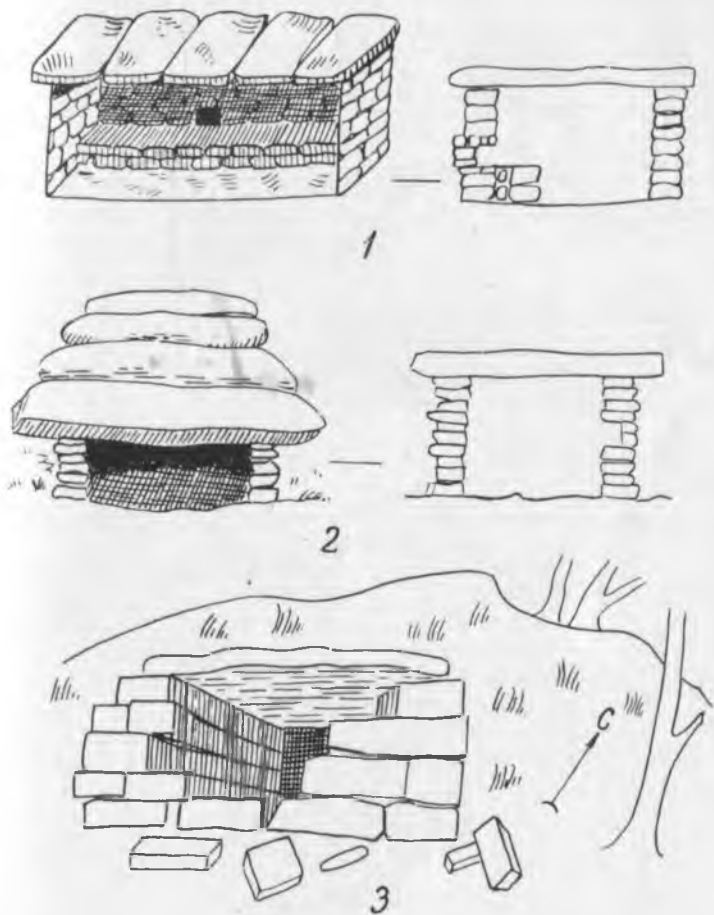
Проблема о болгарях на Северном Кавказе является одной из актуальных проблем в северокавказской археологии. В советской археологической литературе широкую популярность получила гипотеза о том, что керамика котлов с внутренними ушками для подвешивания их над очагом является специфически болгарской утварью, приспособленной для кочевнического быта.

Форма этой керамики также специфическая. Это шаровидные или слегка удлиненные котлы. В крае котла в двух противоположных местах протыкалось одно или два рядом отверстия для продевания какого-либо шнура, на котором котел подвешивался над очагом.

Советские археологи, изучавшие Салтово-маяцкую культуру, Н. Я. Мерперт, И. И. Ляпушкин, наметили в ней два варианта — северный и южный. Глиняные котлы VIII—IX вв. они относят к южному варианту — древнеболгарскому.¹⁸³ Эту точку зрения восприняли другие исследователи: С. А. Плетнева, Е. П. Алексеева, В. А. Кузнецов. Последний в статье, посвященной глиняным котлам с внутренними ушками, приходит к заключению, что глиняные котлы Северного Кавказа могли появиться и употребляться скорее всего в древнеболгарской среде. «Ареал глиняных котлов близко совпадает с исторической территорией, на которой находились древнеболгарские племена».¹⁸⁴ В своей позднейшей работе В. А. Кузнецов объясняет причину исчезновения катакомбных могильников VIII—IX вв. из района Кисловодска появлением здесь болгарского населения, засвидетельствованное появлением большого количества котлов с внутренними ушками. «На поселениях VIII—X вв. в районе Кисловодска найдено уже около 150 фрагментов подвесных глиняных котлов с внутренними ушками. Они совершенно не типичны для алан, и на Северном Кавказе их можно связывать с болгарями. Можно предположить, что сюда передвинулась четвертая тюркоязычная болгарская орда после распада «великой Болгарии» Кубрата во второй половине VII в.»¹⁸⁵ Таким образом, мы видим, что котлы с внутренними ушками рассматриваются автором как этнический показатель. Интересно замечание, что котлы не типичны для алан.

Об отсутствии котлов с внутренними ушками у алан говорит и С. А. Плетнева.¹⁸⁶

Такой взгляд нам кажется ошибочным, так как котлы

Р и с. 1. Могильные сооружения верховьев Кубани в эпоху раннего средневековья:

1—Узун-Кол, 2—Гияляч, 3—М. Гияляч.

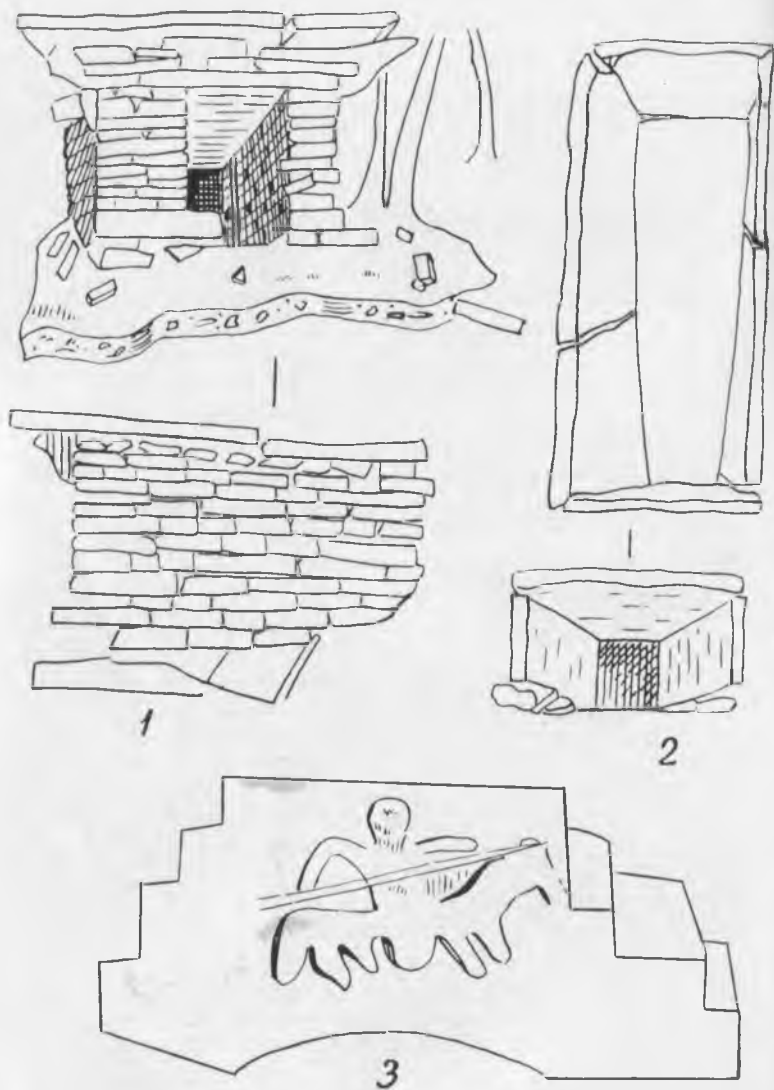

Рис. 2. Могильные сооружения верховьев Кубани в эпоху раннего средневековья:

1—Гиляч, 2—Инджур-Гата, 3—Гиляч.

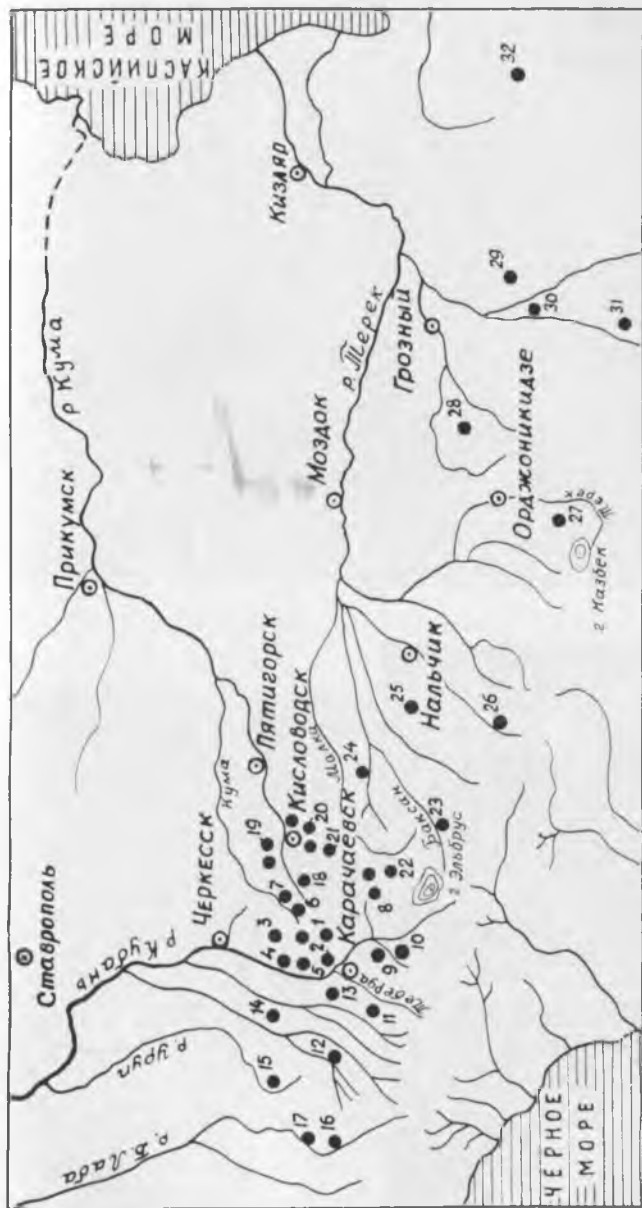

Рис. 3. Карта распространения наскальных могильников на Северном Кавказе.

Фото 4. Могильник
в балке Шубшурук;
1.—Общий вид могильника;

2.—входы-лазы в погребальные камеры.

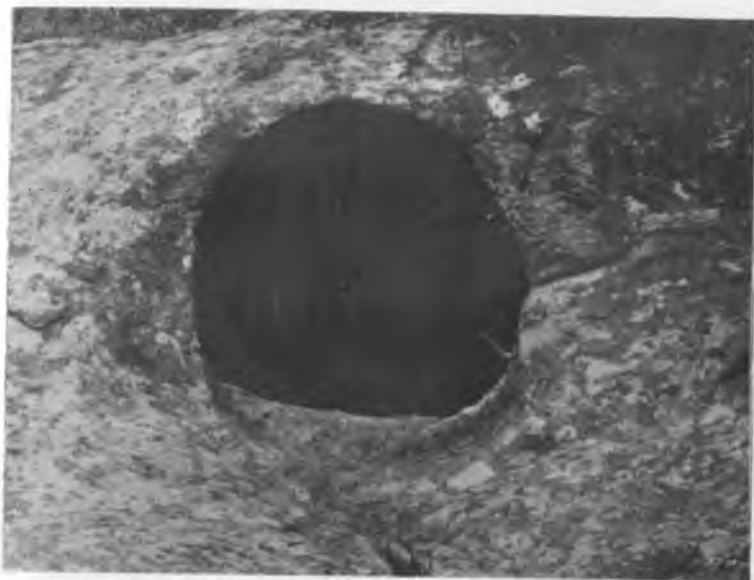

Фото 5. Входные отверстия могильника Шубшурук.

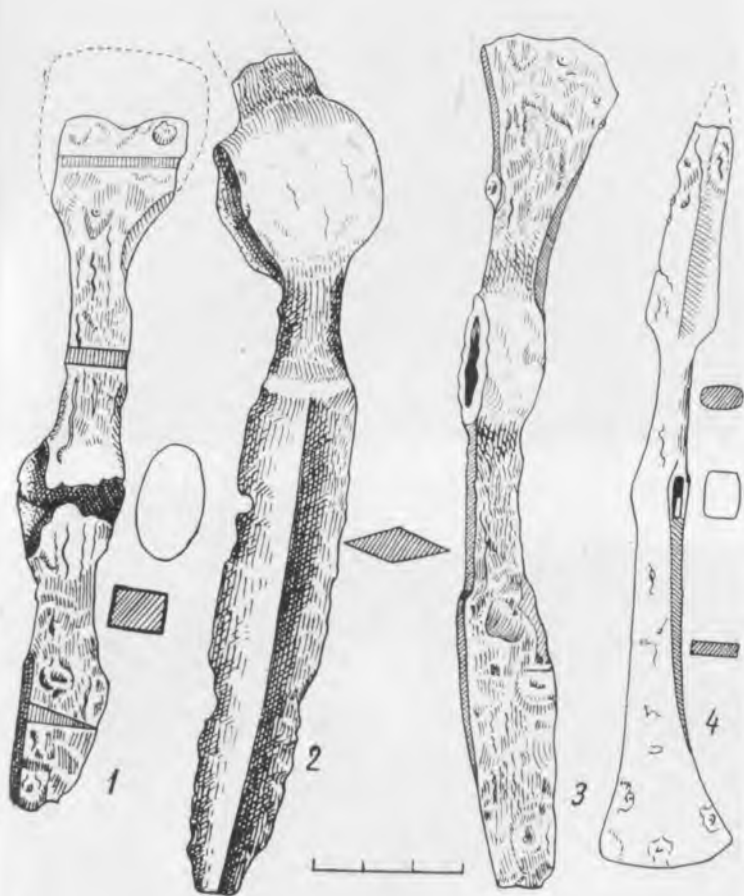

Рис. 6.

1, 2—железные секиры из могильника Шубшурука; 3—железная секира из городища Гиляч; железная секира из окрестностей Карачаевска.

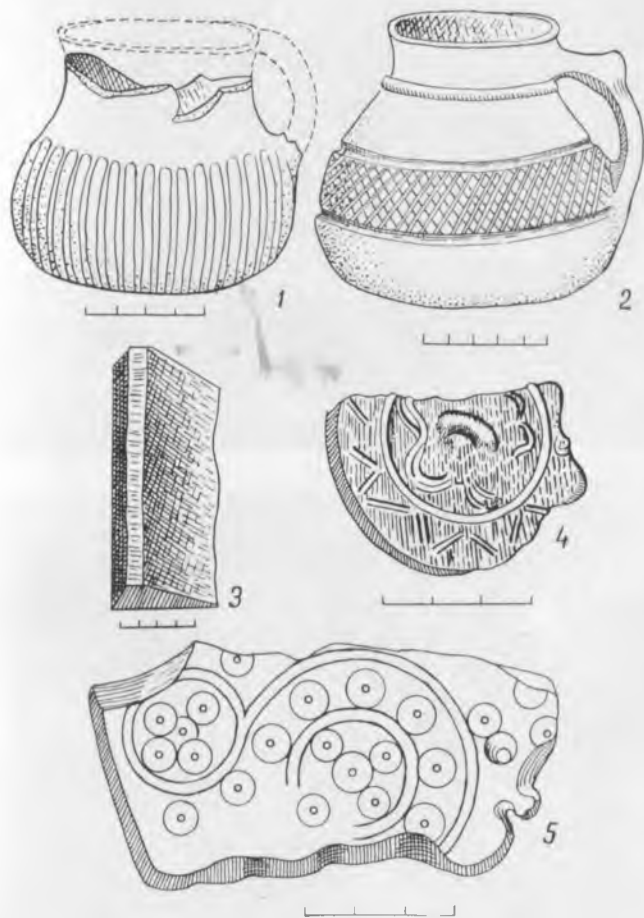

Рис. 7. Находки в погребальных камерах могильника Шубшурук: 1, 2—горшочки; 3—дерезянный брусок; 4—бронзовое зеркало; 5—деревянная пластина.

Фото 8. Входы в погребальные камеры могильника Кубранской балки.

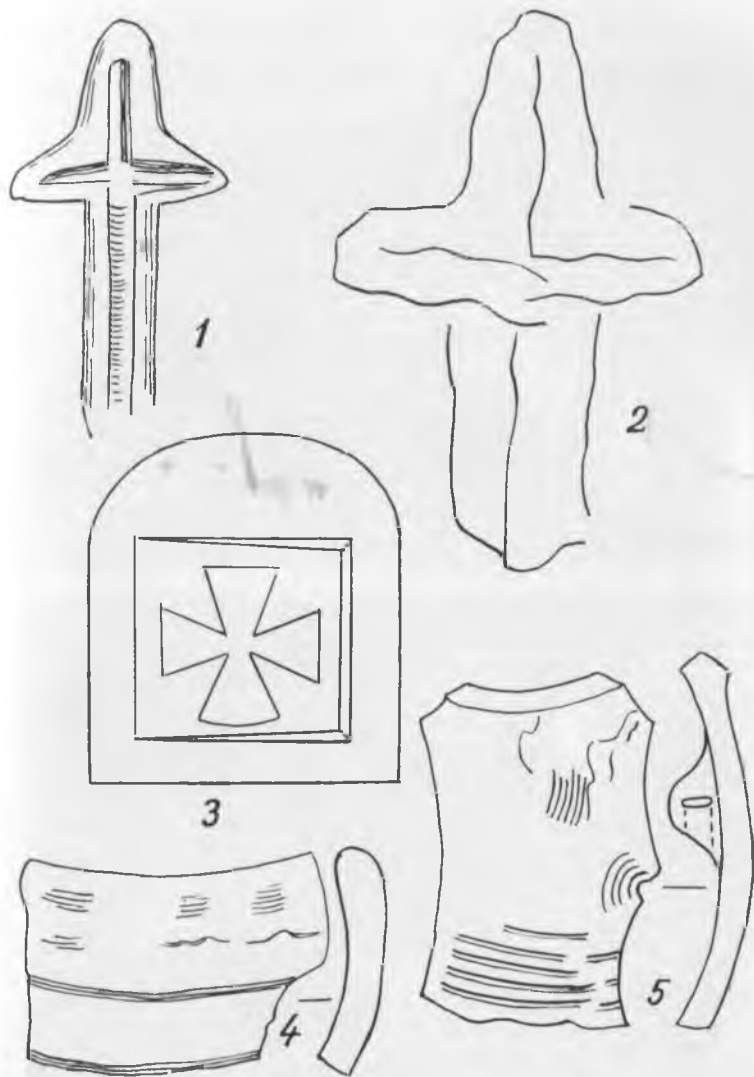

Рис. 9.

1, 2—изображения крестов в могильнике Токмак-Кая; 3—плита из Кубранской балки; 4, 5—обломки глиняных котлов с поселения Шубшурук.

Фото 10. Могильник Токмак-Кая № 1:

1 — карниз с «пещерками», 2 — группа могил на южном конце карниза.

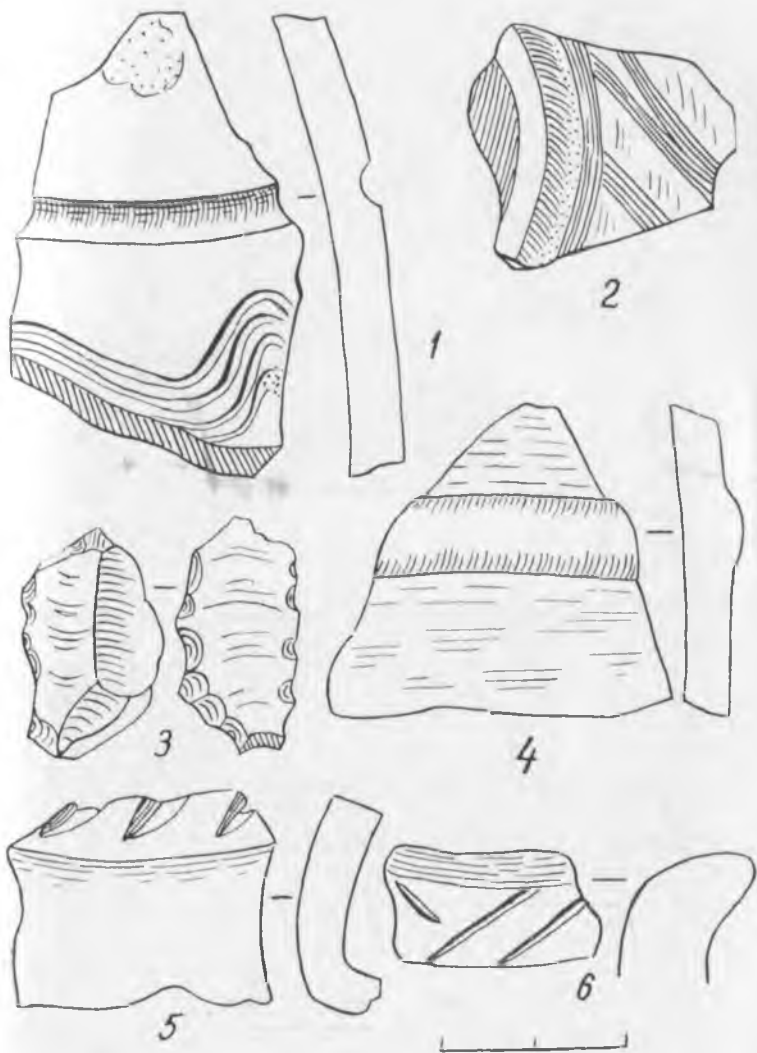

Рис. 11. Керамика с поселения близ могильника Такмак-Кая.

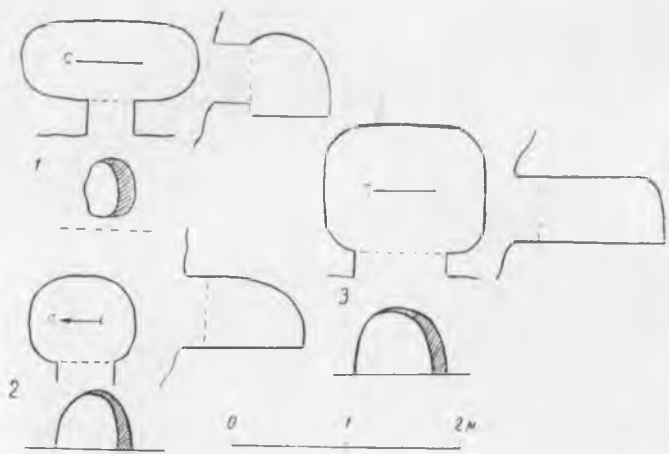

Рис. 12. Планы и профили могил в могильнике Токмак-Кая № 1.

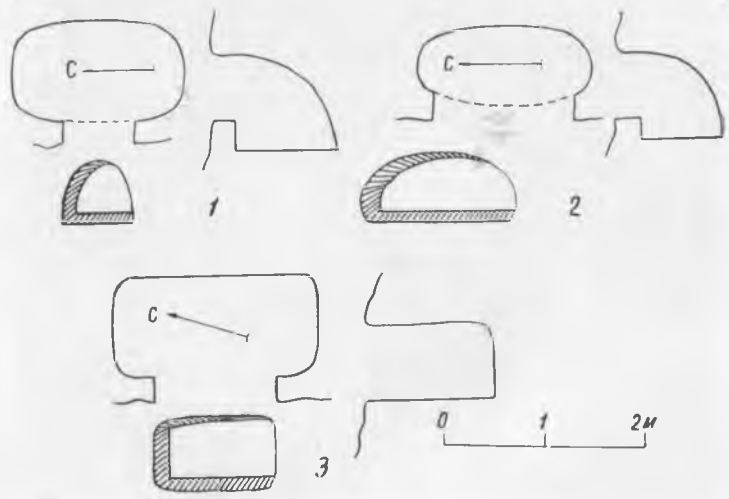

Рис. 13. Планы и профили могил в балке Гнакызы.

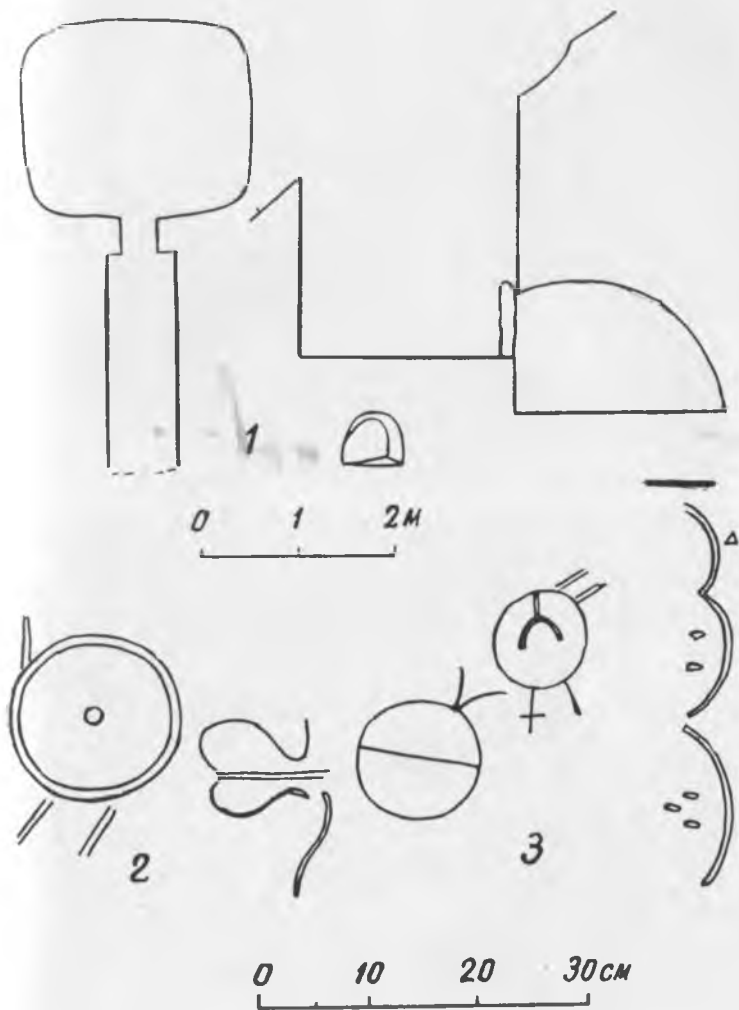

Рис. 14. Могильник Токмак-Кая № 2.

1—план и профиль катакомбы; 2—соллярный знак; 3—тамгообразные знаки.

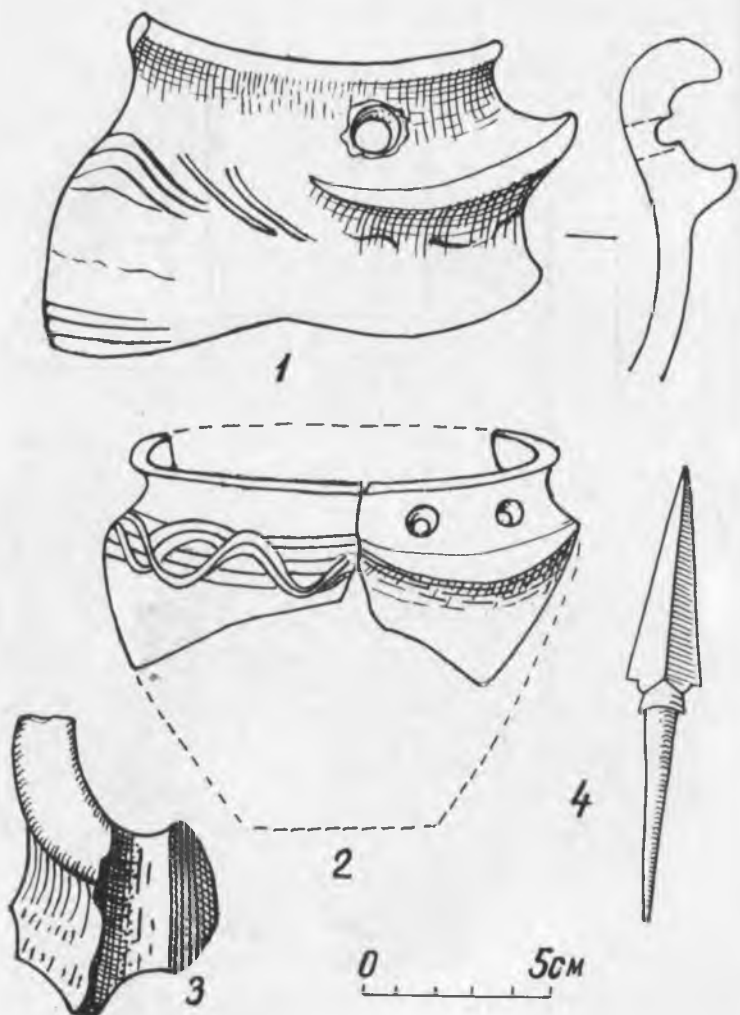

Рис. 15. Находки в могильнике Токмак-Кая № 2.

Фото 16.

1—могильник балчи Инал; 2—общий вид могильника Ахмет-Кая.

Фото 17. Тамговые знаки вблизи погребальных камер
могильника Гнакызы.

Фото 18. Могильник на р. Эмурке:

1—общий вид могильника; 2—входное отверстие в одной из могил.

Фото 19. Могильник у истоков р. Индыш.

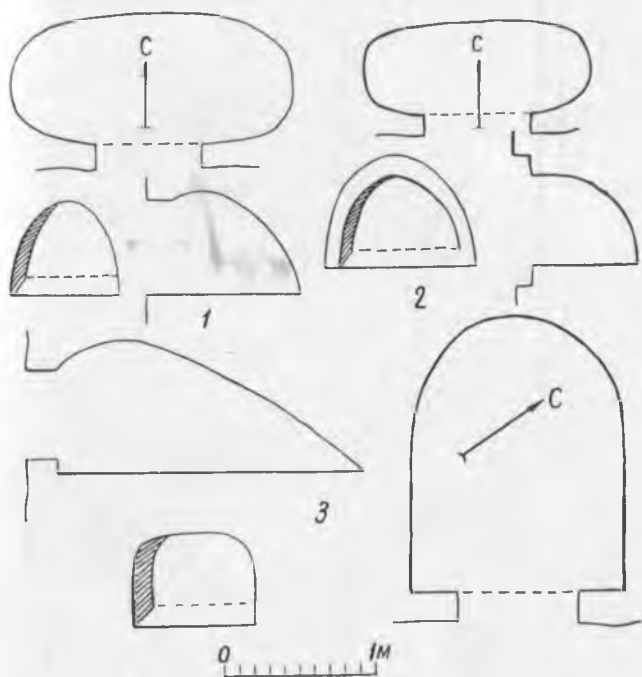
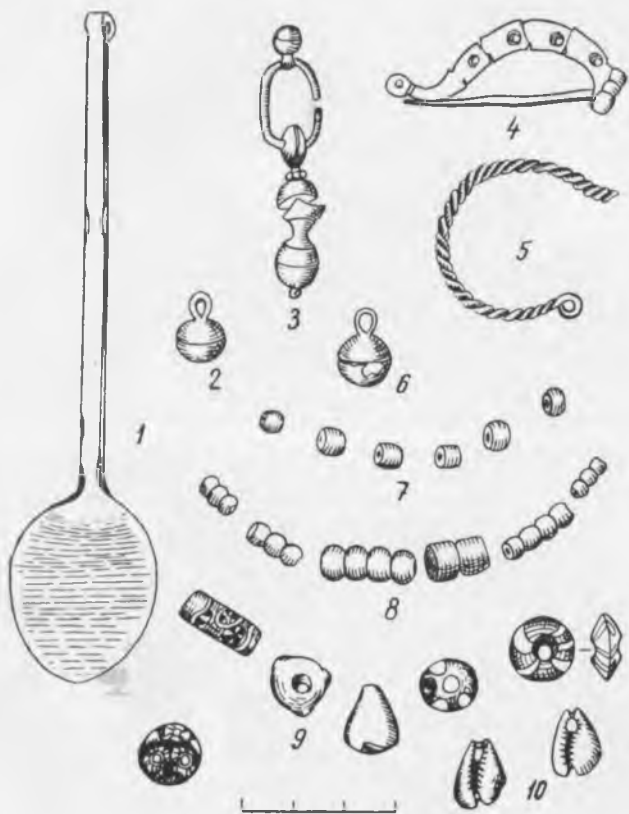

Рис. 20. Планы и профили могил в могильнике у истоков р. Индыш.

Р и с. 21. Инвентарь погребения в наскальной катакомбе на р. М. Гиляч.

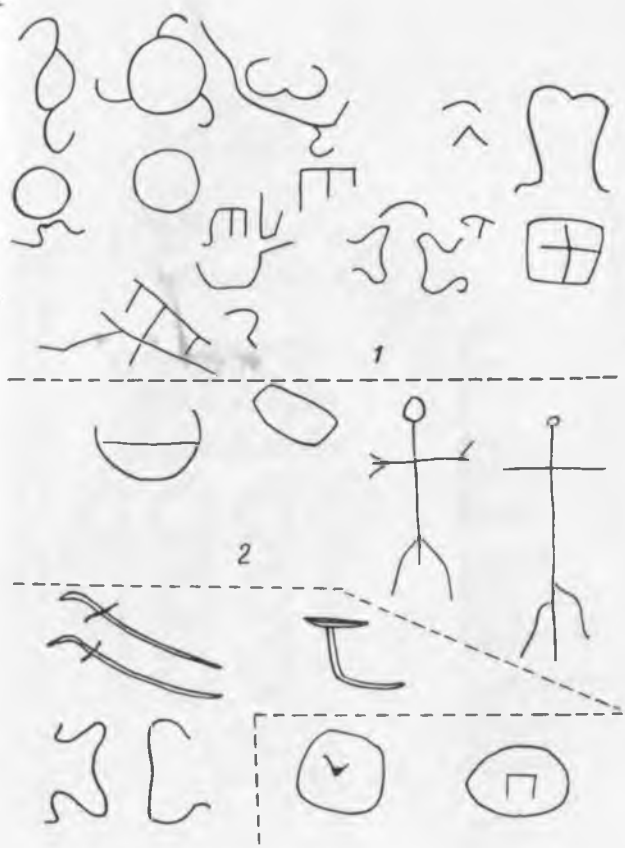
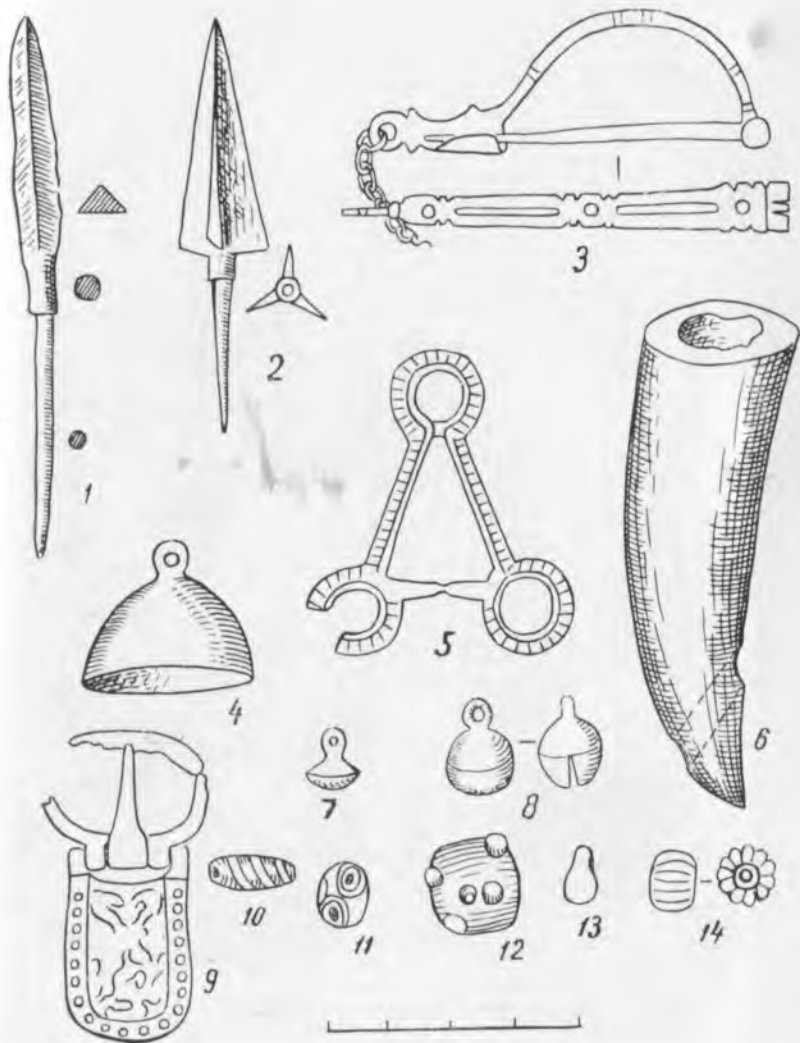

Рис. 22. Тамговые знаки в могильнике Крейла.

Handwritten symbols in a stylized, blocky script, possibly representing a form of ancient or indigenous writing. The symbols are arranged in a single line and include various geometric shapes and patterns.

A collection of handwritten symbols, including a vertical column of three vertical lines with dots, a horizontal line with a wavy pattern, and several other complex, stylized symbols. These symbols are arranged in a single line and include various geometric shapes and patterns.

Р и с. 23. Знаки на скале Хасаутского могильника,
написанные охрой.

Р и с. 24. Инвентарь могил Хасаутского могильника, исследованных М. М. Ковалевским.

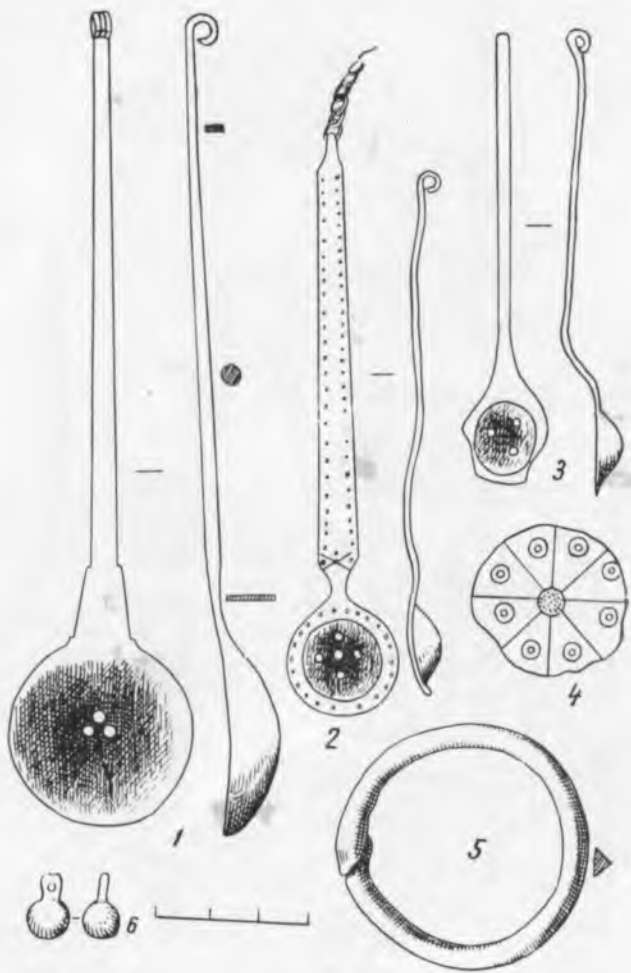
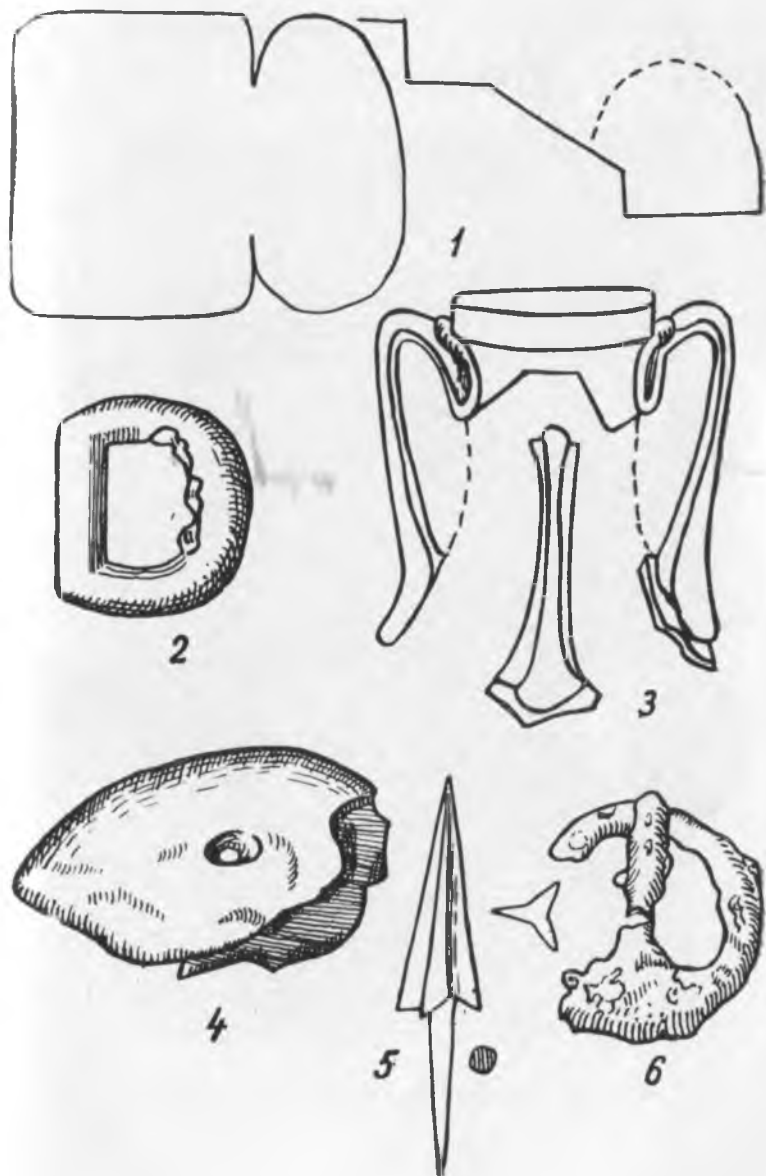

Рис. 25. Инвентарь могил Хасаутского могильника, исследованных М. М. Ковалевским.

Р и с. 26. Усть-Джегута. Курган 41, погребение 4.

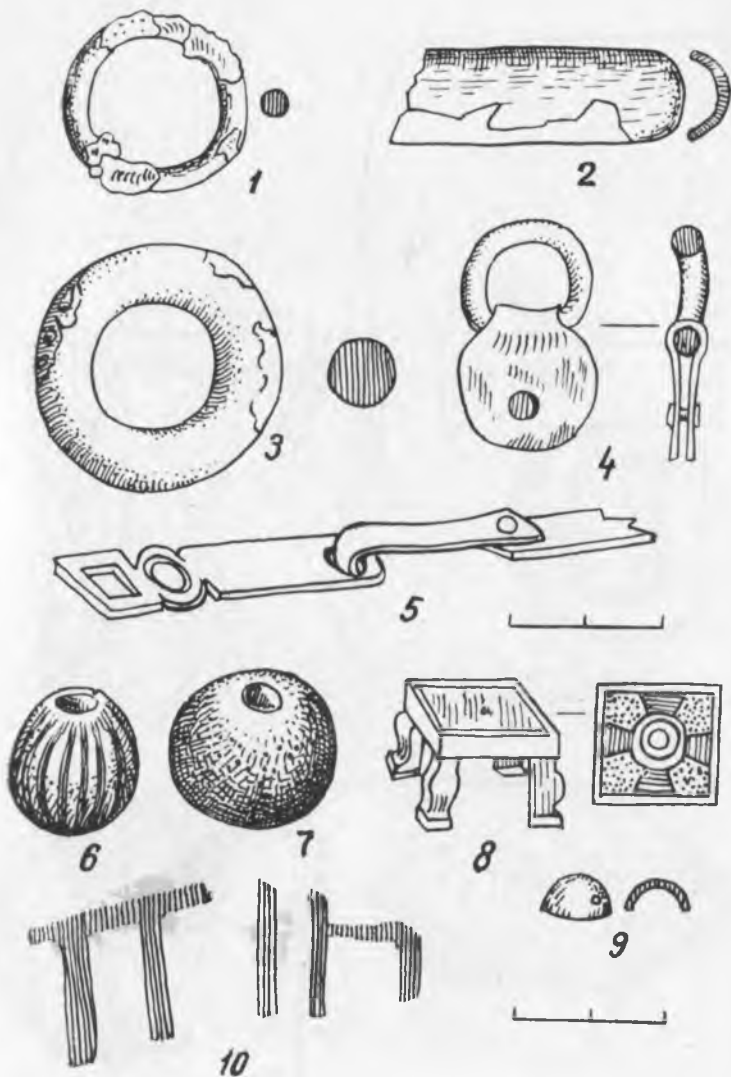

Рис. 27. Усть-Джегута. Курган 41, погребение 4

Фото 28. Амфоры во входной яме Усть-Джегутинской катакомбы

Фото 29. Амфора из Усть-Джегутинской катакомбы.

Ф о т о 30.

1—костяк погребенного в Усть-Джегутинской катакомбе; 2—костяк лошади под насыпью Усть-Джегутинского кургана.

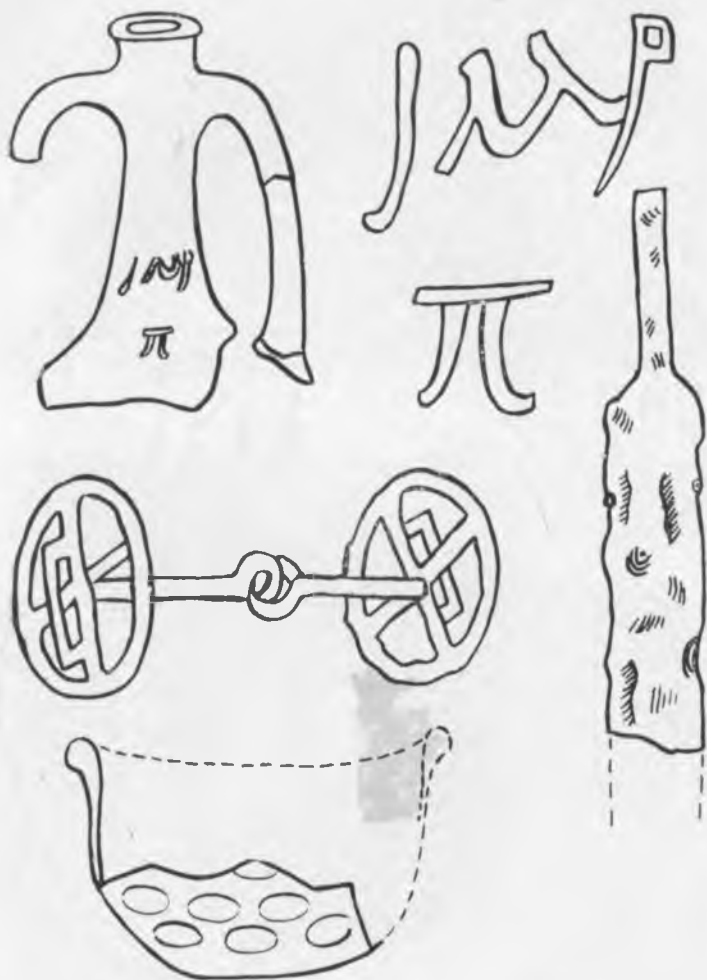

Фото 31.

1—глиняная миска из катакомбы; 2—стеклянный стакан из катакомбы.

Р и с. 32. Инвентарь катакомбного погребения близ Зеленокумска.

Р и с. 33. Вещи из курганов близ аула Терезе.

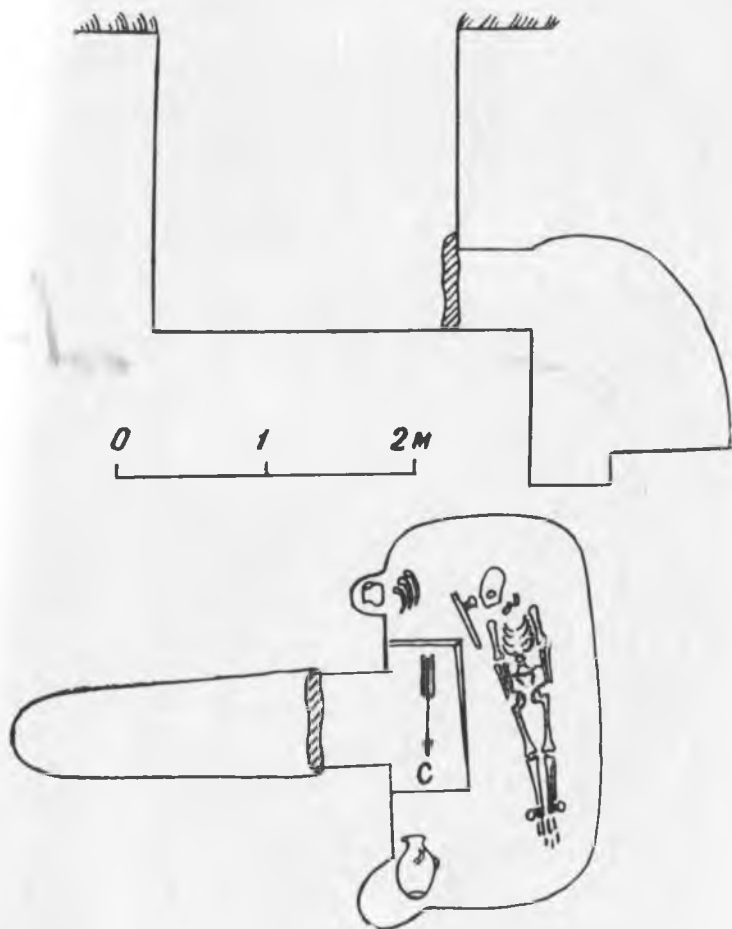

Рис. 34. План и профиль катакомбы № 17 могильника
Байтал-Чапкан.

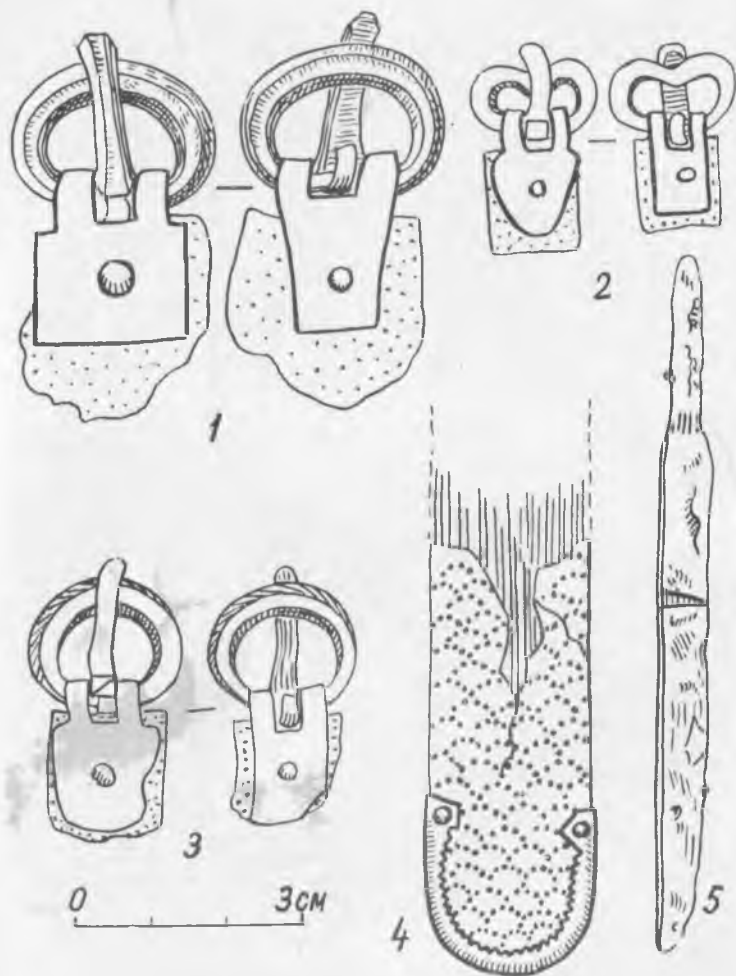

Рис. 35. Могильник Байтал-Чапкан. Катакомба № 17.

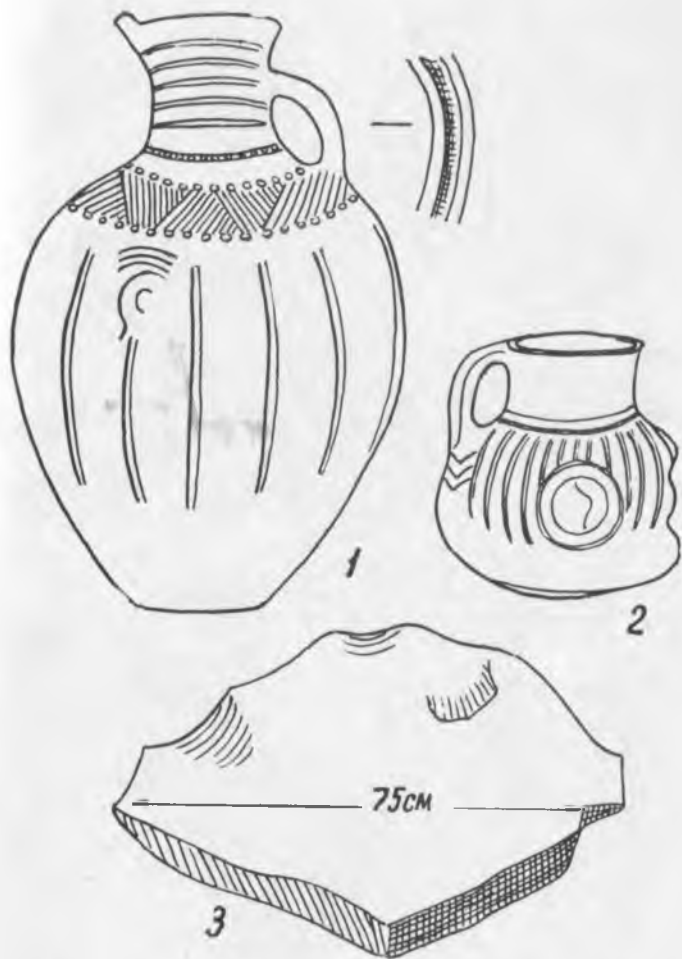
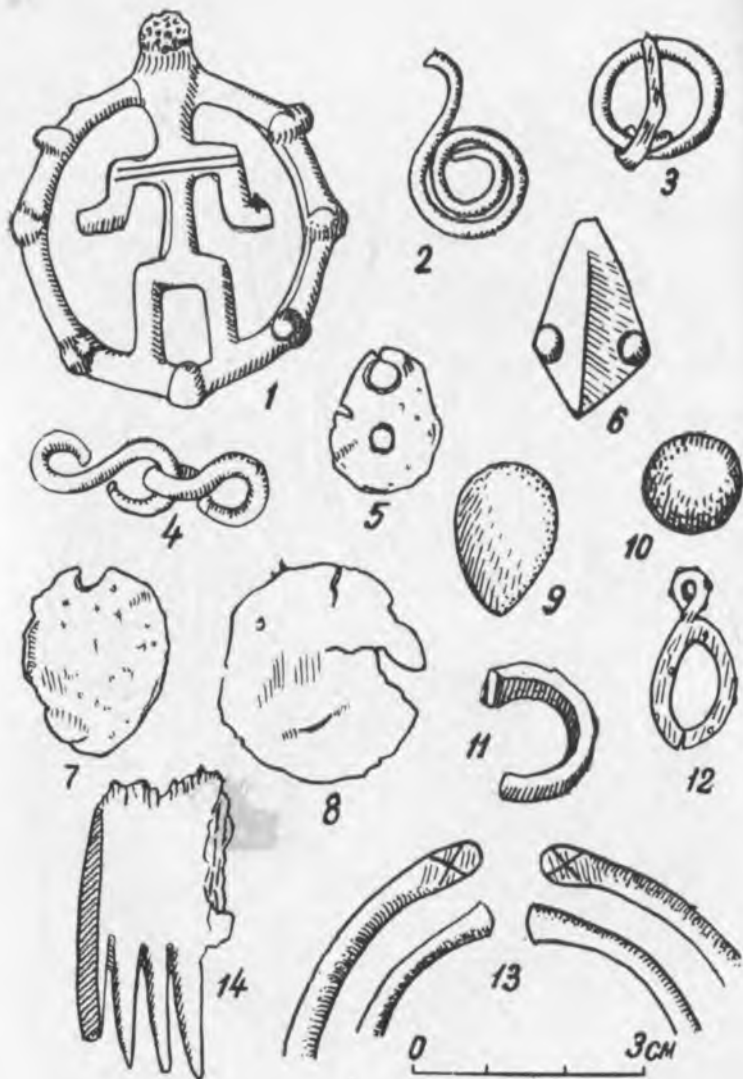
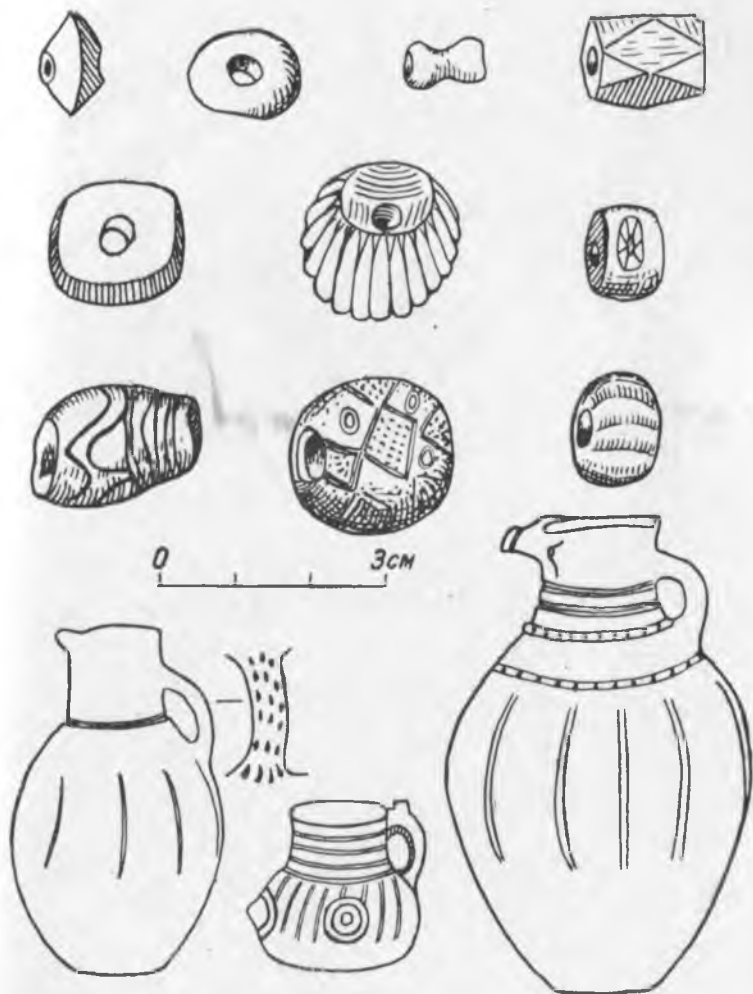

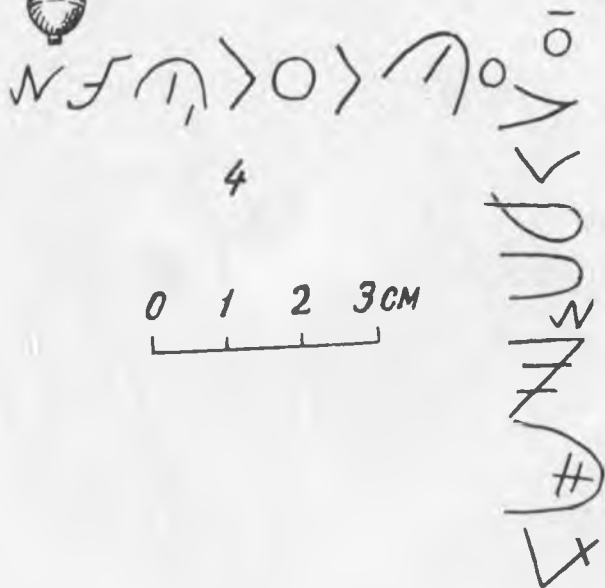
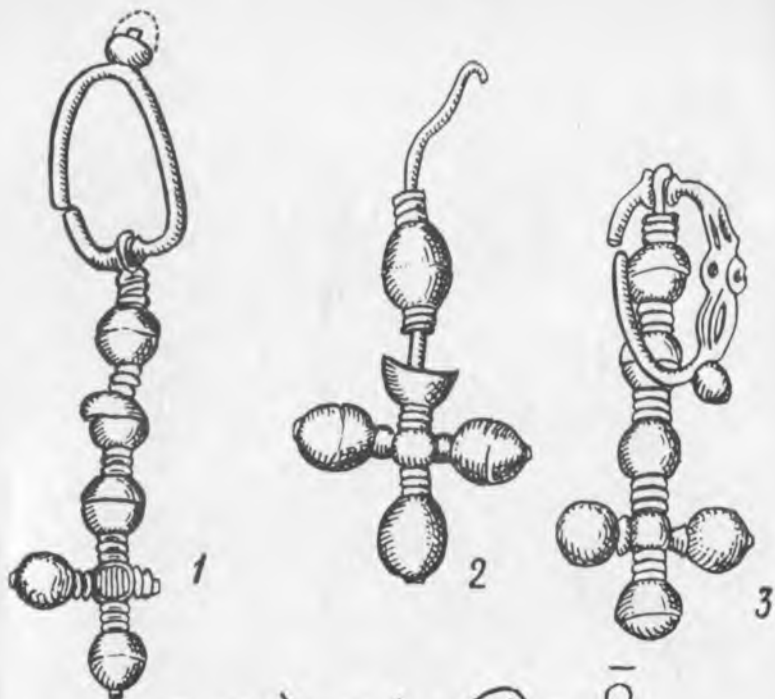
Рис. 36. Могильник Байтал-Чапкан. Катакомба № 17.

Р и с. 37. Инвентарь погребения на плато Кумыш-Баши.

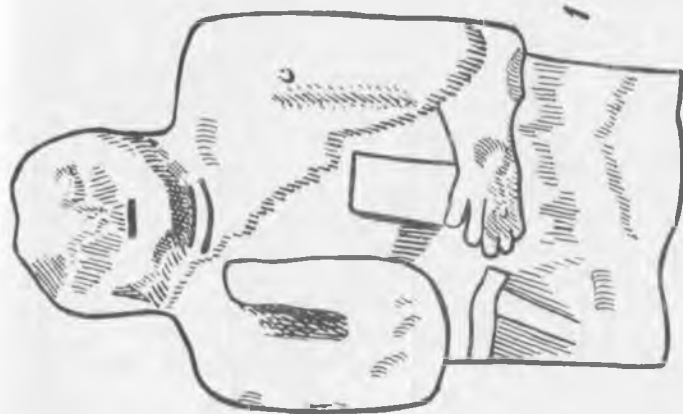

Р и с. 38. Инвентарь погребения на плато Кумыш-Баши.

Р и с. 39.

1—2—3—бронзовые серьги; 4—надпись на плите Хумаринского городища.

Р и с. 40.

1—замежное илавиное из окрестностей Сидиропола, 2—каменная
стела с р. Кифара.

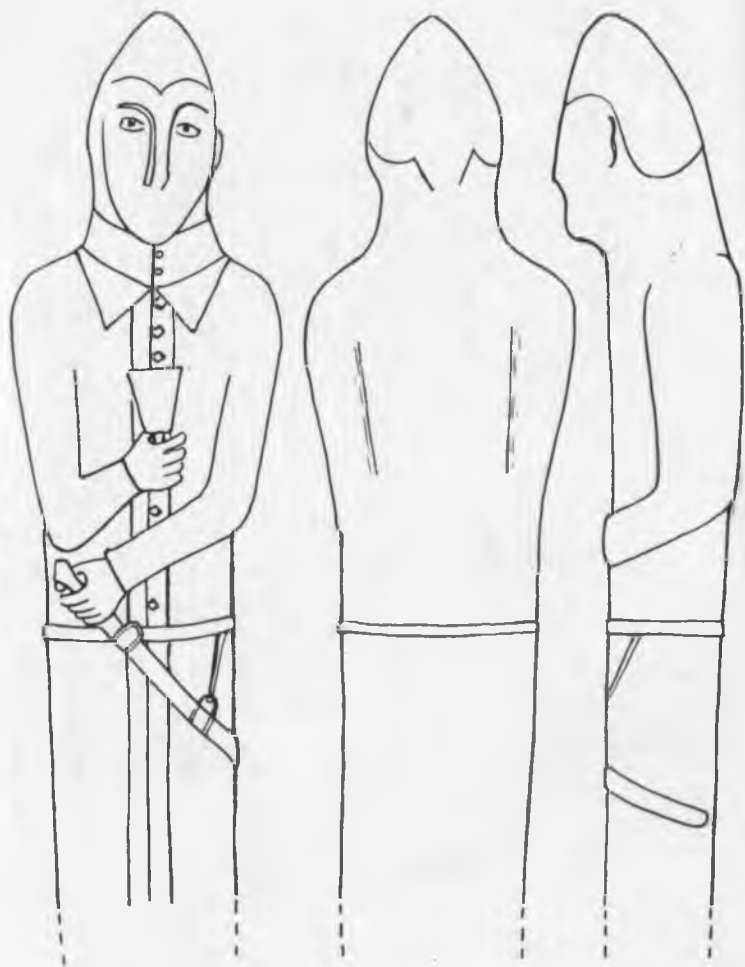

Рис. 41. Каменная статуя из ущелья р. Б. Зеленчука.

с внутренними ушками встречались неоднократно на аланских поселениях. Найдены они при раскопках жилищ городища Гиляч. Население этого городища едва ли было однородным, но, несомненно, в его составе были аланы, так как вокруг городища располагались наряду с другими и аланские наскальные могильники (см. главу III), и признаков присутствия здесь болгар не наблюдается. Все исследованные жилища (около двух десятков) имели открытые очаги, размещавшиеся или в центре жилища, или в одном из его углов. Образ жизни обитателей городища, бесспорно, оседлый. Основные занятия их — земледелие и скотоводство. Городище Адиюх, где также находились обломки котлов с внутренними ушками, принадлежало, несомненно, земледельческому населению. Тип жилища совершенно подобен гилячским жилищам: небольшое по площади каменное строение с нарами или лежанками вдоль стен, с открытым очагом в центре или в углу. Во всех исследованных поселениях верхнего Прикубанья (Узун-Кол, Кубина) в жилищах были открытые очаги. В могильнике № 2 Токмак-Кая, в катакомбе, в земле, перекопанной грабителями, оказался обломок котла с защитным щитком под сверлинами. На поселении Шубшурук находились фрагменты от края котлов. Этническая принадлежность поселения определяется наскальным могильником, примыкающим к нему. Такая же керамика обнаружена на городище Учкулька¹⁸⁷ и, по словам Е. П. Алексеевой, — на городище Кзыл-Кала.

Из высказанных замечаний вытекает: 1 — глиняные котлы с внутренними ушками не являются специфически кочевнической утварью, их имело и оседлое население; 2 — не только болгары, но и аланы использовали эту форму посуды. Употреблялась она тем населением, жилища которого имели открытые очаги, требующие подвешивания посуды для варки пищи. Только при таком способе приготовления пищи котлы с внутренними ушками получали хозяйственный смысл. Если предположить, что у алан такая керамика появилась в результате заимствования ее у болгар, что вполне допустимо ввиду близкого соседства этих двух народов, то и тогда она не может являться решающим этническим признаком, поскольку встречается у двух народов. Выделить памятники болгар и алан на Северном Кавказе только по котлам с внутренними ушками едва ли будет возможно. Для этого требуется изучение похоронного ритуала болгар — важнейшего признака при расчленении древних племен.

Ввиду приведенных исторических положений, устанавливающих пребывание в степной части Северного Кавказа различных азиатских кочевых племен, не должна казаться невероятной связь описанных выше изваяний и других предметов с изваяниями и предметами материальной культуры азиатских кочевников. Недоумение вызывает лишь то, что вплоть до половецкого времени мало открыто подобных памятников на Северном Кавказе. Это, скорее всего, объясняется тем, что степная часть его почти не исследована, что в первую очередь относится к Ставрополю.

Охватывая своими кочевьями равнинную зону Предкавказья, пришельцы оттесняли местных жителей в горы, где с увеличением населения земельная теснота становилась еще более острой. Недостаток земли и вынуждал горцев — алан переходить к устройству могильников в обрезах голых скал с целью экономии полезной для хозяйства площади. На то, что появление наскальных могильников обуславливалось не какими-либо этническими перегруппировками или изменениями в верованиях, а именно хозяйственными соображениями, косвенно указывает факт, что в районах, где географическая обстановка предоставляла достаточные земельные просторы, аланы сохраняли исконную конструкцию погребального сооружения, т. е. типичную катакомбу со входом — дромосом. Например, в районе станицы Змейской на верхнем Тереке, исследован могильник XI—XII вв. с типичными катакомбами.¹⁸⁸ Такие же могильники известны в районе Кисловодска.¹⁸⁹

Не только на местоположении могильников сказалась земельная теснота. Она объясняет и месторасположение поселений эпохи раннего средневековья. Некоторые из них устраиваются на труднодоступных местах, совсем неудобных для жительства, что практиковалось на Северном Кавказе вплоть до позднего времени. М. З. Кипиани, изучавший хозяйство населения нагорной полосы Терской области в восьмидесятые годы XIX столетия, в своих путевых заметках дает очень интересные для нас описания жилищ горцев. «Горцы живут весьма тесно. В видах экономии в земле постройки их воздвигнуты на самых неудобных для хлебопашества местах. Избегая занимать постройкими годную для хлебопашества землю, горцы поневоле теснятся с ними на весьма небольших площадках.

По тем же соображениям, т. е. для сохранения своих пашен в целости, они строят свои дома в два этажа». ¹⁹⁰

Вопрос о земельной тесноте у населения гор являлся стержневым вопросом хозяйственной жизни до недавнего времени. ¹⁹¹

Итак, мы приходим к заключению, что наскальные могильники VI—VII вв. н. э. свидетельствуют об усиливающейся в горах Северного Кавказа густоте населения и неразрывно с нею связанной земельной тесноте, вызванной натиском со стороны степи азиатских кочевых племен, среди которых виднейшую роль играли тюркские племена.

Данный вывод отнюдь не претендует на оригинальность. Еще В. Ф. Миллер в «Осетинских этюдах» писал о том, что алан в Прикубанье потеснили тюрки. Столкновения осетин с тюрками, начавшиеся, по его мнению, с появлением гуннов, продолжались в течение нескольких веков при владычестве хазар и приазовских болгар. Постепенное давление тюркских племен на Северном Кавказе было главной причиной постепенного сокращения древней территории осетин. ¹⁹² Такую же мысль он развивает в другой своей работе, посвященной описанию зеленчукской плиты с аланской надписью. ¹⁹³

Археологическими материалами пока слабо освещается вопрос о том, когда и при каких обстоятельствах аланы оставили верхнее Прикубанье. По этому вопросу можно сделать несколько замечаний. В IX—XII вв. археологические следы алан в горной и предгорной части верхнего Прикубанья можно наблюдать довольно четко (городище Гиляч, могильник Токмак-Кая, Инджур-Гата, городище Адюх, городище Кубина). В XIII—XIV вв. предгорная зона Прикубанья густо усеяна большими кабардино-черкесскими могильниками, в горной же полосе их не наблюдается. В глубине гор в это время могли еще удерживаться аланы, что подтверждается известиями Шереф-ад-Дина Йезди. В «Книге побед», говоря о завоевательных походах Тимура на Северный Кавказ во время войн с золотоордынским ханом Тохтамышем, он упоминает в верховьях Кубани алан. Следовательно, по Йезди, в конце XIV в. аланы обитали еще в Прикубанье.

Дальнейшая их история — отступили ли они восточнее в горы Кавказского хребта или были ассимилированы новым тюркоязычным населением — археологическими памятниками пока не освещается. Поэтому пока верхним рубежом истории алан в Прикубанье мы можем предполагать татаро-монгольское владычество XIII—XIV вв. н. э.

ПРИМЕЧАНИЯ

К главе I

1. М. А. Полиевктов. Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935 г.

2. С. Г. Гмелин. Путешествие по России для исследования трех царств естества. СПб, 1771—1785.

3. I. A. G ü l d e n s t ä d t. Reisedurch Russland und im Caucasischen Gebürge. T. I—St.—Petersburg, 1787; T. II—St.—Petersburg, 1791.

4. Т. М. Минаева. К вопросу о половцах на Ставрополье. МИСК, вып. 11, Ставрополь, 1964, стр. 167—196.

5. П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского Государства. СПб, 1773—1793.

6. P o t o s k i. Voyage dan les steps d'Astrakhan et du Caucase T. I, Paris, 1829.

7. Там же, стр. 168.

8. D r. I a c o b R e i n e g g s. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Gotha und St.—Petersburg, s. 279.

9. М. А. Полиевктов. Указ. соч., стр. 168.

10. П. Г. Бутков. О древнегреческих церквах в верховьях р. Большого Зеленчука, осмотренных в 1802 г. майором Потемкиным. «Библиографические листы» Кеппена. СПб, 1825 г. № 30, стр. 431. О том же кратко см. «Вестник Европы», 1822, № 23, стр. 201.

11. I. K l a p r o t h. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Halle und Berlin, 1814; Klaproth I. Voydge au Caucase et en Georgie. T. I. Paris, MCCCXXIII, y. 194.

12. K l a p r o t h. Sur les ancienes eglises chretiennes dans le Caucase au dela du Kouban. Nouveau Journal asiatique. T. V, Paris, 1830, p. 375—390.

13. M. K u p f f e r. Voyage dans les environs du mond Elbrouz dans le Caucas. St.—Petersburg, 1830.

14. Там же, стр. 41—43.

15. Цитирую по Хицуну «Об остатках древних памятников христианства на северной стороне Кавказа», Сборник газеты «Кавказ», второе полугодие 1847 г. Тифлис, 1848, стр. 115—123.

16. Журнал Министерства Внутренних Дел, 1830 г., ч. III, кн. IV, стр. 188.

17. Там же, стр. 191.

18. Владимир (епископ Ставропольский и Екатеринодарский), Священные достопримечательности по рр. Теберде, Кубани и Большому Зеленчуку. Ставропольские Епархиальные Ведомости, 1868 г. № 23, Декабрь.

19. Ставропольский Гос. Архив. Фонд № 444, оп. 1, ед. хр. 506, л. 17.

20. Г. Н. Прозрителев. Древние христианские памятники на Северном Кавказе. СССК, том I, Ставрополь, 1906, стр. 8.

21. А.-Д. Г. Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии. Военный сборник, том XI, СПб, 1860, стр. 273—324.

22. Хицунов. Об остатках древних памятников христианства на Северной стороне Кавказа. Сборник газеты «Кавказ», второе полугодие 1847 г. Тифлис, 1848, стр. 115—123.

23. Авр. Фиркович. Археологические разведки на Кавказе. Труды Вост. Отд. Импер. Археолог. об-ва, часть третья. СПб, 1858, стр. 103—137.

24. Г. Токарев. Поездка на снеговой хребет с.-з. части Кавказа. «Современник», 1851, т. 28.

25. *Mélanges asiatiques*, tome 1, livr 2, pp. 207—216.

26. *Bulletin historico—philologique de l'Académie de St—Petersbourg*, VII (1850), p. 232—240.

27. Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью в 1867 г. ИИРАО, т. VIII. СПб, 1877.

28. Историческая записка о деятельности Московского Археологического Общества за первые 25 лет существования. Москва, 1890, стр. 1.

29. Там же, стр. 37—39.

30. В. Л. Беренштам. Дневник археологических работ, веденных на Кавказе в 1879 г. Тр. V Археологического съезда. Протоколы Подготовительного Комитета. Москва, 1882, стр. 297—321.

31. Е. Д. Фелицын. Археологическая карта Кубанской области. Составлена в 1882 г.

32. Н. Я. Динник. Горы и ущелья Кубанской области. Тифлис, 1885, стр. 4.

33. Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 1. АК, 1887, № 69.

34. В. Ф. Миллер. Древнеосетинский памятник из Кубанской области. МАК, вып. III, стр. 110.

35. У. Хурумов. Древние гробницы на реке Индыш. СМОМПК, вып. XIII. Тифлис, 1892, стр. 20.

36. МАК, вып. III, сноски на стр. 110.

37. В. М. Сысоев. Поездка на рр. Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 г. МАК, вып. VII, М., 1898, стр. 115—136; Его же. Археологические экскурсии по Закубанью. МАК, вып. IX. Москва, 1904.

38. И. А. Владимиров. Древний христианский храм близ аула Сенты в Кубанской области. ИАК, вып. 4, стр. 1—14.

39. И. А. Владимиров. Развалины старинного храма близ реки Амгаты. ИАК, вып. I, стр. 104—106.

40. ОАК, 1901.

41. В. Тимофеев. Отчет проверочным раскопкам могильников, произведенным в июле и августе месяцах 1908 года в Баталпашинском отделе Кубанской области. «Древности», т. XXIII, вып. 2, Москва, 1914, стр. 174—175.

42. Г. Н. Прозрителев. Древние Тебердинские могильники. Труды Ставропольской уч. архивной комиссии, вып. V, Ставрополь, 1913.

43. В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении. СМОМПК, вып. 43, Тифлис, 1913.

44. Долина Зеленчука («Старое жилище» на Кубани)—новая горно-климатическая станция и дачная местность на Кавказе. Петроград, 1917.

45. I. Klapproth. Sur les anciennes eglises chretiennes...
р. 375—390.
46. В. Ф. Миллер. Древнеосетинский памятник из Кубанской области. МАК, вып. III, стр. 110.
47. Д. М. Павлов. Искусство и старина Карачая. СМОМПК, вып. 45, Махач-Кала, 1927, стр. 247—264.
48. Б. Луин. Перспективы изучения материальной культуры Сев. Кавказа в 1925 г. и частные итоги работ 1920—24 гг. «Северо-Кавказский край», 1925, № 6, июнь. Р. и Д., 1925.
49. Б. В. Луин. Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1927 г. «Краеведение на Сев. Кавказе», 1928, № 1—2.
50. В. И. Абаев. Поездка к верховьям Кубани, Баксана и Череха. «Осетинский язык и фольклор», М.—Л., 1949, стр. 271 и сл.
51. Т. М. Минаева. Могильник в устье реки Теберды. МИСК, вып. 7, Ставрополь, 1955, стр. 261—290.
52. В. Никитин. По живописным местам. Ставрополь, 1964, стр. 64.
53. Т. М. Минаева. Археологические памятники верховьев Кубани. МИА, вып. 23, М.—Л., 1951, стр. 273—301.
54. Т. М. Минаева. Поселение в устье р. Узун-Кол. СА, № 2, 1960, стр. 193—207.
55. Сведения и выдержки беру из «Краткого отчета историко-археологической экспедиции Карачаевской автономной области летом 1940 г.», хранящемся в археологическом отделе Гос. Исторического музея в Москве.
56. В. А. Крачковская. Печать Багратида Ашота с арабской надписью. КСИИМК, XII, М.—Л., 1946, стр. 112—117; X. О Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957, стр. 53—55.
57. Е. Г. Пчелина. Греко-славянские эпиграфические памятники на Северном Кавказе. «Археологический Ежегодник АН СССР за 1959». Москва, 1960, стр. 298—299.
58. В. А. Кузнецов. Новые данные о зеленчукской надписи X века. Изв. СОНИИ, том XXVII, Орджоникидзе, 1968, стр. 199.
59. А. Корвацкий. Краткие сведения о работе Архызской геолразвед. партии. «Геология на фронте индустриализации», Новочеркасск, 1933, № 1, стр. 36; А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки. МИА, № 23, стр. 78; Т. М. Минаева. Следы древних выработок металлических руд в ущелье р. Марухи. КСИИМК, вып. 48, М., 1952, стр. 116—119.
60. Т. М. Минаева. Кабардино-черкесские курганные могильники в Ставропольском крае. МИСК, вып. 6, Ставрополь, 1954; Е. П. Алексеева. Материальная культура черкесов в средние века. Тр. КЧНИИ, вып. IV, Ставрополь, 1964, стр. 188, 189.
61. Т. М. Минаева. Городище Адюх в Черкесии. КСИА, вып. 60, М., 1955.
62. Т. М. Минаева. Городище близ аула Кубины в Черкесии. Изв. СОНИИ, том XXII, вып. IV, Орджоникидзе, 1960.
63. Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан. МИСК, вып. 2—3, Ставрополь, 1950, стр. 205—239; Ее же. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии. СА, вып. XXVI, Москва, 1956, стр. 236—261.
64. Т. М. Минаева. Археологические памятники Черкесии. Тр. КЧНИИ, вып. II, Черкесск, 1954, стр. 291—296.
65. Л. Лавров. Башня Адюх в Черкесии. КС, вып. VII, М.—Л., 1940, стр. 93—101; Его же. О времени постройки кабардинской башни на р. Малом Зеленчуке. Уч. Зап. КНИИ, т. IV, Пальчик, 1948.

66. Е. П. Алексеева. Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии. КСИА, 60, Москва, 1955.
67. Е. П. Алексеева. Памятники эпохи поздней бронзы в Карачаево-Черкесской автономной области. СА, 1960, № 2, стр. 236—241.
68. Е. П. Алексеева. Некоторые замечания по вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев по данным археологии. Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 1960, стр. 97, 98.
69. Е. П. Алексеева. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1960, табл. 12—15.
70. Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963, стр. 7—11.
71. Там же, стр. 21.
72. Е. П. Алексеева. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкесии. Тр. КЧНИИ, вып. V, Ставрополь, 1966, стр. 178.
73. В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Зеленчукском районе Ставропольского края в 1953 году. МИСК, вып. 6, Ставрополь, 1954, стр. 345—351.
74. В. А. Кузнецов. Средневековые дольменообразные склепы верхнего Прикубанья. КСИА, вып. 85, 1961, стр. 106—117; Его же. Наземные гробницы на р. Кривой в Ставропольском крае. КСИА, вып. 76, 1959, стр. 83—89.
75. В. А. Кузнецов. Археологические исследования в верховьях Кубани (1960—1961 гг.). КСИА, вып. 96, 1963, стр. 86—93.
76. В. А. Кузнецов. Надписи Хумаринского городища. СА, 1963, № 1, стр. 298—305.
77. В. А. Кузнецов. Новые данные о зеленчукской надписи X века. Изв. СОНИИ, том XXVII, стр. 196.
78. В. П. Любин. Первая находка нижнего палеолита на Ставрополье. КСИА, вып. 73, 1959, стр. 33—38; В. П. Любин. Мезолитическая стоянка Явора, КСИА, вып. 84, 1961, стр. 45—48.
79. Отчеты А. Л. Нечитайло в архиве института археологии АН СССР.
80. Р. М. Мунчаев, А. Л. Нечитайло. Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике. СА, 1966, № 3, стр. 133—151.
81. И. И. Мизиев. Первые раскопки в верховьях р. Индыш. «Археологические открытия 1966 года», стр. 85, 86.
82. Т. М. Минаева. Находка близ станицы Преградной на р. Урупе. КСИА, вып. 68, 1957, стр. 133—137.
83. А. Л. Нечитайло. Домбайские могильники. «Археологические открытия 1967 г.», стр. 76, 77.

К главе II

1. В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962, стр. 48.
2. Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч, МИА, № 23.
3. П. Рыков. Суловский курганный могильник. Саратов, 1925, стр. 33, 34; МИА, 60, М., 1959, стр. 332, рис. 7, 5.
4. В. Тимофеев. Отчет проверочным раскопкам могильников, произведенным в июле и августе месяцах 1908 г. В Баталпаинском отделе Кубанской области «Древности», т. XXIII, вып. 2, М., 1914, стр. 174—175.

5. В. А. Кузнецов. Указ. соч. рис. 16, 9—11.
6. Т. М. Минаева. Могильник в устье реки Теберды. МИСК, вып. 7, Ставрополь, 1955, стр. 261—278.
7. В. А. Кузнецов. Указ. соч., стр. 50.
8. Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч. МИА, № 23.
9. Из путевых заметок епископа Владимира о Северном Кавказе. 1886, «Русский архив», 1904, № 4, стр. 675.
10. МАК, IX, стр. 144.
11. Там же, стр. 155.
12. Там же, стр. 148—149.
13. Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 1, АК, 1899, д. 102, л. 33; ОАК, 1899, стр. 52—55.
14. Е. П. Алексеева. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1960, стр. 25, табл. 12—15.
15. В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, стр. 45.
16. В. М. Сысоев. Древности по верхнему течению р. Кубани. МАК, IX, стр. 161—163.
17. В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении. СМОМПК, вып. 43, стр. 108; ОАК за 1898 г., стр. 40.
18. Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957, стр. 48.
19. И. Хурумов. Древние гробницы на р. Индыш. СМОМПК, вып. XIII, стр. 20.
20. А. Фиркович. Археологические разведки на Кавказе, ЗРАО, т. IX, вып. 2, СПб, 1857, стр. 388—389.
21. Поездка на снеговой хребет северо-западной цепи Кавказа. «Современник», т. XXVIII, отд. VI, СПб, 1851, стр. 6—7.
22. В. А. Кузнецов. Наземные гробницы на р. Кривой в Ставропольском крае. КСИА, вып. 76, стр. 83.
23. Там же, стр. 89.
24. ОАК за 1898, стр. 40; СМОМПК, вып. 43, стр. 109.
25. В. А. Кузнецов. Наземные гробницы за р. Кривой в Ставропольском крае. КСИА, вып. 76, стр. 83—89.
26. Т. М. Минаева. Поселение в устье р. Узун-Кол. СА, 1960, № 2.
27. См. отчет Е. П. Алексеевой о раскопках 1959 года.
28. Е. П. Алексеева. Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии. КСИА, вып. 60, стр. 75—77.
29. В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, стр. 52—56.
30. В. А. Кузнецов. Наземные гробницы на р. Кривой, стр. 56; Его же. Средневековые дольменообразные склепы верхнего Прикубанья. КСИА, вып. 85, стр. 112.
31. И. Хурумов. Древние гробницы на р. Индыш. СМОМПК, вып. XIII, стр. 20.
32. В. М. Сысоев. Древности верховьев Кубани. МАК, т. IX, стр. 159.
33. Т. М. Минаева. Раскопки городища Инджур-Гата. «Археологические открытия 1967 года», стр. 97—98.
34. Е. П. Алексеева. Материальная культура черкесов в средние века. Труды КЧНИИ, вып. IV, Черкесск, 1963, стр. 146—214.

К главе III

1. В. И. Авдиев. История Древнего Востока. М., 1953, стр. 291.
2. И. С. Винокур, Г. Н. Хотюп. Языческие изваяния из с. Ставчаны в Поднестровье. СА, 1964, № 4, стр. 211.
3. Г. Турчанинов. К датировке древнеосетинской зеленчукской надписи. Известия АН СССР, том VII, вып. 1, стр. 80—81.
4. «Археологические открытия 1966 года». М., 1967, стр. 85.
5. СА, 1967, № 2, стр. 55—78.
6. В. М. Сысоев. Поездка на рр. Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 г. МАК, вып. VII, стр. 120.
7. Там же, стр. 131.
8. И. А. Владимиров. Развалины старинного храма близ р. Амгаты. ИАК, вып. 1, стр. 106.
9. Н. С. Иваненков. Карачаевцы. Известия общества любителей изучения Кубанской обл., Вып. V. Екатеринодар, 1912, стр. 26.
10. Н. И. Репников. Некоторые могильники Крымских готов. ИАК, вып. 19, стр. 33.
11. В. А. Кузнецов. Археологические исследования в верховьях Кубани. КСИА, вып. 96, стр. 91; МИСК, вып. 6, стр. 349.
12. ОАК, 1899, стр. 52—56; архив ЛО ИА АН СССР, ф. 1 АК, 1899, № 102.
13. МАК, VII, стр. 131.
14. А. А. Формозов. Археологические исследования пещер в верховьях реки Белой в Краснодарском крае. Сборник материалов по археологии Адыгеи, т. II, Майкоп, 1961, стр. 64.
15. КСИА, вып. 90, Москва, 1962, стр. 90.
16. А. Фиркович. Археологические разведки на Кавказе. Записки Археологического общества, т. IX, вып. 2, СПб, 1857, стр. 377—380.
17. Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, СПб, 1911, стр. 121—126.
18. В. Ф. Смолин. Катакомбы на Рим-горе близ Кисловодска. Краеведение на Северном Кавказе № 1—2, Ростов, 1928, стр. 87—90.
19. В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и в районе Кисловодска. Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии, вып. 9, Нальчик, 1961, стр. 212—213.
20. Н. Е. Макаренко. Указ. соч., стр. 121, 122.
21. Н. Михайлов. Новый документ связи с Византией. Газета «Кавказская здравница» от 28 октября 1966 г.
22. Н. Михайлов. Скальные погребения. Газета «Кавказская здравница» от 1 ноября 1966 г.
23. М. М. Ковалевский, И. Иванюков. У подошвы Эльбруса. «Вестник Европы». 1886, I, стр. 83—112, стр. 553—580.
24. «Древности», том XII. Москва, 1888, Протоколы заседаний за 1886—1887 гг., стр. 169—171.
25. А. А. Иерусалимская. О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье, СА, 1967 № 2, стр. 5—78.
26. «Древности», том XII, стр. 171.
27. Там же, стр. 171.
28. И. М. Мизиев. Некоторые итоги археологических работ в верховьях р. Малки в 1966 году. Вестник КБНИИ, вып. 1. Нальчик, 1968, стр. 161.
29. Н. М. Егоров. Материалы для археологической карты районов КМВ 1958 г. Рукопись хранится в Ставропольском краеведческом музее.

30. П. Г. Акритас. Древний торговый путь от Черного моря к Каспийскому по горам Центрального Кавказа. Уч. Зап. КНИИ, т. XVI, Нальчик, 1959, стр. 208.

31. Разведки Н. А. Шафиева в 1962 г. Архив ИА АН СССР.

32. ИАК, прибавление к вып. 44-му, СПб, 1912, стр. 89—90.

33. ОАК, 1890, стр. 93—94.

34. Там же, стр. 95.

35. ОАК, 1892, стр. 89.

36. А. П. Круглов. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. Грозный, 1938, стр. 28.

37. Там же, стр. 29.

38. В. И. Марковин и А. М. Твердохлебов. Акушинский могильник. КСИИМК, вып. 60, Москва, 1955, стр. 150

39. Н. О. Цилоссани. Дневник раскопок, веденных в Южном Дагестане в 1880 году. Пятый Археологический съезд в Тифлисе, I Протоколы подготовительного комитета. М. 1879, стр. 464—470.

40. Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг. Грозный. 1963, стр. 22, 53.

К главе IV

1. М. И. Артамонов. Этнография Скифии. Уч. Зап. ЛГУ, 13, 1949, стр. 133; А. П. Смирнов. Понятие «археологической культуры», Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 г. М. 1964, стр. 7; Его же «К вопросу об археологической культуре» СА, 1964, № 4, стр. 3—10.

2. К. Ф. Смирнов. О погребениях роксалан. ВДИ, 1948, № 1, стр. 213—219; Л. Н. Гумилев. Открытие Хазарии. М., 1966.

3. Ю. Кулаковский. Керченская христианская катакомба 491 года. МАР, № 6, СПб, 1891, стр. 20, 21.

4. Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. Москва, 1960, стр. 244.

5. Д. Самоквасов. Могилы русской земли. Москва, 1908, стр. 176. О том же см. МАК, вып. VIII, стр. 111.

6. ОАК, 1897, стр. 46, 47

7. МАК, VIII, стр. 91.

8. А. П. Круглов. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. Грозный, 1938, стр. 13—18.

9. С. С. Куссаева. Аланский катакомбный могильник XI—XII вв. у станции Змейской. Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961, стр. 53.

10. В. А. Кузнецов. Змейский катакомбный могильник. Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961.

11. Отчет А. Л. Нечитайло о раскопках 1963 г. близ ст. Усть-Джегутинской. Архив ИА АН СССР.

12. Отчет А. Л. Нечитайло за 1964 г. Архив ИА АН СССР.

13. Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области в период римского владычества. Тр. XII АС в Харькове 1902 г., т. I, М., 1905, стр. 341—373.

14. Ф. I АК, 1901 г., д. 103, л. 40.

15. Там же, л. 47.

16. Н. В. Анфимов. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья. КСИИМК XVI, М.—Л., 1947, стр. 148—157.

17. Там же, стр. 150.
18. Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области... стр. 361.
19. Н. В. Анфимов. Указ. соч., стр. 157.
20. М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. 1925, стр. 569.
21. Там же, стр. 573.
22. Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, № 23, М.—Л., 1951, стр. 191 и сл.
23. Там же, стр. 173, рис. 9; стр. 181, рис. 12.
24. Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, рис. 28А.
25. Д. Б. Шелов. Танаис — потерянный и найденный город. М., 1967, стр. 136—139.
26. Там же, стр. 137.
27. Там же, стр. 139.
28. П. Беньковский. О терракотовых повозочках из Керчи. ИАК, вып. 9, стр. 68 и стр. 139; ОАК, 1900 г., стр. 29.
29. В. В. Шкорпил. Раскопки на Таманском полуострове в 1911 г., гробница № 72, 81, ИАК, вып. 56; ГИМ, инв. № 49472.
30. Н. П. Сорокина. Тузлинский некрополь. М., 1957, стр. 42.
31. А. И. Фурманська. Фібули з розкопок Ольвії. «Археологія», том VIII, стр. 91—92, табл. VI, 4, 6, 8.
32. П. Рыков. Сусловский курганный могильник. Саратов, 1925, стр. 12, рис. 22.
33. Г. М. Асланов. К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура. КСИА, вып. 60, рис. 27—13, 16.
34. Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской. МИА, № 23, рис. 18.
35. К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меото-сарматской культуры среднего Прикубанья. КСИИМК, XVI, М., 1952, стр. 16.
36. ОАК, 1902, стр. 87.
37. ОАК, 1903, рис. 102.
38. P. Raу. Die Hügelgraber römischer Zeit an der unteren Wolga, S. 93.
39. Н. В. Анфимов. Указ. соч., стр. 185.
40. К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг. КСИИМК, XLV, рис. 38, 12.
41. С. С. Куссаева. Археологические находки последних лет в Северной Осетии. ИСОНИИ, т. 19, Орджоникидзе, 1957, стр. 184 и сл.
42. В. Б. Виноградов. Сарматы северо-восточного Кавказа. Грозный, 1963, стр. 75, 106, рис. 30.
43. М. П. Абрамова. Новые погребения сарматского времени из Кабардино-Балкарии. СА, 1968, № 3, рис. 3, 8.
44. И. В. Силицын. Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, т. 78, стр. 162.
45. В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, стр. 464, рис. 52, 2.
46. Е. К. Максимов. Ново-Липовские курганы. «Археологические открытия 1968 года», стр. 156.
47. А. М. Хазанов. Генезис сарматских бронзовых зеркал. СА, 1963, № 4, стр. 59.
48. МИА, 78, стр. 101, рис. 38, 6.
49. МИА, 60, стр. 488.
50. М. П. Абрамова. Указ. соч., стр. 61.
51. В. Б. Виноградов. Сарматы северо-восточного Кавказа, стр. 55, рис. 20.
52. МИА, 60, стр. 131, рис. 44, 3.

53. А. П. Рунич. Сарматские катакомбы на берегу р. Юшы. СА, 1961, № 1, стр. 268.
54. Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 392.
55. МИА, 23, стр. 183, рис. 12.
56. Ольвия. М.—Л., 1964, стр. 23, рис. 19.
57. Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 73, рис. 28А.
58. И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, стр. 29.
59. Е. П. Алексеева. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкесии. Труды КЧНИИ, вып. V, Ставрополь, 1966, стр. 139 сл.
60. Там же, табл. 20—22.
61. Там же, стр. 158—167.
62. Там же, стр. 176.
63. Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан. МИСК, вып. 2—3. Ставрополь, 1950; Ее же. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии, СА, XXVI, М., 1956.
64. А. А. Спицын. Исконные обитатели Дона и Донша. ЖМНП, новая серия, часть XIX, 1909, январь, стр. 67—79.
65. Ю. А. Готье. Кто были обитатели Верхнего Салтова. ИГАИМК, вып. V, Л., 1927, стр. 65—84.
66. Архив ЛО ИА АН СССР, ф. I АК, 1892, д. 16, стр. 51—55.
67. «Древности», т. XII. Протоколы заседаний... за 1886—87 гг., стр. 4—42.
68. Известия СОНИИ, т. VI, стр. 26.
69. География Страбона в семнадцати книгах. Перевод с греческого Ф. Г. Мищенко. Москва, 1879, стр. 509.
70. Поездка к южному отклову Эльбруса. «Библиотека для чтения», т. 97, часть первая. Сентябрь, 1849, стр. 64.
71. В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. III, стр. 3.
72. МАК, VIII, стр. 196.
73. Н. Б. Шейхов. Погребальный обряд в раннесредневековом Дагестане как исторический источник. КСИИМК, вып. XVI, стр. 109.
74. Е. И. Крупнов. Галиатский могильник как источник по истории алан-оссов. ВДИ, 1938, № 2—3, стр. 113.
75. З. Н. Ванеев. К этногенезу осетинского народа. Известия ЮОНИИ АН ГССР, XIII, стр. 9.

К главе V

1. А. А. Мартиросян. Раскопки в Головино. Ереван, 1954, стр. 72, табл. XV, 10.
2. А. А. Мартиросян. О периодизации археологических памятников Армении эпохи бронзы и раннего железа. СА, 1964, № 3, стр. 34, рис. 4.
3. Б. В. Техов. Раскопки Тлийского могильника в 1960 г. СА, 1963, № 1, стр. 169, рис. 5.
4. Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2, стр. 161, рис. 5.
5. Р. М. Мунчаев. Археологические раскопки в Ассинском ущелье в 1956 г. Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея, вып. 10. Грозный, 1961, стр. 81, рис. 2.
6. П. Г. Акритас. Археологические исследования Чегемского ущелья в 1959 г. Сб. статей по истории Кабардино-Балкарии, вып. 9. Нальчик, 1961, стр. 185, табл. II и III.
7. Там же, табл. III, рис. 16.

8. А. В. Збруева. История населения Прикамья в Анапнинскую эпоху. МИА, т. V, М., 1952, стр. 106, табл. XXII, 11.

9. Е. П. Алексеева. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкесии. Тр. КЧНИИ, вып. V, Ставрополь, 1966, стр. 175, табл. 9, 4; табл. 10, 4, 5.

10. П. С. Раков. Сусловский курганный могильник. Уч. зап. Саратовского Университета, т. IV, вып. 3, Саратов, 1925, стр. 43, рис. 14.

11. МАК, VIII, стр. 300, рис. 232 и 233.

12. Там же, табл. II, 10, 11 и табл. III, стр. 105.

13. Там же, табл. X VII 5—9, стр. 93.

14. Там же, табл. X IX 5—6, стр. 103.

15. Д. Самоквасов. Могила русской земли. М., 1908.

16. МАК, VIII, стр. 112.

17. ОАК, 1897, стр. 47 и 148—149.

18. МАК, VIII, табл. XV, 16.

19. С. С. Куссаева. Аланский катакомбный могильник XI—XII вв. у станции Змейской. Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии, т. I. Орджоникидзе, 1961, стр. 56.

20. В. А. Кузнецов. Змейский катакомбный могильник. Материалы по археологии и древней истории Осетии, т. I. Орджоникидзе, 1961, стр. 111.

21. МАК, вып. VII.

22. Т. М. Минаева. Могильник в устье реки Теберды. МИСК, вып. 7. Ставрополь, 1955, стр. 277, рис. 8.

23. Там же, рис. 10.

24. В. А. Кузнецов. Наземные гробницы на реке Кривой в Ставропольском крае. КСИА, вып. 76. М., 1959, стр. 88.

25. Т. М. Минаева. Указ. соч., рис. 5 и 6.

26. МАК, VIII, стр. 348.

27. В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962, стр. 55.

28. Там же, стр. 50.

29. В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе 1911—1922 гг. ИАК, вып. 56, Петроград, 1914, стр. 165, табл. III, 22.

30. А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник. Тр. XII АС в Харькове в 1902 г., т. I. М., 1905, стр. 469; В. Бабенко. Древне-Салтовские придонские окраины южной России. Тр. XII АС, табл. XX; Н. Я. Мерперт. Верхнее Салтово. Рукопись диссертации. Архив ИА АН СССР.

31. С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, стр. 158.

32. Е. П. Алексеева. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1960, табл. 12, рис. 1.

33. Н. Я. Мерперт. Верхнее Салтово. Рукопись диссертации.

34. А. М. Хазанов. Генезис сарматских бронзовых зеркал. СА, 1963, № 4.

35. С. А. Плетнева. Указ. соч., рис. 36.

36. МАК, VIII, табл. XXIV, 13, 14.

37. Там же, табл. X, VI, 17.

38. Там же, табл. CXXIII, 17.

39. К. Ф. Смирнов. Агачалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК, вып. XXXVIII, стр. 117.

40. Т. М. Минаева. Городище Адюх в Черкесии. КСИА, вып. 60, стр. 114, рис. 49.

41. Т. М. Минаева. Могильник в устье р. Теберды. МИСК, вып. 7. Ставрополь, 1955, рис. 3.

42. М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 322.

43. Н. Я. Мерперт. Верхнее Салтово. Рукопись. Архив ИА АН СССР.
44. О. А. Артамонова. Могильник Саркела-Белой Вежи. МИА, 109, М.—Л., 1963, стр. 62, рис. 44, 4 и 61.
45. Там же, стр. 77—103.
46. Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. Тр. ГИМ, вып. XII, М., 1941; Л. П. Семенов. Археологические разведки в Ассинском ущелье. КСИИМК, XLVI, стр. 117—120.
47. А. П. Круглов. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии... стр. 15, рис. 6, 7.
48. Там же, стр. 27.
49. «Древности», т. XII, М., 1888. Протоколы заседаний... за 1886—87 гг., стр. 171.
50. А. А. Иерусалимская. О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье. СА, 1967, № 2, стр. 57.
51. В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, стр. 60.
52. В. Б. Деопик. Стеклянные, каменные и металлические украшения IV—IX вв. Северного Кавказа и Крыма, как исторический источник (Рукопись диссертации), стр. 341 и сл.
53. В. Сысоев. Поездка на реки: Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 г. МАК, вып. VII, М., 1898, стр. 136.
54. В. М. Сысоев. Дневник поездки и раскопок в Карачае летом 1898 г. Архив ЛО ИА АН СССР. Ф. 1 АК, 1898, № 38.
55. И. А. Владимиров. Журнал раскопок, произведенных в Батлапшинском окр. Кубанской обл. в окрестностях древнего храма у Сентинского аула в 1899 г. Архив ЛО ИА. Ф. 1 АК, 1899, № 102, № 27.
56. МИА, 23, стр. 293, рис. 22.
57. Ю. Кулаковский. Керченская христианская катакомба 491 года. МАР № 6, СПб, 1891, стр. 17—20.
58. И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. Вып. IV, С-Петербург, 1891, рис. 2, 4.
59. Там же, рис. 100.
60. В. А. Кузнецов. Средневековые дольменообразные склепы верхнего Прикубанья. КСИА, вып. 85, стр. 109.
61. В. А. Кузнецов, О. В. Милоридович. Археологические исследования в Северной Осетии в 1959 году. КСИА; вып. 86, стр. 97.
62. Т. М. Минаева. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным. МИСК, вып. 11. Ставрополь, 1964, стр. 173, рис. 3.
63. А. А. Гаврилова. Могильник Кудырге как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, стр. 26, табл. XX, 35.
64. Там же, стр. 36, табл. X, 4.
65. П. А. Дитлер. Могильники в районе пос. Колосовка на р. Фарс. Сб. материалов по археологии Адыгеи, т. II. Майкоп, 1961, стр. 166.
66. Там же, табл. XVII, 8.

К главе VI

1. А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Ленинград, 1947, стр. 29.
2. В. В. Бобин. Черты сходства культур древнего населения Крыма и Северного Кавказа времени перехода от бронзы к железу. Сб. «История и археология древнего Крыма». Симферополь, 1957, стр. 60.

3. Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. Москва, 1960, стр. 347.
4. А. А. Щепинский. Об элементах общности культур в Крыму и на Кавказе. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Баку, 1965, стр. 83.
5. Геродот, IV, 28, перевод Ф. Г. Мищенко. Москва, 1885, стр. 309.
6. Очерки истории СССР, IX—XIII вв. Москва, 1953, стр. 405.
7. В. В. Кропоткин. Могильник Чуфут-Кале в Крыму. КСИА, вып. 100, стр. 109.
8. Там же, стр. 114.
9. К. Ф. Соколова. Антропологические материалы из раннесредневековых могильников Крыма. «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, стр. 70.
10. В. В. Кропоткин. Из истории средневекового Крыма. СЛ, XXVIII, М., 1959, стр. 211.
11. В. В. Кропоткин. Могильник Чуфут-Кале в Крыму. КСИА, вып. 100, стр. 115.
12. Н. И. Репников. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. ИГАИМК, т. XII, вып. 1—8, стр. 107—153.
13. В. В. Борисова. Могильник у высоты «Сахарная головка». «Херсонесский сборник», вып. V, Крымиздат, 1959, стр. 190.
14. В. Н. Корпусова. Скалистинский могильник. Сборник докладов на VI и VII всесоюзных археологических студенческих конференциях, 1963, стр. 73.
15. Там же, стр. 83.
16. Н. Л. Эрнст. Эски-Кермен и пещерные города Крыма. ИТОИАЭ, т. III, Симферополь, 1929, стр. 24, 25.
17. К. И. Репников. Эски-Кермен в свете археологических разведок в 1928—29 гг. ИГАИМК, том XII, вып. 1—8, 1932, стр. 145, 146.
18. П. Кеппен. О древностях берега Крыма и гор Таврических. «Крымский сборник» СПб, 1837, стр. 255 и 257; Журнал Мин. Путей Сообщения. 1828, № 12, стр. 28—29.
19. В. Г. Тизенгаузен. Записки Дюбрюкса. Несколько заметок о различных родах гробниц, находящихся в окрестностях Керчи. Тр. VI Археологического съезда в Одессе, т. II, Одесса, 1888, стр. 135, 136.
20. Иосиф Флавий. Иудейская война. Перевод Я. Л. Чертка СПб, 1900, стр. 510.
21. Юлиан Кулаковский. Карта Европейской Сарматии по Птоломею. Киев, 1899, стр. 20.
22. Ю. А. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев. 1899, стр. 114.
23. В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 369.
24. ИАК, вып. 63, стр. 112.
25. Ю. А. Кулаковский. Указ. соч., стр. 111.
26. ИАК, вып. 40, СПб, 1911, стр. 112—114.
27. В. Миллер. К иранскому элементу в припонтйских греческих надписях. ИАК, вып. 47, стр. 94—95.
28. В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 346.
29. В. Купченко. Керченские катакомбы. Курортная газета. Гор. Ялта, 7 января 1968 г.; В. Тарануха. Археологическая находка. Газета «Таманец». Гор. Темрюк, 4 января 1968 г.
30. Ю. Кулаковский. Керченская христианская катакомба 491 года. МАР, № 6, стр. 27.
31. Там же, стр. 21.
32. В. Г. Васильевский. Введение в Житие св. Стефана Сурожского. СПб, 1893, стр. CLXVII и сл.

33. Ю. А. Кулаковский. Епископа Феодора «Аланское послание» ЗООИД, т. XXI, стр. 11—27.
34. В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 1, стр. 63.
35. Там же, стр. 192.
36. Géographie d'Aboulfeda, II, Paris, 1848, p. 319.
37. Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю. ЗООИД, т. VI, Одесса, 1867, стр. 445—473.
38. Там же, стр. 447, 448.
39. А. Л. Бертъе-Делагард. Исследования некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. ЗООИД, т. XXXII, Одесса, 1915, стр. 237.
40. В. Семенов. Библиотека иностранных писателей о России. СПб, 1835, стр. 96.
41. Ю. А. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей, стр. 158.
42. Ф. Брун. Черноморье, II, Одесса, 1880, стр. 356.
43. Там же, стр. 355.
44. В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 1, стр. 109—117.
45. В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, М.—Л., 1941, стр. 34.
46. Ю. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей, стр. 116.
47. В. И. Ламанский. Заметка об ясах-аланах. Протоколы XI археологического съезда. М., 1902, стр. 118.
48. Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967, стр. 272.
49. В. А. Кузнецов, В. К. Пудовин. Аланы в Западной Европе в эпоху «великого переселения народов». СА, 1961, № 2, стр. 79—95.

К главе VII

1. В. П. Пожидаев. Кабардино-Черкесская тамга и кавказский орнамент. Уч. Зап. КНИИ, IV, Нальчик, 1948.
2. Флавий Иосиф. О войне иудейской, VII, 7, 4; Иудейские древности. XVIII, 4, 97.
3. В. С. Миллер. Осетинские этюды, ч. III, М., 1887, стр. 75.
4. В. Бартольд. Аланы. «Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона», т. 1.
5. Ю. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899, стр. 106.
6. Ю. В. Готье. Кто были обитатели верхнего Салтова. ИГАИМК, т. V, Ленинград, 1927, стр. 80.
7. В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М., 1949, стр. 337, 543.
8. Ю. С. Гаглойти. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966, стр. 88, 89.
9. Там же, стр. 100.
10. В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I, М., 1949, стр. 76.
11. В. Н. Гамрекели. Двалы и Двалетия в I—XV вв. н. э. Тбилиси, 1961, стр. 70.
12. В. Б. Виноградов. Сарматы северо-восточного Кавказа. Грозный, 1963, стр. 165.
13. Ю. С. Гаглойти. Аланы... стр. 85.
14. В. А. Кузнецов. Рецензия на работу В. Б. Виноградова. «Сарматы Северо-Восточного Кавказа», СА, 1964, № 4, стр. 233.

15. Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан. МИСК, вып. 2—3, Ставрополь, 1950; Ее же: Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии. СА, XXVI, М., 1956.
16. ОАК, 1888 г.
17. В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962, стр. 117, 118.
18. P. Ray. Die Hügelgräber römischer Zeit... S. 108, 109.
19. Е. П. Алексеева. Материалы к древнейшей и средневековой истории адыгов (черкесов). ТЧНИИ, вып. II, Черкесск, 1954, стр. 252.
20. Б. Е. Деген-Ковалевский. Аланы догуннского нашествия. История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства, ч. I—II, М.—Л., 1939, стр. 43.
21. К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меото-сарматской культуры среднего Прикубанья. КСИИМК, XLVI, М., 1952, стр. 15—17.
22. В. Б. Виноградов. Сарматы северо-восточного Кавказа, стр. 164, 165.
23. Е. П. Алексеева. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкесии. ТКЧНИИ, вып. V, стр. 165.
24. Там же, стр. 176.
25. Там же, стр. 139 и 177.
26. В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, стр. 7, 30.
27. Е. П. Алексеева. Памятники меотской и сармато-аланской культуры. ТКЧНИИ, V, стр. 250.
28. В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, вып. 2, СПб, 1896, стр. 484.
29. В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. II, стр. 10.
30. Прокопий Кессарийский. Война с готами. М., 1950, стр. 381.
31. Прокопий Кессарийский. История войн римлян с персами. Кн. I, СПб, 1876, стр. 180.
32. Феофан Византиец. Летопись. Перевод с греческого В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских», кн. I, 1887, стр. 286—289.
33. К. Патканов. Армянская география VII в. н. э. СПб, 1877; Его же: Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому. ЖМНП, март, 1883.
34. Ю. С. Гаглоев. Аланы..., стр. 155—166.
35. Н. А. Караулов. Сведения арабских географов IX и X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане, СМОМПК, XXXVIII, Тифлис, 1908, стр. 53.
36. Там же, стр. 55.
37. Там же, стр. 56.
38. В. Семенов. Библиотека иностранных писателей о России. СПб, 1836, стр. 45.
39. Описание Колхиды или Мингрелии о. Ламберти, миссионера конгрегации для распространения христианской веры. ЗООИД, т. X, отд. II, Одесса, 1877, стр. 210.
40. ВАХУШТИ. География Грузии. Тифлис, 1904, стр. 237.
41. З. Н. Ванеев. Средневековая Алания. Сталинир, 1959, стр. 33.
42. Reineggs. Allgemeine historisch—topographische Beschreibung des Kaukasus.
43. I. Potocki. Voyage dans les stepe d'Astrakhan..., p. 106.
44. I. Klaproth. Sur les anciennes eglises..., pp. 375—390.
45. «Осетинские этюды», ч. III, стр. 112—116.

46. В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. I, М.—Л., 1949, стр. 45.
47. В. Ф. Миллер. Древнеосетинский памятник из Кубанской области, МАК, III, стр. 110—119; В. А. Кузнецов. Новые данные о зеленчукской надписи X века. Известия СОНИИ, т. XXVII, Орджоникидзе, 1968, стр. 193—199.
48. П. Е. Деген-Ковалевский. Аланы в системе Хазарского объединения. История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства, ч. III—IV, М.—Л. 1939 (макет); Б. В. Скитский. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г. Дзауджикау, 1947; З. Н. Ванеев. Средневековая Алания. Сталинир, 1959.
49. В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962, стр. 63.
50. Там же, стр. 69.
51. Там же, стр. 70.
52. Там же, стр. 71.
53. Там же, стр. 73.
54. Там же, стр. 74.
55. Е. П. Алексеева. Карачаевцы и Балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963, стр. 13.
56. Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. I, Ставрополь, 1967, стр. 73.
57. «Древности», т. XII. Протоколы заседаний за 1886—87 гг., стр. 170.
58. З. Н. Ванеев. К этногенезу осетинского народа. ИЮОНИИ, XIII, стр. 9.
59. Б. Э. Деген-Ковалевский. Работа на строительстве Баксанской гидроэлектростанции. «Археологические работы на новостройках». ИГАИМК, вып. 10, 1935, стр. 11—28.
60. Прокопий Кессарийский. Война с готами. Перевод с греческого Е. П. Кондратьева. М., 1950, стр. 375.
61. Там же, стр. 381.
62. Там же, стр. 383.
63. Н. А. Караулов. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМПК, вып. 32, стр. 51.
64. СМОМПК, XXXVIII, стр. 54—56.
65. Г. Турчанинов. К датировке древнеосетинской зеленчукской надписи. ИАН СССР, т. VII, вып. I, М.—Л., 1948, стр. 81.
66. Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967, стр. 271.
67. В. Ф. Миллер. Древнеосетинский памятник из Кубанской области. МАК, III, стр. 118.
68. В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, стр. 262.
69. В последние годы делались попытки прочесть зеленчукскую надпись с кабардинского и тюркского языков. Но попытки эти не являются в должной мере обоснованными, поэтому мы на них не останавливаемся.
70. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. Перевод К. Патканова, стр. 30.
71. В. Бартольд. Аланы. «Новый Энциклопедический словарь Брюкгауза и Эфрона», т. I.
72. П. К. Коковцев. Еврейско-хазарская переписка. Ленинград, 1932, стр. 116—117.
73. В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, стр. 125.

74. М. И. Артамонов. История хазар. Ленинград, 1962, стр. 356.
75. Там же, стр. 362.
76. Ю. С. Гаглойти. Аланы и вопросы этногенеза осетин, стр. 177.
77. Смизо, т. II, М.—Л., 1941, стр. 21.
78. Там же, стр. 22.
79. Там же, стр. 91.
80. Смизо, т. I, СПб, 1884, стр. 503.
81. Смизо, II, стр. 22.
82. Там же, стр. 24.
83. Там же, стр. 85.
84. Смизо, т. I, стр. 115—117.
85. Ю. А. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей, стр. 160.
86. Смизо, т. II, стр. 34.
87. Смизо, т. I, стр. 306.
88. М. И. Артамонов. История хазар, стр. 246.
89. Смизо, т. I, стр. 231.
90. Труды членов российской духовной миссии в Пекине. Т. IV, С-Петербург, 1866, стр. 247.
91. Geographie d'Aboulfeda..., p. 287.
92. I. Margquart. Osteuropaeische und Ostasiatische Streifzüge, SS. 164—165.
93. В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, стр. 126.
94. Ю. С. Гаглойев. Аланы..., стр. 175.
95. Смизо, II, стр. 181.
96. Там же, стр. 185.
97. Гильон де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1957, стр. 106.
98. Там же, стр. 111.
99. Путешествие в Тану Иосафата Барбаро. Библиотека иностранных писателей о России, т. I, СПб, 1836, стр. 7, 45, 55.
100. ПСРЛ, т. VII, СПб, 1856, стр. 287.
101. В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. III, стр. 67; А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания, стр. 75.
102. ПСРЛ, т. 25, стр. 152.
103. Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, стр. 454.
104. Ю. С. Гаглойти. Аланы и вопросы этногенеза осетин, стр. 196.
105. В. Ф. Миллер. Древнеосетинский памятник из Кубанской области. МАК, вып. III, стр. 118.
106. В. А. Кузнецов. Аланские племена..., стр. 131.
107. А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник. Тр. XII АС, т. I; В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России. Тр. XV АС, т. I.
108. А. Спицын. Историко-археологические разыскания, стр. 72, 79.
109. Ю. В. Готье. Кто были обитатели Верхнего Салтова? ИГАИМК, т. V, Ленинград, 1927, стр. 80.
110. Там же, стр. 68.
111. И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры МИА, 62, стр. 145.
112. Там же, стр. 146.
113. С. А. Плетнева. Рецензия на книгу М. И. Артамонова «История хазар». СА, 1963, № 3, стр. 282.
114. С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, стр. 91.

115. Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, М.—Л., 1951, стр. 21.
116. Там же, стр. 19—21.
117. М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии. СА, VI, М.—Л., 1940, стр. 161, 162.
118. М. И. Артамонов. История хазар, стр. 313.
119. Г. Ф. Турчанинов. О языке надписей на камнях Маяцкого городища и флягах Новочеркасского музея. СА, 1964, № 1, стр. 80.
120. С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, 62, стр. 184.
121. Geographie d'Aboulfeda, II, стр. 319.
122. Е. И. Крупнов. Галиатский могильник как источник по истории алан-оссов. ВДИ, 1938, № 2—3, стр. 113; Его же: Из итогов археологических работ. ИСОНИИ, т. IX, Дзауджикау, 1940, стр. 132.
123. И. Б. Шейхов. Погребальный обряд в раннесредневековом Дагестане как исторический источник. КСИИМК, вып. 46, 1952, стр. 109.
124. Ю. С. Гаглойти. Аланы и вопросы этногенеза осетин, стр. 63.
125. В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, стр. 12.
126. В. Б. Виноградов. Сарматы северо-восточного Кавказа, стр. 102.
127. Т. М. Минаева. Поселение в устье р. Узун-Кол. СА, 1960, № 2.
128. Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч. МИА, № 23.
129. Т. М. Минаева. Поселение в устье р. Узун-Кол, рис. 10.
130. Б. В. Саханев. Борисовский могильник..., стр. 127, рис. 18.
131. А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, стр. 22, табл. VII, I.
132. ОАК, 1897, стр. 21.
133. С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 516.
134. В. П. Левашова. Два могильника кыргыз-хакасов. МИА, № 24, М., 1952, стр. 121—136.
135. Hampe I. Altertümer des frühen Mittelalters. Bd. II, S. 313—316; Bd. III. T. 241—1, 265—3, 240—1, 2.
136. А. А. Гаврилова. Могильник Кудырге, стр. 34.
137. Б. А. Рыбаков. Уличи. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 11, рис. 3.
138. Н. И. Веселовский. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «Балбалах». ЗООИД, т. XXXII, Одесса, 1915, табл. VIII, рис. 1, 2.
139. Л. Н. Гумилев. Алтайская ветвь тюрк-тугю. СА, 1959, № 1, стр. 113.
140. Я. А. Шер. Каменные изваяния Семиречья. М.—Л., 1966, стр. 100, табл. XV, 61.
141. Там же, стр. 104, табл. XVII, 72.
142. Там же, табл. XVII, 73.
143. А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы по материалам исследований 1953—1960 гг. М., 1961, табл. 1, № 12, 13, 19; табл. II, № 52, 53.
144. Н. Каменев. Попытка археологических разведок в Кубанской области. «Кубанские ведомости», 1870, № 47.
145. МАК, VII, стр. 141, табл. XXIII, 5—6.
146. Н. Веселовский. Мнимые каменные бабы. СПб, 1905, стр. 26.
147. А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы, стр. 11.
148. Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния южной Сибири и Монголии. МИА, № 24, М., 1952, стр. 96—98, рис. 46, 47.

149. А. Н. Бернштам. Археологический очерк северной Киргизии. Фрунзе, 1941, рис. 10—11.
150. Я. А. Шер. Каменные изваяния Семиречья. М.—Л., 1966.
151. В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, стр. 75.
152. А. Д. Грач. Указ. соч.; стр. 67.
153. Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния южной Сибири и Монголии, стр. 116.
154. А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии, глава VI.
155. Н. Я. Мерперт. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА, XXIII, 1955; Г. Ф. Корзухина. Из истории древнерусского оружия XI в СА, т. XIII, М., 1950.
156. Я. А. Шер. Каменные изваяния Семиречья, стр. 42.
157. С. А. Плетнева. Печенеги, тюрки и половцы в южнорусских степях. Таблицы.
158. В. А. Кузнецов. Надписи Хумаринского городища. СА, 1963, № 1, стр. 298—305.
159. Л. Р. Кызласов. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей. СА, 1964, № 2, стр. 34, рис. 2.
160. Т. М. Минаева. К вопросу о половецях на Ставрополье по археологическим данным. МИСК, вып. 11, Ставрополь, 1964, стр. 167—196.
161. ЗООИД, том. VIII, Одесса, 1872, стр. 487.
162. «Книга Большому Чертежу». СПб, 1838, стр. 53.
163. Güldnestädt. Reisen durh Russland, T. II, Platte 5.
164. Klaproth. Reise in den Kaukasus.
165. А. П. Берже. Кавказ в археологическом отношении. ЗОЛКА, Книга 1-я, Тифлис, 1875.
166. Госархив Ставропольского края. Ф. 79, оп. 2, ед. хранения 1036.
167. Там же.
168. С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, № 62, М.—Л., 1958.
169. Ю. Кулаковский. Прошлое Тавриды. Киев, 1914, стр. 102.
170. Т. М. Минаева. Указ. соч., стр. 167—172.
171. Е. П. Алексеева. Некоторые замечания по вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев по данным археологии. Материалы сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 1960, стр. 101.
172. Д. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 250.
173. И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, выпуск пятый. СПб, 1897, стр. 139, рис. 197.
174. МАК, VIII, стр. 355, рис. 283.
175. А. Пономарев. Куман-половцы. ВДИ, 1940, 3—4, стр. 369.
176. М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 53.
177. Там же, стр. 62.
178. Там же, стр. 64.
179. Там же, стр. 78.
180. Л. Н. Гумилев. Открытие Хазарии. М., 1966, стр. 102, 103.
181. Очерки истории СССР, III—IX вв. М., 1958, стр. 576.
182. История СССР, первая серия. М., 1966, стр. 332.
183. Н. Я. Мерперт. Древнейшие болгарские племена в Причерноморье. «Очерки истории СССР III—IX вв.» М., 1958, стр. 611—615; И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, № 62, стр. 146—147.
184. В. А. Кузнецов. Глиняные котлы Северного Кавказа. КСИА, 99, стр. 39.

185. В. А. Кузнецов. Рец. на работу С. А. Плетневой «От кочевий к городам». СА, 1969, № 2, стр. 298.

186. С. А. Плетнева. От кочевий к городам, стр. 7.

187. Б. Д. Гальперина, В. П. Любин. Раннесредневековое городище Учкулька. Тр. КЧНИИ, вып. V, Ставрополь, 1966, стр. 270.

188. В. А. Кузнецов. Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 г. МИА, № 114, М., 1963, стр. 8—47.

189. А. П. Рунич. Катакомбные могильники в районе Кисловодска. СА, 1963, № 3, стр. 241—244.

190. М. З. Кипиани. От Казбека до Эльбруса. Владикавказ, 1884, стр. 21, 22.

191. Б. А. Калоев. Осетины. М., 1967, стр. 45, 47, 62, 66.

192. В. С. Миллер. Осетинские этюды, ч. III, стр. 97.

193. В. Ф. Миллер. Древнеосетинский памятник из Кубанской области. МАК, вып. III, стр. 111, 117.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АК — Археологическая комиссия
 АН СССР — Академия наук СССР
 АС — Археологический съезд
 ВДИ — Вестник древней истории
 ГИМ — Государственный Исторический музей
 ИА — Институт археологии
 ИАК — Известия Императорской археологической комиссии
 ИАН — Известия Академии наук СССР
 ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
 ИИРАО — Известия Императорского Русского археологического общества
 ИСОНИИ — Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института
 ИТОНАЭ — Известия Таврического Общества истории, археологии и этнографии
 ИЮОНИИ — Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ЗРАО — Записки Русского археологического общества
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
 ЗОЛКА — Записки общества любителей кавказской археологии
 КБНИИ — Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт
 КМВ — Кавказские минеральные воды
 КНИИ — Кабардинский научно-исследовательский институт
 КЧНИИ — Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт
 КСИА — Краткие сообщения института археологии
 КСИИМК — Краткие сообщения института истории материальной культуры
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет
 ЛОИА — Ленинградское отделение института археологии
 МАК — Материалы по археологии Кавказа
 МАР — Материалы по археологии России
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 МИСК — Материалы по изучению Ставропольского края
 ОАК — Отчеты археологической комиссии
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 СА — Советская археология
 СССР — Сборник сведений о Северном Кавказе
 СМИЗО — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды
 СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
 СОНИИ — Северо-Осетинский научно-исследовательский институт
 ТЧНИИ — Труды Черкесского научно-исследовательского института.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Обзор полевых археологических исследований в верхнем Прикубанье	6
Глава II. Виды погребальных сооружений эпохи раннего средневековья в верхнем Прикубанье	58
Глава III. Новый вид погребальных сооружений в бассейне верхней Кубани	73
Глава IV. Этническая принадлежность наскальных могильников	113
Глава V. Эпоха наскальных могильников	142
Глава VI. Наскальные погребальные сооружения вне территории Северного Кавказа	158
Глава VII. Выводы и обобщения	173
Примечания	228
Список сокращений	247

К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным.

Ставрополь, Кн. изд., 1971 г.
248 с. с илл.

Художник В. Додэ.

Редактор Г. Шапиро.

Худож. редактор Г. Говорков.

Техн. редактор Т. Стебляно.

Корректоры: З. Кулиш, Ю. Забелло, Н. Парашенко.

Сдано в набор 26.XI-70 г. Подписано к печати 29.VI-71 г. Бумага 84x108¹/₃₂. Этикеточная. Объем: 7,75 физ. л.+40 стр. вкладка, 13,02 усл. л.; 13,5 уч.-изд. л. Зак. 64. Тираж 1000. Цена 1 руб. 45 коп. ВГ78280.

Краевая типография, г. Ставрополь, ул. Артема, 18.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
7	12 сверху	северного Кавказа	Северного Кавказа
26	8 сверху	название Сангарау, теперь — «Глухой курган».	название Сангарау-Тепе, т. е. «Глухой курган».
46	21 сверху	Ново-Кубинского	Ново-Кувинского
84	5 снизу	Кая-Тешиклескальные пещеры	Кая-Тешикле — «скальные пещеры».
84	5 сверху	Токма-Кая	Токмак-Кая
109	3 снизу	Аргон-Ком	Аргон-Кол
188	17 сверху	разрушающей	разрушающейся
193	12 сверху	отношения алан с хазарскими	отношения алан с хазарами

1 руб. 45 коп.